

ТРУДЫ
КОЛОМЕНСКОЙ
ДУХОВНОЙ
СЕМИНАРИИ

Выпуск 6

Москва
2011

Т 78 ТРУДЫ КОЛОМЕНСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ. Выпуск 6. – М.:
Русский раритет, 2011. – 160 с.

ISBN 978-5-7034-0294-8

Очередной, шестой, сборник научных трудов преподавателей и студентов Коломенской православной духовной семинарии содержит исследования по широкому кругу вопросов церковной науки.

Сборник открывает публикация материалов дипломной работы выпускника КПДС 2009 г. В.М.Самохвалова, посвященной истории Успенской церкви села Гжель — всемирно известного центра народных художественных промыслов. Теме осмысления подвига христианского мученичества в трудах Великого Вселенского Учителя и святителя Иоанна Златоуста посвящена статья преподавателя семинарии иеромонаха Серафима (Голованова). Библейские исследования представлены: статьей преподавателя семинарии священника Алексея Рыженкова, в которой анализируется евангельская экзегеза в работах древних толкователей и русских библеистов конца XIX – начала XX вв. на примере Ин. 2:4; фрагментом дипломной работы выпускника семинарии 2008 г. священника Дмитрия Огнева, посвященном сопоставлению списков Остромирова Евангелия с Галичским Евангелием 1144 г. и с современным евангельским текстом. Значительную часть выпуска составляет публикация диссертации преподавателя семинарии Р.В.Лужнова «Вклад профессора Киевской Духовной академии А.А.Олесницкого в развитие библейской археологии и его значение для современной библейской науки», защищенной автором в МДА в 2009 г.

Настоящее издание ориентировано на читателей, интересующихся проблемами церковной истории, библеистики и богословия.

В.М. Самохвалов

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ церкви Успения Божией Матери села Гжель с XVII века до наших дней

ВВЕДЕНИЕ

Разрыв поколений и оторванность от церковной традиции прошлого ставят много препятствий для современной приходской жизни. Изучение истории каждого отдельного храма должно способствовать укреплению внутренних связей в церковной общине, давать возможность в дальнейшем анализировать опыт пастырского служения в прошлые века и уберечь от всего того, что не совместимо с высоким достоинством священного сана.

Село Гжель, как народный художественный промысел керамики и фарфора, известно во всем мире. Этой теме посвящено довольно много работ, в контексте которых говорится о природе, мастерах, селах и храмах гжельской земли, но на данный момент нет ни одного систематического и подробного описания какого-либо из этих храмов.

Цель настоящего исследования состоит в последовательном историческом описании Успенского храма села Гжель начиная со второй четверти XVII в. до настоящего времени.

Глава 1 ПАТРИАРШИЙ ПЕРИОД

Территориальное деление Патриаршей области

История патриаршества в России разделяется на два приблизительно равных периода. В первый период, с 1589 по 1654 гг., власть Московского Патриарха распространялась только на «Восточную митрополию», ограниченную границами Московского государства. «Западная митрополия» в это время была в юрисдикции Константинопольского Патриарха. Во второй период, в 1654–1720 гг., в связи с присоединением Малороссии, власть Московского Первосвященника распространилась на территорию, ранее занимаемую обеими митрополиями¹.

Первый список территорий, которые были в управлении Московских Первоиерархов, находится в несудимой грамоте, данной 20 мая 1625 г. царем Михаилом Феодоровичем Патриарху Филарету Никитичу. За 1627 г. в Патриаршем казенном приказе сохранилась приходная книга, в которой перечислены

все церкви Патриаршей области, с количеством дани, положенной на каждую церковь. Такие приходные книги сохранились за весь период патриаршества. Списки церквей по этим книгам не вполне тождественны друг другу, поскольку ежегодно строились новые храмы и возникали новые приходы. Но в то же время по этим книгам можно проследить расширение самой Патриаршей области. Некогда данная Патриарху Филарету несудимая грамота впоследствии была подтверждена царем Алексеем Михайловичем на имя Патриарха Никона 25 февраля 1675 г.

Патриаршая область с каждым годом расширялась, и это происходило не только за счет строительства новых храмов, но и от образования новых десятин².

Храм Успения Божией Матери села Гжель во время первого упоминания о нем относился к Вохонской десятине и располагался в Гжельской дворцовой волости Московского уезда. Вохонская десятина насчитывала 25 церквей и граничила с Радонежской десятиной (села Кусково, Вишняково, Косино, Перово) и Пехрянской десятиной (села Люберцы, Жилино, Марково, Дядино). Граница десятины проходила по левому берегу Москвы-реки³.

Гжельская дворцовая волость и село Гжель

Первое упоминание о деревне Гжель относится к концу XIII – началу XIV вв.⁴

«Название Гжельской дворцовой волости известно уже по духовной грамоте Ивана Калиты. Судя по более поздним описаниям XVII в., она занимала обширное лесное пространство в верховьях речки Гжелки и ее притока Дорки. На каменистой почве изобиловали топкие болота. За Гжелью начиналась подмосковная тайга, с редким населением, которое в основном занималось охотой и бортничеством. По всей видимости, таковы же были занятия и у первых гжельских жителей.

В числе других дворцовых волостей Гжель из поколения в поколение передавалась членам великокняжеской семьи. После Ивана Калиты она принадлежала его сыну Ивану Красному, затем Дмитрию Ивановичу Донскому, его сыну Василию I, затем вдове Василия Софье Витовтовне <...>.

Софья Витовтовна в 1453 г. завещала Гжель своему внуку Юрию Васильевичу, и только в 1472 г. в его завещании впервые говорится о том, что он передает своей матери княгине “Гжелью со всеми деревнями”, а в 1519 г. названы в писцовых книгах “Гжель, да во Гжели дворцовое село Гжель”.

Волостной центр превращается в крупное село. В 1628 г. в нем отмечены два храма: действующая церковь Успения Пресвятой Богородицы и церковь Димитрия Солунского. В 1646 г. в Гжельской волости записаны 30 деревень с 232 крестьянскими дворами. Если в деревнях было от 2 до 13 дворов, то село отличалось уже в это время многолюдностью: в нем насчитывалось 40 дворов крестьян, 2 двора бобыльских, оставшихся после умерших жителей, да на церковной земле двор попа, дьячка, пономаря, просвирницы и два двора бобылей.

В делах Дворцового приказа сохранились сведения о повинностях гжельских крестьян за 1700 г. В то время в волости насчитывалось 272 крестьянских двора. Дворцовая контора получала с них в год 62 рубля “денежных доходов” и 14 рублей “ямских и полонянничных денег”. Крестьяне должны были поставлять для двора 153 четверти ржи и 268 четвертей овса (соответственно около 20 и 35 тонн), 22 барана, 22 сыра с полсыром, 1400 яиц, 235 гусей, четверть с осьминой орехов (144 килограмма), 45 копен и 45 возов сена. Сверх того они выполняли разнообразные работы: возили дрова в Москву, привозили и набивали лед в царские ледники. Одной из главных повинностей было обслуживание государева конюшенного двора в Бронницах: “Строят и починяют бронницкую конюшню, и в ближайших пастбищах бывают по 6 человек, солому привозят на своих подводках”, да еще платят на покупку конских кормов 14 рублей, да недозвезенное по норме сено — по полтине за воз, за невыставленных косцов по 6 рублей за каждого.

Повинности гжельских крестьян были таковы же, как и у крестьян соседних дворцовых волостей. В круг этих повинностей не входил распространенный в Гжели гончарный промысел. Он составлял их личное дело. Первоначально далеко не все крестьяне могли принимать в нем участие, а следовательно, и хозяйства их развивались неравномерно...»⁵

Храм и его причт по книгам Патриаршего и Казенного приказов

Когда точно был построен деревянный храм Успения Пресвятой Богородицы в селе Гжель, неизвестно. Выражение «изстари» говорит о том, что церковь была воздвигнута до 1628 г., т. к. именно этим годом датируются упоминающие о нем книги Патриаршего и Казенного приказов. Известно, что церковь облагалась налогом за 1628 г. в размере 26 алтын (78 копеек), а за 1635 г. — 31 алтын и 2 деньги (94 копейки).

Писцовые книги за период 1631–1633 гг. свидетельствуют, что за Успенским храмом значилась пустошь⁶, на территории бывшей деревни Клементьевой. Незначительная часть церковной земли была распахана, а большая часть «поросла лесом». Под сенокосными площадями было чуть больше гектара, владельцем пустоши указывался поп Василий.

В 1646 г. в числе причта церкви Успения, помимо попа Василия, значится дьячок Ермолко Ефремов, пономарь Ивашко Ефремов и просвирница, имя которой не указано. Дозорные книги Казенного приказа за 1680 г. сообщают уже о новом причте: попе Фаддее Прокофьеве, служащем «в селе Гжели на речке Гжелке», попе Кирилле и дьячке⁷ Петрушке Иванове.

По всей видимости, каменный храм Успения Пресвятой Богородицы с приделом свт. Николая был построен в 1701 г., а 11 сентября 1701 г. в Никольский придел был выдан антиминс попу Карпу Кириллову, который, возможно, был сыном вышеупомянутого попа Кирилла.

Нужно отметить, что каменных церквей в Вохонской десятине в первой половине XVIII в. насчитывалось немного — 17 из 77.

Глава 2
СИНОДАЛЬНЫЙ ПЕРИОД

Синодальная область и образование Московской епархии

В XVIII столетии начинается новый период истории Русской Православной Церкви, который в соответствии с названием высшего органа управления Церковью — Святейшего Правительствующего Синода именуется синодальным периодом⁸.

В 1742 г. Святейшим Синодом было принято решение об образовании из Синодальной (бывшей Патриаршей) области двух епархий: Санкт-Петербургской и Московской. В последнюю на тот момент вошли все оставшиеся в Синодальном ведомстве города бывшей Патриаршей области. Епархия именовалась Московской и Владимирской.

«16 июля 1744 г. Высочайше утверждено из городов Московской епархии образовать четыре отдельные епархии: 1) Владимирскую, 2) Костромскую, 3) Тамбовскую, 4) Переяславль-Залесскую...»⁹

В результате образования новых епархий за Московской остался непосредственно г. Москва и его уезды. Епархиальный архиерей до 1764 г. имел титул «Московский и Севский».

В те годы Московский уезд занимал гораздо более обширные территории, чем в XIX в. Позднее из него образовались Богородский, Бронницкий, Подольский уезды, а часть территорий отошла к Дмитровскому, Звенигородскому и Серпуховскому уездам.

Древний Московский уезд делился на десятины, которыми заведовали старосты поповские (впоследствии именующиеся благочинными¹⁰). Таких десятин было семь: Загородская, Селеская, Радонежская, Вохонская, Пехрянская, Перемышльская, Хатунская. В начале XVII столетия была еще десятина Сурожская, центром которой был заштатный город Воскресенск, но вскоре эта десятина была присоединена к Загородской десятине.

В гражданском отношении Московский уезд, как и все государственные, делился на станы и волости¹¹.

Гжельский храм Успения Божией Матери относился, как и в патриаршее время, к Вохонской десятине. Изменения в церковно-административном подчинении произошли лишь в конце XVIII столетия и были связаны с реформированием территории государства гражданскими властями.

Московская губерния, образованная в 1708 г. и изначально разделенная на 9 провинций, изменила свой состав в 1782 г. Московская губерния была организована в границах Московской провинции; из новых городов в нее вошли: Бронницы — бывшее село конюшенного ведомства; Богородск — бывшее ямское село Рогожа; Никитск — бывшее село Колычево; Воскресенск — бывшая экономическая слобода при монастыре Новый Иерусалим; экономическое село Подол (Подольск)¹².

При образовании губерний и уездов принималось во внимание количество населения. Норма для губернии составляла от 300 до 400 тысяч человек, для

уезда — от 30 до 40¹³ тысяч человек. Этот принцип был положен и при создании Московской губернии и ее уездов. Но в Московской губернии нового состава наблюдалось необычное явление: при единстве гражданской власти для губернии, в церковно-административном отношении она зависела от четырех кафедр: Московской, Коломенской, Крутицкой и Переяславской. В Московской губернии насчитывалось только пять уездов, в которых совпадали границы церковной и гражданской властей. В остальных уездах церкви принадлежали двум или трем епархиальным управлениям¹⁴.

Полностью Московской кафедре подчинялись только Богородский и Московский уезды.

Бронницкий уезд, к которому принадлежала после образования Московской губернии церковь Успения Божией Матери с. Гжель, насчитывал 55 церквей. Из них 20 принадлежало Московской епархии, а 35 — Коломенской, в числе последних был и Успенский храм. Формально десятина, как церковно-административная единица, прекратила свое существование, но фактически еще многие годы сохранялось прежнее деление на десятины.

С 1788 г. границы епархий в России начали приводить в соответствие с границами губерний. 17 мая 1788 г. Крутицкая и Переяславская епархии были упразднены, а церкви, подчинявшиеся этим кафедрам в границах Московской губернии, присоединены к Московской епархии.

В 1799 г. Святейшим Синодом была упразднена Коломенская епархия и открыта Тульская. Города Коломна и Серпухов были приписаны к Москве, а митрополиту Московскому дан титул Московского и Коломенского.

Внутри уездов также произошли перемены. В 1796 г. в Московской губернии насчитывалось 10 уездных городов: Москва, Коломна, Серпухов, Звенигород, Верея, Можайск, Руза, Волоколамск, Клин и Дмитров; прочие города, в числе которых Бронницы, причислены к заштатным. В 1802 г. вновь открыты города Бронницы, Богородск, Подольск; Никитску возвращен статус села; Воскресенск оставлен заштатным¹⁵.

Клир и приход храма со второй четверти XVIII до начала XIX века

О клире храма второй четверти XVIII в. становится известно из дела «Об исправлении в селе Гжели каменной церкви во имя Успения Пресвятой Богородицы». Дело началось по прошению священника Михаила Федотова и старосты Гаврилы Тимофеева «с приходскими людьми».

Ночью 2 июня 1736 г. в селе Гжель случился пожар, в результате чего в алтаре храма сгорели жертвенники и престолы. Иконы и «разную церковную утварь» удалось спасти. Гжельский священник обратился в Казенный приказ¹⁶, испрашивая разрешение на построение и освящение новых престолов и жертвенников¹⁷.

3 декабря последовал указ «Ея Императорского Величества и Преосвященного Вениамина Епископа Коломенского и Каширского» о построении и освящении престолов. 25 января 1737 г. были даны более подробные указания: «В

показанной Успенской церкви и в приделах престолы построить в вышину 1 аршин 4 вершка, в длину 1 аршин 8 вершков, в ширину 1 аршин 4 вершка (88,9 x 106,7 x 88,9 см), и, построив те престолы, освятить ему, попу Михаилу, на имеющихся антиминсах, буде не ветхи и новопечатные»¹⁸. Успенский храм был вскоре освящен, а предел свт. Николая по каким-то причинам так и не освятили.

Спустя десять лет в храме Успения Божией Матери в селе Гжель служил священник Петр Карпов. О нем впервые упоминается в связи с освящением храма в селе Карпово, принадлежащего той же Вохонской десятины.

В июне 1746 г. в этом селе был построен новый храм Покрова Пресвятой Богородицы на месте сгоревшего. Священник Покровской церкви Лаврентий Фаддеев подал прошение в Синодальную Контору дать указ на освящение храма священнику церкви Успения Пресвятой Богородицы Петру Карпову. И на это прошение получил положительный ответ¹⁹.

Судя по архивным и статистическим данным, пожары в селах и храмах в прошлые века случались довольно часто. В 1751 г. Успенская церковь вновь пострадала от огня. На этот раз уцелели только каменные стены храма. Силами священника и прихода церковное здание было восстановлено, и на имя императрицы Елизаветы Петровны в апреле 1752 г. было подано прошение об освящении храма и выдаче антиминса из Московской духовной консистории²⁰.

28 мая того же года последовала резолюция от имени императрицы и правящего архиерея, которым в то время был архиепископ Московский и Севский Платон. Владыка позволял освятить храм при том условии, что никаких канонических нарушений не имеется: церковь ориентирована алтарем на восток, указанные в прошении иконы написаны по древним греческим образцам, а не «со иностранных лиштов», престолы выполнены по строго определенным размерам и готово все необходимое к освящению²¹. В тот же день (28 мая 1752 г.) от имени «Ее Императорского Величества Самодержицы Всероссийския» из духовной консистории дан указ о выдаче антиминса и освящении на нем придела свт. Николая при Успенской церкви²².

По справке 1751 г., «при Успенской церкви села Гжели показаны попы Петр Карпов, Федот Петров, диакон Иван Стефанов, дьячки Григорий Гаврилов, Василий Гаврилов, пономари Игнатий Карпов, Михайла Игнатьев, в приходе причта 314 дворов, в них мужска – 1022, женска — 918 душ»²³. В справке не указано, какие села и деревни составляли вышеупомянутые 314 дворов, но очевидно, что речь идет не об одном только с. Гжель. Для середины XVIII в. приход был довольно большой, поэтому при храме служили два священника и диакон. По штатам, составленным Святейшим Синодом в 1722 г., при 250–300 дворах могли служить даже три священника, «...но только в том случае, если дворы находились на большом расстоянии друг от друга или третий священник был необходим по каким-то другим причинам»²⁴.

Летом 1754 г. в селе Гжель снова случился пожар, причиной которого была молния. Полностью сгорели причтовые и приходские дома. Храма огонь не коснулся, но очевидно, что опасность была довольно серьезная, потому что из придела свт. Николая был вынесен престол. Церковная утварь и иконы в обоих при-

делах от огня не пострадали. В Синодальную контору обратились священник Федот Петров и диакон Иван Степанов с просьбой о дозволении установки и освящения престола в Никольском приделе. «Синодальная Контора 22 декабря 1754 г. дозволила»²⁵.

Из другого прошения священника Федота Петрова за 1758 г. при описании им утрат и восстановлений после пожара 1736 г. выясняется, что каменный храм не имел сводов, а перекрытие было деревянным, поэтому после пожара уцелели только кирпичные стены.

23 марта 1777 г. благочинный села Павлова священник Петр Иоаннов написал донесение архиепископу Московскому и Калужскому Платону о том, что в церкви Успения Пресвятой Богородицы села Гжель, священником которой в то время был Козьма Григорьев, в алтаре пол из лещад²⁶ находится в неудовлетворительном состоянии. Благочинный просил о замене ветхого пола на новый, на что была получена резолюция Его Высокопреосвященства: «В Успенской церкви в алтаре пол перемостить дозволить»²⁷.

Насколько серьезное отношение церковной власти было к провинностям, касающимся совершения Божественной литургии, видно из дела о священнике Козьме Григорьеве и диаконе Тимофее Григорьеве. Так, в октябре 1777 г. благочинный Петр Иоаннов рапортовал правящему архиерею о том, что 20 и 22 сентября священник Козьма Григорьев и диакон Тимофей Григорьев не служили Божественную литургию. Гжельский священник с диаконом сослались на то, что в эти дни были больны. Показания клириков Успенского храма подтвердили священник и диакон церкви Архангела Михаила на Дорну. Тем не менее 22 декабря того же года в Московской духовной консистории было решено взыскать со священника и диакона штраф.

Помимо вышеупомянутых священнослужителей при храме Успения Пресвятой Богородицы в это же время служили: священник Стефан Михайлов, дьячок Стефан Михайлов, дьячок Никифор Федотов, дьячок Василий Гаврилов и пономарь Матфей Григорьев. Впервые в документах появляется имя церковного старосты. Им был крестьянин деревни Трошиной Иван Тимофеев²⁸.

Священник Козьма Григорьев не раз обвинялся в неподобающем для духовного сана поведении. Насколько правдивы и достоверны обвинения в его адрес, сказать довольно сложно, но, очевидно, какие-то предпосылки для этого были.

В мае 1778 г. мирской староста села Гжель написал прошение в Духовную консисторию о том, что когда он приходил к священнику Козьме Григорьеву «на счет больной лошади священника», последний выгнал его из дома и ударил его колом в плечо. В августе 1783 г. священник Успенского храма Аникита Семенов известил архиепископа Платона о его избиении Козьмой Григорьевым, привел еще некоторые факты неудовлетворительного, по его мнению, служения священника и просил оградить от «обид и притеснений».

В контексте дела по прошению священника Аникиты Семенова дается описание местной традиции проведения ярмарки в день престольного праздника Успения Пресвятой Богородицы. 14 августа по старому стилю вблизи храма организовывалась торговля различными мелкими товарами, для чего устраивались

временные торговые ряды. Ярмарка приносила прибыль не только торгующим, но и причту храма, так как земля, используемая для ее проведения, арендовалась у церкви.

По данным, собранным от благочинных Вохонской десятины за 1785 г., «показано село Гжель, в нем церковь Успения Пречистой Богородицы каменная, в твердости, с одним приделом, утварью довольна». Церковный причт состоял из двух священников: Федора Михайлова, 60 лет, и Иллариона Никитина, 41 года; диакона Тимофея Григорьева, 42 года; дьячков: Василия Васильева, 19 лет, и Григорьева (имя неразборчиво), 34 года; пономарей: Никифора Федотова, 52 года, и Матвея Григорьева, 46 лет. К приходу Успенского храма приписаны 264 двора с 974 мужчинами и 914 женщинами. Отдельно указаны старообрядцы, из которых 28 мужчин и 33 женщины. Пашенной и сенокосной церковной земли насчитывалось 32 десятины²⁹.

31 января 1796 г. возникла необходимость перекрыть церковную крышу и сделать заново ограду. В XVIII в. для кровли храмов редко применяли металл, в основном это были тесовые кровли, отличающиеся своей недолговечностью и пожароопасностью, крестьянские же дома вообще были покрыты соломой. Священник Федор Михайлов и церковный староста Алексей Кондратьев получили благословение на строительные работы от Преосвященного Серапиона Дмитровского, викария Московской епархии³⁰.

В 1797 г. произошли изменения штата церковнослужителей Успенского храма села Гжель. На место дьячка был переведен из Воскресенской церкви села Павлова Вохонской десятины Александр Петров Тихомиров, священнический сын, обучавшийся в Славяно-греко-латинской академии. Но уже в 1798 г. он был определен во дьячка к Богоявленной церкви Богородска³¹. А на пономарское место в Успенскую церковь назначен Наум Васильев Беляев, сын дьячка, обучавшийся в Лаврской семинарии³².

Клир и приход храма в первой половине XIX века

6 мая 1801 г. к церкви Успения села Гжель на дьячковское место определен Василий Стефанов Виноградский, сын дьячка, обучавшийся в Славяно-греко-латинской академии. 2 октября 1808 г. епископом Августином из церкви Преображения Господня села Городка переведен на место священника Успенского храма Иоанн Алексеев Терновский. Отец Иоанн окончил курс Свято-Троицкой лаврской семинарии в 1802 г., тогда же Преосвященнейшим Серафимом Дмитровским викарием Московской епархии, он был посвящен во священника к церкви села Городка³³. В 1811 г. вторым священником Успенского храма назначен Платон Николаев Покровский, священнический сын, выпускник Спасо-Вифанской семинарии, служивший до назначения в село Гжель в Троицком храме села Хотеечи³⁴.

Пономарское место в храме занимал Симеон Иванов Смирнов, обучавшийся в Славяно-греко-латинской академии и переведенный из Никитской церкви, что на Лушках, Бронницкого округа. Второй пономарь, имя которого неизвест-

но, был переведен из церкви Рождества Пресвятой Богородицы села Сельцо и происходил из священнической семьи³⁵.

Начиная с апреля 1824 г. в Успенском храме села Гжель производились реконструкция внутреннего объема трапезной и ремонт кровли и стен. Деревянное перекрытие над трапезной заменялось на свод, который выполнялся также из дерева, тесовая кровля над четвериком и алтарем заменялась на металлическую, а стены внутри и снаружи оштукатуривались. Прошение на выполнение строительных работ было подано на имя архиепископа Московского и Коломенского Филарета и подписано священниками Иоанном Алексеевым и Платоном Николаевым, диаконом Василием Васильевым, дьячками Василием Стефановым и Симеоном Ивановым, пономарем Наумом Васильевым; за старосту Петра Петрова и приходских людей подписался крестьянин села Гжель Иван Васильев.

В октябре 1825 г. дьячок Успенской церкви Симеон Смирнов Высокопреосвященнейшим Филаретом рукоположен во диакона с оставлением при той же церкви, а на место дьячка владыкой поставлен Максим Андреев Спасский, переведенный им из Московской духовной типографии.

4 июля 1829 г. дочь умершего священника Успенской церкви села Гжели Косьмы Григорьева Елена Козьмина была определена на должность просвирни к церкви Архистратига Михаила Архангела в Дорках Бронницкого уезда³⁶.

По ведомости «О церкви Успения Божией Матери в селе Гжели Бронницкого уезда» за 1829 г. указано, что «Церковь построена неизвестно когда тщанием прихожан, зданием каменная, с таковою же колокольнею, крепка. Престолов в ней два: в настоящей холодной — во имя Успения Божией Матери, в приделе холодном — во имя свт. и чудотворца Николая. Утварью достаточна. Причта положено по штату издавна: священников два, диакон один, дьячков два и пономаря два. Приписных церквей и домовых церквей в приходе нет»³⁷.

Штатные священно- и церковнослужители первого причта: священник Иоанн Алексеев Терновский, 51 год; диакон Симеон Иванов Смирнов, 36 лет; дьячок Василий Стефанов Виноградский, 50 лет; пономарь Наум Васильев Беляев, 49 лет. Штатные священно- и церковнослужители второго причта: священник Платон Николаев Покровский, 44 года; дьячок Максим Андреев Спасский, 25 лет; пономарь Александр Иванов Птицын, 35 лет.

Священник Иоанн Терновский был женат на Матрене Ивановой и имел троих детей: Анну, 24 года, Алексея, 20 лет, обучавшегося в Московской семинарии, и Александра, 17 лет, обучавшегося в Андроньевском уездном училище. Священник Платон Покровский был женат на Екатерине Феодоровой и детей не имел.

Среди заштатных и сиротствующих — вдова пономаря Никитской церкви Бронницкого уезда Параскева Андреева, 66 лет, жившая у своего сына — диакона Успенской церкви Симеона Иванова Смирнова.

Всего в приходе было 395 дворов, прихожан мужского пола насчитывалось 1704 человека, прихожан женского пола — 1749 человек. Священник Иоанн Терновский духовно окормлял крестьян 232 дворов, из деревень Фениной, Глебовой и Трошковой. Священник Платон Покровский окормлял крестьян 109 дворов из деревень Мининой, Григоровой, Коняшиной и Обуховой³⁸.

В январе 1830 г. благочинный священник из Гуслицкой Ильинской церкви Иаков Иоаннов написал митрополиту Московскому и Коломенскому Филарету рапорт о том, что священники Успенской церкви села Гжель Иоанн Алексеев и Платон Николаев ведут себя недостойно, так как не служили 20 ноября, в день восшествия на престол Государя Императора Николая Павловича Божественную литургию. 6 февраля 1830 г. для расследования этого дела в Успенскую церковь села Гжель прибыл благочинный из Богоявленской церкви Богородска Нестор Иоаннов, который после общения с некоторыми членами причта церкви отказался вести дело из-за своего родства с одним из церковнослужителей Успенской церкви села Гжель.

В марте 1830 г. вышеупомянутый благочинный из Гуслицкой Ильинской церкви вновь написал в своем рапорте о том, что священник Платон Николаев 4 февраля 1829 г. не совершил Литургии в день рождения Великой княгини Марии Павловны, а пел часы и молебны, и о «других его неправильных поступках»³⁹.

26 марта 1830 г. поступил еще один рапорт на имя митрополита Филарета от Гуслицкого благочинного Иакова Иоаннова о совершении Литургии Преждеосвященных Даров священником Иоанном Алексеевым в нетрезвом виде. На этот раз дело оказалось гораздо серьезней. Гжельский священник обвинялся в том, что при раздроблении копием Агнца он, поранив палец, осквернил своей кровью и сам Агнец, и илтон на престоле. От Высокопреосвященнейшего митрополита Филарета была дана резолюция: «Благочинному учинить следующее. 1) О происшествии и поведении священника произвести исследование на месте, установленным порядком, и представить ко мне. 2) Священнику до решения дела запретить священнослужение и исправление треб и оставить его на половинном доходе, о чем, объявляя ему с подпискою, прислать оному при рапорте немедленно. 3) Копие, оскверненное кровью священника, и илтон, освидетельствовав, запечатать до решения дела. 4) Дознать немедленно (что надлежало сделать прежде сего рапорта), не коснулось ли осквернение святого антиминса и престола, и если сие окажется: то запретить на сем престоле священнослужение и рапортовать обстоятельно. 5) Взять благочинническую должность правящему в разум, что в таких случаях должно страшиться не того, что утрудит начальство доносом, а того, чтобы не подпасть ответу перед Богом и начальством за укрытие преступления и за недостаток ревности к святыне. Нетрезвость сего священника небезызвестна, и, может быть, благочинный уже не прав, что не доносил о том ранее, чем предупредилось бы горшее»⁴⁰.

В апреле того же года благочинный во исполнение резолюции Его Высокопреосвященства, взяв с собой двух свидетелей, отправился в село Гжель для проведения следствия. Обвиняемый священник Иоанн Алексеев Терновский явился, по словам благочинного, в нетрезвом виде, а на следующий день вообще отказался прийти, ссылаясь на болезнь ног. В связи с этим дело временно было приостановлено. По решению митрополита Филарета дело о священнике Иоанне Алексееве передали на рассмотрение духовной консистории. Провинившийся священник указом владыки переводился на должность причетника к Богородицерождественской церкви села Мячкова Бронницкого уезда до окончания следствия⁴¹.

Очевидно, что вскоре дело о бывшем священнике села Гжель Иоанне Терновском завершилось, и на его место 30 мая 1830 г. митрополитом Филаретом был поставлен священник Иоанн Васильев Смирнов, переведенный из церкви Успения Пресвятой Богородицы села Кишкина Бронницкого уезда. Об отце Иоанне Смирнове известно, что он был сыном священника, окончил «курс наук» в Перервинской семинарии, и 7 октября 1822 г. архиепископом Московским и Коломенским Филаретом был посвящен во священника к церкви ранее упомянутого села⁴².

Почти через год после запрещения и перевода Иоанна Терновского из Успенской церкви села Гжель, второй священник Платон Покровский был также переведен в другой храм, но без лишения сана. 1 февраля 1831 г. консистория допросила отца Платона, и он показал, что «во время обозрения Его Преосвященством церкви (Успения села Гжель. — *В.С.*) приходно-расходные книги хранились у старосты церковного (нужно полагать, в доме, а не в храме. — *В.С.*), который тогда находился в Москве, а черновые и беловые исповедные ведомости были у него в доме...» Помимо этого выяснилось, что при крещении на дому он ходит вокруг купели «по течению солнца, а в церкви против оного».

Далее дело рассматривалось митрополитом Филаретом, который в своей резолюции отмечает, что хранение церковных документов вне храма может привести к их утрате и что такое изменение обрядовой стороны Таинства крещения — это угождение старообрядцам⁴³. 12 февраля 1831 г. священник Платон Николаев был переведен из Успенского храма села Гжель в Покровскую церковь села Покровского, «Локотня тож», Звенигородского уезда⁴⁴.

На вакансию священника в гжельский Успенский храм 6 февраля 1831 г. был назначен Михаил Феодоров Лебедев, ранее служивший в церкви свт. Николая села Федоскина Московского округа. Отец Михаил родился в 1794 г., 27 ноября 1819 г. был рукоположен во священника и определен к Никольскому храму, где с 1829 г. нес послушание духовника священно- и церковнослужителей.

15 июля 1831 г. священник Успенской церкви Иоанн Васильев во время служения Литургии уронил несколько капель Святой Крови на антиминс, задев потир. Тотчас после происшедшего он собрал их в потир, но через несколько дней, разложив св. антиминс при служении, он заметил на нем красное пятно. Другим священникам он объяснил это тем, что, «заготавливая накануне Св. Дары, вероятно, положил на это место неотертое копие или лжицу». В предпразднство Преображения Господня, совершая Литургию, он снова увидел пятно на внешней стороне антиминса и «в смущении и страхе, после потребления Св. Даров высосал пятна, не сказав никому»; 15 сентября красные подтеки обнаружил другой священник — Михаил Феодоров. Неизвестно, кто донес о случившемся митрополиту Филарету, но 24 сентября священник Иоанн Васильев написал объяснительную записку, на которой владыка поставил следующую резолюцию: «Священник виноват: 1) в неосторожном обращении со святынею; 2) в том, что случившегося не открыл немедленно начальству, ниже другому священнику, от чего произошло, что священнодействовал неразрешенным в случившемся и что объявляемые им сомнения о повреждениях св. антиминса, от него не зависев-

ших, не могут быть приведены к ясному дознанию истины; 3) в том, что миропомазанный антиминос сосал устами, что предписано только в отношении к вещам неосвященным или в низшей степени освящения. Почему учинить следующее. 1) Св. антиминос переменить, в отвращение сомнения, новым по надлежащему. 2) До исполнения сего запретить сему священнослужению, кроме епитимии, которую примет он от своего духовника. 3) Подтвердить ему и другому священнику, чтобы охраняли чистоту св. антиминоса, а о противных сему случаях объявляли начальству без малейшего промедления»⁴⁵.

28 октября 1831 г. дьячком Успенской церкви с. Гжель был назначен Серпуховского округа Павел Леонтьев Ласкин, ранее бывший пономарем церкви Скорбящей Божией Матери Бобровского погоста⁴⁶.

В 1832 г. дело о бывших гжельских священниках Иоанне Алексееве и Платоне Николаеве продолжилось. Для проведения следствия был назначен благочинный священник села Морчугова Иоанн Михайлов, который 18 января 1832 г. написал, что «когда прибыл в селе Гжель, священников сих там не нашел, так как якобы священник Иван Алексеев находится на причетническом месте при церкви села Мячкова Московского округа, а священник Платон Николаев неизвестно где находится». Далее выяснилось, что бывший священник села Гжель Платон Николаев находился в села Локотне Звенигородского округа в причетнической должности. Скорее всего, перевод на эту должность Платона Николаева был временной мерой воспитательного характера, так как в последующих показаниях говорится о его священническом служении в селе Локотня⁴⁷.

В мае 1832 г. для дальнейшего расследования дела о поведении бывших священников села Гжель вновь прибыл благочинный Иоанн Михайлов и ульянинский священник Сергей Матфиев, которые 15 мая 1832 г. произвели дознание запрещенного священника Иоанна Алексева и священника Платона Николаева. Последний при дознании показал, что Литургии 20 ноября 1829 г. не было из-за отсутствия красного вина у старосты церкви Петра Петрова.

Диакон села Гжель и дьячки Василий Стефанов и Максим Андреев в ходе следствия донесли, что «священник Платон Николаев занимался наукой и учением священнику недостойным, и предъявили при этом его студенческую тетрадь, в которой он вел свои записи, в том числе на латинском языке, обучаясь в Духовной семинарии». Священник Платон Николаев обвинялся также в том, что при служении молебна великомученику Никите молящиеся налапали на себя вериги. По первому обвинению никакого оправдания со стороны бывшего гжельского священника не последовало, а по второму — Платон Николаев отвечал, что «этот обычай издавна был в Успенской церкви, задолго до прихода его служить в сей храм на священническое место»⁴⁸.

23 февраля 1833 г. митрополитом Московским и Коломенским Филаретом священник Успенской церкви села Гжель Михаил Лебедев был определен благочинным.

В 1835 г. была составлена очередная клировая ведомость, из которой выясняется, что дома священно- и церковнослужителей гжельского храма находились в собственности, но располагались на церковной земле.

Штатными священно- и церковнослужителями первого причта были: священник и благочинный Михаил Феодоров Лебедев, 43 года; диакон Симеон Иоаннов Смирнов, 42 года; дьячок Максим Андреев Спасский, 31 год; пономарь Александр Иоаннов Птицын, 41 год; пономарь Валериан Андреев Боголепов, 22 года. Штатными священно- и церковнослужителями второго причта были: священник Иоанн Васильев Смирнов, 37 лет; дьячок Павел Леонтьев Ласкин, 24 года; пономарь Валериан Андреев Боголепов, 22 года; просвирня Анна Стефанова, 54 года.

К заштатным и сиротствующим приписаны: мать священника Михаила Лебедева, Анна Иоаннова, овдовевшая после смерти мужа, бывшего священником в селе Михалево; вдова гжельского пономаря Параскева Андреева; дьячок Василий Стефанов Виноградский и его жена Дарья Никифорова; дети умершего пономаря Андрея Васильева — Еликонида, Татьяна, Ксения и Агафал.

В приходе, по данным 1835 г., указано 438 дворов, что на 43 двора больше по сравнению с 1829 г. Число прихожан к 1835 г. также возросло и составило 3824 человека, т. е. увеличилось на 371 человека по сравнению с 1829 г.

Священник Михаил Федоров Лебедев духовно окормлял крестьян из деревень Обуховой, Кошеровой, Григоровой, Мининой, Коняшиной и 40 крестьян из села Гжель. Священник Иоанн Васильев Смирнов окормлял двор одного купца из сельца Ждановского, крестьян из деревень Фениной, Глебовой, Трошковой и 53 крестьянина из села Гжель. В старообрядческом расколе находились 7 дворян и 45 крестьян⁴⁹.

Отношение к старообрядцам у государственной и церковной власти было иногда очень суровым. Примером того может служить дело «о браке раскольника крестьянина с. Гжели Бронницкого уезда с дочерью крестьянина деревни Коняшиной Симеона Тихонова девицею Ириною в раскольнической часовне». В начале весны 1839 г. указом Святейшего Синода было определено крестьянина Дмитриева «за отступление от Православия, привлечение православной девицы Ирины Симеоновой к незаконному с ним сожитию и за крещение детей на старообрядческом кладбище послать в монастырь на полгода». Дмитриеву предлагалось присоединиться к истинной Церкви и совершить законный брак с Семеновой. При выполнении этого условия их дети остались бы без преследования. Но гжельский крестьянин отказался обратиться в Православие, и его должны были выслать в Берлюкову пустынь. Митрополит Филарет, рассматривавший дело, счел такие меры неоправданно строгими и предлагал «оказать возможное снисхождение» несчастной семье. При этом владыка предлагал ряд альтернативных мер. «1) Крестьянина Дмитриева, по его желанию, присоединить к единоверческой церкви. 2) Супружество его освятить и подтвердить в единоверческой церкви. 3) Взять с него подписку, что не уклонится в раскол и что жене и рожденным от него детям не будет препятствовать исполнять христианские обязанности Церкви Православной. 4) Детей, могущих родиться вперед, крестить в господствующей Православной Церкви или в единоверческой церкви, по согласию родителей. 5) Если все сие примет и исполнит, то дело сие почитать оконченным. 6) Если не согласится, то поступить по сему определению

консистории». В результате лояльность митрополита Филарета по отношению к семье гжельского крестьянина имела успех, и все ее члены присоединились к единоверческой церкви⁵⁰.

В 1846–1847 гг. на место второго священника Михаила Лебедева был перемещен священник Василий Степанович Постников. Отец Василий родился в 1812 г. в семье дьячка, обучался в Вифанской духовной семинарии и два года был лектором французского языка. По окончании семинарии был рукоположен во священника к Троицкой церкви села Язвищ Волоколамского уезда. Он был женат на Евдокии Матвеевне Постниковой и имел четырех детей.

Настоятелем церкви до 1850 г. оставался Иоанн Васильевич Смирнов, который также был законоучителем в Гжельском сельском училище⁵¹.

Клир и приход храма во второй половине XIX века

19 августа 1851 г. к Успенской церкви села Гжель был назначен священник Виталий Стефанович Лебедев, который в том же году окончил курс наук в Вифанской духовной семинарии и был рукоположен во диакона 16 августа 1851 г.

По сообщению «Московских Церковных Ведомостей», «в селе Гжель молодой пастырь о. Виталий Стефанович Лебедев явился ревностным тружеником в проповедовании слова Божия в своем приходском храме. Его простые, но исходящие прямо из души, поучения привлекали в оный по воскресным и праздничным дням множество молящихся не только из среды его прихожан, но и из других соседних приходов...»

В 1860 г. в селе Гжель открылось бесплатное женское училище, в котором отец Виталий состоял законоучителем в продолжение трех лет. Его преподавание было на столь высоком уровне, что он «обратил на себя внимание епархиального начальства». В 1863 г. отец Виталий был удостоен благословения Святейшего Синода и награждения бархатной фиолетовой скуфьей.

По резолюции митрополита Филарета священник Виталий Лебедев в 1863 г. перемещен на «трудное и ответственное место настоятеля к Московской единоверческой Николаевской церкви, открытой в самом главном гнезде поповского раскола — Рогожском кладбище». За период 1863–1893 гг. отец Виталий присоединил из раскола более 500 человек обоего пола. Впоследствии священник Виталий Лебедев был удостоен сана протоиерея. В августе 1901 г. торжественно отмечалось 50-летие его служения в священном сане⁵².

В 1859 г. трапезная и колокольня Успенской церкви были перестроены⁵³.

24 августа 1863 г. на место отца Виталия Лебедева был переведен священник Николай Павлович Сперанский. Отец Николай был ставленником митрополита Филарета (Дроздова). Первым местом служения отца Николая Сперанского была Троицкая церковь села Троицкого, «что на р. Москве Звенигородского уезда». В 1859 г. от митрополита Московского и Коломенского Филарета отец Николай получил свою первую награду — набедренник⁵⁴. 19 апреля 1869 г. ко дню Святой Пасхи настоятель гжельской Успенской церкви был награжден от государя императора бархатной фиолетовой скуфьей⁵⁵. При отце Николае в Успенском храме

интенсивно велись реставрация и новое строительство. В 1860-х гг. к зданию холодного Успенского храма были пристроены 2 теплых придела⁵⁶: справа — в честь Казанской иконы Божией Матери и слева — во имя свт. Николая Чудотворца⁵⁷.

По данным за 1866 г., церковь в селе Гжель имела три престола и значилась как «двухкомплектная», т. е. состояла из двух причтов, в которых 2424 человека было мужского пола и 2645 человек — женского⁵⁸. Старостой храма в 1866 г. был крестьянин Василий Гаврилович Самсонов⁵⁹.

Из церковной периодики второй половины XIX в. известно, что отец Николай Сперанский проявлял большую инициативу в деле благотворительности. «6 декабря 1873 г. в храме села Гжель после поучения, произнесенного в церкви священником Николаем Сперанским, собрано тут же в пользу голодающих Самарской губернии 55 рублей»⁶⁰.

К 1873 г. старостой храма стал «бронницкий купец Николай Самсонов», получивший в том же году благословение Святейшего Синода⁶¹.

12 апреля 1875 г. ко дню Святой Пасхи отца Николая Сперанского наградили камилавкой «за заслуги по духовному ведомству»⁶². В марте 1876 г. «за заслуги по духовному ведомству» Святейшим Синодом был отмечен диакон Успенской церкви села Гжель Алексей Мясоедов⁶³.

В 1877 г. отец Николай Сперанский был назначен на должность благочинного⁶⁴. В том же году состоялись выборы церковного старосты, и им стал крестьянин деревни Фоминой Федор Лукич Гусев⁶⁵.

По клировой ведомости за 1878 г., «Успенская церковь с. Гжели построена когда и кем неизвестно, а при ней трапеза с колокольной построены в 1859 г.; зданием каменная, с деревянной наделкою и деревянным сводом, крыта железом, ветха, а при ней каменная трапеза с колокольною, крытая железом, крепка, престолов в ней три: в настоящей во имя Успения Божией Матери, а в трапезе теплой один — во имя Казанской Божией Матери, а другой — во имя свт. и чудотворца Николая»⁶⁶.

1870-х гг. в связи с аварийным состоянием центрального придела храма богослужение в нем было прекращено и совершалось только в одном из теплых приделов⁶⁷. В 1880 г. было принято решение о разборке Успенского придела. Священно- и церковнослужители из с. Гжель подали в Московскую духовную консисторию прошение. Консистория направила прошение в Московское Археологическое общество с тем, чтобы уточнить, нет ли с его стороны препятствий к производимым работам.

В 1882 г. холодный Успенский придел был полностью разобран. В том же году архитектором Казимиром Викентьевичем Гриневским был выполнен проект реконструкции храма.

Казимир Гриневский (1825–1885) окончил с золотой медалью Высшее Строительное училище в Санкт-Петербурге. Работал архитектором в Орле. После ухода за штат (1865–1885) работал над проектами ряда храмов и гражданских построек.

К теплomu двухпридельному храму с восточной стороны была выполнена «пристройка» (алтарь. — *В.С.*), затем — стены трапезной Успенского придела⁶⁸.

Заново была построена «высокая и величественная колокольня с двумя часовнями по бокам». Средства на реконструкцию храма были выделены священником Николаем Сперанским и прихожанами церкви. Отец Николай руководил строительством самостоятельно, в этом нелегком деле ему помогал лишь церковный староста Феодор Лукич Гусев. По окончании строительных работ храм расписали и установили три иконостаса. Некоторые элементы резных деревянных иконостасов были окрашены под мрамор, другие — позолочены. На все работы было израсходовано 20 тысяч рублей. 24 ноября 1885 г. главный престол Успенского храма села Гжель освятили, и второй священник храма, Димитрий Рождественский, от лица прихожан поднес настоятелю Николаю Сперанскому золотой наперсный крест⁶⁹. Ранее, в апреле 1880 г., отец Николай уже награждался наперсным крестом от государя «за отличную службу»⁷⁰. В том же году он сделал пожертвование в совет Православного миссионерского общества⁷¹. В 1881 г. через гжельского благочинного отца Николая Сперанского «от прихожан и причтов Гуслицкого благочиния» было отправлено пожертвование в размере 65 рублей на сооружение в Москве храма «в память почившего Государя императора Александра Николаевича»⁷².

3 февраля 1884 г. священник Николай Сперанский был награжден от государя императора орденом Святой Анны 3-й степени за семилетнее содержание на собственные средства открытого училища на 25 человек и за труды по народному образованию⁷³. Вторым гжельским священником, Димитрий Рождественский, в том же году был награжден от Святейшего Синода фиолетовой скуфьей, а в 1891 г. — камилавкой⁷⁴.

5 января 1888 г. указом Святейшего Синода утвержден причт Успенской церкви села Гжель Бронницкого уезда в составе двух священников, диакона и двух псаломщиков⁷⁵.

3 мая 1889 г. «ко дню Святой Пасхи Святейший Синод наградил священника Успенской церкви села Гжели Николая Сперанского за службу по духовному ведомству саном протоиерея»⁷⁶. В 1890 г. протоиерей Николай был уволен от должности благочинного⁷⁷. В том же году от московского епархиального начальства вышло распоряжение о назначении отца Николая в Тихвинскую церковь Богородска⁷⁸, но по каким-то причинам это перемещение не состоялось, и отец Николай Сперанский продолжил свое служение в Успенском храме села Гжель.

По данным 1890 г., в селе Гжель, находящемся в 3-м стане Бронницкого уезда, «проживает 445 душ»⁷⁹, а «законоучителем Гжельского земского училища является священник Димитрий Семенович Рождественский»⁸⁰.

Даже в конце XIX в. пожары в сельской местности не были редкостью. В июне 1892 г. в селе Гжель сгорели дома причта, в которых проживали протоиерей Николай Сперанский, диакон Павел Зверев и псаломщики Любимов и Орлов⁸¹.

В 1892 г. состоялись перевыборы церковного старосты села Гжель. Эту должность занял прежний староста Федор Лукич Гусев⁸². 23 мая 1892 г. он был награжден от императора «за заслуги по духовному ведомству золотой медалью с надписью "За усердие"»⁸³. Крестьянин Федор Гусев был церковным старостой

Успенского храма на протяжении 23 лет, до избрания в 1900 г. нового старосты Ивана Орлова⁸⁴.

В 1894 г. протоиерей Успенского храма Николай Сперанский был избран духовником местного благочиния⁸⁵.

К 1897 г. в храме Успения Божией Матери села Гжель помимо церковнослужителей основного штата были и сверхштатные церковнослужители: псаломщик Николай Любимов, перемещенный позднее в Предтеченский храм села Новорождество⁸⁶; псаломщики Василий Любимов и Василий Смирнов, назначенные впоследствии в Воскресенский храм города Павловский Посад⁸⁷.

Как правило, в синодальный период послушание по выпеканию просфор поручалось вдовам священно- и церковнослужителей. С 1896 г. в Успенском храме просфорницей была вдова псаломщика Екатерина Знаменская⁸⁸.

Из «Памятной книжки Московской губернии на 1900 г.» становится известно о земском начальном училище в деревне Григорово. Жители этой деревни изначально были прихожанами Успенского храма в селе Гжель. Попечителем и законоучителем Григоровского земского училища был второй священник Успенской церкви Димитрий Рождественский, попечителем Гжельского училища — дворянин В.А.Станович⁸⁹.

13 июля 1902 г. на 71-м году жизни умер настоятель Успенской церкви села Гжель протоиерей Николай Сперанский, прослуживший в священном сане 49 лет. Тремя годами ранее скончалась его супруга⁹⁰. После смерти отца Николая настоятелем Успенского храма был назначен священник Александр Орлов⁹¹.

Отец Александр до назначения в село Гжель служил в церкви погоста Пятикрестов⁹² и был законоучителем церковно-приходской школы. 25 апреля 1900 г. по ходатайству Совета Кирилло-Мефодиевского братства священника Александра Орлова наградили бархатной фиолетовой скуфьей⁹³.

5 сентября 1908 г. умер священник Успенского храма Димитрий Рождественский. Известно, что отец Димитрий на протяжении 12 лет делал взносы в эмеритальную кассу (пенсионный фонд. — *В.С.*)⁹⁴. 12 сентября 1908 г. распоряжением московского епархиального начальства был назначен священник Иоанн Архангельский⁹⁵.

Отец Иоанн ранее служил в Покровской церкви села Мазы Макарьевского уезда Нижегородской епархии, затем получил назначение в Никольский храм села Лужки Рузского уезда Московской епархии, откуда и был переведен в Успенский храм села Гжель⁹⁶.

В июне 1912 г. в Успенской церкви произошли небольшие изменения в штате церковнослужителей. Бывший до 1912 г. псаломщиком храма Георгий Орлов был рукоположен во диакона и направлен в Никольскую церковь села Никольского-Гагарина Рузского уезда. Псаломщиком в Успенский храм был назначен Николай Руднев, окончивший Вифанскую духовную семинарию. 25 сентября 1912 г. Николая Руднева посвятили в стихарь⁹⁷. В августе 1913 г. гжельский псаломщик был переведен к Ильинской церкви села Черкизова Московского уезда⁹⁸. В период с 1914 по 1916 гг. псаломщиками Успенского храма были: Анатолий Соколов (заштатный), Сергей Минервин и Димитрий Истомин. Последний был кандидатом Московской духовной академии⁹⁹.

По данным на 13 августа 1912 г., среднегодовая доходность Успенского храма за 10 лет составила 618 рублей. Это был один из самых высоких показателей по Бронницкому уезду и даже по Московской губернии¹⁰⁰.

В мае 1912 г. митрополит Московский и Коломенский Владимир наградил гжелского священника Иоанна Архангельского «по вниманию к его усердию и трудам на поприще духовно-просветительской и пастырской деятельности» набедренником¹⁰¹.

(Продолжение следует.)

¹ См.: *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви. М., 1996. Кн. 6: Период самостоятельности Русской Церкви (1589–1881); Патриаршество в России (1589–1720). С. 25.

² *Боголюбский М.С., прот.* Историко-географический очерк пределов Московской епархии. М., 1894. С. 9–13.

³ Там же.

⁴ См.: *Логинов В., Скальский Ю.* И ваши дни благословенны.../ Из истории российской керамики. М.: Алгоритм, 2001. С. 299.

⁵ *Аверьянова М.Г.* Край Раменский: Очерки краеведа (серия «Энциклопедия сел и деревень Подмосковья»). М.: Энциклопедия российских деревень, 1995. С. 518.

⁶ Пустошь — незаселенный, невозделанный участок земли (*Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1988. С. 515).

⁷ Дьячок, диак — название церковного чтеца и певца. В церковном языке это слово не употребляется. Оно, вероятно, вошло в употребление из языка простонародного и есть уменьшительное от имени «диакон», который по наружному виду отличается от стихарного дьячка только орарем (*Дьяченко Григорий, прот.* Полный церковнославянский словарь. М.: Отчий дом, 2001. С. 161).

⁸ *Смолич И.К.* История Русской Церкви. М., 1996. Кн. 8. Ч. 1. 1700–1917. С. 21.

⁹ *Боголюбский М.С., прот.* Историко-географический очерк... С. 22.

¹⁰ Должность благочинного была введена в первой половине XVIII в. и называлась епархиальным архиереем. Ранее благочинные именовались поповскими старостами, и сама должность имела выборный характер. Со второй четверти XVIII в. и до 1764 г. должность благочинного, по терминологии того времени «заказчика», существовала параллельно с должностью поповского старосты, но последние занимались в вышеуказанный период только сбором архиерейских пошлин. В ведении благочинного было 10–30 окрестных церквей, которые составляли в епархии благочиннический округ. Права и обязанности благочинных определялись особыми инструкциями, утвержденными Святейшим Синодом. В обязанности благочинных входило: всесторонний надзор за церквами и духовенством округа, выполнение распоряжений епархиального начальства и разрешение недоумений, связанных с ними. Благочинные имели некоторое право суда над духовными лицами по делам, которые не требуют формального судопроизводства и могут быть устранены мерами увещания, выговоров, внушений. Благочинные

также могли налагать на виновных штраф, аттестовать служащих духовных лиц в послужных списках, ходатайствовать о представлении их к наградам (См.: *Знаменский П.В.* Приходское духовенство в России со времени реформы Петра. Казань, 1873. С. 523-525).

¹¹ *Боголюбовский М.С., прот.* Историко-географический очерк... С. 24.

¹² В память столетию открытия Московской губернии // Памятники Отечества. 1993. №31. С. 6.

¹³ П.В.Шереметьевский в своей предварительной исторической записке дает другие цифры: 20–30 тыс. человек для уездов (В память столетию открытия Московской губернии // Памятники Отечества. 1993. №31. С. 6).

¹⁴ См.: *Боголюбовский М.С., прот.* Историко-географический очерк... С. 36.

¹⁵ Там же. С. 36–37.

¹⁶ Казенный патриарший приказ — существовал с 1626 до 1739 гг.; заведовал различными сборами, поступавшими в патриаршую казну (Энциклопедический словарь Ф.А.Брокгауза и И.А. Ефрона. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dic.academic.ru/>).

¹⁷ ЦИАМ. Ф. 203, оп. 753, д. 662, л. 2.

¹⁸ *Холмогоровы В. и Г.* Исторические материалы о церквях и селах XVI–XVIII вв. Вып. 6. Вохонская десятина. М., 1888. С. 29–30.

¹⁹ *Скворцов Н.А., прот.* Материалы по Москве и Московской епархии за XVIII в. Вып. 1. М.: Синодальная типография, 1911. С. 189.

²⁰ Орган с административными и судебными функциями при епархиальных архиереях. Члены духовной консистории избирались епархиальным архиереем из священников и утверждались или увольнялись Синодом. Возникли в России в 1720-е гг. под разными именами по епархиям. Общее название «консистория» присвоено этим учреждениям синодальным указом 1744 г. Организационное устройство закреплено уставом духовных консисторий 1841 г., затем 1883 г. (Центральные архивы Москвы. Путеводитель по фондам. Вып. 5. М.: Мосгорархив, 1999. Электронная публикация: Главархив Москвы, 2007).

²¹ ЦИАМ. Ф. 203, оп. 753, д. 662, л. 4.

²² ЦИАМ. Ф. 203, оп. 753, д. 662, л. 5.

²³ Там же. Л. 3.

²⁴ *Смолич И.К.* История Русской Церкви. М., 1996. Кн. 8. Ч. 1. 1700–1917. С. 328.

²⁵ *Скворцов Н.А., прот.* Материалы по Москве и Московской епархии за XVIII в. М., 1911 г. Вып. 1. С. 195.

²⁶ Лешадь — разновидность керамической плитки.

²⁷ ЦИАМ. Ф. 203, оп. 758, д. 201.

²⁸ ЦИАМ. Ф. 203, оп. 758, д. 299.

²⁹ ЦИАМ. Ф. 203, оп. 761, д. 715.

³⁰ ЦИАМ. Ф. 203, оп. 761, д. 715.

³¹ ЦИАМ. Ф. 203, оп. 744, д. 1811, ч. 3, л. 68.

³² ЦИАМ. Ф. 203, оп. 744, д. 1811, ч. 2–3, л. 52–56.

³³ ЦИАМ. Ф. 203, оп. 744, д. 1811, ч. 2–3, л. 52–56.

³⁴ ЦИАМ. Ф. 608, оп. 2, д. 595, л. 17.

- ³⁵ ЦИАМ. Ф. 203, оп. 744, д. 1811, ч. 2–3, л. 52–56.
- ³⁶ ЦИАМ. Ф. 203, оп. 744, д. 1813, ч. 10, л. 285.
- ³⁷ ЦИАМ. Ф. 203, оп. 744, д. 1811, ч. 2–3, л. 52–56.
- ³⁸ ЦИАМ. Ф. 203, оп. 744, д. 1811, ч. 2–3, л. 52–56.
- ³⁹ ЦИАМ. Ф. 203, оп. 215, д. 6.
- ⁴⁰ Полное собрание резолюций митрополита Московского и Коломенского Филарета / Под ред. протопресвитера Московского Большого Успенского собора В.С.Маркова: В 5 т. М. Т. 2. Вып. 3. 1904. С. 30–31.
- ⁴¹ ЦИАМ. Ф. 203, оп. 215, д. 6.
- ⁴² ЦИАМ. Ф. 203, оп. 762, д. 226, л. 1–7.
- ⁴³ Полное собрание резолюций митрополита Московского и Коломенского Филарета... Т. 2. Вып. 3. 1904. С. 154–155.
- ⁴⁴ ЦИАМ. Ф. 608, оп. 2, д. 595, л. 17.
- ⁴⁵ Полное собрание резолюций митрополита Московского и Коломенского Филарета... Т. 2. Вып. 3. 1904. С. 225–226.
- ⁴⁶ ЦИАМ. Ф. 203, оп. 762, д. 226, л. 1–7.
- ⁴⁷ ЦИАМ. Ф. 203, оп. 215, д. 6.
- ⁴⁸ ЦИАМ. Ф. 203, оп. 215, д. 6.
- ⁴⁹ ЦИАМ. Ф. 203, оп. 762, д. 226, л. 1–7.
- ⁵⁰ Полное собрание резолюций митрополита Московского и Коломенского Филарета... Т. 4. 1914. С. 23–24.
- ⁵¹ См.: *Пэнэжско Олег, прот.* Бронницкий уезд. Храмы Раменского района. Владимир, 2004. С. 148.
- ⁵² МЦВ. 1901. №43. С. 516.
- ⁵³ ЦИАМ. Ф. 454, оп. 3, д. 66, ч. 1, №373, С.Ф.
- ⁵⁴ МЦВ. 1902. №34. С. 396–397.
- ⁵⁵ МЕВ. 1869. №26. С. 3.
- ⁵⁶ Ранее существовал холодный придел свт. Николая.
- ⁵⁷ МЦВ. 1886. №2. С. 30–31.
- ⁵⁸ Краткие сведения о всех церквях Московской епархии / Сост. *И.А.Благовещенский, прот.* М., 1874. С. 61.
- ⁵⁹ ЦИАМ. Ф. 203, оп. 650, д. 44 – утрачено.
- ⁶⁰ МЕВ. 1873. №51. С. 30–31.
- ⁶¹ ЦИАМ. Ф. 203, оп. 657, д. 245 – утрачено; МЕВ (приб.). 1873. №20. С. 77.
- ⁶² МЕВ (приб.). 1875. №13. С. 64.
- ⁶³ МЕВ (оф.). 1876. №21. С. 70.
- ⁶⁴ МЦВ. 1902. №34. С. 396–397.
- ⁶⁵ ЦИАМ. Ф. 203, оп. 668, д. 162.
- ⁶⁶ ЦИАМ. Ф. 454, оп. 3, д. 66, ч.1, № 373, С.Ф.
- ⁶⁷ МЦВ. 1886. №2. С. 30–31.
- ⁶⁸ ЦИАМ. Ф. 454, оп. 3, д. 66, ч.1, № 373, С.Ф.
- ⁶⁹ МЦВ. 1886. №2. С. 30–31; МЦВ. 1902. №34. С. 396–397.
- ⁷⁰ МЦВ (оф.). 1880. №15. С. 44.
- ⁷¹ МЦВ (оф.). 1880. №25. С. 74.
- ⁷² МЦВ. 1882. №4. С. 56.

- ⁷³ МЦВ (оф.). 1884. №13. С. 49; МЦВ. 1902. №34. С. 396–397.
- ⁷⁴ МЦВ (оф.). 1884. №10. С. 38; МЦВ (оф.). 1891. №12. С. 33.
- ⁷⁵ МЦВ (оф.). 1888. №5. С. 21.
- ⁷⁶ МЦВ (оф.). 1889. №12. С. 37; МЦВ. 1902. 34. С. 396–397.
- ⁷⁷ МЦВ. 1902. №34. С. 396–397.
- ⁷⁸ МЦВ (оф.). 1890. №23. С. 59.
- ⁷⁹ *Шрамченко А.П.* Справочная книжка Московской губернии. М., 1890. С. 125.
- ⁸⁰ Там же. С. 111.
- ⁸¹ МЦВ. 1892. №27. С. 312.
- ⁸² МЦВ (оф.). 1892. №38. С. 204.
- ⁸³ МЦВ (оф.). 1892. №22. С. 115.
- ⁸⁴ МЦВ (оф.). 1906. №30. С. 55.
- ⁸⁵ МЦВ. 1902. №34. С. 396–397.
- ⁸⁶ МЦВ (оф.). 1897. №13. С. 25.
- ⁸⁷ МЦВ (оф.). 1897. №19. С. 27.
- ⁸⁸ МЦВ (оф.). 1896. №5. С. 12.
- ⁸⁹ Памятная книжка Московской губернии на 1900 г. / Под ред. помощника правителя канцелярии московского губернатора А.В.Аврорина. М., 1900. С. 17, 77–78.
- ⁹⁰ МЦВ. 1902. №34. С. 396–397.
- ⁹¹ МЦВ (оф.). 1902. №37. С. 79.
- ⁹² МЦВ (оф.). 1892. №34. С. 188.
- ⁹³ МЦВ (оф.). 1900. №19. С. 54.
- ⁹⁴ МЦВ (оф.). 1911. №17. С. 135.
- ⁹⁵ МЦВ (оф.). 1908. №39. С. 290.
- ⁹⁶ МЦВ (оф.). 1906. №21. С. 10.
- ⁹⁷ ЦИАМ. Ф. 1371, оп. 1, д. 30, л. 232–249.
- ⁹⁸ МЦВ (оф.). 1912. №26. С. 205.
- ⁹⁹ МЦВ (оф.). 1915. №6. С. 122; МЦВ (оф.). 1915. №35–36. С. 122; МЦВ (оф.). 1916. №37–38. С. 342.
- ¹⁰⁰ МЦВ (оф.). 1912. №36–37. С. 25.
- ¹⁰¹ МЦВ (оф.). 1912. №19. С. 152.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

ЦИАМ — Центральный исторический архив Москвы.

МЕВ — Московские епархиальные ведомости.

МЦВ — Московские церковные ведомости.

МЕВ (оф.) — официальное приложение к Московским епархиальным ведомостям.

МЕВ (приб.) — официальное прибавление к Московским епархиальным ведомостям.

МЦВ (оф.) — официальное приложение к Московским церковным ведомостям.

Иеромонах Серафим (Голованов)

УЧЕНИЕ СВЯТИТЕЛЯ ИОАННА ЗЛАТОУСТА о мученичестве и мучениках

ВВЕДЕНИЕ

«Кровь мучеников есть семя христианства»¹ — такую оценку роли подвига мученичества в Церкви Христовой дал некогда Тертуллиан. И действительно, с самого начала существования Церкви смерть ради Христа понималась как самое совершенное выражение христианской святости, выше которого нет ничего². Мученичество, или свидетельство (греч. *μάρτυρία*), являлось свидетельством о Воскресении Христовом через смерть ради Него. Не случайно в древние времена почитание святых мучеников, начавшееся при жизни, продолжалось и после их смерти.

Столь возвышенное отношение к страдальцам за веру сохраняется и в наши дни. Наглядным подтверждением этому является канонизация новомучеников и исповедников Российских. «Россия за минувшее столетие явила миру такой сонм святых мучеников и исповедников, который можно сравнить с подвигом первых веков христианства. Новомученики — самые близкие нам люди, почти наши современники, многие, живущие ныне, имеют своими отцами и дедами святых мучеников»³.

Насколько же важно нам знать догматические основания прославления подвига мученичества, иметь правильное понимание его сущности, уметь отличать страдания Христа ради от лжегеройства? Ответы на многие из этих вопросов мы находим у св. отцов и учителей Церкви, к числу которых принадлежит столп веры и «совесть Церкви»⁴ святитель Иоанн Златоуст.

Эпоха свт. Иоанна Златоуста охватывает собой как время страшных гонений императора Юлиана Отступника (361–363), очевидцем которых был сам святитель, так и период наступившего внешнего благоденствия христианства. И именно в это относительно спокойное время свт. Иоанн много трудов положил для того, чтобы прославить своими речами и беседами святых мучеников Христовых, к числу которых по справедливости может быть отнесен и он сам.

Страдальческая жизнь Златоуста прошла не в пещерах пустынных и в затворе, а в самом центре бушующей житейской суеты, среди мира, на должности диакона, затем пресвитера Антиохийской Церкви и на кафедре Константинопольского архиепископа. «Он был бескровным мучеником, гонимым не от внешних, но от лжебратий, и кончил жизнь в узах, в изгнании под отлучением, гонимый христианами за Христа и за Евангелие, которое он благовествовал как откровение и как закон жизни»⁵. Тем ценнее для нас мнение великого угодника Христова.

ВЗГЛЯД СВЯТИТЕЛЯ ИОАННА ЗЛАТОУСТА НА МУЧЕНИЧЕСТВО

Святитель Иоанн, будучи очевидцем заката эпохи лютых гонений на христиан, оставил много похвальных слов тем, кто принял мученическую кончину за веру. В этих изящно составленных похвалах Златоуст с восторгом и радостью говорит о значимости и величии страданий за Христа.

Жанр похвального слова (панегирик) являлся вполне традиционным для византийской риторики. Его особенностью составляло упоминание автором лишь о добродетелях героя (всякое упоминание о недостатках исключалось) и использование различных «общих мест»: герой любого похвального слова был, как правило, из благородной семьи, с детства отличался от своих сверстников, побеждал все искушения, совершал различные чудеса. Все эти черты были у похвального слова общими с житием святого. Однако, в отличие от жития, похвальное слово не предполагало последовательное описание жизни героя: автор упоминал лишь о некоторых эпизодах, которые должны были свидетельствовать о достоинствах человека. Похвальное слово — не «икона с житием», а скорее «материалы к житию», «штрихи к портрету» святого. Несомненно то, что Златоуст был знаком с «Житием Антония Великого», которое стало прототипом большинства последующих житий святых.

В слове, посвященном мученику Роману, он говорит, что мученичество есть верховное благо (κεφάλαιον τῶν ἀγαθῶν) из всех возможных на земле⁶. Прекрасным примером радости Златоуста о принявших мученическую кончину служат слова: «Предшествующие дни вы радостно отпраздновали память святых мучеников, насладились духовным торжеством, поликовали добрым ликованием. Вы видели обнаженные бока, рассеченные ребра, льющуюся отовсюду кровь, бесчисленные роды мучений. Вы видели, как природа человеческая являет дела выше природы и как венки сплетаются из крови. Вы устроили прекрасное торжественное шествие по всему городу под водительством славного вождя. А меня болезнь принудила против воли остаться дома. Впрочем, если я и не принимал участия в торжестве, то все же был участником радости, если и не имел удовольствия быть на празднестве, то все же был соучастником вашего веселья»⁷. В этих словах видна радость не только за тех, кто претерпел страдания за Христа, но и за тех, кто стал свидетелем этого. Настолько высоко ценит святитель мучеников.

С особым уважением и трепетом чтит Златоуст дни памяти мучеников, так как эти дни — дни ликования всей Церкви. Мученики сострадают нам в наших грехах, мы же сорадуемся им в подвигах: «Если Владыка их не устыдился быть нашей главой, то тем более они не стыдятся быть нашими членами, потому что в них вкоренена любовь, а любовь обыкновенно соединяет и связывает разделенное и не слишком разбирает достоинства. Поэтому как они сострадают нам в грехах наших, так мы радуемся с ними их подвигам»⁸. Подтверждение этих слов мы находим и у апостола Павла: «Радуйтесь с радующимися и плачьте с плачущими» (Рим. 12:15). Однако плакать с плачущими легче, чем радоваться с радующимися. Святитель Иоанн говорит по этому поводу: «Мы легче сострадаем находящимся в несчастьях, нежели сорадуемся благоденствующим. Там

самое свойство несчастья достаточно для того, чтобы подвинуть к состраданию и камень; а здесь, при благосостоянии, зависть и недоброжелательство не позволяют не очень любознательному быть участником в удовольствии. Подлинно, как любовь соединяет и связывает разделенное, так зависть разделяет соединенное. Поэтому, прошу, будем стараться сорадоваться благоденствующим, чтобы очистить свою душу от зависти и недоброжелательства, — ничто так не отгоняет эту тяжкую и трудноизлечимую болезнь, как сорадование (συγαίρειν) живущим добродетельно»⁹. Тут Златоуст призывает радоваться с мучениками, радоваться не только в дни их памяти, но и все время, подражая их житию.

Святые мученики были движимы любовью и не имели бы награды за свои подвиги, если бы не стяжали ее. Их подвиги непременно сопровождалась любовью, любовью к Богу, за Которого страдали, и к ближним. Святой евангелист Иоанн Богослов приводит слова своего Учителя, в которых Христос ставит критерий истинности Своих последователей: «По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою» (Ин. 13:35). Другой же богослов Иоанн — Златоуст — в подтверждение вышесказанному говорит: «Любовь и без мученичества делает учениками Христа, а мученичество без любви не могло бы сделать этого... Вот, любовь без мученичества делает учениками. А что мученичество без любви не только не делает учениками, но и не приносит никакой пользы тому, кто терпит, послушай Павла, который говорит: "если я... отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы" (1 Кор. 13:3)»¹⁰. Мученики же имели великую любовь, потому и приносили пользу не только себе, но всей Церкви. Из житий известно, что даже язычники, видя мужество страдальцев Христовых, обращались к вере.

В похвальном слове святому Игнатию Богоносцу Златоуст показывает, сколько пользы для всего мира от славной смерти одного только мученика. Он пишет: «Гонения диавол направляет на предстоятелей, чтобы ослабить Церковь, и предает их смерти вдали от их церквей, чтобы и их утомить долгим путем, и церквям не дать хорошего примера; но Бог путешествие Игнатия в Рим обратил в средство научения и укрепления в истине и римлян, и всех попутных церквей. Мученическая смерть — очевидное доказательство воскресения Христа, особенно столь публичная, как смерть св. Игнатия»¹¹. Далее Златоуст, говоря о величии и святости сего мужа, продолжает похвальное слово: «Он прошел дивным учителем не только для жителей Рима, но и для всех городов, лежащих на пути, убеждая презирать настоящую жизнь, ни во что вменять видимое, любить будущее, взирать на небо и не смущаться никакими бедствиями настоящей жизни. Научая их этому и большему этого самыми делами, он совершал путь, как какое-либо солнце, восходящее с востока и текущее на запад, или — лучше сказать — даже светлее его, потому что солнце шествует вверху, изливая чувственный свет, а Игнатий сиял прямо вниз, изливая в души мысленный свет учения, и солнце, склоняясь в страны западные, скрывается и тотчас производит ночь, а этот муж, удалившись в западные страны, воссиял оттуда еще светлее; оказал даже на пути всем величайшие благодеяния; когда же вступил в город (Рим), то и его научил любознательности»¹².

Таких славных и удивительных мужей и жен, отдавших жизнь ради исповедания Христа, множество. Подобное изобилие благодати Божией, явленной через мучеников, Златоуст объясняет Его милостью. «Подобно тому, — восклицает святитель, — как щедрые и честолюбивые учредители пиршеств устраивают часто пиры и праздники для того, чтобы и показать свое богатство, и обнаружить свое благорасположение к друзьям, так и благодать Духа, представляя доказательство своей силы и показывая великое благорасположение к друзьям Божиим, предлагает нам постоянно и непрерывно трапезы мучеников»¹³. Господь делает мученические подвиги доступными всем: мужам и женам, — дабы обильней изливалась благодать Святого Духа в Церкви.

В Ветхом Завете смерти боялись не только грешники, но и святые люди, имевшие великое дерзновение пред Богом, отличавшиеся доблестными делами и достигшие всякой добродетели. Например, праотец Авраам, бывший ветхозаветным патриархом, великим праведником. Этот «друг Божий, оставивший отечество, и дом, и родных, и друзей, и презревший все настоящее ради повеления Божия, так боялся и страшился смерти, что, намереваясь войти в Египет, сказал жене своей следующее: "...я знаю, что ты женщина, прекрасная видом; и когда Египтяне увидят тебя... убьют меня, а тебя оставят..." Что же? "Скажи же, что ты мне сестра, дабы мне хорошо было ради тебя, и дабы жива была душа моя через тебя" (Быт. 12:11–13)»¹⁴. Даже Авраам утратил страх смерти. Однако тогда он не знал о вечном блаженстве, тогда не было открыто учение о загробной жизни.

Подобным образом боялись смерти и другие ветхозаветные праведники: внук Авраама Иаков (см.: Быт. 32:11)¹⁵ и пророк Илия (см.: 3 Цар. 19:2–3)¹⁶, несмотря на то что имели величайшее дерзновение пред Богом.

Однако это было в Ветхом Завете, теперь же, по словам Златоуста, «смерть заключает в себе удовольствие»¹⁷. Это удовольствие от радости умереть за Христа и быть с Ним. Поэтому смерть становится благодеянием и отдыхом в вечности. Вошедший в этот покой почил от дел своих, как Бог — от Своих¹⁸.

Страдания мучеников соделали из них истинных свидетелей Царства Божия. Святой Златоуст говорит, что мученики даже по смерти являются не только свидетелями, но и учителями: «Изобилие мучеников в селе возмещает недостаток учителей; мученики и молча учат, и убедительнее проповедников они. Их тела оставлены Богом на земле, чтобы люди, приходя к ним, облегчали душу от житейских тревожений»¹⁹.

ПРИЗВАНИЕ

Иоанн Златоуст говорит, что посредством Божией благодати души святых соделываются колесницами и храмами Божьими²⁰. Поэтому Церковь издревле празднует дни памяти святых мучеников. В эти дни положены торжество и радость, так как по умершим уже не плачут, а поют. Песнопения же являются символом радости.

Господь призвал многих мужей и жен на мученическую кончину, прославил их собрание, показав через них величие духа. Во времена Златоуста уже заканчивалась эпоха гонений на христиан. Однако тогда еще их было множество, они мужественно шли на смерть, презирая ее. Прекрасно об этом пишет сам святитель Иоанн: «Узнай же прежний страх пред ней, чтобы, видя нынешнее презрение к ней, дивился ты виновнику этой перемены — Богу; узнай прежнюю ее силу, чтобы, убедившись в настоящем ее бессилии, ты благодарил Христа, Который сделал ее совершенно бессильной. Прежде, возлюбленный, не было ничего сильнее смерти и ничего слабее нас, а теперь нет ничего слабее ее и ничего сильнее нас. Видишь ли, какая превосходная произошла перемена, как Бог сделал сильное слабым, а слабое сильным, явив нам в том и другом Свое могущество?»²¹ Дерзновение мучеников и мучениц, которое имели они, являются не чем иным, как плодом смерти Христовой, упразднившей страх смерти²².

Логичным кажется вопрос: откуда же взялось столько исповедников имени Христова, принявших смерть за Него? Ответ довольно прост. Господь наделил их мужеством и укрепил их сердца. Бог призывал достойных этого нелегкого и великого свидетельства. Тогда, во времена апогея гонений на Святую Церковь, многие имели один закон, подчиняясь которому все шли на дивную кончину ради Того, Кто даровал всем жизнь. Об этом внутреннем законе лучше прекрасного проповедника, обладавшего искусным даром слова, сказать нельзя: «Призвав своего сына, пострадай и погрози немного посечь его, если он не исполнит этого закона, — и увидишь, как он тотчас же отстанет от привычки. Как, поэтому, не безрассудно, если малые дети, боясь нашего страха, исполняют заповедь, а мы даже и так не боимся Бога, как бояться нас сыновья! Итак, что я говорил раньше, то же самое говорю и теперь. Положим себе закон — не заниматься ни публичными, ни частными делами до тех пор, пока не выполним этого закона, а побуждаемые всячески необходимостью, мы легко достигнем успеха и украсим себя, украсим вместе с тем и весь город»²³. Этот-то закон, этот страх Божий и любовь к Нему имели святые мученики.

Идя на смерть, они понимали, что идут одновременно и на жизнь, но жизнь вечную и благу. Златоуст в своем высоком стиле блестяще говорит о презрении к смерти следующее: «Итак, не будем скорбеть, что мы стали смертными, но будем благодарить, что смертью открыто нам поприще мученичества, чрез тленность мы получили возможность достигать наград, от этого мы получаем повод к подвигам. Видишь ли премудрость Божию, как Он величайшее из зол, верх нашего бедствия, введенный диаволом, то есть смерть, обратил нам в честь и славу, возводя чрез нее подвижников к наградам мученичества»²⁴.

К таким наградам мученичества шли все, кто пламенел любовью к Богу. Все как один, укрепляемые благодатью Святого Духа, желая сподобиться венцов небесных, посрамляли диавола. Еще в Ветхом Завете даже дети и люди преклонного возраста шли на добровольную смерть. И таким мученикам — Маккавеям Златоуст уделяет особое внимание.

О мучениках Маккавеев говорится в греческой Библии, а именно во 2-й Книге Маккавейской, однако Златоусту, возможно, было известно и отдельное

сочинение Иосифа Флавия, посвященное Маккавеям. События, о которых идет речь в Книге Маккавейской и у Иосифа Флавия, относятся к периоду гонений сирийского царя Антиоха IV Епифана (176–164 до Р. Х.), который проводил политику интенсивной эллинизации Иудеи, сопровождавшуюся принуждением евреев к участию в языческих жертвоприношениях, нарушению субботы и других «законов отеческих» (2 Макк. 6:1). За отказ принять язычество тысячи евреев были казнены Антиохом.

Одной из его жертв стал пожилой книжник Елеазар со своей женой и семьей детьми, которые за отказ вкушать свиное мясо были подвергнуты жестоким мучениям и смерти. Сначала был умерщвлен отец, потом его семь сыновей, которых мать увещала мужественно встретить смерть; после всех скончалась мать. Перед лицом смерти все: и отец, и мать, и сыновья — твердо исповедали веру в единого Бога, в загробное воздаяние и воскресение мертвых (см.: 2 Макк. 7:14).

Вот как в первой беседе о Маккавеях, ветхозаветных мучениках, описывает Златоуст смерть престарелой женщины, мужественно принявшей славный венец: «Итак, когда ты увидишь, что женщина дряхлая, престарелая, нуждающаяся в посохе, выходит на борьбу, низлагает бешенство тирана, превосходит бесплотные силы, легко побеждает диавола, с великой силой сокрушает крепость его, то подивись благодати Распорядителя ратоборства, изумляйся перед силой Христовой. Не крепки телом эти ратоборцы, но крепки верой; немощна их природа, но могущественна умастившая их благодать; ослабели тела от старости, но окрепли умы любовью к благочестию... Что и говорить о старце и юноше, когда и женщины выходили на эти подвиги и получали светлые венцы?»²⁵

По глубокому убеждению святителя, только будучи призваны и укрепляемые благодатной помощью Божией, смертные люди могли претерпеть все мучения и гонения. Нам же, продолжает он, оставлен дивный пример жизни и веры этих святых мужей и жен. Мы имеем по благодати Всевышнего возможность подражать им в повседневной жизни. Ибо какое они показали любомудрие в опасностях, такое и мы покажем терпение в обуздании своих страстей — гнева, корыстолюбия, сластолюбия, тщеславия и всего прочего подобного. Если нам удастся преодолеть пламень этих страстей, как они — огонь, то и мы будем иметь возможность стать близ них и получим одинаковое с ними дерзновение²⁶.

Святые мученики смогли преодолеть пламень своих страстей и всецело устремиться к Богу, непрестанно желая быть с Ним. Постоянно размышляя о Боге, святые всегда имели сердечную молитву ко Христу. Однако такого уровня любви к Богу и непрестанной молитвы могли достичь далеко не все. «Когда же ум возрастает духовным возрастом, — говорит свт. Игнатий (Брянчанинов), — окрепнет и возмужает, тогда он будет в состоянии непрестанно молиться. К христианам, достигшим совершенного о Христе возраста, относятся слова апостола Павла: *Итак, желаю, чтобы на всяком месте произносили молитвы мужи, воздевая чистые руки без гнева и сомнения* (1 Тим. 2:8), то есть бесстрастно и без всякого развлечения или парения»²⁷. Эта мысль святителя Игнатия полностью согласуется с учением Златоуста о внутреннем настроении и совершенстве тех мужей и жен, которые претерпели мученическую кончину за Христа.

Для чего же Господь призвал столько мучеников, если даже смерть одного является свидетельством Воскресения Христова и святости Церкви, а также совершает множество чудес? Отвечая на этот вопрос, Златоуст говорит: «Для того Бог и оставил нам здесь тела их, чтобы, когда куча занятий и множество житейских забот наведет густой мрак на нашу душу от частных или общественных дел (а их так много), тогда, оставив дом, вышедши из города, простившись с этим шумом, мы удалились бы в храм мучеников, насладились тамошним духовным веянием, забыли о множестве дел, утешились спокойствием, побыли вместе со святыми, помолились Распорядителю их подвигов о нашем спасении, пролили многие мольбы и, через все это сложив бремя с своей совести, возвратились опять домой с великой душевной радостью»²⁸. Кроме того, как уже говорилось выше, дивный проповедник и красноречивый оратор, Иоанн видит в этом большую назидательную пользу как для всей Церкви, так и для каждого отдельного ее члена. В его «Беседе о мучениках и о сокрушении и милостыне» мы читаем: «Итак, Бог, утешая в недостатке учителей обилием мучеников, устроил, что у тех больше погребено мучеников. Они не слышат непрестанно голоса учителей; слышат голос мучеников, который вещает к ним из гроба и имеет большую силу. А чтобы убедиться, что мученики и молча имеют более силы, нежели мы говорящие, (вспомните, что) многие, часто беседуя со многими о добродетели, не имели никакого успеха, другие же молча совершили величайшие дела своей светлой жизнью; тем больше совершили это мученики, издавая не голос из уст, но гораздо высший изустного — голос самых дел, которым они беседуют со всем человеческим естеством, говоря такие слова: посмотрите на нас, какие мы потерпели бедствия»²⁹.

ПРЕДТЕЧА И КРЕСТИТЕЛЬ ГОСПОДЕНЬ ИОАНН

Рассказывая о похвальных беседах святителя Иоанна Златоуста, посвященных святым мученикам, нельзя не остановиться на образе величайшего из святых, последнего ветхозаветного пророка и Предтечи Пришествия Христова, «первого из мучеников»³⁰ Нового Завета — Иоанна Крестителя. Многократно в различных обстоятельствах приводил Златоуст на память своей пастве примеры из жизни Предтечи, его непреклонность перед злом, повлекшую темницу и усекновение.

Святитель говорит о пророческом достоинстве Предтечи, продолжая слова Спасителя: «Аминь глаголю вам, не воста в рожденных женами болий Иоанна Крестителя» (Мф. 11:11). «Чтобы увериться в достоинстве Иоанна, достаточно и одного приведенного изречения; но если хочешь познать его из самых дел его, то представь его трапезу, образ жизни и высоту духа. Подлинно, он жил как на небе, и, возвысившись над всеми нуждами природы, шел путем необыкновенным, проводя все время в песнях и молитвах, и, удалившись от общества людей, непрестанно беседовал с одним Богом. Он никого не видел из подобных себе и никому из них не являлся; не питался молоком, не имел ни постели, ни крова, ни съестных припасов, ни других вещей, которыми пользуются люди, и однако

был кроток и вместе строг. Например, послушай, с какою кротостью беседует он со своими учениками, с каким мужеством — с народом иудейским, и с какою смелостью — с царем»³¹.

Святой Иоанн Креститель служит образцом величайшего постника для всех последующих поколений христианских подвижников. Златоуст называет его «Философом философии, достойной неба»³². Предтеча, чистейший из людей, пламенным своим словом всколыхнул спавшее греховным сном человечество. И таким образом приготавливая людей к принятию благовестия Христа Спасителя, сам погиб по злему наущению.

Для нас очень важно то, как святитель Иоанн Златоуст прославляет «величайшее дерзновение и свободу слова» Предтечи, который, «будучи пустынножителем, торжествует над царем; будучи узником, не уступает; будучи усекаем, не молчит. Ирод усек, а Иоанн был усечен. Кто же из них ублажается всеми? Кто считается ревнителем? Кто прославляется? Кто увенчивается? Кто восхваляется? Кто славословится? Кто служит предметом удивлений? Кто обличает доселе? Не тот ли, кто в каждой церкви провозглашает: "не должно иметь жены брата твоего" (см.: Мф. 14:4). А Ирод разве не осуждается и после своей кончины за свое прелюбодейство, беззаконие и безумство? Пойми, после всего сказанного, какова сила узника, какова слабость тирана»³³. А о самой кончине праведника святитель говорит так: «Это была не смерть, а венец, не кончина, а начало лучшей жизни»³⁴. В другом месте святитель наставляет христиан быть утвержденными в добре, а всякому злу противиться и обличать его: «Теперь же исправляй, по крайней мере хоть сораба, хоть равного себе, и если даже надо будет умереть, не переставай вразумлять брата. Это будет для тебя мученичеством. И Иоанн ведь был мучеником. Ему не приказывали ни принести жертвы, ни поклониться идолу, но он сложил голову за святые законы, когда они подверглись поруганию»³⁵.

АПОСТОЛЫ

Различны дарования Духа, различно и служение. Одни уходили в пустыни, другие претерпевали мученическую кончину за Господа, иные являлись учениками и проповедниками слова Божия. В Священном Писании Сам Христос Спаситель именуется «Апостолом исповедания нашего» (см.: Евр. 3:1). Именно на апостолов возложил Он труд быть Его свидетелями (μ ρτυρες) (Деян. 1:8; 26:16, 22). И апостолы свою миссию называют «свидетельство Иисуса Христа» (μαρτυρία ησο Χριστο) (см.: Откр. 1:2). Поэтому мученичество (μαρτυρία) есть продолжение апостольского служения в мире.

Не все апостолы приняли мученическую кончину, но все они являлись мучениками-свидетелями еще при жизни. Своей жизнью, своими апостольскими подвигами они свидетельствовали о Христе Воскресшем. Вся их жизнь была полна скорбей и испытаний. Не случайно апостольский подвиг выделяется особо и в Священном Писании: «Как написано: "как прекрасны ноги благовествующих мир, благовествующих благое!"» (Рим. 10:15).

С особыми трепетом и любовью святитель Иоанн Златоуст воспевал в своих похвальных словах святых апостолов, благовестников Христовых. Сколько трудов им было положено, чтобы как можно ближе возвести мысли слушателей к образу великого апостола Павла! Только ему специально посвящено семь похвальных бесед, не считая других слов и толкований Писания.

Среди различных слов многие посвящены именно апостолам и их подвигам. Златоуст, рассуждая об апостольском подвиге, говорит следующее: «Вот Христос предсказал ученикам, что они потерпят мученичество и, однако, не непременно получат первенство, потому что могут быть и такие, которые окажут еще больше заслуг. Выражая это, Он и говорил: "Чашу Мою будете пить, и крещением, которым Я крещусь, будете креститься, но дать сесть у Меня по правую сторону и по левую — не от Меня [зависит], но кому уготовано Отцом Моим" (Мф. 20:23). Итак, возлюбленные, помышляя об этом, будем с особенным усердием прилежаться к смиренномудрию, и когда мы подвергаемся оскорблению и унижению и испытываем все крайние бедствия, и бесчестие и презрение, будем переносить все с радостью. Ничто так не способствует достижению высоты, славы и чести и не доставляет величия, как добродетель смиренномудрия, которую исполняя тщательно, да сподобимся мы обетованных благ»³⁶.

В другом своем слове о подвижническом настрое и мученическом образе жизни апостолов святитель Иоанн рассуждает так: «...не смертью ли сплетаются венцы мученичества? А Павел не чрез нее ли воздвиг бесчисленное множество трофеев? "Я каждый день, — говорил он, — умираю: свидетельствуюсь в том похвалою вашей" (1 Кор. 15:31)»³⁷.

Много веков спустя, развивая эти мысли св. Иоанна Златоуста о величии апостольского подвига, замечательный историк Церкви В.В.Болотов подытожил: «Мученичество есть продолжение апостольского служения в мире»³⁸.

КРЕЩЕНИЕ КРОВЬЮ

Здесь также хотелось упомянуть о таком явлении в истории гонений на христиан первых веков, как *крещение кровью*. Сам Господь Иисус Христос в Евангелии крещением называет Свою крестную смерть. «Чашу Мою будете пить, и крещением, которым Я крещусь, будете креститься, но дать сесть у Меня по правую сторону и по левую — не от Меня [зависит], но кому уготовано Отцом Моим» (Мф. 20:23). На этот отрывок Священного Писания Иоанн Златоуст дает следующее объяснение: «Господь предсказал апостолам великие блага, то есть: вы удостоитесь мученичества, пострадаете так же, как и Я, скончаете жизнь свою насильственной смертью и в этом будете моими учениками»³⁹.

Многие святые отцы этому вопросу уделяли особое внимание ввиду бывших гонений на Церковь Христову. В частности, свт. Василий Великий⁴⁰, свт. Кирилл Иерусалимский⁴¹.

Златоуст в слове о мученике Лукиане подробно и доступно разъясняет важность и величие такого события. «Итак, вчера Господь наш крестился водой,

а сегодня раб крещается кровью; вчера отверзлись врата неба, сегодня попраны врата ада. Не удивляйтесь, если я мученичество назвал крещением (β πτισα): и здесь Дух витает с великим обилием, и бывает изглаждение грехов и дивное некое и чудное очищение души, и как крещаемые – водой, так претерпевающие мученичество омываются собственной кровью, что случилось и с этим (мучеником Лукианом)»⁴². Так премудро устраивает Господь: люди, не бывшие членами Церкви, не принявшие святое крещение, имели возможность засвидетельствовать свою веру, крестившись кровью, и получить от Христа награду — жизнь вечную. Мученичество есть крещение, говорит Златоуст дальше в похвальном слове мученику Лукиану⁴³. Подводя итог, можно сказать, что воззрение большинства святых отцов состоит в том, что мученическая смерть за Христа заменяет крещение и мученик крещается в своей крови.

Жизнь и кончина святых мучеников для нас является не только свидетельством и примером, но дает обильную пищу для духовного размышления. Божественный Златоуст следующим образом рассуждает об этом. «Как желающие украсить свои дома расписывают их со всех сторон разноцветною живописью, так и мы на стенах души нашей изобразим казни мучеников. Та живопись бесполезна, а эта живопись приносит пользу, для этой живописи не нужно ни богатства, ни издержек, ни какого-нибудь искусства, но вместо всего достаточно приложить усердие и иметь ум мужественный и бодрственный, чтобы посредством его, как посредством искусной руки, изобразить их мучения. Итак, изобразим в душе нашей мучеников... дабы, сделав разнообразием такой живописи храм души нашей светлым, приготовить в ней приличное жилище для Царя Небесного. Ибо, если Он увидит такие начертания в душе, то придет с Отцем и сотворит в нас обитель Себе с Духом Святым, и будет наша душа царским домом, и никакой непристойный помысел не войдет в нее, потому что воспоминание о мучениках, как бы разноцветная живопись, постоянно будет находиться в нас и производить великий блеск»⁴⁴. Чтобы понять силу и действенность этого необычайного способа крещения, припомним евангельские слова: «Любящий Меня возлюблен будет Отцом Моим» (Ин. 14:21) и «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих. Вы — друзья Мои, если исполняете то, что Я заповедаю вам» (Ин. 15:13–14).

Таким образом, слова Златоуста однозначно указывают на то, что во время крещения кровью мученики действительно исповедуют Христа пред человеки, погубляют душу или жизнь свою ради Евангелия, терпят гонения ради правды и свидетельствуют самую полную и величайшую любовь к Нему — любовь до смерти.

МОНАШЕСТВО

Святыми отцами Церкви как разновидность мученичества рассматривалось и монашество. Святитель Иоанн Златоуст прямо свидетельствует об этом: «Девство — особый вид мученичества, так как требует постоянной борьбы со страстями»⁴⁵.

Отцы усматривали несколько главных сторон, дающих право называть монашеское подвижничество мученичеством: отречение от мира, обеты девства, нестяжания и послушания, борьба со страстями. Такой подвиг добровольного терпения скорбей ради достижения победы над собственным падшим естеством не только подобен мученическому, но в чем-то и превосходит его, поскольку продолжается не в течение короткого промежутка времени перед смертью, но на протяжении всей жизни.

Будучи величайшим аскетом, Златоуст немало рассуждал о монашеском подвиге. В богатом эпистолярном наследии этого замечательного проповедника имеется прекрасный памятник монашеству, который называется «Сравнение власти, богатства и преимуществ царских с истинным и христианским любодумрием монашеской жизни». Приведем лишь некоторые цитаты из этого труда, посвященные рассуждению о величии и радости монашеской жизни.

Начинается «Сравнение» с размышления о благах мира и вечном блаженстве «Видя, что многие из людей более любят и уважают кажущиеся блага, нежели существенно полезные и действительно добрые, — пишет Златоуст, — я считаю необходимым сказать кратко о тех и других и противопоставить теперь одни другим — блага, многими презираемые, и блага, весьма желаемые, чтобы, узнав различие между теми и другими, мы ценили одни, как достойные привязанности и спасительные, а другие научились презирать, как ничего не стоящие»⁴⁶.

Говоря далее о примере монашеской жизни, он продолжает: «Так люди любят богатство, власть, первенство и славу, и многие ублажают властителей народов, возимых на блестящих колесницах и сопровождаемых криком глашатаев и большою толпою оруженосцев, а презирают жизнь любодумствующих и избравших монашескую жизнь; те, появляясь, обращают на себя взоры народа, а эти, появляясь, не привлекают на себя взоров ничьих или очень немногих; и последним никто не пожелал бы уподобиться, а тем — все, между тем как приобрести власть и получить господство над народом трудно и для многих невозможно, и стремящимся к этой власти нужно иметь много денег, а избрать монашескую жизнь и проводить жизнь в служении Богу для всех одинаково легко и удобно»⁴⁷.

Иными словами, монашеская жизнь доступней для многих и гораздо предпочтительней, нежели постоянное стремление к власти и деньгам. Однако проще это для людей, просвещенных светом благодати, для тех, кто, подобно Златоусту, горит желанием быть с Богом. Для прочих же гораздо ценнее и приятней иметь блага и удовольствия земные. Многие просто не понимают тленности и кратковременности богатства земного и кратковременного. «Притом, — говорит свт. Иоанн, — обладание властью прекращается с этою жизнью или, лучше сказать, еще при жизни оставляет пристрастных к ней, и даже некоторых подвергало великой опасности или позору; а монашеская жизнь и теперь обогащает праведников многими благами и по скончании жизни приводит светлыми и радостными пред судилище Бога и Отца, когда большая часть начальствовавших явятся получить великое наказание за деяния своей жизни. Посему противопоставив одни другим блага любодумрия и кажущиеся полезными блага владычества и славы в настоящей жизни, вникнем в различие тех и других благ; потому

что при сравнении они будут более ясными, или лучше, если угодно, верховное из благ, т. е. царствование, сравнив с любомудрием, посмотрим на плоды того и другого достояния, тщательно исследовав, над кем властвует царь и над кем любомудрый. Так, царь господствует над городами, и областями, и многими народами, руководствуя своими указаниями и военачальников, и градоначальников, и войска, и народы, и советы; а предавший себя Богу и избравший монашескую жизнь властвует над гневом, и завистью, и сребролюбием, и сладострастием, и прочими пороками, постоянно имея в виду и заботясь, как бы не допустить душу подпасть под власть гнусных страстей и не предать разум в рабство этой тяжелой тирании, но всегда соблюдать ум выше всего, поставив над страстями страх Божий. Такое господство и владычество принадлежит царю и такое монаху, так что справедливее иной назвал бы последнего царем, нежели блистающего багряницею и венцом и сидящего на золотом престоле»⁴⁸. Так в свойственной для себя возвышенной и доступной форме Златоуст показывает высоту монашеского подвига и его величие.

Далее трактат прославляет монашество, справедливо вознося иноческое делание над царскими заботами. Важным является мнение Златоуста в данном вопросе относительно пользы от трудов царских и подвигов монашеских. «Теперь рассмотрим, — пишет богомудрый святитель, — и то, что монах и что царь доставляет подданным: этот — золото, а тот — благодать Духа, этот избавляет от бедности, если он добр, а тот молитвами освобождает души, одержимые демонами. И если кому-либо случится подвергнуться таким несчастьям, то он проходит мимо царя, как бы бездушного предмета, и поспешает в жилище монахов, как бы избегая волка и прибегая к зверолову, имеющему меч в руке; ибо что для зверолова меч, то для монашествующего молитва. Подлинно, не так страшен для волков меч, как для демонов — молитвы праведников. Посему не только мы в нуждах прибегаем к святым монахам, но и сами цари прибегают к ним в опасных обстоятельствах, как бедные во время голода — к жилищам богатых»⁴⁹.

В качестве обобщения всего вышесказанного хотелось бы привести мнение Златоуста о монашестве как о продолжении мученичества: «А как можно, скажешь, подражать теперь мученикам? Теперь не время гонения. Знаю это и я; не время гонения, но время мученичества; не время таких подвигов, но время венцов; не преследуют люди, но преследуют бесы; не гонит мучитель, но гонит диавол, который тяжелее всех мучителей; ты не видишь пред собой угольев, но видишь разжженный пламень похоти. Они попирали уголья, а ты попирай огонь естества; они боролись со зверьми, а ты обуздывай гнев, этого дикого и неукротимого зверя; они устояли против невыносимых мук, а ты преодолевай непристойные и порочные помыслы, избилующие в твоём сердце, — так подражай мученикам»⁵⁰. Монах с благодарностью принимает все таким, как оно есть: он учится с одинаковой радостью принимать от руки Божьей как утешение, так и скорбь, как здоровье, так и болезнь, как добрых людей, так и злых. Живя так, он приобретает особый, ничем не возмущаемый внутренний мир, непрестанную радость о Боге, которую не могут омрачить никакие внешние обстоятельства. «Слава Богу за все», — говорил святитель Иоанн Златоуст, лишенный епи-

скопской кафедры, изгнанный из отечества и умиравший на чужбине в тяжких страданиях. Подобно Христу, Который «смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной» (Флп. 2:8), монах стремится быть послушным Богу до смерти, до креста.

ВНУТРЕННИЕ УСЛОВИЯ СОВЕРШЕНИЯ МУЧЕНИЧЕСТВА

Господь Иисус Христос, Сын Божий, Своим воплощением, жизнью, учением, страданием, смертью, сошествием во ад, Воскресением, Вознесением и прославлением по человечеству от Бога Отца даровал все необходимое для спасения людей — стал Искупителем всего человечества, Освободителем от греха, осуждения и смерти. Исполнение Евангельских заповедей есть дело жизни каждого христианина, желающего унаследовать вечную жизнь. В Церкви человек призван «со Христом похоронить себя, со Христом воскреснуть, Христу сопоследовать, стать сыном Божиим и называться богом»⁵¹.

Истинная Церковь может быть немногочисленной, она может быть гонимой еретиками, лишенной принадлежащих ей зданий и внешнего великолепия, но пока в ней сохраняется в неповрежденной чистоте христианская вера, она остается местом присутствия Божия и обожения людей, местом, где звучит проповедь Евангелия и где совершается восхождение человека к небу. В Церкви, начиная с апостолов, которые приняли смерть от гонителей, мученикам как «свидетелям» всегда воздавалась особая честь, так как они возлюбили Христа и Его Евангелие даже до пролития собственной крови. Но вместе с этой высокой честью всегда выдвигались и высокие требования к образу совершения мученичества, по слову Господа, заповедавшего Своим ученикам: «Научитесь от Меня, яко кроток есть и смирен сердцем» (Мф. 11:29). От идущего на мучения христианина требовались абсолютное незлобие, смирение и кротость. Поэтому и святитель Иоанн в своем слове призывает к подражанию Христову незлобию: «Желающий жить по образу Божию должен быть презираемым всеми, стать предметом насмешек, неуважения, как на словах, так и в делах. По этой причине Спаситель повелевает не воздавать зла обидчику, чтобы, воздавая обижающему, ты не погубил сообразной с природой кротости. Поэтому не возмечтай о себе, что ты вправе отомстить за себя обижающему. Помни о святых наставлениях Павла: *никому не воздавайте злом за зло* (Рим. 12:17)»⁵².

Святитель также указывает и на то, что мученичество является плодом Крестных Страданий Христа: «Не прошло еще двадцати дней, как мы совершали память Креста, и вот уже совершаем память мучениц. Видишь ли, как скоро явился плод смерти Христовой? Ради Той Овцы потерпели заклание эти юницы, ради Того Агнца эти жертвы, ради Той Жертвы эти приношения. Не прошло еще и двадцати дней, и уже древо Креста произрастило прекрасные отрасли мучеников: таковы действия Христовой смерти»⁵³.

«Незлобие Христово, — продолжает святитель, — низложило дерзость дьявола, и кротость Господня преодолела дикую ярость лукавого. И ты поэтому

предложи себе этот образ для подражания... сделай так же и подражай Господу, Который сносил безбожную наглость даже до креста и достойным погибели предлагает покаяние»⁵⁴. И действительно, от мученика требуется любовь, подобная любви Спасителя, Который молился за распинающих Его: «Отче! прости им, ибо не знают, что делают» (Лк. 23:34). Любовь к врагам есть истинное подражание Христу. И если мы откроем любое жизнеописание мучеников Христовых, то не сможем найти там такого факта, что мученики проклинали или поносили своих палачей. Для людей, в сердцах которых поселилась любовь христианская, уже нет места для ненависти и злобы.

Из житий св. мучеников известно, что все они презирали суету мира, его ценности и блага. Подобно Христу в Гефсимании, они горячо молились об укреплении в грядущих страданиях, чтобы не отпасть от Бога, не выдержав натиска мучителей. Они думали о вечности: о блаженстве и радости Богообщения, мыслили они не о подвигах своих, но о награде от Бога. «Итак, не будем страшиться, слыша, что такой-то потерпел мученичество, — говорит Златоуст, — но будем страшиться, слыша, что такой-то оказался слабым и пал тогда, как предстояли ему такие награды. Если же хочешь слышать и о наградах будущих, то знай, что никакое слово не может изобразить их: ибо око не виде, говорит апостол, и ухо не слыша, и на сердце человеку не приходило то, что уготовал Бог любящим Его (см.: 1 Кор. 2:9), а никто из людей не возлюбил Его так, как мученики»⁵⁵. Этими словами красноречивый проповедник показывает то, что святые могли претерпеть мучения и понести такие подвиги потому, что они имели великую любовь. Внутреннее расположение их сердец было таково, что всю свою жизнь они направляли к Богу, Которого они возлюбили более всего на свете.

Как выше было отмечено, мученики явились подражателями Христовых Страданий, и в этом моменте сокрыта вся духовная сущность этого рода подвижничества. Мученики, идя на истязания, шли сострадать Христу, и все их мужество и сила в бесчеловечных муках заключались в том, что и Христос, сострадая, укреплял их. Они следовали путем Христовым. Об этом так говорит святитель: «...Видев кровь (мучеников), ужасался диавол, потому что вспоминал о другой крови – Владычней; ради той текла и эта кровь, потому что с тех пор, как прободено ребро Владыки, ты видишь тысячи прободенных ребер. И кто не пойдет на эти подвиги с великой радостью, имея в виду приобщиться страданий Господних и сделаться сообразным смерти Христовой? Это достаточное воздаяние, честь большая, награда, превышающая труды, еще прежде Царства Небесного»⁵⁶. Так же Златоуст в одном из похвальных слов святым мученикам прямо говорит, что где мученические узы, там и Христос⁵⁷.

Вся жизнь человека должна свидетельствовать о нем как об истинном христианине. И мученическая смерть для таковых становилась венцом всей многотрудной христианской жизни, исполненной различными искушениями. «Мученики совершили величайшие дела своей светлой жизнью; большее совершив, издавая не голос из уст, но гораздо высший изустного — голос самих дел, которым они беседуют со всем человеческим естеством, говоря такие слова: посмотрите на нас, какие мы потерпели бедствия»⁵⁸. Конечно же, диавол не в силах

был одолеть тех, кто более других возлюбил Господа. Не мог он победить тех, кто страдал за Христа, кому помогал Сам Христос. Господь являет такие чудеса через святых мучеников, которые стремились к вечной жизни так, что не страшились даже смерти. Такой настрой и мужество имели святые мужи, подражая Христу, умертвившему смерть. Ведь такое презрение к смерти стало возможно только благодаря Воскресению Христову, благодаря Его победе над тлением и попранию дьявола. Святитель Иоанн Златоуст облекает эту мысль в такую форму: «Сильнейшим поистине доказательством воскресения служит то, что Христос умерщвленный явил после смерти такую силу, что живых людей убедил презирать и отечество, и дом, и друзей, и родных, и самую жизнь ради исповедания Его, и настоящим удовольствиям предпочитать бичевания, опасности и смерть. Такие подвиги свойственны не мертвецу и не оставшемуся во гробе, но воскресшему и живому»⁵⁹. О внутреннем состоянии подвижника и о подвиге исповедничества святитель говорит так: «В мученичестве, братие, ценится не конец только, но и намерение. Не после того, как потерпел мученик усекновение, он делается мучеником, но с того самого времени, как он обнаружил готовность умереть за исповедание, он уже есть мученик, хотя бы и не потерпел мученической смерти»⁶⁰.

ВНЕШНИЕ УСЛОВИЯ СОВЕРШЕНИЯ МУЧЕНИЧЕСТВА

Что же касается внешних условий страдания и прославления мучеников, то здесь уместно сказать, что смерть мученика всегда рассматривалась как день рождения для Царства Небесного, день вступления в лучшую жизнь. И среди огромного количества мучеников в первые времена христианства Церковь всегда ставила четкие правила правильного совершения поприща мученичества. Так, Церковь не признавала мучениками тех, которые специально вызывались на мучения, намеренно разжигая вражду, понося гонителей и ведя себя вызывающе⁶¹.

Другим условием является добровольное принятие мученического венца. Человек, которого призывает Господь на этот подвиг, не должен страшиться и бежать или скрываться от гонителей, но, твердо осознавая все грядущие испытания, должен идти на страдание. Иоанн Златоуст об этом говорит так: «Бог не принимает того, что совершается в силу необходимости, но только то, что совершается свободной волей»⁶². Как некогда Господь добровольно шел на Голгофу, неся Крест Свой, так и мученик должен осознанно идти в подражание Спасителю нашему.

В похвальном слове святой великомученице Дросиде святитель указывает три необходимых условия: «Ни пол, ни возраст и ничто другое не может воспрепятствовать, когда есть усердие, ревность и пламенная вера; этим всем будем и мы приобретать себе благодать Божию, как это было и с этою блаженною Дросидою. У ней было слабое тело, беззащитен пол, несовершен возраст, но низшедшая благодать покрыла немощь всего этого, потому что нашла она ревность мужественную, веру нелицемерную и душу, готовую на опасности»⁶³.

Несомненно и то, что святыми могут быть только члены Церкви, а никак не пострадавшие еретики или схизматики. 9-е и 34-е правила Лаодикийского Собора прямо называют скончавшихся не за католическую веру лжемучениками и запрещают членам Церкви посещать места их захоронения с какой бы то ни было целью.

О том, что грех раскола не смывается кровью, Златоуст говорит следующее: «Есть два вида отделения от Церкви: один, когда мы охлаждаем в любви, а другой — когда осмеливаемся совершить что-нибудь недостойное по отношению к этому телу Церкви. В том и другом случае мы отделяемся от целого. Если же нам поручено созидать других и мы не созидаем, но сами первые производим разделения, то чего не придется потерпеть за это? Ничто не может столько производить разделений в Церкви, как любоначание: ничто так не оскорбляет Бога, как разделения в Церкви. Хотя бы мы совершили тысячу добрых дел, подвергнемся осуждению не меньше тех, которые терзали тело Его, если будем расторгать целость Церкви. Первое совершено было для пользы всего мира, хотя и не с тем намерением; а последнее не доставляет никому никакой пользы, напротив, составляет великий вред. Сказанное мною относится не к начальствующим только, но и к подчиненным. Один святой муж сказал нечто такое, что могло бы показаться дерзким. Что же именно? Он сказал, что такого греха не может загладить даже кровь мученическая. В самом деле, скажи мне, для чего ты принимаешь мучения? Не для славы ли Христовой? Итак, будучи готов положить свою душу за Христа, как решаешься ты разорвать Церковь, за которую положил душу Христос? Послушай, что говорит о себе Павел: "недостойн называться Апостолом, потому что гнал церковь Божию" (1 Кор. 15:9). Вред от разделений не меньше того, какой причиняют враги, а гораздо больше. Там доставляется Церкви еще больший блеск, между тем как тут она сама себя роняет в глазах врагов, когда против нее воюют ее собственные дети»⁶⁴.

Святитель Иоанн о внешней, очевидной для всех стороне мученической кончины в «Похвальном слове всем святым мученикам» говорит следующее: «Впрочем, потому, что величие уготованных благ превышает и слово и ум наш, мы не будем молчать о них, но, сколько возможно нам сказать и вам выслушать, постараемся, хотя не ясно, изобразить вам блаженство, которое ожидает там мучеников, ибо ясно познают его только те, которые наслаждаются им на самом опыте. Здешние жестокие и невыносимые страдания мученики терпят в краткое течение времени, а по отшествии отсюда они восходят на небеса, причем Ангелы предшествуют им и Архангелы сопровождают их, ибо не стыдятся сослужителей своих и готовы все делать для них, как и те решились потерпеть все для Христа, своего Господа»⁶⁵.

Необходимо привести здесь и другую пространную, но весьма важную цитату: «По восшествии на небо, сретают их все святые Силы. Прибыв туда и поклонившись Сидящему на престоле, мученики удостоиваются от Господа гораздо большего благоволения, нежели от сослужителей (небесных), ибо Он принимает их не как рабов, — хотя и это величайшая честь, с которою ничто не может сравниться, — но как друзей Своих: вы, говорит Он, друзья Мои есте (см.: Ин.

15:14), и весьма справедливо, потому что Сам Он сказал еще: больше сея любви никто же имеет, да кто душу свою положит за други своя (см.: Ин. 15:13). Так как они показали величайшую любовь, то Он с любовью и принимает их, и наслаждаются они тамошнею славою, соединяются с ликами (ангельскими), участвуют в таинственных песнопениях. Ибо если они, еще находясь в теле, чрез участие в Таинствах, принадлежали к тамошнему лику, воспевая Трисвятую песнь вместе с Херувимами, как известно вам, посвященным в тайны, то тем больше по соединении с теми, с которыми прежде составляли один лик, они с великим дерзновением участвуют в тамошнем славословии»⁶⁶.

ПРОСЛАВЛЕНИЕ МУЧЕНИКОВ

Много трудов было положено святителем Иоанном Златоустом для прославления как отдельных мучеников, так и всего исповеднического лика. Поистине смерть попрана Христом, сошедшим во ад, уничижаема святыми подвижниками, жизнь которых была свидетельством, как у апостолов. Презираема она и святыми мужами, полагавшими жизни свои ради жизни вечной. Действительно, это победа Церкви, это Ее радость. Теперь те, кто был гоним и презираем, радуются и веселятся в вечности. Церковь прославляет их и светло празднует дни их памяти. Здесь представляется весьма уместным привести слова свт. Иоанна Златоуста о торжестве Церкви и прославлении святых мучеников: «Опять память мучеников и опять праздник и духовное торжество. Они страдали, и мы радуемся; они подвизались, и мы веселимся; их — венец и слава — общая, или — лучше — слава всей Церкви. Как же, скажешь, это может быть? Так, что мученики суть наши части и члены; но "страдает ли один член — страдают с ним все члены; славится ли один член — с ним радуются все члены" (1 Кор. 12:26). Венчается голова — и остальное тело веселится. Один делается победителем на Олимпийских играх — и весь народ радуется и принимает его с великой похвалой. Если же на Олимпийских играх получают такое удовольствие те, которые нисколько не участвовали в трудах, то тем более это может быть при подвижниках благочестия. Мы — ноги, а мученики — голова; но «не может сказать... голова ногам: "вы мне не нужны" (1 Кор. 12:21)»⁶⁷. Еще святой Златоуст говорит про всеобщее Церковное радование в дни памяти тех, кто засвидетельствовал своей кончиной истинность Воскресения Христова: «Прославлены члены, но превосходство славы не отчуждает их от союза с остальными частями: тогда особенно они и славны, когда не отклоняются от союза с нами; так и глаз, будучи светлее всего остального тела, тогда сохраняет свойственную ему славу, когда не отделяется от остального тела»⁶⁸.

Поистине в дни памяти святых мучеников радуется и ликует вся Церковь. Радостно и торжественно воспеваются хвалебные гимны и псалмы в честь святых свидетелей Церкви. Однако почитать честь мучеников «надо, — говорит Златоуст, — подражанием их чистотой совести. Хорошее дело — посещать гробницы мучеников, но надо и после богослужения сохранять благоговение к муче-

никам. Пьяница не наследует Царства Божия и здесь не испытывает настоящего удовольствия. У гробов мучеников можно иметь свое, духовное наслаждение и должно учиться мужеству, борьбе со страстями, а не предаваться чувственным удовольствиям»⁶⁹.

Святитель Иоанн, будучи ревностным почитателем святых мучеников, высоко ценя их подвиг, желает праздновать память этих святых мужей и жен ежедневно. И других он призывает к этому. В беседе о мучениках святитель говорит: «Праздники мучеников признаются не только по круговороту дней, но и по расположению празднующих. Например: ты стал подражать мученику, поревновал его добродетели, пошел по следам его любомудрия? Вот ты, и без наступления дня мученика, отпраздновал праздник мученика, потому что честь мученику — подражание мученику. Как те, которые совершают худые дела, бывают и в праздники без праздников, так и те, которые следуют добродетели, и без торжества совершают праздник, потому что праздник отмечается чистотой совести. Это выражал и Павел, когда говорил: "Посему станем праздновать не со старою закваскою... порока и лукавства, но с опресноками чистоты и истины" (1 Кор. 5:8). Таким образом, есть опресноки у иудеев, есть и у нас; но у них опресноки из муки, а у нас — чистота жизни, жизнь свободная от всякого порока, так что, кто соблюдает жизнь свою чистой от нечистоты и пятен, тот каждодневно празднует и всегда торжествует, хотя бы и не в день мучеников и не в их храмах, но и сидя дома. Можно и у себя праздновать праздник мучеников. Говорю это не для того, чтобы нам не приходиться к гробам мучеников, но чтобы, пришедши, мы встречали праздник с надлежащим усердием и не только в дни их, но и без этих дней, оказывали одинаковое благоговение»⁷⁰.

Прославляя святых мучеников, Златоуст восторгается ими и ценит их более всего на свете. Подвиг этих мужей вдохновляет Божественного святителя на различные эпитеты и возвышенные сравнения, которых они, конечно, были достойны. «Что же? — вопрошает Златоуст сам себя и отвечает: — И мученики, хотя облечены телом, но бессмертным, или, лучше, еще прежде бессмертия смерть за Христа украсила тела их больше бессмертия. Не так светло небо, украшаемое сонмом звезд, как светлы тела мучеников, украшаемые множеством ран. Так, умерши, они сделали величайшее приобретение и еще прежде бессмертия получили награды, быв увенчаны смертию. Умалил еси его малым чим от ангел, славою и честью венчал еси его, говорит Давид о естестве человеческом вообще (см.: Пс. 8, 6), но и это малое Христос, пришедши, восполнил, поправ смертию смерть. Впрочем, не это я доказываю, но то, что самый недостаток, состоящий в смертности, сделался для них приобретением, — ибо, если бы они не были смертными, то не сделались бы мучениками, — так что если бы не было смерти, то не было бы и венца, если бы не было кончины, то не было бы мученичества; если бы не было смерти, то Павел не мог бы сказать: "Я каждый день умираю: свидетельствуюсь в том похвалою вашею, братия, которую я имею во Христе Иисусе, Господе нашем" (1 Кор. 15:31); если бы не было смерти и тления, то он также не мог бы сказать: "радуюсь в страданиях моих за вас и исполняю лишение в плоти моей скорбей Христовых" (Кол. 1:24)»⁷¹. Действительно, такой ве-

ликолепной похвалы достойны мученики, пребывающие ныне пред Престолом Всевышнего и получившие великое дерзновение перед Ним.

Подводя итог учению святителя Иоанна о прославлении мучеников, стоит еще раз отметить, что Златоуст ничего более ценного в мире, чем подвиг святых, умерших за Христа, не видел. Непревзойденный в слове, святитель Иоанн в похвальном слове в честь святых Египетских мучеников говорит: «Осуждены были в рудники, где должны были выкапывать медь те, которые были сами часто драгоценнее золота и состояли из невещественного золота, выкапываемого не руками осужденных, но найденного ревностью верных мужей; работали в рудниках те, которые были исполнены несметных сокровищ. Они видели нечто и прискорбнее такой жизни и исполнение на самих себе тех повествований о великих мужах, которые Павел излагает, говоря о святых, которые "верою побеждали царства, творили правду, получали обетования... те, которых весь мир не был достоин, скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли" (Евр. 11:33–38)»⁷².

Сам святитель еще сподобился видеть многих из тех, кого восхвалял за стойкость и терпение. Однако на смену этим исповедникам веры шло поколение подвижников благочестия, украсивших вечное Божие создание — Святую Церковь Христову — подвигами и трудами преподобническими.

ПОЧИТАНИЕ СВЯТЫХ МОЩЕЙ

Учение святителя Иоанна Златоуста о мученичестве и мучениках было бы неполным без его учения о почитании мощей святых угодников Божьих. О важности и величии святых останков угодников Божьих красноречивейшим из отцов сказано было множество похвальных слов и почтительных проповедей. В собрании сочинений Златоуста вся вторая часть второго тома посвящена похвальным словам и беседам о мучениках. В каждой из них святитель говорит о величии мощей мучеников и необходимости их почитания. Из такого разнообразия сложно процитировать и малую часть, так как и она будет слишком объемной.

Например, в первой беседе о Маккавеях Златоуст произносит: «Не говори мне о прахе, не представляй пепла и истлевших от времени костей их, но открой очи веры и посмотри на присущую им силу Божию, на облекшую их благодать Духа, на окружающую их славу небесного света. Не такие лучи падают на землю с солнечного круга, какое сияние и блеск исходит из этих тел, ослепляя даже взоры диавола»⁷³.

Можно процитировать и другое изречение святителя: «Драгоценны эти тела, потому что они приняли раны за своего Господа, потому что они носят язвы за Христа. И как царский венец, украшенный со всех сторон различными камнями, производит разнообразный блеск, так точно и тела святых мучеников, усеянные язвами за Христа, как бы дорогими камнями, являются драгоценнее и великолепнонее всякой царской диадемы»⁷⁴.

Размышляя о великой пользе и ценности святых мощей в «Слове Египетским мученикам», Златоуст восклицает: «Тела святых ограждают город лучше всякой твердыни и, подобно высоким скалам, зримым отовсюду, не только отражают нападения видимых врагов, но и все козни и наветы демонов разрушают столь же легко, как сильный муж разрушает забавы детей. Подлинно все человеческие средства, употребляемые для охранения жителей, как-то: стены, рвы, оружие, война и прочее, — враг может преодолеть другими, еще сильнейшими средствами. Но если город защищен телами святых, то, сколько бы ни ухитрились неприятели, не могут противопоставить им ничего равносильного»⁷⁵.

Однако благодатная польза святых мощей, по мнению Златоуста, не ограничивается этим. В том же «Слове» святитель говорит: «И не только против козней людей и против коварства бесов полезно нам это сокровище, возлюбленный, но если бы прогневался на нас и общий наш Владыка за множество грехов, то, предложив в защиту себя эти тела, мы скоро сможем преклонить Его на милость к городу. Если совершившие великие подвиги при праотцах наших, предлагая в защиту имени святых мужей и прибегая к наименованию Авраама, Исаака и Иакова, получали некоторое утешение, а от воспоминания этих имен получали великую пользу, то много более мы, предлагая в защиту не имена только, но и самые тела подвизавшиеся, в состоянии будем преклонить Бога на милость, снисхождение и благоволение»⁷⁶. Можно ли после всех этих слов еще что-либо добавить о ценности мощей угодников Божиих?

Неоднократно высказывался святитель также о гробницах святых мучеников и о необходимости почитать не только сами тела, но и места их захоронений: «Гробницы мучеников суть не что иное, как безопасные гавани, источники духовных вод, сокровища богатства неистощимые и никогда не исчерпаемые. Как гавани, принимая корабли, заливаемые множеством волн, ставят их в безопасность, так точно и гробницы мучеников, приняв наши души, заливаемые житейскими делами, ставят их в великую тишину и безопасность. И как источники холодных вод оживляют тела, изнуренные трудом и жаром, так точно и эти гробницы прохлаждают души, опаленные неуместными страстями, и погашают, при одном на них взгляде, и неуместную похоть, и иссушающую зависть, и пламенный гнев, и все другое, что ни тревожило бы нас. И сокровищ они гораздо лучше, потому что денежные сокровища подвергают многим опасностям тех, кто находит их, и, будучи разделены на многие части, от этого деления уменьшаются; а здесь нет ничего такого, но в противоположность чувственным сокровищам и приобретение безопасно, и деление не производит уменьшения. Те, как я сейчас сказал, будучи раздроблены на части, делаются меньше; а эти, когда будут разделены между многими, тогда еще более показывают свое богатство. Таково естество предметов духовных: они от раздробления увеличиваются, от деления умножаются. Не так приятны луга, представляющие зрителям розы и фиалки, как — гробы мучеников, доставляющие душам зрителей некоторое неувядающее и ненарушимое удовольствие»⁷⁷.

В другом месте Златоуст о почитании гробниц, приносящем великую пользу, говорит: «Оставайся при гробе мученика, проливай там источники слез, со-

крушайся душой, получай благословение от этого гроба; приобретши ходатайство его в молитвах, проводи всегда время в слушании повествований об его подвигах, обнимай его гробницу, пригвозди себя к его раке, потому что не только кости мучеников, но и гробы их и раки источают великое благословение. Прими святой елей и помажь все свое тело, язык, уста, шею, глаза, и никогда не впадешь в кораблекрушение пьянства, так как елей своим благоуханием напоминает тебе о подвигах мучеников, обуздывает всякое невоздержание, удерживает в великом терпении и побеждает душевные болезни»⁷⁸.

Про духовные ароматы благодати, источаемые по смерти телами святых мучеников, Златоуст говорит: «Так всегда будем возвращаться от мучеников, от духовных ароматов, небесных лугов, новых и дивных зрелищ, чтобы и нам самим получить великое облегчение, и для других стать защитниками свободы, и сподобиться будущих благ»⁷⁹. Таковую великую пользу приносят святые свидетели и по своей смерти.

Златоуст восторгается великой силой мощей мучеников, которой обладают эти несметные нетленные сокровища, дарованные нам по великой милости Божией. Дабы мы не пренебрегали такими щедрыми дарами, ниспосланными нам от Господа, и не получили от небрежения ими осуждение, и не причинили нерадением о них вреда для души, святитель Иоанн, предостерегая нас от этого, поучает: «Если при Елисее случилось, что мертвый, прикоснувшись только к гробнице его, расторг узы смерти и снова возвратился к жизни, то гораздо более ныне, когда благодать обильнее, когда действие Духа сильнее, прикасающийся к этой гробнице с верой может получить от нее великую силу. Поэтому Бог и оставил нам мощи святых, желая привести нас к одинаковой с ними ревности и дать нам надежное прибежище и утешение в бедствиях, постоянно постигающих нас. Итак, убеждаю всех вас, находится ли кто в унынии, или в болезнях, или в скорбях, или в каком-нибудь другом житейском несчастье, или в глубине грехов, пусть с верой приходит сюда, и он избавится от всего этого, и возвратится с великой радостью, получив облегчение совести от одного созерцания; или – лучше – не одним только находящимся в несчастьях необходимо приходиться сюда, но хотя бы кто находился в радости, во славе, во власти или имел великое дерзновение перед Богом, и тот пусть не пренебрегает этой пользой. Он, пришедши сюда и увидев этого святого, сделает свои блага непоколебимыми, воспоминанием об его подвигах научив душу свою умерять себя и не допустив совести своей превозноситься своими делами»⁸⁰.

И, конечно, нельзя обойти вниманием еще одну фразу святого Иоанна Златоуста, ибо она, как драгоценная оправа, украшает собой все его возвышенное учение о почитании святых мощей и гробниц славных мужей и жен: «Будем же с этим пламенем припадать к их останкам; будем обнимать их гробницы, потому что и гробницы мучеников могут иметь великую силу, равно как и кости мучеников имеют великую силу. И не только в день этого праздника, но и в другие дни будем постоянно при них, будем призывать их, будем просить, чтобы они были нашими предстательницами; они имеют великое дерзновение не только при жизни, но и по смерти, и гораздо более по смерти, потому что ныне они

носят язвы Христовы, а показывая эти язвы, они могут о всем умолить Царя. Итак, если у них такая сила и близость к Богу, то мы, поставив себя в близость к ним непрерывным посещением их и постоянным пребыванием с ними, будем снискивать себе через них человеколюбие Божие»⁸¹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Святитель Иоанн Златоуст вошел в историю как великий духовный подвижник и учитель Церкви. Прожив жизнь, полную скорбей, он глубоко почитал мучеников, в дни их памяти совершал богослужения и произносил проповеди, посвященные их подвигу. Он призывал всех людей как можно чаще обращаться с молитвой к мученикам, чтить их память.

И не только чтить, но — самое главное — подражать им в своей жизни. Даже тогда, когда нет необходимости в открытом исповедании веры. Ибо мученичество — это подвиг актуальный во всякое время и для всякого истинно верующего. Это подвиг, в котором человек открывает для себя Христа как наивысшую ценность, обретает в Нем всю красоту и смысл жизни, умирает ради Христа, чтобы жить с Ним вечно.

¹ Цит. по: *Еп. Иларион (Алфеев)*. Таинство веры. С. 236.

² *Протопресвитер Иоанн Мейендорф*. История Церкви и восточно-христианской мистики. С. 77.

³ *Митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий*. Канонизация святых в Русской Православной Церкви. Доклад на Рождественских чтениях 2004 г.

⁴ *Попов И.В., мученик*. Труды по патрологии. Т. 1. С. 346.

⁵ *Прот. Георгий Флоровский*. Восточные отцы IV века. С. 56.

⁶ *Свт. Иоанн Златоуст*. Т. 2. Слово похвальное первое о мученике Романе. С. 652.

⁷ *Свт. Иоанн Златоуст*. Т. 1. Беседа девятнадцатая о статуях. С. 211.

⁸ *Свт. Иоанн Златоуст*. Т. 2. Слово похвальное первое о мученике Романе. С. 651.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 652.

¹¹ *Свт. Иоанн Златоуст*. Т. 2. Похвала святому священномученику Игнатию Богоносцу. С. 632.

¹² Там же. С. 639.

¹³ Там же. С. 632.

¹⁴ *Свт. Иоанн Златоуст*. Т. 2. Похвальная беседа о святых мученицах. С. 675.

¹⁵ Там же. С. 678.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 679.

¹⁸ Там же.

- ¹⁹ *Свт. Иоанн Златоуст.* Т. 2. Беседа о мучениках и о сокрушении и милостыни. С. 691.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ *Свт. Иоанн Златоуст.* Т. 2. Похвальная беседа о святых мученицах. С. 674.
- ²² Там же.
- ²³ *Свт. Иоанн Златоуст.* Т. 2. Беседа девятнадцатая о статуях. С. 222.
- ²⁴ *Свт. Иоанн Златоуст.* Т. 2. Похвала всем святым мученикам. С. 754.
- ²⁵ *Свт. Иоанн Златоуст.* Т. 2. Беседа первая о святых Маккавеях и о матери их. С. 663.
- ²⁶ Там же. С. 664.
- ²⁷ *Свт. Игнатий Брянчанинов.* Аскетические опыты. С. 279.
- ²⁸ *Свт. Иоанн Златоуст.* Т. 2. Беседа о мучениках и о сокрушении и милостыне. С. 694.
- ²⁹ Там же. С. 692.
- ³⁰ *Свт. Иоанн Златоуст.* Т. 1. Слово восьмое против иудеев. С. 745.
- ³¹ *Свт. Иоанн Златоуст.* Т. 7. Толкование на святого Матфея Евангелиста. С. 404.
- ³² Там же. С. 105.
- ³³ Там же. С. 545.
- ³⁴ Там же. С. 546.
- ³⁵ *Свт. Иоанн Златоуст.* Т. 2. Беседа о статуях первая. С. 25.
- ³⁶ *Свт. Иоанн Златоуст.* Т. 1. Слово седьмое против анонеев. С. 559.
- ³⁷ *Свт. Иоанн Златоуст.* Т. 5. Беседа на псалом 110. С. 299.
- ³⁸ *Болотов В.В.* Лекции по истории древней Церкви. С. 5.
- ³⁹ *Свт. Иоанн Златоуст.* Т. 7. Толкование на Матфея Евангелиста. С. 664–665.
- ⁴⁰ *Свт. Василий Великий.* О Святом Духе // Творения: В 3-х т. СПб., 1911. Т. 1. Гл. 15. С. 606.
- ⁴¹ *Свт. Кирилл Иерусалимский.* Огласительное поучение 3-е. Т. 8. С. 50–51.
- ⁴² *Свт. Иоанн Златоуст.* Т. 2. Похвальная беседа о святом мученике Лукиане. С. 564.
- ⁴³ Там же. С. 565.
- ⁴⁴ *Свт. Иоанн Златоуст.* Т. 2. Похвала всем святым мученикам. С. 754.
- ⁴⁵ *Свт. Иоанн Златоуст.* Т. 2. Похвала святой первомученице Фекле. С. 794.
- ⁴⁶ *Свт. Иоанн Златоуст.* Т. 1. Слово третье к верующему отцу. С. 122.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Там же. С. 123.
- ⁴⁹ *Свт. Иоанн Златоуст.* Т. 1. Сравнение власти, богатства и преимуществ царских с истинным и христианским любомудрием монашеской жизни. С. 126.
- ⁵⁰ *Свт. Иоанн Златоуст.* Т. 2. Похвала святому мученику Варлааму. С. 724.
- ⁵¹ *Свт. Григорий Богослов.* Слово седьмое. С. 65.
- ⁵² *Свт. Иоанн Златоуст.* Т. 2. Слово о том, что ученику Христову надлежит быть кротким. С. 922.
- ⁵³ Там же. Похвальная беседа о святых мученицах. С. 674.
- ⁵⁴ Там же. Слово о том, что ученику Христову надлежит быть кротким. С. 923.
- ⁵⁵ *Свт. Иоанн Златоуст.* Т. 2. Похвала всем святым, во всем мире пострадавшим. С. 756.

- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ Там же. Похвала святому мученику Варлааму. С. 725.
- ⁵⁸ Там же. Беседа о мучениках и о сокрушении и милостыне. С. 692.
- ⁵⁹ Там же. Похвала святому Игнатию Богоносцу. С. 640.
- ⁶⁰ Там же. Т. 5. Беседа на 95-й псалом. С. 714–715.
- ⁶¹ Канонизация святых в XX веке. С. 110.
- ⁶² *Свт. Иоанн Златоуст*. Т. 5. Беседа на 95-й псалом. С. 715.
- ⁶³ *Свт. Иоанн Златоуст*. Т. 2. Похвала святой великомученице Дросиде. С. 735.
- ⁶⁴ *Свт. Иоанн Златоуст*. Т. 11. Беседы на послание к Ефесянам. С. 102.
- ⁶⁵ Там же. Т. 2. Похвала всем святым, во всем мире пострадавшим. С. 756.
- ⁶⁶ Там же.
- ⁶⁷ *Свт. Иоанн Златоуст*. Т. 2. Похвала святому отцу нашему Евстафию, архиепископу Антиохии. С. 650.
- ⁶⁸ Там же. Т. 2. Слово первое о святом мученике Романе. С. 651.
- ⁶⁹ Там же. Т. 2. Беседа о мучениках. С. 710.
- ⁷⁰ *Свт. Иоанн Златоуст*. Т. 2. Беседа о мучениках. С. 710.
- ⁷¹ *Свт. Иоанн Златоуст*. Т. 2. Похвала всем святым, во всем мире пострадавшим. С. 753.
- ⁷² Там же. С. 744.
- ⁷³ *Свт. Иоанн Златоуст*. Т. 2. Беседа первая о святых Маккавеях. С. 662.
- ⁷⁴ Там же. С. 663.
- ⁷⁵ Там же. Похвала Египетским мученикам. С. 741.
- ⁷⁶ Там же. С. 742.
- ⁷⁷ *Свт. Иоанн Златоуст*. Т. 2. Беседа о мучениках и о сокрушении и милостыне. С. 694.
- ⁷⁸ Там же. Беседа о мучениках. С. 712.
- ⁷⁹ *Свт. Иоанн Златоуст*. Т. 2. Беседа о мучениках. С. 713.
- ⁸⁰ Там же. Похвала святому Игнатию Богоносцу. С. 641.
- ⁸¹ *Свт. Иоанн Златоуст*. Т. 2. Беседа о святых мученицах. С. 686.

Священник Алексей Рыженков

ЕВАНГЕЛЬСКАЯ ЭКЗЕГЕЗА в работах древних толкователей и русских библеистов конца XIX – начала XX в. на примере Ин. 2:4

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность обозначенной темы обусловлена необходимостью оценки достижений отечественной библеистики XIX–XX вв. и использования этих достижений в научно-педагогическом процессе. Не имея возможности рассмотреть относительно большой евангельский отрывок, мы выбрали для примерного анализа стих Ин. 2:4. Такой выбор был обусловлен тем, что этот отрывок вызвал в истории экзегезы многочисленные толкования, в результате чего в сознании Церкви не было закреплено его общеобязательное понимание. Именно поэтому анализ толкований поздних комментаторов на этот стих мог оказаться продуктивным для установления степени и характера их традиционности или новизны по сравнению с комментариями древних св. отцов.

Целью нашего исследования является характеристика экзегетического метода православных библеистов конца XIX – начала XX вв. с точки зрения его традиционности.

1. СВЯТООТЕЧЕСКИЕ ТОЛКОВАНИЯ IV–V вв.

Свт. Кирилл Александрийский, толкуя этот отрывок, говорит, что «не подобало спешить в совершении этого чуда и казаться как бы самовольным чудотворцем, но приступить к сему только тогда, когда призывают, сообщая этим благодать нужде, а отнюдь не зрителям. Да и получение желаемого кажется более приятным, когда оно дается просящим не сразу и не без труда, но когда через небольшое замедление вызывает тем лучшую надежду. А кроме того, Христос показывает через это и достопримечательное почтение, подобающее (от детей) родителям, из уважения к Матери приступая к совершению того, чего совершать еще не желал»¹. Свт. Кирилл, таким образом, подчеркивает следующие принципиальные моменты:

1. Господь не хотел спешить в совершении этого чуда и казаться самовольным чудотворцем.
2. Чудо вызвано нуждой, а не совершается ради себя самого.
3. Чудо, происходящее не сразу, вызывает в людях надежду.

4. Христос показывает почтение, подобающее (от детей) родителям.

Свт. Иоанн Златоуст в своем обширном толковании на это место в Евангелии от Иоанна пишет, что, приводя слова Христа: *не прииде час Мой*, апостол хотел показать, что «в то время Он (т. е. Господь) был еще не всем известен и не имел полного сонма учеников; Ему последовал только Андрей, а с ним Филипп, а кроме них никто другой. Да и они не знали Его как должно, ни даже Мать Его, ни братья... Не знали Его и присутствовавшие на браке»². Далее святитель пытается воспроизвести то, о чем Господь мог подумать, услышав просьбу Своей Матери: «Меня еще не знают присутствующие; они не знают и того, что недостало вина. Дай им сперва почувствовать это. Да об этом и не от Тебя Мне надлежало бы слышать. Ты Моя Мать, и потому Ты само чудо делаешь подозрительным. А надлежало бы самим нуждающимся обратиться ко Мне с просьбою; не потому, чтобы Я в этом нуждался, но чтобы они с большим доверием приняли этот случай. Видящий себя в нужде, когда получит то, что нужно, остается после того много благодарным; а кто еще не чувствует нужды, тот не почувствует вполне и живо и самого благодеяния»³.

Продолжаем цитировать Златоуста: «Для чего же, сказав: *не прииде час Мой* и таким образом отказав, Он, однако ж, сделал то, о чем говорила Ему Мать? Для того особенно, чтобы людям, прекословящим и считающим Его под условиями времени, достаточно показать, что Он не подлежит времени»⁴. Здесь святитель, очевидно, отвергает еретическое прочтение евангельского рассказа, согласно которому Христос, не обладая полнотой Божества, понимается как подвластный времени (предопределению) человек.

Суммируя вышеизложенное, а также другие идеи, представленные в толковании Златоуста, в качестве принципиальных моментов можно выделить следующее:

1. «Час» Господа еще не пришел, поскольку Он был еще не всем известен (в том числе и присутствующим) и еще не открылась нехватка вина.

2. Чудо, вызванное нуждой (недостачей вина), вызывает более доверия и благодарности (свт. Кирилл, п. 3).

3. Господь не подвластен времени (против неких еретиков).

4. Просьба Матери делает чудо подозрительным.

5. Чудо совершается из почтения к Матери, чтобы не показаться во всем Ей противоречащим или не могущим этого сделать и чтобы тем не постыдить Свою Мать (свт. Кирилл, п. 4).

6. Неотступная молитва (особенно многих) делает недостойных достойными получаемого от Бога.

7. Господь отказывал не по немощи, а по смирению.

8. Христос не хотел не подать мысли, будто Он Сам слишком спешит к совершению чуда (свт. Кирилл, п. 1).

Толкуя этот стих, блж. Августин говорит, что у Христа две природы – человеческая и Божественная. Несмотря на то что Христос существует в обеих природах, то, что свойственно Ему по человеческой природе, не свойственно Ему по Божеству. Совершить чудо свойственно Ему по Божеству, полученному от Отца.

Блж. Августин пытается перефразировать слова Христа. Он пишет, что когда Христос говорит эти слова, Он как бы говорит следующее: «Я не получал от Тебя того, что позволяет Мне совершать чудеса, но то, что позволяет Мне страдать, то есть человеческую природу». Итак, «Я признаю Тебя, когда эти слова человеческой природы будут висеть на Кресте». Господь говорит, что Его время еще не пришло, как бы говоря: «Я признаю Тебя как Мать, когда придет время моих страданий»⁵. В таком толковании блж. Августин исходил из опровержения толкования гностиков, которые отвергали человеческое естество Христа. Блж. Августин предлагает также и другое возможное понимание «часа», согласно которому так обозначалось время, когда на браке закончилось вино. «Иначе — по словам Августина — скорее показалось бы, что Он *смешал* элементы, а не *пре-творил* их»⁶.

Таким образом, у блж. Августина можно выделить следующие моменты:

1. Господь творит чудеса по Божеству, полученному от Отца, а не от Матери, от которой Он получил человечество.
2. «Час» — время страданий, возможных для человеческой природы, которую Христос получил от Своей Матери.
3. С другой стороны, «час» может означать время, когда на браке закончилось вино.

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ТОЛКОВАНИЯ

Евфимий Зигабен к толкованию этого стиха подходит двояко, сначала говоря, что не нужно спешить в творении этого чуда, а потом делает акцент на Своем Божестве, лучше зная, что Ему делать. «Что за нужда Нам в том, о чем Ты просишь? Что Нас заставляет так спешить? Можно и иначе понимать: что общего у Меня и у Тебя? Я, как Бог, знаю время приличное для чудес, а Ты, как человек, не знаешь этого. Не сказал: *Мати*, но: *Жено*, как Бог»⁷. Говоря о стихе «Еще не прииде час Мой», Зигабен говорит, что «Еще не настало время для совершения чудес, о чем Ты просишь; оно наступит тогда, когда нуждающиеся в чуде узнают, что Я могу совершить его, и сами попросят об этом. Теперь просьба Матери не только была неблаговременна, но могла возбуждать подозрение и порицание. Выражение: *не прииде час Мой; никтоже возложи Нань руки, яко не у бе пришел час Его* (Ин. 7:30); *Отче, прииде час* (Ин. 17:1) и другие не показывают, что Он обязательно должен был наблюдать время и часы, — да и каким образом это могло быть, когда Он Творец их, — но слова эти обозначают надлежащее время и указывают, что все должно происходить благовременно и в порядке. Сказав: *не у бе пришел час Мой*, Иисус Христос, однако, совершил чудо из уважения, как сказано, к Матери, а также для доказательства того, что Он не служит времени, но господствует над ним»⁸.

У Зигабена просматриваются следующие основные идеи:

1. Господь уверен, что не нужно спешить с совершением этого чуда (свт. Кирилл, п. 1).

2. Господь, как Бог, знает приличное для чудес время, которое Его мать, как человек, не знает (блж. Августин, п. 1).

3. Еще не настало время для совершения чудес, которое наступит, когда нуждающиеся сами попросят о совершении чуда.

4. Просьба Матери могла возбуждать подозрение и порицание (свт. Иоанн Златоуст, п. 4).

5. Господь не должен наблюдать время и часы (свт. Иоанн Златоуст, п. 3).

6. Все, в том числе и данное чудо, должно происходить благовременно и в должном порядке.

7. Господь совершил чудо из уважения к Матери (свт. Иоанн Златоуст, п. 5; свт. Кирилл, п. 4).

Фома Аквинский в своем толковании на Евангелие от Иоанна приводит мнения блж. Августина и свт. Иоанна Златоуста, подчеркивая различие между ними и не отдавая предпочтения ни одному из них.

Блж. Феофилакт Болгарский называет слова Спасителя упреком Своей Матери. Он пишет: «Он делает Ей упрек, и небезосновательно. Если, говорит, нет вина, то и нужно было прийти и просить тем самым, которые не имеют его, а не Тебе, Матери. Ибо когда свои просят чудо, то зрители его соблазняются, а когда просят сами нуждающиеся, тогда дело бывает свободно от подозрения»⁹. Но чуть ниже он говорит: «Примечай, пожалуй, как Он не до конца противодействует Матери, но упрекнул немного и опять исполняет Ее просьбу, воздавая Ей честь и нам подавая образец уважения к родителям»¹⁰. Толкуя слова о «часе», блж. Феофилакт пишет, что не наступило еще приличное время для совершения этого чуда. «Сказал не потому, будто подлежит зависимости от времени или наблюдает известные часы, но потому, что все совершает в приличное время»¹¹.

У блж. Феофилакты можно выделить следующие основные моменты:

1. Слова Спасителя – упрек Его Матери.

2. Зрители чуда соблазняются, видя, что Иисус совершил чудо по просьбе Своей Матери (свт. Иоанн Златоуст, п. 4; Зигабен, п. 4).

3. Исполняя, в конце концов, просьбу Марии, Господь подает образец уважения к родителям (свт. Иоанн Златоуст, п. 5; свт. Кирилл, п. 4; Зигабен, п. 7).

4. Господь не подлежит зависимости от времени и не наблюдает известные часы, но все совершает в приличное время (свт. Иоанн Златоуст, п. 3; Зигабен, п. 5).

КОММЕНТАРИИ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ БИБЛЕИСТОВ

Первым из рассматриваемых нами отечественных толкователей будет митр. Стефан Яворский. В своем «Камне веры» ссылается на «некоторых учителей Церкви», которые толковали эти слова Спасителя так, что нехватка вина должна быть заботой тех, кто приглашал, а не приглашаемых, а значит, Им не нужно об этом заботиться. «Христос как бы так говорит: мы приглашены на брак, заботиться же о вине, необходимом для брачного пира, есть дело не приглашенных,

а тех, которые приглашали. Поэтому какое нам дело заботиться о том, что не должно составлять предмет нашей заботы?»¹² Говоря о «часе», митр. Стефан также ссылается на некоторых учителей Церкви, говоря, что час наступит, когда «заметной станет недостача вина». «Да кроме того, сейчас не для всех еще заметна и недостача вина, а когда сделается заметною всем – тогда Я покажу силу Своего Божества»¹³.

Приводя слова других толкователей, митр. Стефан пишет, что Господь, обращаясь так к Своей Матери, указывает нам, что нам не следует ставить *земные проблемы и заботы во главу угла*, то есть акцентирует имеющийся здесь, по его мнению, нравственный урок. «Не с негодованием Христос сказал: *что Мне и Тебе, Жено?* — так как Он исполнил прошение Своей Матери, но сказал так ради нас, чтобы мы в обращении нашем к Богу не руководились заботами плотских родителей наших»¹⁴.

Наконец, у этого же комментатора мы находим мнение, которое он подтверждает ссылкой на «учителей церковных», согласно которому, «одни дела Христос творил как Бог, а другие – как человек». Отсюда следовало, что «Мать Божия просила у Сына Своего такого дела, которое Он мог совершить не по человеческому естеству, по которому Он имел Мать, но по естеству Божественному, по которому Христос имел только Отца»¹⁵.

Здесь выделяются следующие основные моменты:

1. Нехватка вина должна быть заботой тех, кто приглашал, а не приглашаемых.

2. Чудо будет сотворено Христом по Божеству (блж. Августин, п. 1; Зигабен, п. 2), когда люди заметят недостаток вина (блж. Августин, п. 3; Зигабен, п. 3).

3. «Час» — обнаружение нехватки вина (блж. Августин, п. 3).

4. В словах Христа нет негодования (упрека) (ср. против блж. Феофилакт, п. 1).

5. Обращаясь так к Своей Матери, Господь дает нам наставление, чтобы мы не ставили земные проблемы и заботы во главу угла.

6. Слова Спасителя обращены к нам, чтобы мы в обращении к Богу не руководились заботами плотских родителей (ср. против Златоуст, п. 5; свт. Кирилл, п. 4; Зигабен, п. 7; блж. Феофилакт, п. 3).

7. Одни дела Христос творил как Бог, а другие — как человек (блж. Августин, п. 1).

Таким образом, митр. Стефан Яворский либо ссылается на толкование, которое есть у Августина, либо приводит толкования, которые не встречаются у древних греческих отцов. Причем, по некоторым пунктам, митр. Стефан приводит толкование, расходящееся с традиционным (см. п. 6). Это соответствует тому «латинскому» направлению в школьном богословии, ярким представителем которого он являлся. Можно предположить, что он также не обращался к некоторым из рассмотренных нами древних восточных толкований на Евангелие от Иоанна.

Рассмотрение комментариев на Ин. 2, 4 в работах отечественных библеистов кон. XIX — нач. XX в. мы начнем с Константина Ивановича Скворцова

(1821–1876) — профессора патрологии Киевской Духовной академии. В своем труде «Жизнь Иисуса Христа» он приводит толкование римо-католиков, снимавшее с этого стиха какую-то тень упрека Господа по отношению к Его Матери, в то время как «все толкователи первых веков Церкви, — по его словам, — видели здесь именно неодобрение и холодность Христа по отношению к Своей Матери»¹⁶. Анализ толкований древних дает нам возможность усомниться в обоснованности этого вывода (искл. блж. Феофилакт, п. 1). Говоря о «часе», Скворцов пишет, что, с одной стороны, этот стих *означает время страстей или отшествие из этого мира* (7–30; 8–20; 12–23, 27; 13–1; 17–1) (блж. Августин, п. 2), с другой — здесь, как и в 7-й главе, этот час пришел по истощении запаса вина (блж. Августин, п. 3).

Опубликованное в журнале «Чтения в Обществе любителей духовного просвещения» за январь 1874 г. толкование на Ин. 2–4 приводит в своем сборнике Матвей Васильевич Барсов (1842–1896), занимавший должность инспектора Симбирской духовной семинарии. Согласно его толкованию, ответ Христа Матери звучит строго: «Пресвятая Дева должна узнать теперь в Нем Своего Господа, должна вступить к Нему в совершенно другие отношения, чем какие прежде существовали в Ее сознании, если только Она желает иметь часть в Господе и Спасителе <...> И Господь Иисус Христос, Своим строгим словом указывая Ей на терпение и на неуместность вмешательства в Его дела как Мессии, этим самым даровал Ей помощь, в которой Она нуждалась, чтобы от чувства материнской любви возвыситься до веры в Него как в своего Господа и Спасителя»¹⁷. В толковании «часа», согласно этому источнику, говорится, что Матери Христа, под влиянием недавних событий, «естественно было прийти к мысли, что теперь-то наконец настал час Его выступления пред народом израильским в качестве Избавителя (см.: Лк. 1:80), и Она ясно хочет побудить его к решительному действию, к заявлению чем-нибудь Своего мессианского достоинства»¹⁸.

Основные моменты в этом толковании:

1. Господь указывает Богоматери на неуместность вмешательства в Его дела как Мессии (блж. Феофилакт, п. 1).
2. «Час» — начало выступления Христа перед народом израильским в качестве Избавителя.

Следующий комментатор — Александр Васильевич Иванов (1837–1912), многие годы преподававший богословские дисциплины и Священное Писание в Одесской, Таврической и Владимирской Духовных семинариях. В своем «Руководстве к изучению книг Священного Писания Нового Завета» он пишет, что этот ответ Христа «нельзя считать резким и грубым выражением неуважения к Богоматери; напротив, по особенному значению и употреблению иудеев эти слова можно рассматривать как выражение почтения и любви, как и на Кресте (Ин. 19:26)»¹⁹. Здесь мы видим своеобразное сочетание древней традиции видеть со стороны Господа выражение почтения к Матери (свт. Иоанн Златоуст, п. 5; свт. Кирилл, п. 4; Зигабен, п. 7; блж. Феофилакт, п. 3) с указанием на Крестные Страдания, во время которых Спаситель обращался к Марии со словами, полными любви (блж. Августин, п. 2).

Говоря о «часе», Иванов понимает это выражение Христа так, что Тот хотел показать, что еще не началось *время Его общественного служения*. «Иисус Христос хотел показать, что Он еще не начинал Своего общественного служения; но пришел на родину и был в доме, а ровно и на пиру, как частный человек; посему и не хотел совершить здесь явно чуда»²⁰. Если Зигабен пишет о «времени наступления чудес» (п. 2), Барсов — о начале «выступления Христа перед народом в качестве Избавителя» (п. 2), то Иванов употребляет выражение «общественное служение». Здесь можно увидеть влияние «школьного» богословия, «сдвигающего» акцент толкования со страстей Христа на проповедь, чудеса и др.

Епископ Михаил (Лузин) (1830–1887) — русский православный экзегет, один из пионеров отечественной библеистики, в своем труде пишет, что это выражение Христа не имеет в себе ничего непочтительного к Богородице. «Слово *Жено* не заключает в себе и тени чего-либо непочтительного; в самые тяжкие минуты Своих страданий, при виде нежно любимых и любящих Матери и ученика, Господь с этим же названием обращается к Матери Своей (Ин. 9:26). Кроме почтительности, это название выражало еще и духовную близость и благоволение (см.: Ин. 20:13, 15)»²¹. Слова же *что Мне и Тебе* еп. Михаил понимает «как один из обыкновенных способов выражения непричастности к чему-либо (ср.: Нав. 22:22; Суд. 11:2; Мф. 8:29)»²². В данном случае, по мысли еп. Михаила, непричастности к сему делу, т.е. этому конкретному чуду. Говоря о «часе», владыка утверждает, что еще не настало *время для совершения именно этого чуда*, поскольку Христос не хотел совершить это чудо до совершенного истощения вина, чтобы чудо было выше всяких подозрений и сомнений. «Еще не пришел час Мой, т. е. не настало еще для сего время (ср.: Ин. 7:30; 8:20; 12:23; Мф. 26:45; Рим 13:11), — время не для совершения чудес вообще, но для совершения именно этого чуда»²³. Несмотря на то что еп. Михаил соединяет этот евангельский эпизод с повествованием о страстях (ср.: блж. Августин, п. 2), во всем остальном он следует Златоусту, используя, однако, не все идеи, высказанные святителем, а лишь некоторые из них (ср.: свт. Иоанн Златоуст, пп. 2, 4).

Митрополит Филарет (Амфитеатров) (1779–1857) в своих «Беседах на Святое Евангелие» склоняется к мысли, что в этих словах Господа «сокрывается безпредельное Его человеколюбие и сыновнее попечение к Матери своей»²⁴ (ср.: свт. Иоанн Златоуст, п. 5; свт. Кирилл, п. 4; Зигабен, п. 7; блж. Феофилакт, п. 3). Он говорит, что Богородица просит это по Своему человечеству, а Христос как Бог даст значительно большее и великое для всего мира (блж. Августин, п. 1). Толкуя следующую часть 4-го стиха, владыка говорит, что *время творения чудес и явления Божества* (для митр. Филарета первое совпадает со вторым) еще не настало. «Час, тот, в который подобает Мне творить чудеса и открыть Божество Свое, еще не пришел»²⁵.

Александр Павлович Лопухин в своей «Толковой Библии» утверждает, что ответ Христа является неким упреком Божией Матери за то, что Она хочет побудить Его начать творить чудеса (блж. Феофилакт, п. 1). «По-видимому, в первой половине ответа заключается некоторый упрек Пресвятой Деве. За то, что Она хочет побудить Его начать совершение чудес. Некоторые видят тон упрека

даже в том, что Пресвятую Деву Христос называет здесь просто "женою" или "женщиною", а не "матерью". <...> Христос своим вопросом хотел сказать, что отныне Она должна оставить на Него прежний земной Материнский взгляд, в силу которого Она прежде считала Себя в полном праве предъявлять Христу требования как мать сыну»²⁶. «Час» совершения чуда, по Лопухину, наступит «в тот момент, который указан Ему Его Отцом Небесным»²⁷. Здесь толкователь предлагает прочтение евангельского текста, сходное, с одной стороны, с толкованием блж. Августина (п. 1), а с другой — с толкованием Зигабена (п. 2). Однако то, что «час» должен быть указан Отцом Небесным, является новым в экзегезе данного отрывка.

Епископ Кассиан (Безобразов), толкуя «час», пишет, что само понятие часа имеет ближайшее отношение к Страстям. «*Час Христов есть час Его Страстей*»²⁸ (ср.: блж. Августин, п. 2; Скворцов; еп. Михаил). Такое толкование также характерно и для многих протестантских авторов XIX–XX вв. (ср.: «Богословие Нового Завета» Д.Лэдда). Однако для нас важно отметить, что впервые оно появилось у блж. Августина, отражено у Фомы Аквинского, т. е. стало частью традиции церковного толкования на Западе, и было представлено также в трудах русских библеистов XIX–XX вв.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Большинство новейших толкователей не всегда напрямую ссылаются на древних отцов. Тем не менее видно, что в наибольшей степени они ориентировались на толкования свт. Иоанна Златоуста и блж. Августина, в меньшей степени — на блж. Феофилакта и Зигабена и еще меньше — на свт. Кирилла. Некоторые из поздних толкователей основывали свой комментарий на высказываниях латинских церковных авторов (митр. Стефан Яворский), другие опирались на греческую и латинскую экзегетические традиции (еп. Михаил, К.Скворцов, еп. Кассиан).

Решение задачи установления степени традиционности поздних толкований невозможно без учета *актуализации* традиции, которая может подразумевать, с одной стороны, отказ от некоторых идей, характерных для древних отцов, а с другой — преобладающий акцент на идеях, не выраженных эксплицитно у древних.

Проведенный анализ показал, что некоторые мысли, встречавшиеся в толкованиях древних отцов, очевидно, утратили свою актуальность для поздних комментаторов. В качестве примера можно назвать отвержение на основе толкования Ин. 2:4 еретических взглядов, согласно которым Господь был подвластен времени и не являлся его Творцом. Такое опровержение мы встречаем у свт. Иоанна Златоуста и блж. Августина. Средневековые толкователи, такие как Зигабен на Востоке и Фома Аквинский на Западе, повторяют эту мысль, которая в их время уже не является настолько актуальной, на что указывает прямое цитирование древних без каких-либо добавлений. Скорее всего, это просто дань

эксегетической традиции. Поздние отечественные толкователи оставляют эту мысль древних без внимания и, ссылаясь на древних учителей, тем не менее опускают ее в своих толкованиях. Впрочем, нельзя расценивать это как разрыв с традицией, ввиду того что традиция, в том числе и эксегетическая, не может ограничиваться механической передачей информации, но требует актуализации евангельского текста для каждого времени.

В целом для древних толкователей характерен более широкий круг рассматриваемых идей, в то время как поздние комментаторы зачастую сводят их к наиболее важным, с их точки зрения, моментам. Так, в позднейших толкованиях не встречается мысль о том, что Господь не хотел спешить в сотворении чуда, чтобы не показаться самовольным чудотворцем; мысль о том, что сама просьба со стороны Матери Иисуса может сделать чудо подозрительным. В древних толкованиях большее значение, по сравнению с новейшими, имеет нравственный урок, который должны получить читатели Евангелия, за исключением момента почтения к родителям, который характерен для всех толкований. Однако здесь, по нашему мнению, речь может идти не о потере актуальности некоторыми из аспектов святоотеческих толкований, а о том, что жанр древней гомилии уступает место, условно говоря, «учебному» (Иванов), либо «научному» (Лопухин) по жанру комментарию на евангельский текст.

Древние отцы, как только что было отмечено, обращали внимание на выражение Господом почтения к Своей Матери, однако этот вопрос не являлся для них центральным, решающим. «Стоит ли рассматривать слова Господа к Своей Матери в качестве упрека?» — вот чем озадачен позднейший комментатор. На наш взгляд, это должно быть связано с мариологическими спорами между протестантами и католиками, старавшимися увидеть в этом месте подтверждение своего взгляда на Богородицу, который волновал и православных эксегетов. Причем для нас важна не сама позиция новейших православных комментаторов, которая отличается от «выражения почтения» (митр. Филарет Киевский) до прямого «упрека» (Лопухин). Важен акцент на этой теме, который не был в той степени характерен для древних отцов. Здесь мы опять видим пример *актуализации* традиции, которая выражается на этот раз акцентированием проблемы, имплицитно содержащейся в святоотеческих толкованиях.

Было ли в поздних толкованиях на этот стих что-либо принципиально новое, отличное от древней традиции? Новизна в толкованиях комментаторов XIX–XX вв. становится очевидной при рассмотрении их понимания «часа», который еще не настал. Если у блж. Августина «час» — это время страданий, то Барсов пишет о начале «выступления Христа перед народом в качестве Избавителя», а Иванов, толкуя этот стих, понимает под временем Христа время Его «общественного служения». Здесь можно увидеть влияние «школьного», схоластического богословия, «сдвигающего» акцент толкования «часа» со Страстей Христа на проповедь или чудеса Спасителя. Однако эта «новизна» не была характерна для всех. В качестве исключения можно назвать еп. Михаила (Лузина), К.Скворцова и особенно еп. Кассиана (Безобразова), которые указывали понимание «часа» как Страстей Господних в качестве одного из возможных либо в качестве основного

толкования. Хотя такое толкование было свойственно также и многим протестантским авторам, для нас важно отметить, что оно впервые появилось у блж. Августина, было отражено у Фомы Аквинского, т. е. стало частью традиции церковного толкования на Западе.

Здесь уместно поставить вопрос: является ли «новое» по сравнению с древними отцами толкование «часа» как «общественного служения» актуализацией традиции или, скорее, отходом от нее? В случае с толкованием Иванова можно предположить второе, поскольку употребление понятия «общественного служения» обесценивает значение конкретного чуда, совершенного Господом в Кане (так у свт. Иоанна), и оставляет без внимания связь между этим чудом и страстями (так у блж. Августина). Может быть, «отход от традиции» звучит слишком громко и мысль Иванова в целом находится в рамках святоотеческих толкований, но в любом случае можно говорить об обеднении, редукции традиции.

Тем не менее мы должны сделать общий вывод о том, что, несмотря на выявленные нами частные моменты, по которым поздние толкования и комментарии отличаются от древних, для авторов XIX–XX вв. характерно следование традиции с одновременной актуализацией евангельского послания для того, чтобы оно могло ответить на вопросы, волновавшие современного им читателя.

¹ *Свт. Кирилл Александрийский*. Толкование на Евангелие от Иоанна. Кн. 2. Ч. 1. М.: Паломник, 2001. С. 579.

² *Свт. Иоанн Златоуст*. Полное собрание творений. Т. 8. Кн. 1. М., 2002. С. 142–144.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ *Thomas Aquinas*. Commentary on the Gospel of st. John, St. Notes on John // Edition Dr. Thomas L. Constable, 2008.

⁶ *Барсов М.В.* Сборник статей по истолкованному и назидательному чтению Четвероевангелия с библиографическим указателем. Т. 1. М.: Лепта, 2002. С. 418.

⁷ *Зигабен Евфимий*. Толкование Евангелия от Иоанна, составленное по древним святоотеческим толкованиям Византийским, XII века. Киев, 1887.

⁸ Там же.

⁹ *Блж. Феофилакт Болгарский*. Толкование на Евангелие от Иоанна. Кн. 4. М.: Лепта, 2004. С. 60.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² *Барсов М.В.* Указ. соч. С. 418.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 419.

¹⁶ Там же. С. 417.

¹⁷ Там же. С. 420.

¹⁸ Там же.

¹⁹ *Иванов А.В.* Руководство к изучению книг Священного Писания Нового Завета. Изд. 8-е. СПб.: Воскресение; Лествица; Диоптра, 2002. С. 126.

²⁰ Там же.

²¹ *Еп. Михаил (Лузин).* Евангелие от Иоанна с предисловиями и подробными объяснительными примечаниями. Минск: Харвест, 2000. С. 80.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ *Митр. Киевский Филарет (Амфитеатров).* Беседы на Святое Евангелие. М.: Правило Веры, 1998. С. 161.

²⁵ Там же.

²⁶ *Лопухин А.П.* Толковая Библия, или Комментарий на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Заветов. Кн. 3: Новый Завет. СПб., 1911–1913. С. 328.

²⁷ Там же.

²⁸ *Еп. Кассиан (Безобразов).* Водю и кровию и духом. Толкование на Евангелие от Иоанна. Париж, 2001. С. 60.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Свт. Кирилл Александрийский.* Толкование на Евангелие от Иоанна. Кн. 2. Ч. 1. М.: Паломник, 2001.

2. *Свт. Иоанн Златоуст.* Полное собрание творений. Т. 8. Кн. 1. М., 2002.

3. *Thomas Aquinas.* Commentary on the Gospel of st. John, St. Notes on John // Edition Dr. Thomas L. Constable, 2008.

4. *Барсов М.В.* Сборник статей по истолкованному и назидательному чтению Четвероевангелия с библиографическим указателем. Т. 1. М.: Лепта, 2002.

5. *Зигабен Евфимий.* Толкование Евангелия от Иоанна, составленное по древним святоотеческим толкованиям Византийским, XII века. Киев, 1887.

6. *Блж. Феофилакт Болгарский.* Толкование на Евангелие от Иоанна. Кн. 4. М.: Лепта, 2004.

7. *Иванов А.В.* Руководство к изучению книг Священного Писания Нового Завета. Изд. 8-е. СПб.: Воскресение; Лествица; Диоптра, 2002.

8. *Еп. Михаил (Лузин).* Евангелие от Иоанна с предисловиями и подробными объяснительными примечаниями. Минск: Харвест, 2000.

9. *Митр. Киевский Филарет (Амфитеатров).* Беседы на Святое Евангелие. М.: Правило Веры, 1998.

10. *Лопухин А.П.* Толковая Библия, или Комментарий на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Заветов. Кн. 3: Новый Завет. СПб., 1911–1913.

11. *Еп. Кассиан (Безобразов).* Водю и кровию и духом. Толкование на Евангелие от Иоанна. Париж, 2001.

Священник Димитрий Огнев

ОПЫТ СРАВНЕНИЯ ОСТРОМИРОВА ЕВАНГЕЛИЯ с Галичским Евангелием 1144 года и с современным евангельским текстом

И проповедано будет сие Евангелие Царства по всей вселенной, во свидетельство всем народам...

Мф. 24:14

Более тысячи лет прошло с тех пор, как паннонским и моравским славянам дарован был святыми братьями Кириллом и Мефодием славянский перевод книг Священного Писания. Этот же апостольский труд тогда же, более тысячи лет назад, унаследовали от паннонцев и моравов южные славяне — болгары и сербы, а потом через болгар и наши предки, русские славяне. Однако до сих пор стоит вопрос о том, что же это был за перевод и в каком отношении к нему стоит нынешний общепринятый текст? Какие изменения претерпевал он в течение веков у разных славянских народов, прежде чем дошел до своего настоящего состояния?

В этой связи представляет огромный интерес исследование древнейших славянских списков Евангелия, в них мы надеемся найти следы и остатки первоначального перевода Евангелия, совершенного свв. Кириллом и Мефодием. Кроме того, изучение древнеславянских Евангелий важно еще и потому, что на примере их можно более отчетливо представить, каков был язык наших предков — древних славян, и насколько быстро и успешно благая весть распространилась по всей Руси.

Как известно, большинство памятников письменности домонгольской эпохи погибло во время многочисленных пожаров и иноземных нашествий. Сохранилась лишь незначительная часть книжных богатств Древней Руси — всего около 150 книг. Тем не менее до наших дней дошло довольно много рукописей, датируемых XI–XII вв. Среди них, в частности, 33 книги XI в., большинство из которых — Евангелия. Наличие столь значительного количества сохранившихся евангельских списков домонгольского периода объясняется тем, что Евангелие было «самой... первой книгой, самым первым древнерусским литургическим, а затем и домашним чтением, как и самым первым чтением общеславянским»¹.

Наиболее известными из древнеславянских Евангелий XI–XII вв. являются Реймское (первая половина XI в.), Остромирово (1056–1057), Архангельское (1092), Русское (1092–1097), Туровское, Мстиславово (1115–1117), Юрьевское

(1118–1128), Мариинское, Галичское (1144), Крымское (1144), Мирославово, Ассеманиево, Добрилово (1164), Боянское и некоторые другие.

Данная статья представляет собой попытку сопоставления двух славянских Евангелий: Остромирова (1056–1057) и Галичского (1144) — между собой, а также с тем евангельским текстом, который мы сегодня читаем во время богослужения. Такой сравнительный анализ может позволить нам увидеть наиболее важные особенности каждого из древнеславянских Евангелий периода XI–XII вв., а также понять то, насколько точно смогли наши предки донести до нас чистоту словес Христовых.

ОСТРОМИРОВО ЕВАНГЕЛИЕ

В истории славянской письменности и культуры Остромирово Евангелие занимает особое место. Это поистине уникальный памятник, который в настоящее время имеет не только общеславянское и общеправославное значение, но и всемирно-историческое. К счастью, книга прекрасно сохранилась, в то время как многие позднейшие памятники древнеславянской письменности дошли до наших времен в гораздо худшем состоянии, нежели Остромирово Евангелие. По красоте и оригинальности рисунка, по композиционному замыслу и красочной гамме орнаменты и миниатюры Остромирова Евангелия вошли в золотой фонд древнерусского книжного искусства.

Относительно происхождения данной книги существует несколько гипотез. Во-первых, можно предполагать, что оригиналом для создания Остромирова Евангелия послужил греческий текст, поскольку большая часть литературы того времени была привезена на Русь из Византии.

Другую версию выдвинул современный специалист по текстологии славянской Библии А.А.Алексеев. По его мнению, книга, которая послужила оригиналом для Остромирова Евангелия, происходит из придворной библиотеки болгарских царей Симеона и Бориса-Михаила, которые жили в X в. и духовно окормлялись у святых братьев Кирилла и Мефодия. Но даже если это так, то когда и почему эта книга попала к нам на Русь? Алексеев приводит две версии появления этого текста. Во-первых, это могло произойти в период первого похода князя Святослава Игоревича на Преслав. Князь, будучи язычником, пожелал привезти ценные книги в качестве воинского трофея в дар своей матери-христианке княгине Ольге. Но могло быть и так, что не Святослав, а его соперник император Иоанн Цимисхий захватил библиотеку. Позже, в составе приданого константинопольской царевны Анны, невесты Владимира Киевского, славянская книжная коллекция попала в Киев. Как бы то ни было, Остромирово Евангелие представляет собой новгородскую копию с парадного оригинала, принадлежавшего царской библиотеке в Преславе. Сам же оригинал можно считать единственным в своем роде произведением, поскольку он был составлен по случаю принятия князем Симеоном в 917 г. царского венца в Св. Софии. Отсюда можно сделать вывод, что книга, подаренная князю Симео-

ну в день его венчания на царство, была скопирована либо с первого славянского Евангелия, написанного рукой самого Кирилла, либо с какого-то списка, ближайшего к этому подлиннику.

ГАЛИЧСКОЕ ЕВАНГЕЛИЕ

На сегодняшний день известно 16 галицко-волинских рукописей, относящихся к домонгольскому времени. Самые древние среди них — Галичское Евангелие 1144 г., Добролюво Евангелие апракос 1164 г. и Выголексинский сборник (конец XII в.), включающий в себя переводные жития Нифонта и Феодора Студита.

Следует отметить, что все наиболее ранние древнерусские списки Евангелия восходят к XI в., но среди них нет ни одного полного Четвероевангелия, написанного кириллицей. Кирилловские списки Четвероевангелия прослеживаются лишь с XII в., и древнейшим между ними, с обозначением года, является Галичское Евангелие 1144 г.

Место происхождения рукописи устанавливается по ее языковым особенностям. Каллиграфическое письмо данного памятника обнаруживает довольно близкое сходство с почерком писца Христинопольского (Городитского) толкового Апостола середины XII в. А Апостол этот имеет южнорусское (галицко-волинское) происхождение. О дате создания Галичского Евангелия было написано самим писцом, который закончил свой труд в 1144 г., и до последней четверти XVII в. рукопись эта находилась в месте своего создания.

Таким образом, Галичское Евангелие — это древнейшая датированная славянская рукопись XII в., которая принадлежит к замечательным памятникам древнеславянской и, в частности, древнерусской письменности как по тексту, так и по своим фонетическим, морфологическим и лексическим особенностям. По своему содержанию этот древний памятник представляет собой полное Четвероевангелие. Как и большинство книг того времени, написан кириллицей. При этом, несмотря на весьма древнюю датировку памятника, есть основания полагать, что подобные списки появились у славян еще в X в.

Как бы то ни было, рукопись Галичского Евангелия является старшей из всех известных датированных Тетраевангелий. А нахождение этого памятника в Крылосе (галицко-волинские земли), в связи с некоторыми особенностями языка, позволяет считать данное Евангелие древнейшим памятником письменности юго-западной русской традиции.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Рассмотрев кратко два древнеславянских Евангелия — Остромирово и Галичское, — сравним их, чтобы видеть, насколько различались евангельские тексты XI–XII вв. между собою и с тем текстом, который употребляется сейчас.

При этом нам представляется, что сравнивать их по текстологическим и лексическим особенностям нет надобности, так как эта работа была проделана ранее многими специалистами. Поэтому наш анализ будет касаться только содержания самого Евангелия. Ибо конечная цель настоящего исследования — ответить на вопрос: насколько отличается наш современный евангельский текст от того, который читали наши предки на заре христианства в Древней Руси?

В рамках небольшой статьи невозможно сравнить весь текст вышеописанных Евангелий. Выберем небольшое евангельское повествование и сравним его между собой в разных рукописях, так как «если после тщательного сличения списков окажется, что известные места Евангелия читаются во всех них или, по крайней мере, в лучших и древнейших списках совершенно одинаково, то такие места с вероятностью могут быть относимы к остаткам первоначального перевода»². Более наглядно это видно на примере какого-нибудь евангельского зачала. В качестве такового мы выбрали отрывок, который читается за Литургией в Богородичный праздник. Зачало это взято вследствие того, что оно одно из самых часто употребляемых, а значит, и знакомых новозаветных чтений.

Но прежде чем приступить непосредственно к текстологическому анализу евангельского текста, отметим, что Остромирово Евангелие, как и большинство других наиболее известных древнеславянских Евангелий (в частности, Реймское, Архангельское, Ассеманиево), является апракосным, тогда как Галичское — тетром. Это важно, так как «списки апракосов, не исключая и Остромирова, имеют ближайшее сходство между собой, тогда как тетры, иногда отступая от них, сходятся между собою, хотя в тех и других бывают исключения»³. Этого же мнения придерживается и К.И.Невоструев, который отмечает, что «как списки апракосов ближайшим образом сходятся между собою в чтениях (вариантах) и переводе, так и тетры, в известных местах отступая от них, сходятся здесь между собою»⁴. Такой порядок, в свою очередь, вызван тем, что у славян появились сначала апракосные Евангелия, а затем только тетры. Л.П.Жуковская в своей статье «О переводах Евангелия на славянский язык и о "древнерусской редакции" славянского Евангелия» говорит о последовательности создания разных типов Евангелия у славян: «Сначала был переведен и создан краткий апракос, затем Четвероевангелие, и только потом был составлен полный апракос»⁵. Этого же мнения о порядке создания разных типов Евангелия у славян придерживается и Невоструев: «Тетры, появившиеся после апракосов, представляют собой уже исправленный перевод, с очищенным и исправленным языком»⁶.

Исходя из того, что апракосные чтения почти полностью схожи друг с другом, в данной статье мы сравним только лишь одно апракосное Евангелие с Галичским Евангелием тетр и с современным текстом. Из апракосного Евангелия выбрано Остромирово как наиболее полно сохранившееся. В качестве современного был взят текст богослужебного Евангелия, изданного Московской Патриархией в 1984 г. Галичское Евангелие 1144 г. выбрано потому, что оно, как уже было сказано, является наиболее полным текстом всего Четвероевангелия, а также как написанное на юге, ближе к месту проповеди первых переводчиков, святых первоучителей Кирилла и Мефодия.

В сравнении всех трех списков для нас наиболее важны разночтения в словах и выражениях. Как мы уже говорили выше, Остромирово Евангелие (далее — О.Е.), по Г. Воскресенскому, входит в состав первой редакции, а значит, имеет много общего с остальными Евангелиями этой редакции и с Галичским Евангелием (далее — Гал.Е.) в том числе. Отличия, имеющиеся между ними, совсем незначительные и существуют лишь потому, что О.Е. относится к апракосным Евангелиям, а Гал.Е. — к тетрам. Незначительные расхождения в таких случаях просто неизбежны, но они вызваны не временем и не местом написания, а отличием в использовании (например, вставка в О.Е. перед началом чтения зачала «во время оно» и др.), поэтому мы их не будем учитывать. Чтобы было легче следить за расхождениями, слова, которые находятся в одном списке, а в другом отсутствуют, мы будем подчеркивать. Буквы, где это возможно, были максимально приближены к оригиналу. Но, за неимением древнецерковнославянского шрифта, они были напечатаны обычным русским.

Выбранное зачало состоит из двух частей: Евангелие от Луки, глава 10, стихи 38–42 и глава 11, стихи 27–28. В Остромировом Евангелии, как и подобает апракосному чтению, эти стихи соединены в одно чтение. Первое отличие, которые мы находим уже в первом стихе (38) главы 10, состоит в том, что в О.Е. присутствует слово «Иисус»: «вниде Иисус в весь...», в Гал.Е. его нет. В этом же стихе находим следующее отличие: «жена же некая именем Марфа» — так написано в Гал.Е., а вот в О.Е. вместо слова «некая» стоит «етеря», которое является древним синонимичным прилагательным слова «некая». В стихе 39 в Гал.Е. написано «и се бе ей сестра именем Мария», а в О.Е. мы находим: «и сей бе сестра нарицашася Мария», то есть имеется сразу несколько отличий в одном стихе.

Следующий стих (40) в Гал.Е. выглядит так: «Марфа же молвляше о мнозе слоужбе. Ставши же рече. Господи. Не родиши ли яко сестра моя единою мя остави служити ти...» Этот же стих в О.Е. начинается так: «И Марфа молвляше...» И продолжается: «...не брежеш ли, яко сестра моя единою мя остави служити...» Следующее отличие находится уже в главе 11, в стихе 27, который в Гал.Е. читается так: «Бы же егда глагола се. воздвигши глас некая жена от народа...» В О.Е. читаем: «Бысть же егда глаголаше си воздвигши некая жена глас от народа...» То есть, кроме отсутствия некоторых слов, мы видим в некоторых местах и их перестановку («глас»). На этом отличия в этих двух списках заканчиваются. Как видно, их не так уж и много, но они есть, хотя разница во времени не больше ста лет. Все эти отличия нельзя отнести к ошибкам в собственном смысле этого слова, так как они незначительные и не влияют на смысл и понимание текста. Скорее всего их можно отнести к недочетам, связанным с переводом Евангелия с одного языка на другой, когда переписчики, умышленно или неумышленно, вносили в язык памятников особенности своих наречий и говоров, то есть что-нибудь свое, а потом это новшество переписывалось дальнейшими переписчиками.

Теперь сравним Остромирово Евангелие с тем Евангелием, которое мы читаем сегодня за богослужением. Сначала мы будем приводить древний текст Остромирова Евангелия, а затем современный. В стихе 38 О.Е. читаем: «Во время оно, вниде Иисус в весь етеря...» А в современном тексте вместо слова «ете-

ря» стоит «некую». Соответственно, и дальше вместо слова «етера» мы читаем в современном списке «некая». Как уже было отмечено выше, это слово, являясь лишь древним синонимичным прилагательным слова «некий, некоторый, некто», не теряет своего смысла от этого. Дальше в О.Е. мы читаем: «Жена же некая именем Марфа, прият И в дом свой...» В современном же списке вместо «И» мы находим местоимение «Его». Так же как и в прилагательном «некий», это местоимение является лишь древней формой нашего современного местоимения. И в современном тексте в некоторых местах можно найти употребление этого местоимения. В следующем стихе (39) мы находим: «И сей бе сестра нарицаемая Мария...» В нашем современном списке мы видим следующее: «И сестра ей бе нарицаемая Мария...» Стих 40 О.Е. начинается так: «И Марфа молвяхе о мнозе слоужбе...» В современном тексте, в отличие от О.Е., мы читаем: «Марфа же молвяхе о мнозе службе...» То есть в сегодняшнем тексте нет союза «и» перед существительным «Марфа», но зато есть частица «же» после него (в этом предложении современный список полностью схож с Галичским Евангелием 1144 г.). В следующем стихе находятся такие отличия: в О.Е. мы читаем: «Отвещав же рече ей Иисус...» А в современном списке: «Отвещав же Иисус рече ей...» Здесь происходит просто перестановка словосочетания «рече ей» с одного места на другое. В последнем стихе главы 10 в О.Е. мы находим: «Мария бо благая часть избра...» А в сегодняшнем тексте мы читаем: «Мария же благую часть избра...» Здесь произошла замена частицы «бо» на «же». На этом заканчиваются отличия в главе 10. В главе 11 мы находим только одно (и то незначительное) несоответствие современного текста с О.Е.: «Бысть же егда глаголаше си воздвигшее некая жена...» — так написано в О.Е. А в современном списке мы находим вместо указательного местоимения «си» слово «сия». Хотелось бы также обратить внимание на то, что в О.Е. в этом стихе присутствует местоимение «некая», а не «етера», которое мы дважды видели в стихе 38 главы 10 этого Евангелия. На этом все отличия современного евангельского текста от Остромирова Евангелия заканчиваются.

Как видно из сравнения двух текстов, отличия эти незначительные. В основном они заключаются либо в замене слов (как правило, это синонимы), либо в структуре самого предложения, когда слова переставляются с одного места на другое. И в том и в другом случае не происходит изменения смысла евангельского текста. А именно это было и остается самым важным при переписывании Евангелия.

Теперь хотелось бы сказать и о том, насколько схож наш сегодняшний текст с первоначальным, сделанным святыми Кириллом и Мефодием. Как уже было отмечено выше, этот текст до наших дней не сохранился. Поэтому невозможно точно сказать, как близко стоит современный евангельский текст к первоначальному. Но подобия можно искать в ближайших списках, сделанных с первоначального Евангелия. Самым близким из них является Остромирово Евангелие. Но надо сразу отметить, что ни один из древних списков Евангелия не включает в себе первоначальный славянский перевод во всей чистоте и полноте, но каждый из них содержит большие или меньшие следы и остатки первоначального

перевода. Несмотря на это, Невоструев говорит, что «нет сомнения, что древнеславянские Евангелия XI–XII вв., особенно апракосы, вообще представляют первоначальный славянский перевод Евангелия, как он вышел из рук святых Кирилла и Мефодия»⁷. Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что искать надо не в отдельном списке, а в сравнении со многими древними Евангелиями XI–XII вв. Сравнение Остромирова Евангелия и Галичского 1144 г. показало, что отличий немного, а те, что есть — лишь самовольные поправки переписчиков для лучшего понимания текста Евангелия их современниками.

Подводя итоги сравнения Остромирова Евангелия с Галичским 1144 г. и с современным списком, можно сделать следующие выводы:

1. Остромирово Евангелие, как и Галичское Четвероевангелие 1144 г. (а вместе с ними и остальные списки первой редакции), имеют довольно много отличий друг от друга. Но все они не являются существенными, так как во всех списках сохранился основной смысл Благовествования Христова. Незначительные различия между списками, заключающиеся в замене некоторых слов синонимами и в перестановке слов, происходят частью из-за исправлений по греческим спискам, частью же от самовольных поправок, ошибок писца и других причин.

2. Текстологическое сравнение Остромирова Евангелия 1056–1057 гг. с современным изданием показало, что тот евангельский текст, который мы сегодня читаем за богослужением, не сильно отличается от древнего текста, которым обладали наши предки в XI в. Отличия между современным текстом и Остромировым Евангелием часто похожи на отличия между Евангелиями первой редакции. Архимандрит Амфилохий отмечает большие расхождения как Галичского Евангелия 1144 г., так и Остромирова и вообще всех Евангелий первой редакции с современным текстом. Но стоит заметить, что, во-первых, он проводил свой анализ в конце XIX в. и, во-вторых, эти отличия незначительные. Более того, как духовное лицо, архимандрит Амфилохий и другие ученые XIX в. вынуждены были исходить из традиционного представления о непогрешимости церковнославянского текста⁸. В связи с этим были «колоссальные трудности, которые должны были преодолеть А.Х.Востоков и другие ученые, когда духовная цензура не давала разрешение на издание Остромирова Евангелия в 1843»⁹.

3. Отсутствие перевода, сделанного святыми Кириллом и Мефодием, не позволило установить точные отличия современного евангельского текста от первоначального. Но, сравнив современный список с наиболее ранними евангельскими списками, можно сделать вывод, что сегодняшний текст не имеет больших отличий и противоречий как с ними, так и с тем текстом (а это можно лишь предполагать), который был переведен свв. Кириллом и Мефодием.

Таковы общие выводы, которые можно сделать из проделанного анализа. К сожалению, объем данной статьи позволяет провести текстологический анализ только лишь одного евангельского зачала (даже не главы) и не более трех списков. Тем не менее мы постарались дать и описать как можно более полно обнаруженные текстологические отличия. Конечно, сложно судить по одному небольшому богослужебному зачалу обо всем тексте, но, увидев общие положе-

ния и отличия, которые неизбежны при переписывании, можно сделать вывод, что остальной текст в основном имеет те же отличия, что и в выбранном зачале.

В заключение можно также с сожалением констатировать, что в настоящее время далеко не все аспекты истории русской книги XI–XII вв. могут быть раскрыты с исчерпывающей полнотой и предельной ясностью. Над многими еще предстоит потрудиться. Затронутые в данной статье проблемы принадлежат к числу тех, которые вечно будут волновать ум и воображение многих исследователей.

¹ *Лоциц Ю.М.* Наша первая книга // Прометей. 1990. Т. 16. С. 149.

² *Воскресенский Г.А.* Характеристические черты четырех редакций славянского перевода Евангелия от Марка по ста двенадцати рукописям Евангелия XI–XIV вв. М.: Университетская типография, 1896. С. 4.

³ *Жуковская Л.П.* О переводах Евангелия на славянский язык и о «древнерусской редакции» славянского Евангелия // Славянское языкознание. Сборник статей. Советский комитет славистов. 1959. С. 95.

⁴ *Невоструев К.И.* Записка о переводе Евангелия на славянский язык, сделанном свв. Кириллом и Мефодием. М.: Синодальная типография, 1865. С. 8.

⁵ *Жуковская Л.П.* Указ. соч. С. 97.

⁶ *Невоструев К.И.* Указ. соч. С. 8.

⁷ Там же. С. 4.

⁸ *Жуковская Л.П.* Указ. соч. С. 89.

⁹ Там же.

Р.В. Лужнов

ВКЛАД ПРОФЕССОРА КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ А.А.ОЛЕСНИЦКОГО в развитие библейской археологии и его значение для современной библейской науки

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время Россия и Русская Православная Церковь переживают сложный и противоречивый период, характерной особенностью которого является глубинное изменение религиозного сознания общества. В этих условиях особую значимость приобретает христианское свидетельство об Истине. Очевидно, что успех данной проповеди в немалой степени зависит от развития и качественного состояния отечественной православной богословской науки.

В конце XIX – начале XX вв. русская богословская наука находилась на весьма высоком уровне, успешно конкурируя с западной, а в некоторых областях и превосходя ее¹. Однако атеистические гонения, имевшие место после Октябрьской революции 1917 года, обернулись для русской церковной науки подлинной трагедией. В России, ставшей к началу прошлого века главным богословским центром Православия, большевиками была сделана попытка последовательно и методичного уничтожения всякой религиозной мысли. В результате богословская наука в России на несколько десятилетий практически прекратила свое существование.

Несмотря на это, значительные успехи в области богословских исследований были сделаны в середине XX столетия в русском зарубежье, где православная научная мысль получила новый импульс. Однако в силу сложившихся обстоятельств данные исследования не получили всестороннего систематического развития, а кроме того, затронули лишь некоторые из богословских дисциплин. В то же время богословская наука сделала грандиозный скачок на Западе, благодаря, в частности, открытию новых источников и появлению более современных методов исследования.

Результатом такого положения стало значительное качественное отставание отечественной богословской науки от западной, и, к сожалению, сложившийся разрыв начинает преодолеваться только теперь, спустя почти столетие. В связи с этим сегодня, наряду с глубоким и систематическим изучением достижений современной западной теологии и богословских трудов представителей русской эмиграции, одной из важнейших задач является восстановление преемственности по отношению к насильственно прерванным традициям русской богословской науки и осмысление ее богатейшего наследия.

Одним из замечательных представителей дореволюционной русской богословской науки является Аким (Иоаким) Алексеевич Олесницкий (1842–1907) — выдающийся православный библеист и археолог, исследователь Священного Писания Ветхого Завета, доктор богословия, профессор кафедры еврейского языка и библейской археологии Киевской Духовной академии.

«Это был ученый с очень широким кругозором, сразу и археолог, и гебраист, и богослов; и за долгие годы своего преподавания в Киевской академии он успел здесь создать традицию библейских работ» — так писал об А.А.Олесницком протоиерей Георгий Флоровский в своей книге «Пути русского богословия»².

Действительно, ученая деятельность А.А.Олесницкого весьма многогранна. Основной сферой его научных интересов стало изучение Священного Писания Ветхого Завета, чему он посвятил всю свою жизнь. Плодом этих изысканий стала целая серия переводов ветхозаветных книг, многочисленные глубокие богословские исследования по истории библейской литературы и поэзии, в частности, о древнееврейской музыке, о ритме и метре ветхозаветной поэзии и т. п.

Другой, не менее значительной областью интересов профессора явилась библейская археология. Считая необходимым условием всестороннего изучения Ветхого Завета личное знакомство с Палестиной и ее вещественными памятниками, он четыре раза ездил туда в продолжительные научные командировки, неоднократно посещал западные музеи, в которых собственноручно ознакомился с новейшими археологическими находками. Зримым результатом этих многолетних трудов стало издание нескольких объемных монографий и целого ряда отдельных статей по археологической тематике.

А.А.Олесницкий оказался первым из российских профессоров-археологов, кто посетил Святую Землю. Он стал и первым отечественным систематизатором накопившихся сведений по библейской археологии. Благодаря его инициативе при Киевской Духовной академии был создан Церковно-археологический музей, ставший впоследствии своего рода научным центром по изучению предметов древности. Тем самым, по словам прот. Ростислава Снигирева, «Олесницким было заложено прочное основание библейской археологии как науки в КДА»³. Высокую оценку ученому дал прот. Александр Мень, назвав его «первым русским специалистом по библейской археологии в ее новом понимании»⁴, в отличие от библейской археологии (палестиноведения) как чисто кабинетной по своему характеру науки, изучающей библейскую старину преимущественно по текстам Священного Писания, Талмуда и сочинениям древних историков и путешественников.

Как ученый — исследователь Писания Ветхого Завета А.А.Олесницкий выделялся одновременно тонким критическим чутьем и пониманием художественной стороны библейских книг. В своих исследованиях часто предлагал собственные оригинальные воззрения и гипотезы.

Несмотря на то, что некоторые из высказанных ученым гипотез являются достаточно спорными, «свои главные тезисы, — писал В.П.Рыбинский, — Аким Алексеевич аргументировал настолько солидно, что наука не имеет права с ними не считаться»⁵. Важным обстоятельством является и то, что в качестве ориенти-

ра во всех своих научных изысканиях Олесницкий неизменно старался строго держаться святоотеческой церковной традиции.

К большому сожалению, имя Олесницкого — этого скромного труженика на ниве церковной, равно как и имена многих других отечественных богословов-подвижников, — оказалось, в силу известных объективных обстоятельств, на долгое время практически забыто. Совершенно незамеченным даже в академических церковных кругах остался столетний юбилей со дня кончины профессора. До сих пор не появилось и ни одного (!) исследования, которое должным образом раскрыло бы его образ как человека и как ученого. Такая же печальная участь постигла и многочисленные научные сочинения Акима Алексеевича. До настоящего времени не вышло ни одной (!) работы, в которой была бы предпринята хотя бы робкая попытка анализа его глубочайшего по своему характеру наследия. До самого последнего времени не был переиздан ни один (!) из его трудов. Лишь в 2007 г. увидело свет современное издание одной из последних его работ: «Руководственные о Священном Писании Ветхого и Нового Завета сведения из творений святых отцов и учителей Церкви»⁶. Между тем оставленное профессором богатое и оригинальное наследие поистине огромно и требует всестороннего осмысления и анализа со стороны современных исследователей.

В связи с этим настоящая диссертация преследует ряд целей: раскрыть вклад проф. А.А.Олесницкого в мировую и отечественную библейскую археологическую науку; определить прогностическую ценность исследований и предположений ученого; определить их значение для современной библейской археологии.

Объектом данного исследования является наследие проф. А.А.Олесницкого в области библейской археологии. Вышеозначенная тематика представляется в данный момент наиболее актуальной не только с академической, но, самое главное, с практической стороны, обусловленной потребностями самой жизни.

Как известно, возникновение и развитие библейской археологии в качестве самостоятельной науки⁷ было вызвано, помимо естественного интереса к воссозданию и анализу нашедших отражение в Библии исторических реалий, необходимостью дать ответ на выпады библейского рационализма⁸. Последний берет свое начало с Протестантской Реформации XVI в., когда падший человеческий разум открыто восстал против авторитета Церкви, и рационализм явился основанием вероисповедной системы протестантизма. Руководствуясь принципами оправдания одной верой (*sola fide*) и примата Писания (*sola Scriptura*), протестанты подменили им Церковь, авторитет которой был отвергнут.

Несколько позже, в XVIII в., рационализм поставил под сомнение авторитет уже самого Писания, заложив тем самым почву для возникновения так называемой библейской критики. С целью предельно точно восстановить оригинальный библейский текст были предприняты соби́рание древних манускриптов и сверка разнообразных вариантов чтений. Результатом этих изысканий стали надуманные и взаимно противоречащие «поправки» к традиционному тексту. С другой стороны, был поставлен вопрос и о «первоначальном», заложенном самими священными авторами, смысле библейских текстов.

В конечном итоге такое отношение к слову Божию как к произведению человеческого разума привело к тому, что при изучении Священного Писания господствующим оказался подход, связанный с так называемым критическим методом (High Criticism Method), а priori ставящим под сомнение авторство библейских книг и богодухновенность Священных текстов⁹. Этот новый подход был частично усвоен сначала протестантской, а несколько позднее и католической библейской наукой¹⁰. Общие тенденции западной библеистики в свою очередь оказали определенное влияние и на православных исследователей Писания¹¹.

Всем этим измышлениям библейской критики были противопоставлены достижения библейской археологии, появление которой восходит к XVIII в. В дальнейшем, в XIX–XX вв., библейская археология, твердо встав на научную основу, во многом продолжала сохранять свой апологетический характер. Точно так же и в настоящее время одной из важнейших ее задач остается отстаивание действительности и подлинности исторических событий, изложенных в Священном Писании, а значит, — вещественное подтверждение богодухновенности и авторитетности последнего¹². Само собой разумеется, что данный аспект является крайне важным для православной библейской науки, так как непосредственно связан с решением экзегетических задач, т. е. толкования библейских текстов в соответствии с Преданием Православной Церкви.

Известно, что господствующим подходом к изучению Священного Писания на Западе с начала XX в. продолжает оставаться так называемый «историко-критический метод». Сегодня он механически, без должного осмысления и оценки, принимается и многими православными исследователями, а иногда даже рассматривается как последнее слово библейской науки¹³. В основе данного метода лежит ряд априорных предпосылок¹⁴:

— отрицание богодухновенности Священного Писания, подразумевающее отношение к Библии как к одной из многих религиозных книг человечества, как к собранию древних мифов еврейского народа;

— предположение о том, что история как ветхозаветного Израиля, так и ранней христианской Церкви развивалась эволюционным путем;

— утверждение, что религиозная эволюция протекает по гегелевской схеме «тезис — антитезис — синтез».

Построив на основании данных предпосылок гипотетическую историю Израиля или ранней Церкви, отрицательная библейская критика стала толковать Писание в соответствии со своими искаженными представлениями. В результате этого были предложены далеко идущие выводы. Так, если возникшие достаточно поздно ветхозаветные священники составляют культ и закон, то книги, в которых они изложены, — Пятикнижие, — «следовательно»... не принадлежат Моисею. Если идею об Иисусе как Сыне Божием первым высказывает и проповедует в эллинистических церквах апостол Павел, то даже саму фразу «Сын Божий» должно рассматривать как нееврейскую¹⁵. И т. д.

Сегодня западному критическому подходу должен быть противопоставлен подлинно научный библейский анализ, основанный на сочетании православных

церковных предпосылок и методов с неоспоримыми научными сведениями. С этой целью для адекватного изучения библейского текста может быть использована огромная фактологическая база, накопленная западной наукой в течение XVIII–XX вв. и, в частности, конкретные артефакты¹⁶ и несомненные сведения, имеющиеся в настоящий момент в арсенале библейской археологии.

Следует, однако, помнить, что артефакты мало что значат сами по себе, если они не осмыслены и не использованы, что они всегда нуждаются в интерпретации. А от того, насколько верно они интерпретированы, насколько взаимосвязаны, зависит целостность и достоверность всего нашего взгляда на содержание Священного Писания.

В свете этого становится понятна ценность и важность работ по библейской археологии русских дореволюционных ученых: именно в методологической установке, хотя фактологически они, как правило, устарели. Однако выдержать правильную методологию исследования всегда труднее, нежели найти новые сведения и факты. Поэтому изучение трудов дореволюционных ученых весьма важно и полезно.

И здесь очень востребованными могут оказаться труды А.А.Олесницкого. Очень важно, что профессор стоял на строго церковных позициях. С точки зрения научной его работы, как до революции, так и сейчас, продолжают пользоваться авторитетом. Так, на мнения Олесницкого часто ссылались проф. А.П.Лопухин¹⁷, проф. И.Г.Троицкий¹⁸ и другие отечественные ученые, а сегодня его научными описаниями и высказанными им гипотезами пользуются многие православные исследователи Библии¹⁹.

Кроме того, важно, что метод проф. Олесницкого дает выводы, которые не противоречат данным современной науки. Следовательно, этот метод может оказаться полезен для анализа, интерпретации и осмысления с православной точки зрения современных находок.

Так как до сих пор нет ни одного систематического исследования трудов А.А.Олесницкого в области библейской археологии, то актуальность и научная новизна настоящей работы очевидна.

Практическая ценность диссертации заключается в том, что она может помочь отечественному исследователю сориентироваться в библейско-археологическом наследии А.А.Олесницкого. Результаты работы могут послужить для дальнейшей разработки проблем, связанных с изучением истории развития библейской археологии. Кроме того, они могут быть включены в курсы лекций по библейской археологии, а также использованы при подготовке спецкурсов историко-библейского профиля.

Обзор источников и литературы

Как отмечалось выше, сведения о жизни и деятельности проф. А.А.Олесницкого чрезвычайно скудны. Основным полноценным биографическим источником служат надгробные речи, некрологи и воспоминания, составленные по случаю кончины ученого некоторыми его ближайшими учениками:

А.Войтковым²⁰, свящ. А.Глаголевым²¹, Н.Маккавейским²² и В.Рыбинским²³ — и опубликованные в «Трудах Киевской духовной академии». Другие немногочисленные статьи об А.Олесницком представляют собой компиляцию указанных источников и новых сведений почти не содержат²⁴.

Основным источником сведений о научном наследии проф. Олесницкого служат труды самого ученого. К счастью, все они регулярно публиковались еще при его жизни и дошли до нас.

Структура диссертации

Работа включает в себя: *введение*, *шесть глав*, *заключение*, *библиографический список* и *приложение*. Во *введении* обосновывается тема диссертации, демонстрируется актуальность тематики исследования, определяются цели и задачи исследования, приводится краткий обзор источников, структура диссертации. В *главе I* приводится биография проф. А.Олесницкого. В *главе II* дается исторический обзор археологических исследований Сиро-Палестинского региона. В *главе III* представлен систематический обзор сочинений проф. Олесницкого по библейской археологии. *Глава IV* посвящена раскрытию вклада ученого в разработку методологии археологических исследований, а также в развитие отдельных областей библейской археологии Палестины. В *главе V* излагаются принципы и примеры использования профессором археологических открытий в апологетических и экзегетических целях. В *главе VI* дается общая оценка роли проф. А.Олесницкого в формировании отечественной научной школы библейской археологии. В *заклучении* подводятся итоги диссертационного исследования. В *приложении* представлены необходимые схемы и иллюстрации.

Глава I

БИОГРАФИЯ А.А.ОЛЕСНИЦКОГО

Аким (Иоаким) Алексеевич Олесницкий родился в 1842²⁵ г. в Волынской губернии в семье протоиерея. Воспитание в строго церковной среде определило весь дальнейший жизненный путь будущего знаменитого ученого-библеиста. В 1857 г. юный Иоаким поступает в Волынскую Духовную семинарию, которую успешно оканчивает в 1863 г. Свое дальнейшее образование он решает продолжить в Киевской духовной академии. После ее окончания в 1867 г. определением Святейшего Синода он был назначен преподавателем на кафедру еврейского языка и библейской археологии Киевской духовной академии. В 1868 г. за сочинение об И.Канте А.А.Олесницкий был удостоен ученой степени магистра богословия. С введением в Академии устава 1869 г. он получил звание доцента, а уже в 1873 г. был утвержден в звании экстраординарного профессора. Спустя три года, 29 октября 1876 г., на заседании Совета Академии молодой преподаватель был единогласно избран его постоянным членом²⁶.

Свою преподавательскую деятельность А.А.Олесницкий активно сочетал с работой научной. Обладая прекрасным знанием Священного Писания, древних и новых языков: древнееврейского, древнегреческого, латинского, сирийского, арабского, английского, немецкого и французского, — а также обширной эрудицией и тонким критическим чутьем, он начал с перевода книг великих пророков на русский язык. С 1868 по 1873 г. данный труд регулярно публиковался в очередных выпусках «Трудов Киевской Духовной академии». После этого перевода ежегодно выходят новые научные работы молодого ученого: «Из талмудической мифологии» (1870 г.), «Древнееврейская музыка и пение» (1871 г.), «Рифм и метр ветхозаветной поэзии» (1872 г.).

В октябре 1873 г. — ноябре 1874 г. по поручению Академии Олесницкий совершает с научной целью поездку в Святую Землю, где на месте знакомится с сохранившимися памятниками древности. Результатом этой командировки стал фундаментальный труд по библейской археологии: «Святая Земля. Т. 1: Иерусалим и его древние памятники. Т. 2: Другие замечательные по древним памятникам места Иудеи» (1875–1878). За первую часть этого исследования в 1877 г. начинающий археолог получил ученую степень доктора богословия. В дальнейшем А. Олесницкий еще дважды — в 1886 и 1889 г. — совершал продолжительные поездки в Палестину и окрестные страны, а в 1891 г. участвовал в научной экспедиции акад. Н.П.Кондакова, изучавшей памятники Заиорданья. Собранный в этих поездках материал послужил основой для двух других фундаментальных исследований ученого в области библейской археологии: «Ветхозаветный храм в Иерусалиме» (1889) и «Мегалитические памятники Святой Земли» (1895).

Эти поездки много дали Олесницкому. «Профессор был... редким знатоком Ветхого Завета, и Библия являлась для него не сборником трудных и легких текстов, а живой книгой, полной глубины и красоты», — писал биограф²⁷. Лучшим подтверждением этому служат многочисленные труды ученого по библеистике, его статьи догматического, церковно-общественного и духовно-нравственного содержания, а также проповеди.

А.А.Олесницкий был одним из активных сторонников создания Церковно-археологического общества и Церковно-археологического музея при Киевской Духовной академии. Впоследствии он многие годы состоял действительным членом Общества и всемерно оказывал ему научно-консультационную помощь²⁸. Он также являлся одним из учредителей и почетных членов Православного Палестинского Общества²⁹, будучи, кроме того, с самого момента основания последним одним из его уполномоченных представителей в Киеве³⁰.

В 1881 г. Олесницкий был избран инспектором Академии и трудился в этой должности на протяжении двух лет. В 1883 г. он получает звание ординарного, а в 1892 г. — заслуженного профессора Академии. В 1899 г. по состоянию здоровья он выходит в отставку, оставаясь ее почетным членом.

Последней завершенной работой А.Олесницкого явилась его книга «Руководственные о Священном Писании Ветхого и Нового Завета сведения из творений святых отцов и учителей Церкви», вышедшая в 1894 г. Этот труд представлял собой своего рода компендиум-справочник по православной исагогике.

Кроме того, он имел большую апологетическую ценность в свете полемики с представителями западного библейского рационализма.

Будучи уже тяжело больным, профессор начал готовить к печати Энциклопедический словарь по Ветхому Завету, однако довести до конца эту работу не сумел. Не удалось ученому осуществить и подготовку к изданию задуманного им многотомного курса Библейской археологии (лишь в 1920 г. в Петрограде проф. В.П.Рыбинским была издана небольшим тиражом первая часть³¹, но только она одна).

В последние годы жизни А.А.Олесницкий неоднократно выезжал на лечение в Крым. Во время очередной поездки в Алупку в ночь на 27 августа 1907 г. Аким Алексеич скончался. Отпевание его было совершено 3 сентября в Великой церкви Киево-Братского монастыря. В тот же день Аким Алексеич был погребен возле храма на нижнем кладбище Флоровского монастыря г. Киева, недалеко от Академии, которую он так любил и которой отдал всю свою жизнь.

Глава II

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР БИБЛЕЙСКОЙ АРХЕОЛОГИИ СИРО-ПАЛЕСТИНСКОГО РЕГИОНА

1. История археологических исследований Святой Земли

Возникновение библейской археологии как научной дисциплины традиционно относят к середине XIX в.³² Именно тогда появляются первые систематические и целенаправленные научные исследования древностей Святой Земли и первые попытки корреляции их с текстами Священного Писания. Однако истоки познания палестинских древностей уходят в гораздо более далекие времена.

Крупнейший русский исследователь Древнего Востока академик Б.А.Тураев писал: «Интерес к местностям и другим немым свидетелям библейских событий, столь естественный и у иудеев, и у древних христиан, засвидетельствован еще в римское время... Торжество христианства в Империи дало новый импульс этому интересу...»³³

Из церковного Предания известно, что в 326 г. мать св. императора Константина Великого Елена занималась в Иерусалиме поисками остатков Св. Гроба и Креста Господня. При раскопках, предпринятых по ее инициативе на месте Голгофы, были найдены три креста и табличка с надписанным на ней именем Иисуса.

В это же время появляются труды церковных писателей: «Ономастикон» Евсевия Кесарийского об именах местностей, упоминаемых в Священном Писании, и св. Епифания Кипрского о библейской метрологии, долгое время служившие для археологов источниками сведений о Древнем Востоке.

В Средние века, несмотря на отсутствие в Палестине научных исследований, интерес к библейским древностям сохраняется. Так, первые попытки отыскать древние памятники делают крестоносцы³⁴. Кроме того, существовавшая монашеская и паломническая традиция о положении святых мест иногда по-

буждала предпринимать специальные путешествия с целью поиска, осмотра и описания библейских древностей. Одновременно предпринимались и первые, иногда достаточно успешные, попытки их идентификации, ставшие своего рода прологом весьма важного и впоследствии чрезвычайно плодотворного направления библейской археологии³⁵.

Несколько важных описаний палестинских памятников оставили европейские путешественники: швед Феликс Шмид — XV в., немец Л. Раухвольф, фламандец И.Зуаларт и голландец Иоайн Коотвик — XVI в. Римлянин Пьетро делла Балле, посетивший библейские страны в начале XVII в., описал ряд археологических памятников и впервые обратил внимание на неизвестную ранее Европе письменность — клинопись. В XVII в. первые попытки научного подхода к древностям Палестины, основанные на критическом анализе источников, осуществляет голландец А.Роланд³⁶. Все вышеуказанные описания, открытия и эксперименты имели огромное значение для возникновения и развития будущей библейской археологии.

В целом же весь этот период послужил начальным этапом познания Святой Земли. Его характерной особенностью являются поиски, осмотр, описание, а в отдельных случаях и идентификация памятников древности. Однако подлинная библейская археология, изучающая материальные памятники и занимающаяся уяснением и подтверждением библейских событий, в то время еще только формировалась.

Решающее значение для перехода к реальному познанию древностей и формированию ближневосточной библейской археологии как науки имела расшифровка египетской иероглифики французским исследователем Ж.-Ф.Шампольоном (1822) и клинописи Ирана и Месопотамии Г.-Ф.Гротефендом (1802), Э.Бюрнуером и К.Лассеном (1836), Г.Роулинсоном (1857) и др. Она дала возможность соотнести материальные свидетельства с письменными источниками, идентифицировать и датировать отдельные памятники³⁷.

Начало подлинно научным исследованиям Святой Земли было положено благодаря трудам американского ученого Э.Робинсона (E.Robinson) и миссионера Э.Смита (E.Smit), проводивших в 1838 и 1852 гг. ряд систематических разведок и историко-географических разысканий на территории Палестины. Официально целью их была проверка монастырских преданий о святых местах. Эта работа, охватившая вначале Южную Иудею, а затем и всю страну, придала систематический характер идентификации библейских городов и прочих памятников. В процессе обследования были проведены топографические съемки наиболее важных местностей, установлены точные пространственные соотношения между поселениями, осмотрены стены Иерусалима³⁸.

В 1860–1861 гг. Северную Палестину исследовала французская экспедиция во главе с ученым и писателем Э.Ренаном (E.Renan). Ею были проведены пробные раскопки руин античного периода в Тире и Сидоне, а также древних синагог в Галилее³⁹.

Начиная с 1868 г. в Палестине работает французский исследователь Ш.Клермон-Ганно (Ch. Clermont-Ganneau), который, помимо идентификации

ряда библейских и более поздних объектов, сделал важнейшие открытия в области палестинской эпиграфики⁴⁰.

Одновременно исследование палестинских древностей осуществляют швейцарец Т.Тоблер (T.Tobler) и француз В.Герен (V.Guérin). При этом первый занимался главным образом вопросами географии и топографии Иерусалима, тогда как второй, помимо идентификации библейских мест, исследовал также предполагаемую гробницу Хасмонеев в Модине и большое количество древних галилейских синагог⁴¹.

В 1871–1878 гг. поисками и идентификацией древних памятников в Западной Палестине занимаются англичане Т.Дрейк (T.Drake), К.Кондер (C.Conder) и Г.-Г.Китченер (H.H.Kitchener) (впоследствии лорд и военный министр Великобритании). Их результатом стал ряд серьезных открытий, однако по точности идентификаций и общей результативности они заметно уступали исследованиям Э.Робинсона⁴².

В середине – второй половине XIX в. активные археологические разведки проводятся и в Заиорданье: Г.Валлином (1845), В.Пальгрэвом (1862), В.Блентом (1872), К.Кондером (1881–1882) и Г.Шумахером (G.Schumacher) (1896)⁴³.

В целом основная научная деятельность вышеперечисленных исследователей была сосредоточена, главным образом, на видимых, лежащих на поверхности земли, развалинах, которые относились преимущественно к римскому и более поздним периодам. Главным достижением проведенных исследований стала идентификация многих мест, упоминаемых в Ветхом Завете, с руинами поселений, которые зачастую сохраняли свои древние названия⁴⁴.

Наряду с этим начинаются и первые целенаправленные и достаточно масштабные раскопки палестинских памятников. Так, в 1848 г. француз Ф. де Солси (F. de Saulcy) осуществляет расчистку урочища «царских гробниц» в Иерусалиме, хотя его антинаучные методы скорее напоминали охоту за сокровищами⁴⁵.

Но наибольший вклад в проведение полевых работ внес основанный в Лондоне в 1865 г. Британский фонд исследования Палестины (Palestine Exploration Fund). В 1867 г. под эгидой Фонда офицером Ч.Уорреном (Ch.Warren) были проведены широкомасштабные раскопки в Иерусалиме и Иерихоне. Их результатом стал ряд важнейших открытий. Однако отсутствие методики и эталонов для датировки конкретных слоев, построек и групп массового материала, прежде всего керамики, привели в целом к неудовлетворительным результатам⁴⁶.

Вслед за Британским фондом исследования Палестины были основаны: в 1870 г. — Американское Общество исследования Палестины, в 1878 г. — Германское Палестинское Общество, в 1882 г. — Российское Православное Палестинское Общество, в 1890 г. — Иерусалимская практическая школа для изучения Библии, созданная доминиканским орденом, и ряд других, внесших значительный вклад в изучение Святой Земли⁴⁷. «Собственно, с этого времени, — пишет прот. Ростислав Снигирев, — действительно начинается развитие библейской археологии как науки»⁴⁸.

Отдельного рассмотрения требует история археологических исследований Иерусалима. Первые регулярные и целенаправленные научные исследования

древностей Святого града связаны с именами уже упоминавшихся выше американца Э.Робинсона и француза Ф. де Солси, а также англичанина Ч.Уилсона (Ch.Wilson). В течение 1860–1870 гг. тщательные топографические исследования всего Иерусалима были проведены сотрудниками Британского фонда исследования Палестины. Результатом их стало составление детального плана города.

Этим же Фондом в Иерусалиме были организованы и первые масштабные раскопки. Они проводились в 1867 г. под руководством Ч.Уоррена. Через подземные коридоры и тоннели Уоррен обследовал стены древнего города и Храмовой горы. Кроме того, он нашел и правильно идентифицировал подземный источник Гихон, через который воины Давида взяли Иевус — Иерусалим. Был также найден и исследован канал Езекии, обнаружены остатки третьей Иерусалимской стены, которую начал строить Ирод Агриппа I, а также арка в юго-западном углу Храмовой горы⁴⁹. В 1894–1897 гг. раскопки продолжил Ф.Блисс (F.Bliss). Им были открыты стены Старого города⁵⁰.

Огромное значение в деле изучения топографии Иерусалима и ветхозаветного храма имели труды К.Шика (C.Schick), на протяжении многих лет занимавшего должность главного архитектора города. Им были выполнены реконструкции иерусалимского святилища в различные эпохи его существования⁵¹, а также храма Воскресения.

Значительный вклад в археологические исследования Иерусалима внесли Российское Императорское Православное Палестинское Общество и Русская Духовная Миссия в Иерусалиме. В 1859 и 1883 гг. ими был произведен ряд раскопок, результатом которых стали важные открытия в областях как ветхозаветной, так и раннехристианской археологии⁵².

В конце XIX в., в 1890 гг., крупнейшим английским археологом Ф.Петри (F.Petrie) была разработана методика изучения теллей⁵³ и принципы анализа керамического материала для определения относительной хронологии⁵⁴. Этим было положено начало созданию научной методики полевой археологии. Выработанные Ф.Петри и его последователями методики стали поворотным пунктом в исследовании палестинских городов и в развитии библейской археологии в целом. Однако рассмотрение дальнейшей истории археологических исследований Святой Земли выходит за рамки данной диссертации.

2. История русских исследований Святой Земли

Одновременно с развитием библейской археологии на Западе происходило ее становление и в России. В XIX – начале XX вв. отечественная школа библейской археологии формировалась очень похоже на то, как развивались традиции европейских и американской школ, но имела и ряд важных особенностей.

Так, вплоть до 1880-х гг. самостоятельных полевых исследований в этой области русская наука не вела. По словам известного ассиролога Н.М.Никольского, сказанным в 1883 г., «в России... укоренилось убеждение, что Ветхий Завет имеет значение только для богословской науки, а светской до него нет никакого дела»⁵⁵.

Действительно, библейская археология и древнееврейский язык долгое время изучались, прежде всего, в системе академического духовного образования. При этом все курсы читались как этно-географические и историко-религиозные комментарии к Священному Писанию⁵⁶. Соответственно декларировались и цели библейской археологии. Проф. И.Г.Троицкий, например, отмечал, что «предмет библейской археологии составляет описание быта древнего еврейства, насколько оно имело отношение к устройению спасения рода человеческого, или, короче, описание древнееврейского теократического быта»⁵⁷.

Такое понимание целей библейской археологии было в значительной степени обусловлено влиянием западного, в частности немецкого, богословия, которое под библейской археологией понимало изучение бытовой жизни ветхозаветного Израиля, причем на основании самой Библии и других письменных источников. Типичным примером такого подхода служит известнейшее в середине XIX в. учебное пособие доктора богословия Дерптского университета проф. К.Ф.Кейля «Руководство к библейской археологии»⁵⁸. Поэтому не случайно в этом же ключе написаны многие дореволюционные отечественные труды по библейской археологии⁵⁹.

Наряду с этим появляются и работы, авторы которых начинают использовать известные на тот момент открытия в области полевой археологии. К их числу относится учебник по библейской археологии И.Г.Троицкого, изданный впервые в 1895 г. для Санкт-Петербургской Духовной академии. Переизданный в дополненном виде в 1913 г., он содержал немало сведений о новейших достижениях практической археологии⁶⁰.

Вершиной трудов отечественных «кабинетных» археологов стали систематизаторские работы проф. А.П.Лопухина, написанные с привлечением всего доступного к концу XIX в. археологического материала.

Важнейшее значение в становлении отечественной библейской археологии в ее новом понимании принадлежит Киевской духовной академии, где сформировалась целая научная школа, у истоков которой стоял проф. А.Олесницкий.

В последней четверти XIX в. начинаются первые полевые исследования отечественных ученых. Главная роль в их проведении принадлежала функционировавшей уже с 1849 г. Русской Духовной Миссии в Иерусалиме и Православному Палестинскому Обществу, основанному в 1882 г. Общество видело своими задачами не только практические, но также отчасти и научные.

В 1870–1880-х гг. начальником РДМ архим. Антонином (Капустиним) была проведена серия успешных раскопок в Яффе (Иопии), Иерихоне и на Елеонской горе близ Иерусалима. В 1883 г. о. Антонином при поддержке ППО были приняты первые подлинно научные исследования на Русском месте в Иерусалиме. С помощью К.Шика (в то время главного архитектора города) о. Антонин произвел на достаточно высоком методическом уровне раскопки, приведшие к ряду важнейших открытий. В частности, была обнаружена т. н. вторая обводная Иерусалимская стена, возведенная при Неемии в 445 г. до Р. Х. (Неем. 2), и каменный порог. Определение направления этой стены имело принципиальное значение для решения спорного вопроса о местоположении Голгофы. Откры-

тый же в стене порог служил свидетельством о нахождении здесь укрепленных Судных ворот, через которые могла проходить конечная часть Крестного пути⁶¹. Кроме того, были также открыты руины базилики Константина Великого с пристройками византийской эпохи⁶².

В 1890-х гг. одной из основных форм археологического обследования Святой Земли стали организованные Палестинским Обществом научно-художественные экспедиции, или «археологические путешествия». Первая и самая успешная из них — «археологический маршрут» по Сирии и Палестине под руководством акад. Н.П.Кондакова 1891–1892 гг. В результате группой был выполнен осмотр памятников, в том числе ранее знакомых лишь по описаниям западных исследователей либо вообще не известных, фотофиксация, зарисовка и сбор музейных экспонатов. Также были проведены и незначительные, но результативные археологические раскопки на Елеонской горе в Иерусалиме и в Иерихоне⁶³.

Некоторый вклад в археологические исследования Святой Земли внес и основанный в 1894 г. Русский Археологический институт в Константинополе. Им было предпринято изучение древних памятников Мадебы (библ. Медевы), проведено несколько разведок по всему Ближнему Востоку, в результате которых был собран ценный археологический материал. Кроме того, РАИК активно занимался также сбором и систематизацией сведений о новейших археологических открытиях в Палестине⁶⁴.

Таким образом, отечественные ученые вплоть до революции 1917 г. имели возможность вести полевые исследования, однако нередко ограничивались археологическими разведками и посещением мест раскопок, проводимых в Святой Земле западными экспедициями. Следует подчеркнуть, что основная заслуга русской дореволюционной школы библейской археологии заключалась не в раскопках, а в аналитическом осмыслении и интерпретации открываемых артефактов в свете библейского текста и других письменных источников.

3. Актуальность православных исследований Святой Земли в конце XIX – начале XX века

Во 2-й половине XIX в. археологические исследования в Святой Земле развивались в обстановке обострения политико-религиозных отношений ведущих мировых держав, религиозных конфессий и группировок. Оставаясь провинцией к тому времени заметно ослабевшей Османской империи, небольшая, но стратегически важная территория Палестины стала предметом политических притязаний различных государств, которые намеренно разжигали и поддерживали религиозный фактор, стремясь использовать его для укрепления своих позиций на Ближнем Востоке⁶⁵. В частности, в центре внимания оказался вопрос о контроле над святыми местами, борьба за право обладания которыми активно велась в Европе начиная с 40-х гг. XIX столетия⁶⁶.

Известно, что институт «святых мест» христианства был создан в 30-е гг. IV в. трудами и на средства византийского императора Константина Великого и Иерусалимского епископа Антиохийской Церкви Макария. С этого времени на

протяжении семи с половиной веков все христианские святыни пребывали во владении и под контролем Иерусалимской Православной Церкви. После захвата в 1099 г. Иерусалима крестоносцами полный контроль над христианскими святынями Палестины установила Франция. С этого момента православные могли проникать в Палестину только как простые богомольцы. Однако монополия Франции была поколеблена в 1808 г., когда Греко-Православная Церковь при поддержке России сумела распространить свой суверенитет над большинством святых мест, ранее находившихся во владении католиков. Обеспокоенная усилением Православия в Палестине, Франция в 50-х гг. XIX в. заметно активизировала католическую пропаганду. В итоге конфликт России и Франции, вызванный притязаниями на Вифлеемский храм, стал одной из причин Крымской войны (1853–1856)⁶⁷. Поддержку католической Франции в этом конфликте оказала Англия, которая, в свою очередь, стремилась укрепиться в Палестине, опираясь на местную протестантскую общину⁶⁸.

Политическое и религиозное соперничество сильно отразилось на ходе археологических исследований Палестины. В начале XX в. известный русский ученый Михаил Ростовцев с горечью констатировал печальное состояние палестинской археологии, выражавшееся, прежде всего, в ожесточенном противостоянии различных национально-конфессиональных институтов, озабоченных не столько наукой, сколько приобретением контроля над святыми местами или созданием новой, собственной их системы⁶⁹.

Первыми, кто занимался собиранием и охраной палестинских древностей, были католические, а именно францисканские учреждения, т. н. «Стража Святой Земли». Уже в XVI–XVII вв. они начали работу по фиксации (обмерам) и даже публикации памятников. В 80-х гг. XIX в. к ним присоединились доминиканцы. При этом если первые были преимущественно итальянцами, то доминиканцы представляли интересы французского правительства. Им противостояли протестантские учреждения: Британский фонд исследований Палестины, созданный в 1865 г., и американские центры (American Oriental Society (1842) и American Palestine Exploration Society (1870)), позже объединенные в «Американские Школы Исследований Востока»⁷⁰.

Что касается русской археологической науки, то, как было сказано выше, в это время она еще только начинала формироваться и находилась в сильной зависимости от западной. Так, вплоть до конца 1880-х гг., изучая памятники библейских древностей Ближнего Востока, русские студенты почти исключительно пользовались литературой из Франции, Англии и Германии. В этой связи Л.А.Беляев отмечает, что даже по отчетам первых отечественных экспедиций несложно заметить, как их руководители постоянно полемизируют с книгами своих зарубежных коллег⁷¹.

Даже наиболее передовые исследования — И.Троицкого, С.Троицкого, А.Лопухина и П.Юнгера, — учитывавшие последние достижения библейской археологии, вынужденно использовали вторичный научный материал, который нередко отражал узко-конфессиональную позицию своих авторов. Отсюда часто возникали неверные выводы, как мы можем видеть, например, у Лопухина (гипотеза о ножах обрезания и т. д.).

Таким образом, гегемония археологического изучения Палестины, принадлежавшая католикам и протестантам, трактовки которых были зачастую спекулятивны и предвзяты, не могла способствовать формированию православного взгляда, ставившего во главу угла объективность научных исследований. В связи с этим перед русской наукой встала вполне практическая потребность активнее включиться в археологическое исследование «библейских стран».

Одним из первых среди русских ученых в этот процесс включился А.А.Олесницкий, который лично ознакомился со всеми проводимыми в то время раскопками в Святой Земле, а также со множеством памятников древности и артефактов. Немного раньше активные научные изыскания на Ближнем Востоке проводил архим. Порфирий (Успенский). С середины 1880-х гг. к археологическим исследованиям в Палестине подключились РДМ и ППО, а позже и РАИК, доставившие много ценного археологического материала. Однако проводимые ими исследования касались, главным образом, вопросов археологии римско-византийского периода. Изучением же памятников ветхозаветного периода занимался лишь А.Олесницкий.

Глава III ОБЗОР СОЧИНЕНИЙ А.А.ОЛЕСНИЦКОГО ПО БИБЛЕЙСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

1. Общая характеристика сочинений

Как отмечалось в предыдущей главе, в 70–80-х гг. XIX в. западная библейская археология со всей решительностью заявила о себе как наука практическая, полевая. В то же время в России она по-прежнему продолжала оставаться дисциплиной преимущественно кабинетной⁷². В результате огромный и весьма разнообразный материал, оказавшийся к этому времени в арсенале западной библеистики и позволявший по-новому взглянуть на события Священной истории, для отечественных палестиноведов оставался малодоступным. В лучшем случае доходил в значительно переработанном, а нередко искаженном виде.

Сложившаяся ситуация неизбежно подтолкнула отечественную археологическую науку к необходимости ознакомления с библейскими древностями непосредственно «на месте». Наряду с Русской Духовной Миссией в Иерусалиме, в процесс непосредственного изучения палестинских святынь включилась Киевская Духовная академия. Труд по осмотру и описанию сохранившихся и вновь открытых памятников был возложен руководством Академии на тогда еще молодого, но подающего большие надежды доцента Акима Олесницкого, для которого в итоге библейская археология Палестины стала делом всей его жизни.

А.А.Олесницкий «оставил крупный след в нашей богословской науке и обогатил нашу литературу длинным рядом ценных ученых работ», — писал о наследии своего наставника проф. В.П.Рыбинский⁷³. Среди этих работ значительное место занимают сочинения в области библейской археологии. «Названные

работы, — отмечал Рыбинский, — хорошо известны в ученом мире, и высокие достоинства их общепризнаны»⁷⁴. По словам прот. Ростислава Снигирева, они стали «надежным источниковедческим фундаментом для зарождавшейся отечественной библейской археологии»⁷⁵.

Известность Олесницкому принесли, прежде всего, крупные фундаментальные труды, посвященные определенным проблемам, разработкой которых он занимался в течение многих лет: «Святая Земля: Отчет о командировке в Палестину и прилегающие к ней страны»; «Ветхозаветный храм в Иерусалиме» и «Мегалитические памятники Святой Земли». Однако перу ученого принадлежит и целый ряд относительно небольших по объему работ, как правило представляющих собой отклик профессора на возникавшие в ученом мире споры по тем или иным животрепещущим вопросам.

Вообще следует отметить, что все затронутые А.Олесницким в его письменных трудах проблемы всегда жизненны, не отвлеченны, поскольку были обусловлены насущными потребностями времени, вызовом отрицательной библейской критики и т. д. Православный библеист не мог обойти молчанием новейшие идеи и гипотезы, возникавшие на Западе в связи с открытием новых артефактов, и не дать на них православный ответ. Так, работа «Вопрос о новейших открытиях моавитских древностей» была вызвана необходимостью установить подлинность данных находок, появление которых в середине 70-х гг. XIX в. стало настоящей научной сенсацией. Равно как, например, и статья «Вставки в Книге Иисуса Навина 21, 42 и 24, 30 по переводу LXX», представлявшая собой реакцию на сообщение об открытии в Анбие аббатом Ричардом упоминаемых в Септуагинте ножей обрезания.

Отличительной особенностью сочинений А.Олесницкого явилось то, что все они носили одновременно и строго научный, и научно-популярный характер, будучи ориентированы не только на профессиональных палестиноведов, но и на неискушенных читателей. Не удивительно поэтому, что профессор на протяжении многих лет регулярно публиковал результаты своих исследований как в виде отдельных книг, так и в различных периодических изданиях, главным образом в «Трудах Киевской Духовной академии». Возможно, именно благодаря этому все его письменное наследие, все его идеи и гипотезы целиком дошли до нас, хотя и «разбросанные» по отдельным изданиям и публикациям.

Тематика сочинений Олесницкого охватывает весь спектр научных интересов палестинской библейской археологии 2-й половины XIX в.: от идентификации и верификации святых мест и монументальных памятников древности до интерпретации отдельных находок, а также соотнесение их со Священным Писанием.

2. Сочинения

Рассматривая археологические труды А. Олесницкого, можно лишь весьма условно классифицировать их из чисто практического соображения — для более удобного их анализа и понимания вклада профессора в отдельные области ар-

хеологической науки. Во избежание дробности и излишней расчлененности, мы разделили археологические труды Олесницкого только на четыре группы (которые, в свою очередь, группами могут быть названы лишь условно):

- 1) труды, посвященные описанию библейских мест Святой Земли и ее древнейших монументальных памятников;
- 2) труды, посвященные реконструкции ветхозаветного храма;
- 3) труды, посвященные мегалитическим памятникам;
- 4) труды, посвященные отдельным спорным вопросам.

2.1. Труды, посвященные описанию библейских мест Святой Земли и ее монументальных памятников

Первая группа в количественном отношении является самой большой. К ней могут быть отнесены следующие сочинения:

— Святая Земля: Отчет о командировке в Палестину и прилегающие к ней страны, 1873–1874: В 2 т. Т. 1: Иерусалим и его древние памятники (1875); Т. 2: Замечательнейшие по древним памятникам места Иудеи, Самарии, Галилеи верхней и нижней, Финикии и Ливанской области (1878);

— Судьбы древних памятников Святой Земли: Речь, произнесенная в торжественном собрании Киевской Духовной академии 28 сентября 1875 г. (1875);

— Путешествие одного египтянина в Палестину, Сирию и Финикию в XIV в. пред Рождеством Христовым: Новый источник для Библейской географии (1876);

— О том, как д-р Сепп открыл древний храм Ваала между Иерусалимом и Вифлеемом (1878);

— Гробница Аарона на горе Ор (1879);

— По вопросу о раскопках 1883 г. на русском месте в Иерусалиме (1887).

Самым значительным и наиболее известным трудом А.А.Олесницкого, посвященным описанию библейских мест и монументальных памятников Палестины, является двухтомное сочинение *«Святая Земля: Отчет о командировке в Палестину и прилегающие к ней страны»*. Данный труд, как следует уже из его названия, представляет собой отчет А.Олесницкого о своей научной командировке в Святую Землю, совершенной им в 1873–1874 гг. Поводом к путешествию послужили, по словам самого автора, «газетные публикации о многих археологических изысканиях и раскопках, предпринятых... в разных местах Св. Земли европейскими учеными, и отчеты разных экспедиций на Восток, представлявшие много неожиданных... и едва вероятных открытий»⁷⁶.

Подобно многим своим предшественникам — путешественникам в Святую Землю — Олесницкий рассматривает свой отчет как «путеводитель» по святым местам Палестины, призванный облегчить знакомство с ней паломникам и всем вообще интересующимся читателям. Однако, не ограничиваясь этим, ученый подчеркивает и научную актуальность своего исследования: прежде всего его экзегетическую и апологетическую направленность⁷⁷.

Первая часть работы содержит подробное научное описание памятников библейской древности Иерусалима: остатков сооружений ветхозаветного храма,

подземных каналов, бассейнов, цистерн, гробниц и т. д. Кроме того, впервые в отечественной литературе было представлено описание всех новейших раскопок и открытий на территории Святого града.

Это исследование получило высокую оценку среди отечественных палестинистов. Так, в своем отзыве орд. проф. КДА архим. Сильвестр отмечал, что для библейской археологии «настоящий труд... может быть признан важным и весьма ценным приобретением»⁷⁸. Столь же похвальное одобрение выражено и в отзыве экстраорд. проф. КДА П.Линицкого⁷⁹. Высокое научное достоинство этого сочинения было подтверждено присвоением его автору ученой степени доктора богословия.

Что касается второй части, то она посвящена обзору палестинских памятников, расположенных вне Иерусалима, включая и те, которые, в силу своей мало-значительности либо удаленности, оставались вне поля зрения предыдущих исследователей, как российских, так и западных.

В целом труд Олесницкого представлял собой принципиально новое в отечественной науке исследование, ставшее прологом к возникновению русской библейской археологии в ее современном понимании. По оценке проф. В.П.Рыбинского, сделанной им в 1907 г., т.е. спустя 30 лет после опубликования данного сочинения, оно «является в нашей литературе первым опытом ученого описания Иерусалима и Св. Земли. К настоящему времени труд... по местам устарел... Но тем не менее этот труд не превзойден еще и доселе» и «остается важнейшим, незаменимым пособием по изучению Св. Земли»⁸⁰.

Следующее сочинение А.Олесницкого — *«Судьбы древних памятников Святой Земли»*. В строгом смысле это не письменная работа, а речь, произнесенная в торжественном собрании Киевской Духовной академии 28 сентября 1875 г. (т. е. спустя год после возвращения из первой командировки в Святую Землю), напечатанная в «Трудах Киевской Духовной академии» и вышедшая отдельным изданием. Свой долг исследователя палестинских древностей Олесницкий видит в том, чтобы привлечь к ним внимание мирового ученого сообщества. Он делится тем впечатлением, которое на него произвела Палестина, с горечью констатируя современное бедственное состояние многих священных мест и остатков памятников библейской древности. Здесь же ученый приводит ряд своих суждений, изложенных более подробно в работе «Святая Земля», относительно процесса формирования древнееврейской архитектуры и тех влияний, которые создали ее особый, неповторимый стиль.

Статья *«Путешествие одного египтянина в Палестину, Сирию и Финикию в XIV в. пред Рождеством Христовым»* является детальной разработкой папируса XIV в., открытого в 1850-х гг. и опубликованного в Англии в 1866 г. Папирус представляет собой документ, содержащий переписку некоего египетского сановника Могара, совершавшего поездку по Палестине, со своим слугой-писцом. «Древность манускрипта, — по мнению Олесницкого, — ...поставила его в ряд первостепенных источников и для библейской географии, и истории». Поэтому ученый считает необходимым «передать содержание папируса с необходимыми объяснениями для сведения... особенно деятелей русской библейской науки»⁸¹.

Статья состоит из введения и 19 разделов, соответствующих 19 письмам Могара. Предваряя изложение содержания документа, Олесницкий предлагает свою аргументацию относительно его датировки. Далее ученый приводит перевод писем, сопровождая его собственными обстоятельными комментариями, будучи сам хорошо знаком с описываемой в документе местностью.

Огромная научная ценность этой небольшой работы Олесницкого заключалась уже в том, что она впервые познакомила отечественных исследователей с неизвестным ранее документом. Но главное — в ней впервые, благодаря Олесницкому, получили научное обоснование многочисленные сведения о географии, политической обстановке, взаимоотношениях, нравах и быте древнейших народностей и племенах Палестины и окрестных стран.

В небольшой статье *«О том, как д-р Сепп открыл древний храм Ваала между Иерусалимом и Вифлеемом»* Олесницкий отвечает на возникающие недоумения по поводу опубликования в одном из европейских изданий сообщения о якобы открытии немецким проф. Сеппом неких остатков древнего языческого храма.

Еще одна коротенькая статья — *«Гробница Аарона на горе Ор»* — посвящена описанию одноименного памятника. На основании свидетельств Флавия и местных преданий Олесницкий доказывает тождество описываемой им горы с библейской горой Ор. Здесь же он излагает свою версию истории формирования данного сооружения.

Большим вкладом Олесницкого в библейскую археологию является его трактат *«По вопросу о раскопках 1883 г. на Русском месте в Иерусалиме»*. В этой работе, представляющей собой экспертное заключение профессора, выполненное им по просьбе Совета Императорского Русского Археологического Общества, подробно и тщательно исследуется вопрос об остатках, открытых на Русском участке в Иерусалиме благодаря раскопкам архим. Антонина (Капустина). Отзыв преследовал цель разъяснить, во-первых, характер остатков и их отношение к первоначальному виду Голгофской местности и, во-вторых, древнейшие христианские сооружения данного места. Соответственно означенным целям, отзыв состоит из двух частей (не считая введения и приложений).

Значительным научным достоинством трактата является то, что в нем не только весьма аргументировано и методологически последовательно обоснована подлинность обнаруженных остатков, признанная позже и западной наукой, но и высказано немало ценных предположений относительно местонахождения и значения ряда исторических мест Святого града. В частности: Голгофского некрополя, отдельных участков 2-й и 3-й городских стен, претории Пилата, Крестного пути Спасителя *Via Dolorosa*.

Представленные в отзыве выводы были, за исключением некоторых пунктов, признаны Советом удовлетворительными⁸². Высокую оценку ему дал впоследствии проф. В.П.Рыбинский, отметив, что «при изучении топографии и истории Иерусалима упомянутый небольшой трактат должен служить одним из важнейших пособий»⁸³.

2.2. Труды, посвященные реконструкции ветхозаветного храма

Ко второй группе относится лишь одна работа: *«Ветхозаветный храм в Иерусалиме: Исследование»* (1889). Это одна из трех монографий Олесницкого, являющаяся плодом многолетнего изучения вопроса об истории и устройстве ветхозаветного святилища. Сам профессор задумывал свой труд — «первый... по данному предмету в русской литературе» — прежде всего как пособие для преподавателей Священной библейской истории⁸⁴. Однако по глубине проработки это исследование далеко выходит за обозначенные рамки, являясь произведением чисто научного характера. Оно представляет собой опыт реставрации внешнего и внутреннего вида скинии Моисея и ветхозаветного святилища по текстам Священного Писания, свидетельствам Иосифа Флавия, указаниям раввинистических источников и — самое важное — результатам проведенных на территории Храмовой горы раскопок европейских исследователей Уоррена, Уилсона и других.

Работа состоит из четырех частей. В трех первых даются реконструкции соответственно скинии Моисея, храма Соломона и храма Ирода. Четвертая часть, стоящая несколько особняком, посвящена обзору и значению сохранившихся остатков иерусалимского храма.

Высокое научное достоинство исследования Олесницкого было по праву оценено отечественными палестиноведами. Так, в своем отзыве доцент КДА Ф.Покровский выразил убеждение, что данный труд «составляет редкий капитальный вклад не только в сокровищницу русской библейско-археологической науки, где не было доселе ничего сколь-нибудь ему подобного, но и в общечеловеческую сокровищницу той же науки, так как и там... нельзя указать сочинения, которое могло бы равняться с ним по широте задуманного плана и полноте и основательности его исполнения. Лучшие сочинения о Ветхозаветном храме... стоят далеко ниже... исследования г. Олесницкого»⁸⁵.

Другой рецензент — проф. Я.Богородский, — несмотря на весьма критическую характеристику сочинения, признал за ним «несомненное и крупное достоинство... — богатство собранного в нем историко-археологического материала», что «на целую половину может облегчить труд тех, кто после него взялся бы разрешать загадку о том, что такое был храм Иерусалимский»⁸⁶.

Так же и современный библеист прот. Николай Диваков охарактеризовал данное исследование «самым передовым более ста лет назад»⁸⁷. Не случайно «ввиду особых научных достоинств» его автору Указом Св. Синода была присуждена полная премия Митрополита Московского Макария⁸⁸.

2.3. Труды, посвященные мегалитическим памятникам⁸⁹

Третья группа включает также одно-единственное сочинение: *«Мегалитические памятники Святой Земли»* (1895). Является последней по времени монографией Олесницкого. В ней обобщаются многолетние труды ученого по изучению палестинских мегалитов, включая материалы, полученные в ходе экспедиции по Заиорданию в составе группы проф. Н.П.Кондакова.

Согласно словам самого автора, цель данной работы заключалась в том, «чтобы обратить внимание... русских исследователей мегалитической старины

на библейские свидетельства о памятниках этого рода и на сохранившиеся в большом количестве экземпляры мегалитических памятников в Палестине до настоящего времени»⁹⁰.

Работа состоит из четырех глав, в которых соответственно рассматриваются классификация мегалитов, библейские и иные древнейшие свидетельства о них, дается подробный обзор сохранившихся памятников Палестины, и, наконец, излагаются различные (в том числе и самого Олесницкого) взгляды на происхождение мегалитов.

В основу исследования Олесницким были положены наработки западных ученых, преимущественно К.Кондера и Г.Шумахера. Однако профессор значительно дополняет их. К числу таких дополнений принадлежит, в частности, обстоятельный анализ относящихся к мегалитам свидетельств Библии. Поэтому в целом работа носит вполне самостоятельный характер.

Научную ценность сочинения прекрасно выразил проф. В.П.Рыбинский, назвав его «первым... (в отечественной литературе. — *Р.Л.*) серьезным исследованием о мегалитах Палестины», автор которого «путем искусной комбинации мелких черт создает ценный материал для восстановления картины древней жизни Израиля и человечества»⁹¹.

2.4. Труды, посвященные отдельным спорным вопросам

Последнюю группу — «других» археологических работ Олесницкого — составляют две относительно небольшие статьи: *«Вопрос о новейших открытиях моавитских древностей»* (1877) и *«Вставки в Книге Иисуса Навина 21, 42 и 24, 30 по переводу LXX»* (1878).

Первая из них написана в связи с серией сенсационных открытий в Моавитской области Святой Земли ранее не известных науке памятников древности, вызвавших острейшую научную полемику относительно их подлинности. Согласно первоначальному замыслу, данное исследование должно было служить практическим руководством в помощь не имевшим достаточного опыта сотрудникам Церковно-археологического музея, действовавшего при Киевской Духовной академии.

В своем окончательном виде работа представляет собой полноценный научный трактат, основанный как на материалах западных исследований, так и на результатах собственного изучения автором многочисленных образцов. Первая часть посвящена подробному обзору истории вопроса. Во второй рассматриваются сами находки.

Другая работа — «Вставки в Книге Иисуса Навина...» — написана проф. А.Олесницким по поводу сообщения об открытии аббатом Ричардом в предполагаемой гробнице вождя израильтян каменных ножей обрезаия, упоминаемых в Библии. Статья представляет отдельно изданное переложение фрагмента на данную тему из более раннего сочинения «Святая Земля». В ней отсутствуют какие-либо новые сведения и предлагается высказанный автором ранее вывод о позднейшей интерполяции указанного места Писания и, соответственно, фиктивности открытия.

Глава IV
ВКЛАД А.А.ОЛЕСНИЦКОГО В ОТДЕЛЬНЫЕ ОБЛАСТИ
БИБЛЕЙСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

1. Общая научная методология А.А.Олесницкого

1.1. Возникновение научной методологии библейской археологии

До середины XIX в. методологии археологических исследований как таковой не существовало. Не имелось ни общепринятых стандартов, ни предпосылок для создания целостной дисциплины и методики обучения ей. Равно как отсутствовало в целом осознание того, что подобные исследования могут составлять какую-то «науку» или, во всяком случае, требовать точности, объективности и систематичности, которые предполагает всякая наука.

Тем не менее первыми опытами научного подхода к библейским древностям считается деятельность в XVII в. голландца А.Роланда в Палестине и датчанина К.Нибура в Месопотамии. Ими не только производился целенаправленный сбор источников, но и предпринимались попытки критического их анализа⁹².

Важнейшим шагом к созданию научной методологии библейской археологии явилась расшифровка в 1822 г. египетской иероглифики Ж.-Ф.Шампольоном и клинописи Ирана и Месопотамии Г.-Ф.Гротефендом (1802) и другими. Она создала возможность соотнести материальные свидетельства с письменными источниками, идентифицировать и датировать отдельные памятники.

Следующим значительным этапом на пути формирования научной методологии археологических исследований стали труды в середине XIX в. американских ученых Э.Робинсона и Э.Смита. Осознав, сколь огромное значение имеют названия арабских селений, они путем опроса местного населения собрали наименования множества деревень и руин, сравнив затем данные показания с монашескими легендами и преданиями⁹³, положив тем самым начало научной идентификации библейских городов и прочих памятников.

Постепенно, по мере накопления и систематизации археологического материала, стала складываться методология датировок, основанная преимущественно на сопоставлении различных образцов. Так, для установления возраста палестинских монументальных памятников широко использовались аналогии с известными образцами египетской, ассирийской, вавилонской, греческой, римской и даже индийской архитектуры, сравнение различных элементов декора и т. п.

В связи с накоплением достаточных знаний в области эпиграфики появилась возможность научного исследования как монументальных памятников, так и отдельных находок. Немалая заслуга в деле поиска и изучения симитических надписей принадлежит Ш.Клермону-Ганно. Выработанная им методика анализа и сопоставления различных шрифтов успешно применялась не только для датировки артефактов, но и для определения их подлинности.

Кроме того, в это время все большее распространение получают методы, основанные на привлечении данных таких вспомогательных дисциплин, как па-

пирология, нумизматика и этнография. Так, изображения на монетах и медальонах нередко использовались для реконструкции первоначального вида тех или иных исследуемых памятников. А данные в области этнографии — для выяснения их назначения и т. п.

Однако, несмотря на стремительное развитие полевой библейской археологии во 2-й половине XIX в., она в этот период делала только свои первые шаги. Ее методологическая база только формировалась. Не удивительно поэтому, что во многих случаях отсутствие четких критериев, принципов и эталонов хронологизации конкретных слоев, построек и групп массового материала, прежде всего керамики, приводило нередко к ошибочной идентификации памятников и неверной интерпретации добытых фактов. Кроме того, как отмечалось выше, вплоть до конца XIX – начала XX в. библейская археология по инерции продолжала во многом сохранять свой кабинетный характер. Поэтому, наряду со все более широким привлечением методов полевой археологии, фундаментальную основу методологии библейской археологии продолжал составлять анализ традиционных письменных источников, главным образом текстов Священного Писания, Талмуда, сочинений Иосифа Флавия и других свидетельств историков и путешественников.

1.2. Методологические принципы А.А.Олесницкого

Все вышеперечисленные особенности библейской археологии, соответствующие уровню ее развития в рассматриваемый период, нашли свое отражение в научном подходе А.А.Олесницкого. Прекрасное владение древними и новыми языками, превосходное знакомство со Священным Писанием, талмудической и исторической литературой, широкий кругозор, а также непосредственное знакомство со всеми новейшими достижениями и открытиями в области археологии позволяли ученому использовать весь арсенал методов, которыми располагала археологическая наука того времени. Однако, исследуя какую-либо проблему или отдельный артефакт, Олесницкий не применял тот или иной метод механически, но всегда осознанно. Анализируя монографии и статьи профессора, можно обнаружить некоторые характерные особенности его научного подхода. И если в полной мере едва ли можно говорить о четко разработанной методологии Олесницкого, то, во всяком случае, можно выделить основные методологические принципы, составлявшие фундамент его научного подхода.

Все используемые проф. Олесницким научные методы с некоторой долей условности можно разделить на две группы. Первую составляют методы филолого-текстологические, основанные на привлечении устных и письменных источников. Вторую — методы, базирующиеся на источниках вещественного характера.

1.2.1. Методы филолого-текстологические

Фундаментальную основу всех научных построений Олесницкого составляет Священное Писание. Именно оно служит для ученого отправной точкой, основополагающим критерием и «верховным судьей» при исследовании тех или

иных рассматриваемых им вопросов, будь то идентификация различных поселений и памятников, интерпретация отдельных находок, реконструкция ветхозаветного храма и т. д. С другой стороны, нередко профессор основывает свои рассуждения не на указаниях, содержащихся в Писании, а, наоборот, на толковании последнего.

В зависимости от характера исследуемого вопроса проф. Олесницким применялись и другие методы:

- использование устных и письменных преданий;
- использование названий местностей (главным образом, для идентификации библейских мест);
- использование этимологии;
- использование созвучия слов, имен, названий;
- использование знания народных обычаев и традиций.

1.2.2. Методы, основанные на вещественных источниках

Наряду с исследованием Священного Писания и других письменных источников, важнейшее значение А.А.Олесницкий придавал непосредственному изучению археологических памятников библейской древности. Одним из основных объектов внимания библейской археологии того времени являлись монументальные памятники и лежавшие на поверхности остатки древних сооружений, для идентификации и датировки которых был выработан ряд методов и критериев, упоминавшихся в предыдущем разделе. Заслуга Олесницкого состояла в том, что им было обращено внимание на необходимость установления твердых ориентиров. В качестве таковых он предложил использовать характерные архитектурные особенности, свойственные каждому конкретному историческому периоду и определенной национальной традиции.

Так, ученый замечает, что особенность еврейско-арамейской архитектуры представляет наличие со всех четырех краев каменных блоков — основного строительного элемента древности — лентообразной выемки, а также тесьмовидной рамки в виде легкой насечки на лицевой стороне⁹⁴. С другой стороны, важнейшими показателями времени происхождения строительного материала могут служить размер каменных блоков и их цвет⁹⁵.

Таким образом, суммируя данные факторы, ученый выдвигает в качестве характерных признаков как еврейского происхождения материала, так и различных периодов происхождения последнего следующие:

1. Размеры камней. В древней архитектуре, по замечанию Олесницкого, размеры камней с течением времени уменьшаются. Например, камни размеров больших, чем в Иерусалиме, встречаются только в Баальбеке и египетских обелисках. Тогда как в египетских пирамидах употребляются камни меньших размеров по сравнению с камнями иерусалимскими. «Конечно, — замечает ученый, — на этом основании было бы поспешно заключить, что памятники Иерусалима были древнее пирамид...; но когда идет дело об одном и том же народе, то, на основании большей величины камней, можно предполагать большую древность монумента»⁹⁶.

2. Особенности отделки лицевой стороны камней. Так, различные размеры выпусков, по мнению ученого, являются признаком если не одновременного происхождения, то, во всяком случае, различных строителей.

3. Наличие или отсутствие цемента для соединения камней, т. к. древнейшие памятники строились без применения цемента.

4. Уступы соседних рядов камней кладки. В более древних памятниках уступы больше.

5. Цвет. В постройках более древних камень из материала миззи переходит от серо-коричневого к золотистому цвету, а маляки — темнеет.

6. Вростание в землю и покрытие растительностью с течением времени.

7. Особые символические знаки.

8. Сорт строительного материала.

Среди других методов, используемых проф. А.А.Олесницким, могут быть названы также.

— сопоставление с известными памятниками с целью установления времени происхождения.

— использование эпиграфики, в частности, с целью датировки артефактов.

— использование изображений на различных барельефах, медальонах и монетах для реконструкции первоначального вида исследуемых сооружений и предметов.

— использование различных аналогий.

В данном параграфе нами были рассмотрены лишь наиболее общие методологические принципы, используемые проф. А.Олесницким. При исследовании отдельных памятников или их групп, например гробниц, синагог и т. д., ученый иногда применял специальные методы и критерии, соответствующие характеру того или иного памятника. Практическое применение Олесницким вышеуказанных методологических принципов будет подробно рассмотрено при анализе вклада ученого в различные области библейской археологии.

2. Библейская география

2.1. Изучение библейской географии Святой Земли

Как уже отмечалось в обзоре истории археологических исследований Палестины, интерес к ее святым местам засвидетельствован еще на заре христианской эры. К этому времени относится появление путевых заметок первых паломников и трудов церковных писателей, в той или иной степени затрагивающих вопросы библейской географии: «Ономастикон» Евсевия Кесарийского об именах местностей, упоминаемых в Священном Писании, св. Епифания Кипрского, блж. Иеронима.

В Средние века, благодаря Крестовым походам, интерес к святым местам получает новый импульс. Предпринимаются попытки поиска и восстановления древних памятников Священной истории. Однако после изгнания крестоносцев и утверждения на территории Палестины турецкого владычества иудейские и христианские предания о местонахождении многих библейских древностей на

протяжении веков постепенно претерпевают значительную трансформацию, а иногда вовсе утрачиваются. Несмотря на это, сведения о многих библейских местах, пусть обрывочные и нередко искаженные, в том или ином виде продолжали сохраняться. Этому способствовали мусульманские традиции, бережно передававшие из поколения в поколение почтение к библейским святыням, которые нередко одновременно являлись и святынями ислама. С другой стороны, сохранению древних преданий способствовала никогда не прекращавшаяся монашеская и паломническая традиция о положении святых мест.

Благодаря энтузиазму европейских паломников и путешественников в османский период предпринимались попытки не только осмотра и описания известных библейских мест Святой Земли, но также поиска утраченных преданий, а в отдельных случаях их идентификации. Несмотря на то что эти работы не носили научного характера, они послужили своего рода материальной базой для будущих исследований.

Подлинно научный характер изучение библейской географии Палестины приобретает лишь в середине XIX в. Этому способствовал ряд факторов. Во-первых, долгое время считалось, что Палестина — область, входящая в состав современных Иордании, Израиля и Сирии, — в отличие от Египта и Месопотамии лишена ценных предметов культуры. По убеждению исследователей, в Палестине нельзя было ожидать находок многочисленных статуй и рельефов и открытия новых памятников древнего искусства, которыми изобиловали Египет и Месопотамия. Кроме того, в отличие от последних, Палестина была крайне скудна и на письменные памятники: папирусы, клинописные документы, монументальные надписи, за исключением надписей римского времени⁹⁷. Не удивительно поэтому, что первые ученые занимались здесь именно географическими обследованиями, стремясь установить местонахождение древних городов и памятных мест.

Во-вторых, к середине позапрошлого века, когда большинство крупных и малых городов древности были утрачены в прахе безмолвного прошлого, географические ссылки в Библии подвергались значительному непониманию⁹⁸. Это естественным образом побуждало к установлению максимально точного соответствия между библейскими и реально существующими топонимами.

Третьим важным фактором стала отрицательная библейская критика, приведшая к необходимости верификации библейских мест и желанию поставить описываемые в Библии события на почву реальных фактов, особенно после того, как эти события стали объектом нападков раннего дарвинизма.

Четвертой причиной оказались интересы как целых религиозных конфессий, так и отдельных частных лиц, в том числе мошенников. По словам М.Ростовцева, «французы, немцы и итальянцы... тоже ищут реликвий и священных мест... также не прочь истолковать в свою пользу сомнительное и недостоверное и создать реликвию...»⁹⁹

Наконец, большое значение оказал фактор политический, связанный с желанием ведущих мировых держав установить контроль над святыми местами. Этот мотив, с одной стороны, как известно, послужил поводом к развязыванию

Крымской войны. Однако с другой — именно поддержка археологических исследований на государственном уровне сделала возможным осуществление крупных научных проектов и создание национальных археологических школ.

Одними из первых исследователей библейских земель стали Э.Робинсон и Э.Смит. Как отмечалось выше, официальной целью их была проверка монастырских преданий о святых местах. Учеными был проведен целый ряд систематических разведок и историко-географических разысканий, сделана попытка научной идентификации некоторых библейских городов. В процессе обследования были произведены топографические съемки нескольких ключевых участков, установлены точные пространственные соотношения между поселениями, осмотрены стены Иерусалима. Эти исследования оказали огромную помощь в определении многих библейских мест. Не случайно Робинсона называли «отцом географии Палестины»¹⁰⁰.

На основе этих и других исследований в 1861–1862 гг. Ван де Вельде (Van de Velde) была издана подробная карта Палестины, включавшая порядка 1800 арабских наименований поселений, гор, рек и других географических объектов¹⁰¹.

В конце 1860-х и в 1870-х гг. изучением и идентификацией библейских мест занимались француз Ш.Клермон-Ганно, которому, в частности, принадлежит «открытие» в 1878 г. древнего Гезера (Газера)¹⁰²; его соотечественник В.Герен и швейцарец Т.Тоблер, дополнившие существовавшие карты новыми объектами и составившие первый удовлетворительный план Иерусалима, а также англичане К.Кондер и Г.Китченер, проделавшие серьезную работу по картографированию Западной Палестины. Одновременно собственные исследования проводит француз Ф. де Солси. В 1877 г. им был издан словарь по библейской географии¹⁰³. Главным достижением проведенных исследований стала идентификация многих мест, упоминаемых в Ветхом Завете, с руинами поселений, которые зачастую сохраняли свои древние названия¹⁰⁴. К 1880 г. в Палестине было определено около 6 тысяч таких мест¹⁰⁵.

Однако наибольший вклад в библейскую географию Палестины принадлежит, несомненно, Британскому фонду исследования Палестины. Толчком к его созданию стал один из грантов на благоустройство Иерусалима — прокладка туда современного водопровода в 1864 г., для чего Королевской инженерной службе был заказан подробный план города и окрестностей. С созданием Фонда эта задача распространилась на всю Палестину и включила археологическое обследование Иерусалима¹⁰⁶. Начатые в 1871 г. работы продолжались в течение семи лет. Их результатом стало составление детального плана Иерусалима, а также издание в сентябре 1877 г. карты Западной Палестины, подготовленной Стюартом, Кондером, Китчинером и другими. На ней было зафиксировано уже около 9 тысяч арабских топонимов деревень, руин, гор, рек и источников¹⁰⁷. Помимо этого, было обнародовано 9 томов «Записок» с информацией, полученной при археологической разведке¹⁰⁸.

В отличие от своих западных коллег русские ученые изучением библейской географии долгое время продолжали заниматься почти исключительно путем тщательного изучения Священного Писания и других доступных письменных

источников¹⁰⁹. Все новейшие достижения в этой области заимствовались из публикаций европейских исследователей.

Отдельные сведения о святых местах Палестины поступали в Россию от частных лиц: торговых представителей, путешественников и паломников, а также от религиозных организаций и по государственным каналам. Более научный характер имела миссия в Иерусалим архим. Порфирия (Успенского), который начиная с 1843 г. совершил ряд многолетних путешествий по Сиро-Палестинскому региону. Им была создана первая систематизированная русская версия описания древностей Святой Земли¹¹⁰. Позже работа по изучению святых мест была предпринята Русской Духовной Миссией в Иерусалиме, которой был приобретен ряд участков в исторически важных местностях, перспективных для открытия библейских или церковных древностей. Однако к исследованиям географическим все эти работы имели отношение косвенное, так как проводились на уже известных и идентифицированных местах.

Лишь после учреждения в 1882 г. Российского Православного Палестинского Общества отечественные ученые, благодаря успешным раскопкам в Иерусалиме, обогатили мировую археологию новыми ценными сведениями о его топографии.

2.2. Деятельность А.А.Олесницкого в области изучения библейской географии

Первым из отечественных археологов, поставившим изучение библейской географии на строго научную основу, стал проф. А.А.Олесницкий. И если Робинсон справедливо считается «отцом географии Палестины», то Олесницкий по праву может быть назван «отцом русской библейской географии».

Как отмечалось выше, он оказался первым из отечественных профессоров библейской археологии, посетившим Святую Землю с научными целями. Одна из них состояла в том, чтобы на месте обозреть места, связанные с событиями Священной истории, и оценить правильность результатов топографических съемок, выполненных европейскими учеными.

Наблюдения, выводы и собственные предположения, сделанные А.Олесницким в ходе своей двухлетней командировки, нашли отражение в двухтомной монографии «Святая Земля: Отчет о командировке в Палестину и прилегающие к ней страны, 1873–1874» (1875, 1878). Вопросы, связанные с географической тематикой, в той или иной мере затрагивались ученым и во многих других его работах по библейской археологии:

- «Судьбы древних памятников Святой Земли» (1875);
- «Путешествие одного египтянина в Палестину, Сирию и Финикию в XIV в. пред Рождеством Христовым» (1876);
- «Гробница Аарона на горе Ор» (1879);
- «По вопросу о раскопках 1883 г. на русском месте в Иерусалиме» (1887);
- «Ветхозаветный храм в Иерусалиме» (1889);
- «Мегалитические памятники Святой Земли» (1895).

2.2.1. Общая характеристика состояния Святой Земли во 2-й половине XIX века

Одной из основных проблем, стоящих перед библейской археологией, является вопрос о максимально точной идентификации взаимосоотнесенности реальной (современной) и библейской географии. В середине XIX в. для исследователей Палестины данный вопрос представлял особую сложность.

В своей речи «Судьбы древних памятников Святой Земли», произнесенной вскоре после возвращения из первой командировки в Палестину, А.А.Олесницкий охарактеризовал состояние последней как «в высшей степени печальное и дикое»¹¹¹. По его словам, «картина Святой Земли представляет нагую и как будто никогда не жившую пустыню; ее нескончаемые утесы и скалы кажутся везде не тронутую человеческою ногою почвою... Повсюду одни голые камни и утесы; нигде не видно сколько-нибудь значительных остатков древности; даже ничтожные обломки, отмеченные рукою древности, попадаются редко, и то в самом неопределенном и сомнительном виде»¹¹².

Подводя итог, ученый с грустью констатировал: «В то время, когда Египет, Греция, Италия, жившие не более Палестины, усеяны развалинами своих народных памятников, Святая Земля не имеет почти памятников от истории того народа, которому она была обетована, который населял ее и потомки которого до настоящего времени оплакивают ее как свою потерянную собственность»¹¹³.

Причинами, вызвавшими «такое глубокое опустошение Святой Земли и исчезновение следов ее древних библейских памятников»¹¹⁴, Олесницкий считал время и историю. Вполне очевидно, что с течением достаточно продолжительного времени облик земной поверхности может существенным образом меняться. Так, некоторые палестинские города и селения, особенно расположенные вдоль средиземноморского побережья, исчезли совершенно, например: Газа, Капернаум, Тивериада, — либо изменили свой облик до неузнаваемости, как Аскалон (Ашкелон), Самария и другие.

Нередко расположение древних библейских мест не совпадает с теми же самыми поселениями гораздо более позднего периода. Так, в результате тяготения христиан к гробнице прав. Лазаря произошло значительное смещение нынешней Вифании по отношению к Вифании времен жизни Спасителя. Дважды менялось расположение Иерихона. Существенно изменялись и границы многих городов и селений, например Азота и Иоппии.

Значительное изменение претерпевают и топонимы, что связано, прежде всего, с языковыми особенностями и традициями различных народов, заселявших поочередно древние библейские места. В частности, в Палестине на смену еврейским и греческим именам пришли арабские.

2.2.2. Методология географических исследований А.А.Олесницкого

В разделе, посвященном обзору методологии библейской археологии, отмечалось, что во 2-й половине XIX в. основным методологическим принципом являлся анализ традиционных письменных источников, главным образом текстов Священного Писания, Талмуда, сочинений Иосифа Флавия и других свиде-

тельств историков и путешественников. Однако в области библейской географии огромное значение имели и другие филолого-текстологические методы: использование устных и письменных преданий¹¹⁵, названий местностей, этимологии, созвучия слов, имен и названий. С другой стороны, крайне затруднительным было использование методов, основанных на изучении вещественных источников, поскольку многие древние города, поселения и иные места Священной истории были настолько заброшены, что об их местонахождении отсутствовали даже предания, не говоря уже о каких-либо лежавших на поверхности остатках памятников древности.

Недостаточное развитие научной методологии обусловило значительный разброс ученых мнений о соотношении письменных указаний о тех или иных местах Священной истории с их подлинным местонахождением на территории Святой Земли. Не удивительно поэтому частое несогласие Олесницкого с мнением своих зарубежных коллег, равно как не удивительно и достаточно значительное расхождение выводов самого Олесницкого с данными современной библейской науки.

2.2.3. Идентификация А.А.Олесницким отдельных географических объектов Святой Земли и ее достоверность

Исследования проф. А.А.Олесницкого в области библейской географии включают в себя как вопросы собственно географии: местонахождение и идентификация древних городов и ряда исторически значимых мест Палестины, — так и вопросы топографии, прежде всего Иерусалима. При этом оба направления распадаются в свою очередь на решение двух взаимно противоположных задач: когда какой-либо участок местности или лежащие на поверхности руины необходимо соотнести с тем или иным топонимом, указанным в Библии либо других письменных источниках, и когда, напротив, некий известный по Священной истории топоним требуется отождествить с тем или иным участком местности или видимыми древними остатками.

Ниже нами приводится краткий обзор проделанных ученым изысканий и выдвинутых им гипотез¹¹⁶(см. также: Приложение, рис. IV.2.1).

А) География священных мест Палестины

Хан-Гадрур. Представляет собой арабское название возвышенности, являющейся срединной точкой пути между Иерусалимом и Иерихоном. Олесницкий отмечает, что всякая срединная точка имела для семитов особое символическое значение. С другой стороны, само название Гадрур может иметь не арабское, а, скорее, еврейское происхождение. Из созвучия имен и сопоставления с описанием Книги Левит и Талмуда ученый выводит, что Хан-Гадрур есть не что иное, как гора Бет-Гадур, до которой выводился козел отпущения, или козел Азазела. Следовательно, заключает Олесницкий, Хан-Гадрур есть место Азазела, а вся окружающая долина, именуемая вади-Хот, должна трактоваться не просто как «долина корыта», но как «долина греха» или «козла греха» — вади-Хет, ибо, скорее всего, название Хот (корыто) произошло из древнего Хет (грех), как потерявшего смысл по прекращении ветхозаветного жертвоприношения. В таком

случае Хан-Гадрур следует считать центром пустыни не только физической, но и нравственной. Интерпретации же данного имени другими географами Олесницкий признает «очень натянутыми»¹¹⁷.

Карн-Сартабэ (рог Сартабэ). Гора с данным именем упоминается в Талмуде как второй после Елеонской горы сигнальный пост. На подобное назначение Карн-Сартабэ указывают окаменевшие следы костров на вершине среди развалин. С другой стороны, Олесницкий отмечает созвучие имени Сартабэ с именем Цартан — местом, где стали стеной воды Иордана (Нав. 3:16). Таким образом, по мнению Олесницкого, именно в этом месте происходил переход израильтян через Иордан в Землю Обетованную. Кроме того, продолжает ученый, у арабов гора называется Таль-атабу-Эйд, а словом Эйд, или Эд (свидетель), у древних евреев назывались памятники мира между двумя дружественными сторонами. Олесницкий считает, что этот памятник есть жертвенник Эд, воздвигнутый у Иордана сынами Рувима, Гада и Манассии (Нав. 22:34).

По мнению Н.Глюка (Glueck), Цартан располагался на месте нынешнего Тель-эс-Сайдие, однако другие источники придерживаются точки зрения Олесницкого¹¹⁸.

Гора франков. Одинокая гора, расположенная к юго-востоку от Вифлеема. Олесницкий отмечает, что расположение горы, а также характер места и развалин вполне соответствуют описанию Флавием Иродиума Ирода Великого. Поэтому ученый разделяет аналогичное мнение Марити, Раумера, Робинсона и других исследователей. Олесницкий высказывает также предположение, что это именно тот Иродиум, в котором, по Флавию, Ирод был погребен. Следовательно, считает Олесницкий, мнение многих ученых о том, что местом погребения Ирода является Иродиум заиорданский, следует признать ошибочным¹¹⁹. Как известно, в 2007 г., благодаря раскопкам израильского археолога Э.Нецера (E.Netzer), гипотеза Олесницкого о месте захоронения Ирода подтвердилась¹²⁰.

Лабиринт Харейтун. Расположен к югу от Горы франков. Олесницкий отождествляет лабиринт Харейтун с пещерой Адуллам, где Давид скрывался от Саула. Расположение лабиринта близ Вифлеема на вершине скалы соответствует, по мнению ученого, указаниям 2 Цар. 23:13–17 и 1 Пар. 11:15–19 о местонахождении пещеры Адуллам. Это мнение разделяют некоторые дореволюционные и современные исследователи¹²¹. Другие же связывают Давидову пещеру с древним Адулламом, отождествляемым с Тель-аш-Шейх Мазкур в 15 км к северо-востоку от Бет-Гуврина¹²².

Гамут (Бейт-ель-Гамут). Пещера, расположенная на вершине горы Самуила. Олесницкий предполагает, что имя «Гамут», близкое к еврейскому «хамат», в римский период было латинизировано в «Еммаус» (теплые воды, бани). По преданию, пещера являлась купальней. Устройство пещеры также дает основание заключить, что в древности она была цистерной или купальней, подтверждая тем самым ее название. Расположение горы Самуила примерно в 60 стадиях от Иерусалима позволяет Олесницкому отождествить это место с евангельским Еммаусом (Лк. 24:13). Такое предположение разделяется рядом современных источников¹²³.

Вышеприведенные примеры достаточно наглядно демонстрируют методологический подход А.А.Олесницкого по идентификации различных местностей Палестины и установлению соответствия между теми или иными топонимами, упоминаемыми в Библии и других письменных источниках, с реальными географическими объектами. Пользуясь данными современной библейской науки, мы можем оценить, насколько верными или ошибочными оказались высказанные ученым предположения.

На основании проведенного нами сопоставления¹²⁴ можно сделать вывод о том, что Олесницким были верно отождествлены как минимум 15 географических объектов, среди которых, например, уже упоминавшаяся Гора франков. К числу других верных гипотез профессора относится отождествление библейского Вефиля с Бейтином, Тель-Джефат с упоминаемой Флавием Иотафатой, евангельского Капернаума с Тель-Гумом, Рамот-Гилеад с Мицпой, стана Ситтим с Телл-ел-Хаммам, Бет-Пеора с Беф-Фегором, Дана с Тель-ель-Кади. Ученый также аргументированно показал верность традиционных представлений о местонахождении библейских гор Гаризим, Гевал и Ор.

Несколько более спорными являются выводы ученого относительно местонахождения ветхозаветного Гезера. В частности, Олесницкий отождествляет его с некой деревней Яцур. В настоящее время он отождествляется с Тель-Джазар. Принимая во внимание близкое созвучие имен «Яцур» и «Джазар», можно считать, что оба они обозначают одну и ту же местность. В таком случае первенство открытия древнего Гезера может по праву принадлежать не Клермон-Ганно, а Олесницкому¹²⁵.

Ряд выводов проф. Олесницкого следует признать ошибочными. Так, Тирцу (Фирцу), упоминаемую в 3 Цар. 14:17 и др. как место резиденции израильских царей до Амврия, ученый отождествляет с местечком Хербет-Тибне на том основании, что там была обнаружена великолепная гробница, которая, по мнению профессора, могла принадлежать не иначе как царской фамилии. Согласно современным представлениям, Тирца есть Телль-ель-Фарах, расположенный в 10 км северо-восточнее Наблуса (библ. Сихема), тогда как Хербет-Тибне находится к юго-западу от него.

Ошибочным является утверждение Олесницкого о том, что Телль-ель-Фул по своему положению не может быть Гивой Сауловой — резиденцией первого израильского царя, хотя на таком отождествлении настаивал еще Робинсон. Также ошибочно Олесницкий указывает место древнего Гаваона, где находилась скиния Моисеева до перенесения ее в Иерусалим, между Вифлеемом и Хевроном, т. е. к югу от Иерусалима. Ныне считается, что Гаваон располагался северо-западнее последнего. Явно необоснованным является и отказ Олесницкого считать местом Преображения Господня традиционно отождествляемую с Фавором гору Джебел-эт-Тор (новоевр. Хар-Табор). Такое неприятие можно объяснить излишней увлеченностью исследователя, т. к. наблюдаемый здесь аллегорический подход к определению места Преображения в целом не свойственен ему.

К сожалению, многие гипотезы проф. Олесницкого не могут быть оценены однозначно в силу разных обстоятельств. В частности, по причине неясности

указаний самого автора, либо ввиду противоречия или отсутствия современных данных. Это касается, например, таких топонимов, как Екрон (Аккарон) (Нав. 13:3), Ямния (1 Макк. 4:15), гора Шафир (Мих. 1:11), Раматаим-Цофим, Атрот, Бет-Иоав, Бейтар, Бетулия, Ашна, Енаим и др.

Б) Топография Иерусалима

Топография древнего Иерусалима — центра Священной истории — явилась одной из важнейших областей интересов ранней библейской археологии. К концу XIX в. имелись многочисленные реконструкции Святого града, выполненные западными палестиноведами. Однако все они значительно расходились между собой¹²⁶. Вопросы топографии Иерусалима неоднократно затрагивались и А.А.Олесницким. Им был выдвинут ряд гипотез, в частности, относительно первоначального вида гор Мориа и Сиона, местонахождения Акры, расположения каналов, цистерн и прудов, улиц и кварталов, а также отдельных памятников, известных по указаниям Писания, Талмуда, сочинениям историков и путешественников. Однако ученый не составил собственной реконструкции города: все, что относится к данному предмету, разбросано фрагментарно по разным его работам. В настоящей диссертации мы не ставим перед собой задачу собрать эти разрозненные осколки в единую композицию, но ограничимся рассмотрением методологического подхода ученого и его выводов по наиболее спорным вопросам: о положении городских стен и мест, связанных с историей Крестных Страданий Господа Иисуса Христа: Голгофы, претории Пилата и *Via Dolorosa*.

Как известно, в разное время в Иерусалиме было возведено последовательно четыре городских стены. Первая, сооруженная Давидом вокруг Сиона (2 Цар. 5:7, 9), просуществовала до завоевания Иерусалима Навуходоносором. При Неемии, согласно указу персидского царя Артаксеркса, была возведена новая стена (Неем. 2) — так называемая вторая. Спустя 40 лет после Рождества Христова иудейский царь Агриппа I, желая ввести в черту города предместье Везефу, расположенное к северу от внешних городских стен времен Неемии, построил третью Иерусалимскую стену. В 70 г. по Р. Х., после захвата Иерусалима войсками римского полководца Тита, городские стены были разрушены до основания. Лишь в середине XVI в. при султане Сулеймане Иерусалим был вновь окружен стеной, которая существует доныне¹²⁷.

Основываясь на результатах новейших раскопок, Олесницкий, вопреки мнению некоторых западных палестиноведов, справедливо утверждает тождество Сиона Давида нынешнему Сионскому холму. Решая вопрос о расположении отдельных участков первой Иерусалимской стены, ученый исходит из необходимости установления твердых топографических ориентиров. Важнейшим из них, по мнению профессора, является башня Давида, часть которой он относит к древнееврейскому периоду. Другим ориентиром Олесницкий считает башню, расположенную чуть западнее, ошибочно, впрочем, отождествляя ее с башней Гиппика¹²⁸. Направление северного участка сионской стены может быть, по мнению Олесницкого, установлено исходя из расположения двух других башен, находящихся на северном склоне Сиона, а также Ксистуса и Дома судилища¹²⁹.

Что касается третьей стены, то, по мнению Олесницкого, положение ее западной и северной сторон соответствует западной и северной сторонам нынешней стены Старого города. Основным ориентиром Олесницкий считает башню Псефины, которая, согласно Флавия, располагалась в самом северо-западном углу стены. Остатками башни Псефины, по предположению ученого, являются развалины в северо-западной части нынешней городской стены, т.к. эти развалины имеют в основании камни огромных размеров с характерной отделкой явно древнееврейского происхождения¹³⁰. Тем самым Олесницкий опровергает утверждение Робинсона, что третья стена шла севернее нынешней. Подтверждение этому профессор видит в том, что девственный грунт к северу от городской стены указывает на возможность расположения здесь лишь отдельных строений, но никак не городского квартала¹³¹. Лишь в наше время путем археологических раскопок остатки третьей стены были обнаружены в месте, которое указывал Робинсон (рис. IV.2.2).

С другой стороны, Олесницкий отвергает достоверность свидетельства Флавия о том, что параллельно восточной стене храма проходила собственно городская стена. Однако, считает Олесницкий, свойство грунта этой местности и обрыв Кедронского потока делают невозможным существование подобной стены. В настоящее время нет сомнений, что в действительности она имелась (рис. IV.2.2). Ее подземная часть, как это известно теперь, была обнаружена еще Уорреном.

Однако наибольший интерес для археологии представляла вторая Иерусалимская стена (рис. IV.2.2). Сооруженная Неемией, она служила внешней стеной города во дни земной жизни Спасителя. И хотя в Иерусалиме в то время было несколько внутренних стен, но внешняя была одна — стена Неемии. Следовательно, именно к ней относилось пророчество о том, что Мессия должен пострадать вне врат (Ин. 19:20; Евр. 13:12). Но следы этой стены, оставшейся после разрушения Иерусалима римлянами, были погребены под толщей земли, накопившейся почти за 2000 лет. Это обстоятельство давало основание многим западным исследователям считать, что стена Неемии проходила севернее Голгофы, а значит, нынешние Гроб Господень и Голгофа должны были находиться во времена земной жизни Спасителя внутри города, а поэтому не могут считаться подлинными.

В монографии «Святая Земля» Олесницкий, руководствуясь указаниями евангелистов и Флавия, последовательно опровергает аргументы критиков, доказывая, что вторая стена проходила восточнее Голгофского холма. Вновь к этому вопросу профессор возвращается после обнародования результатов раскопок на Русском месте в 1883 г. в одноименном трактате. Как и ранее, ученый указывает на необходимость основываться на «установившихся твердых пунктах», каковыми, по его мнению, являются Гроб Господень и Голгофа. Так, несомненная подлинность Св. Гроба засвидетельствована церковным преданием. Археологическим подтверждением этого, считает Олесницкий, служит открытие в 1885 г. Шиком вблизи Св. Гроба древнееврейских гробниц, которые могли располагаться лишь вне города. Что касается Голгофы, где, согласно Евангелию,

был распят Спаситель, то, считает Олесницкий, естественно предположить, что здесь же находилась Судная площадь для казни осужденных, а выведившие к ней ворота были Судными, в соответствии с требованием Моисеева законодательства (Втор. 21:19–21). Причем последние располагались рядом с Лобным местом (Мф. 27:39; Втор. 17:5). Таким образом, считает Олесницкий, Голгофская местность в древнееврейский период не была заселена и обходилась, как место казней, при планировке нового предместья на север и запад.

Исходя из вышеуказанных двух ориентиров, а также того несомненного обстоятельства, что Иерусалим со стороны Голгофы был обведен стеной, причем проходившей близ нее, Олесницкий высказывает твердое убеждение, что на Русском месте открыты Судные ворота с остатками второй городской стены. Далее, анализируя рассказ Флавия об осаде Иерусалима, ученый заключает, что описываемая историком башня Кастора и есть открытая башня Судных врат. По мнению Олесницкого, Судные врата есть не что иное, как «Старые» ворота (Неем. 3:6), т. к. последние должны быть обращены на север, к колену Ефремову. В настоящее время такое предположение разделяют многие авторитетные специалисты, в частности Paton, Simons и Galling¹³².

Кроме того, Олесницкий высказывает предположение, что башня Судных врат являлась местом древнейшего судилища. Развивая эту мысль, ученый приходит к убеждению о расположении здесь во времена Спасителя претории Пилата, что якобы подтверждается и свидетельством Флавия о царском суде на месте казни в римское время. Хотя сам ученый признает, что такое представление противоречит древним христианским преданиям о претории близ храма. Это мнение Олесницкого было позже отвергнуто Советом Императорского Археологического Общества как «увлечение», а его рассуждения признаны «произвольными». Эта гипотеза не находит подтверждения и в настоящее время. Соответственно ошибочным может быть признана и версия ученого о том, что Крестный путь был значительно короче, т. е. начинался лишь от Судных врат.

С другой стороны, не могут не заслуживать внимания достаточно убедительные аргументы Олесницкого в опровержение мнения о том, что исходной точкой Крестного пути являлась башня Давида на Сионской горе. В настоящее время этот вопрос окончательно научно не разрешен, хотя традиционно начальным пунктом Via Dolorosa считается крепость Антония.

3. Монументальные памятники

3.1. Краткий исторический обзор изучения монументальных памятников Палестины

Наряду с поиском и идентификацией известных по Священной истории мест Палестины важнейшей областью интересов библейской археологии 2-й половины XIX в. явилось изучение монументальных памятников древности.

Первыми подлинно научными исследованиями в данном направлении принято считать труды уже неоднократно упоминавшихся Э.Робинсона и Э.Смита. В 1838 и 1852 гг. они осуществили ряд систематических разведок на территории

Палестины, в процессе которых были обследованы и идентифицированы некоторые памятники, в частности знаменитая арка западной стены иерусалимского храма, получившая имя своего «первооткрывателя» (арка Робинсона) (рис. IV.3.2).

Большой вклад в изучение монументальных памятников внесла экспедиция Э. Ренана, занимавшаяся в 1860–1861 гг. обследованием финикийских и ливанских древностей. Участниками экспедиции были, в частности, подробно осмотрены и описаны древние храмовые комплексы Баальбека и Самарии. Немаловажное значение в деле идентификации древних памятников имели работы Ш.Клермон-Ганно, де Вогюэ (de Vogüé), Т.Тоблера, В.Герена, К.Кондера, Г.Китченера и многих других.

К сожалению, ввиду недостаточного развития тогдашней археологической науки, практически до самого конца столетия основным объектом исследований продолжали оставаться видимые, лежащие на поверхности земли сооружения и руины.

К числу немногих исключений может быть отнесен Иерусалим, где уже с середины XIX в. начали проводиться целенаправленные раскопки. Так, в 1848 г. расчисткой «царских гробниц» занимался Ф. де Солси. Огромное научное значение имели результаты раскопок экспедиций Ч.Уилсона и Ч.Уоррена, обследовавших в 1860-х гг. многие памятники Храмовой горы и, можно сказать, открывших для науки подземный Иерусалим.

С основанием в 1882 г. Православного Палестинского Общества к полевым исследованиям Иерусалима подключились русские ученые. Результатом проведенных в 1883 г. раскопок, возглавлявшихся архим. Антонином (Капустиным), стало обнаружение и точная идентификация второй обводной городской стены и порога Судных врат.

3.2. Деятельность А.А.Олесницкого в области изучения монументальных памятников

Одной из главных тем, составлявших круг научных интересов проф. А.Олесницкого, явилось изучение монументальных памятников библейской древности. Будучи прекрасным знатоком всемирной истории и архитектуры, а также лично объездив с научной целью многие страны Ближнего Востока и Европы и изучив их памятники, Олесницкий стал среди отечественных археологов признанным авторитетом в этой области. Достаточно упомянуть приглашение его в качестве эксперта по вопросу об идентификации остатков, обнаруженных в результате раскопок 1883 г. на Русском месте в Иерусалиме. Как известно, тогда, с целью разрешения возникшей вокруг данной находки научной полемики, Совет Императорского Русского Археологического Общества обратился с предложением к ряду наиболее компетентных специалистов изложить свое мнение относительно верности заключения, сделанного архим. Антонином (Капустиным) и К.Шиком по результатам раскопок. При этом в отчете, опубликованном в Журнале Совета ИРАО, отмечалось: «Решающее же значение по данному вопросу должен иметь для Совета отзыв профессора Олесницкого, обладающего

общепризнанным авторитетом именно в области древнееврейской и, в частности, Иерусалимской археологии...»¹³³

Вопросы, связанные с изучением монументальных памятников Святой Земли, затрагиваются во многих работах Олесницкого. Этой проблематике практически целиком посвящен первый том монографии ученого «Святая Земля: Отчет о командировке в Палестину и прилегающие к ней страны, 1873–1874» (1875), а также значительная часть ее второго тома (1878).

Обозначенная тематика в той или иной степени затрагивались проф. Олесницким также в ряде других его работ по библейской археологии:

— «Судьбы древних памятников Святой Земли» (1875);

— «Гробница Аарона на горе Ор» (1879);

— «По вопросу о раскопках 1883 г. на русском месте в Иерусалиме» (1887);

— «Ветхозаветный храм в Иерусалиме» (1889).

3.2.1. Общая характеристика монументальных памятников Палестины и их состояние в XIX веке

Святая Земля располагает огромным множеством остатков древних монументальных свидетельств Священной истории, ставших достоянием современного человечества благодаря археологическим раскопкам последнего столетия. Однако в XIX в. большая их часть пребывала под толщей многовековых наслоений земли, делая их недоступными для научного обследования, на что с горечью указывал Олесницкий, сравнивая Святую Землю с «нагой... пустыней»¹³⁴.

Видимое отсутствие сколь-нибудь заслуживающих внимания остатков памятников древности дало основание ряду западных библейских критиков, в частности Э.Ренану, утверждать о «крайнем недостатке вкуса... у древних евреев»¹³⁵ и, как следствие, что древнееврейской архитектуры как таковой вообще никогда и не существовало, но вся еврейская культура представляет собой в целом явление достаточно позднее. Однако, замечает Олесницкий, это означает не то, что памятников не было, но то, что они были уничтожены. В отличие от Рима и Греции, пишет ученый, в Палестине «не только разрушат древнее здание, но его последнее основание разметут, а его составные камни разнесут по соседним городам и селам, так что на месте древнего памятника останется только куча осколков и щебня»¹³⁶.

Профессор отмечает, что «наиболее замечательные палестинские памятники, ускользнувшие от разрушения... принадлежат древнейшему периоду»¹³⁷ и сохранились благодаря громадности размеров строительного материала¹³⁸. Подавляющее же большинство памятников, если и не было уничтожено, то дошло в значительно измененном виде, неся на себе печать множества различных архитектурных традиций. Так, на протяжении тысячелетий первобытная монументальная древнееврейская архитектура последовательно испытывала влияние египетской, ассирийской, античной греко-римской, византийской, арабской, средневековой западноевропейской и османской культур. В результате «древнееврейские памятники, — замечает ученый, — переходя... от одних владетелей

к другим, меняли свой вид, мельчали, крошились и наконец совершенно разлагались» либо, в лучшем случае, «преобразовывались совершенно в новые формы», переставая «существовать как древние памятники»¹³⁹.

Немалую сложность для археологии представляет и то обстоятельство, что значительные изменения претерпел сам древний строительный материал. Так, ввиду постепенного перехода от крупных каменных блоков к более мелкому кирпичу, доминирующим принципом стало дробление камней. Таким образом, по словам Олесницкого, «древний материал терял печать своего происхождения», и поэтому «между развалинами древних сооружений в Палестине можно находить камни, которые... рядом со случайно уцелевшим следом древнееврейского выпуска... имеют и следы римских инструментов, и диагональную обсечку крестоносцев, и, наконец, арабскую обделку так называемым боссажем»¹⁴⁰.

Вызванные данными обстоятельствами затруднения для археологического исследования привели Олесницкого к необходимости выработки особой методологии идентификации палестинских монументальных памятников.

3.2.2. Методология А.А.Олесницкого в области исследования монументальных памятников

Общий обзор методологических принципов ученого был дан в разделе IV.1. В предыдущем разделе было продемонстрировано использование им данных методов применительно к исследованиям в области библейской географии. Однако, в отличие от последних, когда преимущественное значение имели методы филолого-текстологические, основанные на привлечении сведений из Библии и других устных и письменных источников, при изучении монументальных памятников огромную роль приобретали методы, базирующиеся на источниках вещественных. В частности: выявление характерных признаков происхождения строительного материала и его анализ; сопоставление с известными памятниками с целью датировки; использование эпиграфики, изображений на различных барельефах, медальонах и монетах для реконструкции первоначального вида исследуемых сооружений и т. д.

Кроме того, сложность исследуемого предмета нередко побуждала Олесницкого к одновременному использованию целого комплекса методов, в том числе относящихся к обеим группам. Например, анализ библейских текстов и эпиграфики при обследовании гробницы Иакова. Или параллельный филологический анализ библейского текста, сопоставление имен, анализ описания найденных артефактов и строительных конструкций при изучении предполагаемой гробницы Иисуса Навина в Тибне.

Наряду с этим, как отмечалось выше, при исследовании отдельных памятников или их групп, например гробниц и синагог, ученый иногда применял специальные методы и критерии, соответствующие характеру того или иного памятника. Так, на основании талмудических ритуальных требований им были выработаны критерии древности иерусалимских гробниц, а на основании характерных особенностей галилейской архитектуры — методы идентификации местных синагог.

Следует, впрочем, заметить, что общий слабый уровень развития методологической базы археологической науки того времени и отсутствие у Олесницкого достаточных данных в отдельных случаях приводили профессора к ошибочным выводам. Это обстоятельство, однако, несколько не умаляет достоинства его научных трудов.

3.2.3. Обзор результатов исследований А.А.Олесницким монументальных памятников

Сочинения А.Олесницкого представляют собой своего рода каталог палестинских памятников библейской древности, известных или вновь открытых к началу последней четверти XIX в. Однако анализ этих работ вызывает определенную трудность, связанную с разнообразием самих памятников, которое, в свою очередь, обусловлено целым рядом факторов: прежде всего типологическим, географическим и временным.

К основным типам монументальных памятников, упоминаемых в работах проф. Олесницкого, относятся:

- остатки ветхозаветного храмового комплекса¹⁴¹ в Иерусалиме;
- отдельно стоящие святилища: языческие храмы и еврейские синагоги;
- водные источники, цистерны и водопроводы;
- погребальные памятники: некрополи и гробницы;
- пещерные памятники;
- строения различного назначения: крепостные сооружения, жилые здания

и т. д.

Ниже приводится краткий обзор результатов исследований ученого. Для удобства представляется целесообразным рассмотреть отдельно памятников Иерусалима и памятников прочих областей Святой Земли с выделением местных архитектурных традиций.

А) Характерные особенности древнееврейской архитектуры

Монументальные памятники Святой Земли в том виде, который они приобрели за долгие века своего существования, нередко представляют собой сложный комплекс, включающий в себя многочисленные элементы, значительно различающиеся как по времени возникновения, так и по принадлежности тому или иному создателю. В связи с этим при идентификации палестинских памятников одной из первостепенных задач является точное определение происхождения каждого из элементов его конструкции.

Во введении к своей работе «Святая Земля» А.Олесницкий излагает общие сведения относительно особенностей древнееврейской архитектуры. Характерным отличительным признаком еврейско-арамейского происхождения строительного материала профессор признает наличие на лицевой стороне четырехгранного камня, расположенного по периметру лентообразного выпуска, над которым среднее поле камня несколько выступает и всегда имеет гладкую отделку. На основании стиха 3 Цар. 7:9, повествующего об указанной отделке камней Соломонова храма и том впечатлении, какое они производили на зрителей, ученый предполагает, что «прежде Соломона, т. е. прежде знакомства с финикийцами, подобная отделка камней была неизвестна в Иерусалиме»¹⁴².

К признакам, позволяющим оценить приблизительное время происхождения строительного материала, Олесницкий относит размер камней и выпусков, наличие цемента, величину уступов кладки, цвет, материал и др.

Прилагая вышеуказанные признаки к монументальным сооружениям древнего Иерусалима, ученый приходит к заключению, что в массах иерусалимских развалин первому (до-пленному) периоду истории принадлежат наиболее крупные камни, с более грубой отделкой поля, без цемента, с наиболее отчетливыми следами действия времени. Камни этого типа расположены в самых нижних рядах древних стен. Остатки стен, относящиеся ко второму (после-пленному) периоду, представляют хаотичное нагромождение, что объясняется поспешностью строительных работ. Камни же иродианского времени представляют художественно отделанное целое.

Полемизуя с представителями западной библейской критики, относившими еврейскую архитектуру к позднему, античному, периоду истории, Олесницкий утверждает, что она была одной из древнейших в мире¹⁴³. При этом, вопреки мнению графа де Вогюэ и его сторонников, ученый считает, что именно греческая архитектура находилась под влиянием египетско-финикийской, а не наоборот¹⁴⁴. Доказательством этому служит то обстоятельство, что все характерные элементы античной архитектуры: своды, колонны, капители и т. д. — были хорошо знакомы мастерам Востока.

Упоминание о сводах Олесницкий усматривает в 3 Цар. 7:9 (מִבְּתוֹן) и Иер. 37:16 (הַתִּיחַ), а также у Флавия¹⁴⁵. Существование колонн доказывают, по мнению Олесницкого, последние археологические находки, в частности колонна, открытая в 1871 г. на одном из русских участков Иерусалима. Ввиду простоты материала и отделки, а также громадности размеров ученый датирует ее временем Соломона. Доказательством же употребления капителей могут являться библейские свидетельства, например, 3 Цар. 7:19. Согласно последнему, древнееврейские капители имели вид распустившейся лилии с побочными украшениями, что делало такие капители сходными с греческими коринфскими. Олесницкий указывает на некоторые древние образцы, найденные во время раскопок иерусалимских развалин.

Говоря об общем характере древнееврейской архитектуры, исследователь делает вывод, что в целом она представляет собой сложное «самобытное» явление, обусловленное причудливым переплетением множества различных традиций. Наглядным примером этому, по его мнению, могут служить сохранившиеся остатки замка Гиркана, построенного им около 180 г. до Р. Х. за Иорданом в окрестностях Хешбона (библ. Есевона) и открытого в 1818 г. Данный пример, считает ученый, позволяет сделать вывод, что «древнееврейская архитектура принадлежит к особенному, всеобъемлющему стилю, заключающему в себе как многие из элементов, развитых впоследствии греческими орденами, так и элементы азиатские и египетские»¹⁴⁶.

Б) Монументальные памятники Иерусалима

Среди всего множества монументальных памятников Святой Земли наибольшую важность представляют памятники Иерусалима, и прежде всего остат-

ки древних сооружений Храмовой горы — средоточия всей религиозной жизни богоизбранного народа. Не случайно именно эти немые свидетели Священной истории всегда являлись основным объектом внимания библейской археологии с самого ее возникновения как науки. Данный предмет занимает важнейшее место и в научном наследии проф. А.Олесницкого.

а) Остатки сооружений на площади Харам-аш-Шариф

Площадь Харам-аш-Шариф, которую в библейские времена занимал ветхозаветный храм, расположена в юго-восточной части Иерусалима. Она имеет вид трапеции, вытянутой к северу и западу, с размером сторон: западной — 488, восточной — 466, северной — 317 и южной — 281 метр (рис. IV.5.11). Почти посередине ее длины с севера на юг, но несколько ближе к западной стороне, располагается мечеть Омара, выстроенная над вершиной горы Мориа, на которой находилась главнейшая часть ветхозаветного храма. С четырех сторон площадь обнесена каменной стеной, имеющей на разных участках различную величину. Наиболее древние постройки, находящиеся на площади харама, относятся к VII в. по Р. Х. Однако окружающая площадь стена и большая часть подземных сооружений принадлежат времени существования самого храма. Именно эти древнейшие сооружения всегда неизменно представляли особый интерес для библейской археологии.

Обзору памятников иерусалимского харама целиком посвящена первая глава монографии «Святая Земля», т. 1: «Иерусалим и его древние памятники» (1875), а также последняя глава исследования «Ветхозаветный храм в Иерусалиме» (1889). Данную главу автор предваряет оговоркой о некоторых расхождениях в выводах, излагаемых в обеих работах. Поскольку в первой из них использовались лишь находящиеся на поверхности остатки, а во второй учитывались результаты новейших раскопок, то выводы, изложенные в последней, следует считать более точными. В настоящей диссертации мы считаем целесообразным руководствоваться первой из вышеуказанных работ, дополняя ее сведениями и выводами из параллельных мест второй.

Приступая к исследованию, Олесницкий прежде всего определяет размеры и высоту грунта в разных местах площади храма. При этом, основываясь на результатах раскопок, он подчеркивает, что стена, окружающая площадь, лежит на природной скале, а не на насыпном грунте¹⁴⁷. Затем ученый дает обзор сохранившихся остатков стены. Из них особое внимание ученого обращают на себя Стена Плача, ворота Баркли, арка Уилсона, арка Робинсона и Золотые ворота. В этих памятниках, главным образом в нижних рядах, по несомненному убеждению Олесницкого, присутствуют камни, относящиеся к самому древнему периоду еврейской архитектуры. Так, в результате раскопок Уоррена, на западной стороне мола обнаружено от 21 до 24 рядов выпускowych камней. Такие же камни были открыты и на юго-восточном углу. При этом, замечает Олесницкий, следы резцов на выпусках камней мола «более в мире нигде не встречаются»¹⁴⁸.

Стена Плача — участок западной части древней стены (рис. IV.3.1). По мнению Олесницкого, на древнее происхождение Стены Плача указывают: 1) огромные размеры составляющих ее камней (до 9 м длины); 2) размеры усту-

пов каждого из рядов (5 см); 3) сорт строительного материала (белый маляки из царских каменоломен) и, наконец, 4) особый вид облицовки, с выпусками по краям наружной стороны камней, отличающей их от других камней позднейшей кладки. По всем вышеуказанным признакам ученый справедливо относит Стену Плача ко времени Ирода¹⁴⁹.

Южнее Стены Плача находятся *ворота Баркли*, связанные с подземной мечетью *аль-Борак*. Согласно Уилсону, мечеть представляет собой остаток древнего крытого хода от ворот Баркли внутрь площади храма. Олесницкий же выделяет четыре периода ее создания. В частности, наружную сторону ворот с гигантской притолокой ученый относит ко времени Первого храма; плоскую арку из пяти камней — к пристройкам Первого храма после Соломона; западную часть мечети, имеющей сегментарную арку, датирует периодом Второго храма, а восточную, с эллиптической аркой, считает принадлежащей новейшему времени¹⁵⁰.

Арка Уилсона — подземное сооружение, расположенное к западу от стены храма. Датировка арки вызывала разногласия. Так, Уилсон считал ее и противоположащее ей место стены принадлежащими храму Ирода, а Уоррен относил к византийскому периоду, хотя противоположащую стену датировал временем Соломона. По мнению Олесницкого, нижняя часть опоры имеет древнее происхождение, предшествовавшее собственно арке Уилсона. Он считал арку первым звеном висячей над долиной Тиропеон дороги от храма к верхнему городу.

Арка Робинсона. Расположена на юго-западном углу стены (рис. IV.3.2). Представляет собой три ряда величественных камней, выступающих из стены и образующих подобие свода. Большинство археологов, к числу которых принадлежал и Олесницкий, считали арку основанием моста, соединявшего площадь Храмовой горы с Сионом. Кроме того, по мнению Олесницкого, этот мост может быть отнесен к Первому храму на том основании, что его камни крупнее и гораздо более «облизаны дождями» камней Стены Плача¹⁵¹. Современными раскопками доказана ошибочность указанных предположений. В настоящее время считается, что арка Робинсона в действительности являлась частью аркады Ирода храма, поддерживавшей лестницу между храмовой площадью и долиной Тиропеон¹⁵² (рис. IV.3.3).

В труде «Ветхозаветный храм...» Олесницкий упоминает о двух камнях, обнаруженных при раскопках в районе юго-западного угла стены на глубине 70 футов. Датируя их временем Первого храма, ученый относит к этому периоду происхождение и всего юго-западного угла¹⁵³.

В северо-восточной части площади храма, южнее ворот Св. Стефана, Олесницкий обращает внимание на большой остаток древней стены. Камни этого участка отличаются от стены позднейшей кладки своей огромной величиной и выпусками. В сравнении с камнями Стены Плача камни данного участка изготовлены из другого материала, имеют гораздо более грубую отделку и значительно более глубокие выпуски, а сама стена — большую величину уступов кладки. На основании указанных факторов ученый относит этот отрезок стены к «первому периоду еврейской архитектуры»¹⁵⁴. Он признает достоверным сви-

детельство Флавия о принадлежности этого участка стены Соломону, что еще более доказывается наименованием стены «Соломоновою». Сохранившиеся следы починки Олесницкий приписывает Неемии. Починенная им стена, таким образом, имела столь «прочный вид, что Ирод Великий не имел нужды возводить здесь новую стену, как он сделал на западной стороне...»¹⁵⁵

Среди памятников восточной стены особое внимание ученого привлекают *Золотые ворота*. Они представляют собой две соприкасающиеся между собой арки (рис. IV.3.4). Олесницкий указывает на различные элементы ворот, принадлежащие различным эпохам иерусалимской истории. Однако боковые косяки наружных входов, сложенные из огромных камней, а также монолитные колонны, разделяющие двойной проход галереи, следует, по его мнению, считать древнейшей частью ворот, относящейся к древнееврейскому храму¹⁵⁶. Опровергая мнения ряда западных ученых, настаивающих на позднейшей датировке Золотых ворот, проф. Олесницкий в целом относит их возникновение к эпохе ветхозаветного, а возможно, даже Первого храма¹⁵⁷.

Такая датировка, полагает ученый, еще более подтверждается тем, что Золотые ворота лежат ниже общего насыпного уровня храма и располагаются на одном уровне с Двойными и Тройными воротами южной стены¹⁵⁸. Кроме того, Олесницкий предполагает, что воротная башня была первоначально подземной постройкой, т. к. уровень ее основания на 15 м ниже скалы мечети Омара, и являлась подземным проходом¹⁵⁹.

В южной части храмового мола Олесницкий выделяет два примыкающих к стене подземных хода, известных под именем *юго-восточного подземелья (Тройных ворот)* и *подземелья аль-Аксы (Двойных ворот)*. Первое состоит из 16 галерей, образуемых рядами четырехугольных столбов, поддерживающих полукруглые своды (рис. IV.3.5). Олесницкий отмечает, что полом катакомб является натуральный склон г. Мориа. Он считает, что подземелья, несомненно, принадлежали ветхозаветному храму, поскольку «сложены из еврейского материала и снаружи обведены еврейскою стеною». Это, по мнению ученого, согласуется со свидетельством Флавия о каменных постройках, возведенных для выравнивания площади храма. Олесницкий ссылается также на указание Зах. 14:10 о «царских катакомбах», положение которых в описании якобы соответствует юго-восточному углу, и предания, связывающие данные подземелья с именем Соломона. Обобщая все сведения, Олесницкий относит происхождение катакомб ко времени Соломона, признавая вместе с тем, что их нынешний вид принадлежит времени Ирода и отчасти Адриана¹⁶⁰.

Другое подземелье южной части храма — аль-Аксы, представляющее собой две широкие галереи, главной достопримечательностью которых являются внешние ворота (ворота Хульды, или Двойные ворота) с монолитной колонной посередине вестибюля (рис. IV.3.6). Олесницкий обращает внимание на выпуклые древнееврейские камни стен галерей, а также колонну вестибюля, капитель которой, по мнению ученого, соответствует библейскому описанию капителей колонн Иахин и Воаз Соломонова храма. Кроме того, на колонне имеется надпись древнейшего еврейского квадратного письма. На основании данных

признаков, нижнюю часть стен проходов и монолит вестибюля следует, по мнению профессора, датировать временем Соломона. Следовательно, заключает ученый, и первоначальное устройство подземелья аль-Аксы должно быть отнесено ко времени Соломона, а его нынешний вид необходимо считать следствием позднейших разновременных архитектурных наслоений¹⁶¹.

На основании позднейших раскопок Уилсона и Уоррена Олесницкий утверждает, что в целом эти, равно как и другие, возможно существующие, южные подземелья строились в первоначальном виде одновременно со всеми работами по отделке горы с целью выравнивания площади храма¹⁶². Это положение в настоящее время считается неоспоримым. Однако предположение ученого относительно времени происхождения данных подземелий является ошибочным. Подробно этот вопрос предполагается осветить в разделе, посвященном реконструкции ветхозаветного храма.

К другим памятникам библейской древности, сохранившимся на площади Харам-аш-Шариф, Олесницкий относит подземные резервуары для воды: *цистерны и бассейны*. Главный интерес представляют пять цистерн, расположенных под мечетью Омара и образующих посредством соединительных каналов единую цельную систему. По мнению Олесницкого, в библейские времена последняя находилась под жертвенником всесожжений ветхозаветного храма и служила кровостоком¹⁶³.

Используя данные новейших открытий Уилсона и Пиеротти (Pierotti), Олесницкий разделяет все цистерны храма на три класса: 1) цистерны трубообразные, сложенные из больших тесаных камней; 2) цистерны, иссеченные в скале со сводами из натурального грунта; 3) цистерны, связанные посредством каналов с вифлеемскими прудами Соломона. Цистерны второго класса Олесницкий признает наиболее древними и относит их ко времени Соломона. Сложенные же из тесаных камней — к периоду Второго храма¹⁶⁴.

Более подробно о цистернах площади Харам-аш-Шариф будет изложено ниже, в связи с рассмотрением гипотезы Олесницкого относительно места расположения ветхозаветного храма.

б) Прочие важнейшие монументальные памятники Иерусалима, открытые в результате новейших раскопок

В труде «Святая Земля», т. 1: «Иерусалим и его древние памятники» — Олесницкий дает подробный обзор всех современных ему раскопок, проводимых на территории Иерусалима. К числу наиболее значительных открытий относятся *остатки городских построек* различных периодов времени, а также многочисленные *подземные тоннели*. В частности, открытый Уилсоном подземный проход между храмом и крепостью, а также подземные ходы, обнаруженные Пиеротти и Солси. Все эти подземные сооружения представляют, по мнению Олесницкого, систему коммуникаций, соединявших древний Иерусалим с храмом со всех сторон. Ученый считает их крепостными сооружениями эпохи Ирода, служившими местом тайных казней, а также для укрытия в непосредственной близости от храма воинского гарнизона и быстрой переброски воинских подкреплений на случай возможного мятежа¹⁶⁵.

в) Иерусалимские источники, цистерны и бассейны

Немаловажной заслугой проф. А.А.Олесницкого является подробное научное описание всех источников, водопроводов, цистерн и бассейнов древнего Иерусалима, чему посвящена отдельная глава первого тома монографии «Святая Земля». На основании устройства последних ученый указывает на несомненные следы самого древнего их происхождения, с поправками и реконструкциями позднейшего времени¹⁶⁶.

г) Иерусалимские некрополи и гробницы

Важнейшую часть памятников древнего Иерусалима представляют гробницы, наиболее сохранившиеся из всех прочих памятников. Постоянная обращенность древних евреев к области загробного мира, отмечает Олесницкий, послужила причиной того, что для них «гробницы были предметом гораздо большей заботливости, чем дома и города». Поэтому для большей прочности гробницы обычно не строились из отдельных камней, а высекались в скалах, у подножия гор¹⁶⁷.

Для идентификации и датировки еврейских гробниц огромное значение, по мнению профессора, имеют два обстоятельства. Во-первых, многие палестинские, и в частности иерусалимские, гробницы окружены преданиями, а гробницы особенно великих мужей вообще «известны каждому малолетнему дитяти» и представляют предмет особой гордости и почитания со стороны потомков¹⁶⁸. Во-вторых, гробницы, особенно раввинистического периода, отличаются общим характером внутреннего устройства, определяемым талмудическим предписанием (Bava bathra VI, 4). Данное правило имело значение лишь для позднейшего периода. Однако, считает Олесницкий, оно позволяет вывести важный критерий относительной датировки гробничных памятников. А именно: «чем более устройство древнееврейской гробницы отступает от закона Мишны, тем более оно должно считаться древним, потому что правило устройства гробниц могло выработываться только постепенно на основании существовавших форм»¹⁶⁹.

Олесницкий предлагает свою общую классификацию древнееврейских гробниц, разделяя их на два типа: памятники открытые, иссеченные в скале (монолиты), и закрытые (катакомбы). Последние, в свою очередь, ученый делит на четыре группы. Древнейшей формой являются *loculi*, которые, по мнению Олесницкого, использовались еще хананеями. Ученый считает, что форму своих гробниц евреи заимствовали из Египта. Однако сходство с последними проявляется лишь в наземной части. Кроме того, важной отличительной особенностью еврейских гробниц служит то, что все они являются семейными, т. е. многоместными.

Исследование иерусалимских гробниц приводит Олесницкого к весьма важным научным результатам. Среди гробниц *северного некрополя* он особенно выделяет т. н. гробницы царей и гробницы судей. Из всего подробного описания ученым *гробниц царей* (рис. IV.3.7) и найденных в них артефактов в данном разделе будет рассмотрен лишь вопрос об идентификации и датировке собственно гробниц.

В камере «А» Солси были обнаружены урны с пеплом сожженных трупов римского погребения, а также около 10 хаотично сваленных скелетов семитиче-

ского типа, явно попавших сюда случайно. На основании этой находки Олесницкий заключает, что гробницы существовали до осады Иерусалима.

Другим важным артефактом является огромный саркофаг, обнаруженный Солси в нижнем отделении камеры «Д». Сохранившиеся в саркофаге останки трупа, согласно заключению медицинской экспертизы, принадлежат 14–15-летней девушке египетско-еврейского происхождения, умершей 2000–2500 лет до нашего времени. Сохранившуюся на крышке саркофага надпись ученый переводит как «Цара (Сара) царица». На основании этих данных Олесницкий предполагает, что останки принадлежат жене одного из иудейских царей до-пленного периода по имени Цара.

С другой стороны, различия в конструкции и планировке отдельных камер гробниц и украшающие ее богатые и изящно выполненные архитектурные орнаменты свидетельствуют о том, что гробницы строились на протяжении продолжительного времени некой богатой династией.

Обобщая все вышеуказанные предположения, Олесницкий утверждает, что гробницы, несомненно, принадлежали одной из царствовавших в Иерусалиме династий. Руководствуясь свидетельствами Флавия и Павзания и заключениями Солси, Олесницкий опровергает гипотезу большинства ученых о принадлежности гробниц царей царице Адиабенской Елене (I в. по Р.Х.). Равно как отвергает Олесницкий различные предания и гипотезы о принадлежности гробниц царям после-пленного и иродианского периода. Таким образом, Олесницкий останавливается на единственно возможном предположении о принадлежности гробниц иудейским царям до-пленного периода. Анализируя далее все библейские свидетельства о погребениях царей до-пленного периода, ученый останавливается на указании 2 Пар. 16, 14 о гробнице, которую построил себе и своим потомкам Аса. Отсюда Олесницкий делает окончательное заключение о том, что «наиболее соответствует нынешним "царским гробницам" гробница Асы и его семи преемников»¹⁷⁰. Однако в настоящее время доказано, что гробницы царей были сооружены царицей Адиабенской Еленой и принадлежали членам Адиабенской царской фамилии¹⁷¹.

Относительно *гробниц судей* Олесницкий замечает, что время их происхождения неизвестно. Он считает, что монумент подобной архитектуры не мог возникнуть в до-Соломонов период. Более точную датировку ученый пытается вывести путем сопоставления с более определенно известными монументами Востока. Ученый усматривает сходство в орнаментах с памятниками Ниневии и с египетскими катакомбами Бени-Гассан. С другой стороны, он отмечает, что гробницы были рассчитаны на большое количество мест, имеют более грубую отделку по сравнению с гробницами царей и не имеют сокровищниц. Из всего этого профессор делает вывод о том, что гробницы принадлежали некоему важному фамильному дереву, а точнее, правителям, которые удерживали власть по наследству. Анализируя наименование гробниц — «Кбур-аль-Кодга», — Олесницкий считает, что оно происходит от «Кади», обозначающего принадлежность к высшему духовному сословию. Это предположение, по мнению ученого, подтверждает сходство треугольного фронтисписа гробниц судей с аналогичным

архитектурным элементом гробницы первосвященника Анны, символизирующим первосвященнический кидар.

В результате профессор приходит к окончательному заключению о принадлежности гробниц судей иудейской первосвященнической фамилии. Сами же гробницы считает памятником древнееврейского до-пленного периода, т.е. современными гробницам царей. На этом основании он отвергает мнения Кварезмия и Прокеша, относящих гробницы соответственно к эпохе Судей и неразделенного Царства, и де Вогюэ — об их греческом происхождении¹⁷².

В настоящее время единое мнение по поводу происхождения гробниц отсутствует. Наиболее распространенная гипотеза считает гробницы судей местом погребения членов иудейского Синедриона.

Другим интересным примером методологического подхода проф. Олесницкого является исследование им гробниц *восточного некрополя*, состоящего как из гробниц-монолитов, так и гробниц-катакомб. Среди памятников первого типа ученый выделяет силоамский монолит, гробницу Захарии и памятник Авессалома, а среди памятников второго — гробницы пророков, Иакова и ряд других.

Описывая гробницы-монолиты, Олесницкий, вопреки мнениям ряда исследователей, настаивает на их древнейшем происхождении. Так, по его мнению, *силоамский монолит* имеет явное сходство с «одним ниневийским памятником, открытым недавно в Корзабаде», и, очевидно, возведен египетскими строителями одной и той же архитектурной школы. Но т. к. последний датируется VII в. до Р. Х., то, следовательно, и силоамский монолит должен быть отнесен к этому, а возможно, и более раннему времени¹⁷³. При этом профессор решительно отвергает мнение Солси о том, что это храм некоему египетскому божеству, построенный женой Соломона — египтянкой¹⁷⁴.

К более позднему, но также весьма древнему времени ученый относит и *гробницу Захарии* (рис. IV.3.8). На это указывает внешний вид памятника, египетский карниз и египетско-ассирийский орнамент. Ионические же колонны, вопреки мнению де Вогюэ, не могут служить основанием для датировки памятника эллинистической эпохой. Подобные колонны, указывает Олесницкий, были известны на Востоке с древнейших времен. Кроме того, очевидно, что к данному памятнику колонны пристроены позже, т. к. остались недоделанными¹⁷⁵.

Что касается *памятника Авессалома* (рис. IV.3.9), то, по мнению ученого, нижняя его часть могла быть построена самим Авессаломом, тогда как верхняя относится ко времени перед самым Вавилонским пленом. Иерусалимская архитектура не знает смешения монолита с чем-либо другим. Однако и сочетание египетских архитектурных элементов с греческими орнаментами не является характерным для античного искусства. Поэтому, вопреки распространенному мнению, памятник не может быть отнесен к эпохе Ирода¹⁷⁶. В результате Олесницкий делает следующий вывод: «Представляя первоначально вид пирамиды с гладкими стенами и египетским карнизом, он был переделан ассирийскими художниками в искусственную форму башни, образцы которой часто встречаются между памятниками Ниневии, так что первоначальное египетское происхождение памятника Авессалома едва можно отгадать»¹⁷⁷.

Завершая исследование трех монолитов кедронского некрополя, Олесницкий высказывает мнение, что они «представляют три отдельных фазы в сооружении монументальных памятников древнего Иерусалима». Наиболее древнюю — египетскую — являет силоамский монолит, который может быть отнесен ко времени Соломона. Среднюю — египетско-ассирийскую — гробница Захарии, принадлежащая среднему времени в истории царей. И, наконец, последнюю — ассирийско-египетскую — мавзолей Авессалома, относящийся в его нынешнем виде к последнему, до-пленному периоду иудейской истории¹⁷⁸.

В настоящее время считается, что силоамский монолит (более известный как «гробница дочери фараона») действительно может быть отнесен к периоду Первого храма. С другой стороны, два других памятника следует датировать значительно более поздним временем, нежели предполагал Олесницкий. В частности, памятник Авессалома — эпохой Ирода, а гробницу Захарии — вообще I в. по Р. Х.¹⁷⁹. Таким образом, несмотря на всю привлекательность выдвинутой ученым гипотезы о трех фазах истории иерусалимской архитектуры, сегодня ее можно в целом признать ошибочной.

Гробницы пророков, относящиеся к категории катакомб, выделяются уникальным для еврейских гробниц устройством. Они представляют собой два концентрических полукруга около ротонды вестибюля, соединенных с ней четырьмя радиусами-коридорами. Такая форма, по мнению Олесницкого, характерна для древних языческих храмов, посвященных Ваалу. Так, круглая ротонда может символизировать солнце, а идущие от нее радиусы — животворные солнечные лучи. На основании предлагаемой трактовки ученый впервые (как он признает сам) выдвигает гипотезу, что гробницы пророков по первоначальному своему назначению являлись подземным святилищем Ваала, сооруженным одним из нечестивых иудейских царей (возможно, Соломоном) и лишь спустя продолжительное время после плена переоборудованным в гробницы¹⁸⁰.

Гробницу Иакова и гробницы, открытые Ганно, на основании особенностей еврейского шрифта в их надписях, Олесницкий датирует последним веком пред Рождеством Христовым.

Из гробниц, составляющих *южный некрополь*, проф. Олесницкий особо выделяет *гробницу Дер-Ессиние*, расположенную на землях Русской Духовной Миссии. Ученый замечает, что этот памятник ни у одного из исследователей до сих пор не упоминался. Поэтому Олесницкому принадлежит первое издание плана данной гробницы. По его мнению, название гробницы созвучно с именем иудейского царя Иосии, гробница которого могла быть на этом месте. Ученый считает, что на основании 4 Цар. 22:20 о гробнице Иосии можно говорить как об отдельной, но расположенной по соседству с гробницами деда и отца (Аммона и Манассии). Поэтому профессор осмеливается отождествить исследуемую группу гробниц южного некрополя с библейскими гробницами Аммона, Манассии и Иосии, причем гробницей последнего считает Дер-Ессиние¹⁸¹.

Наконец, в *некрополе западном (Голгофском)* предметом особого исследования ученого становится *Гроб Господень*, а также *Голгофа*, *гробницы Иосифа и Никодима*. На основании исторических и археологических данных, Олесницкий

твердо отстаивает нынешнюю подлинность Святого Гроба, вопреки мнениям Робинсона и ряда других западных ученых, полагавших его в другом месте Иерусалима. По их убеждению, нынешняя голгофская местность должна была во времена Спасителя входить в черту города. Правда Олесницкого подтвердилась в 1883 г. после обнаружения в результате раскопок остатков второй городской стены с порогом Судных врат.

В) Важнейшие монументальные памятники Святой Земли вне Иерусалима

Наряду с изучением монументальных памятников Иерусалима, проф. А.Олесницким была проделана огромная работа по обследованию и описанию аналогичных памятников вне его. Результаты ее изложены им во второй части отчета «Святая Земля» (лишь гробнице Аарона в Заиорданье посвящена отдельная статья, изданная годом позже). В основу изучения этой группы памятников была в основном положена методология, выработанная ранее и опробованная при исследовании древностей иерусалимских. К числу наиболее интересных и показательных относятся опыты Олесницкого по обследованию развалин Харам-Рамет-ель-Халил и хевронской гробницы патриархов.

Харам-Рамет-ель-Халил. Памятник, расположенный в трех километрах к северу от нынешнего Хеврона (рис. IV.3.10). По описанию Олесницкого, сооружение представляет собой 4-угольную ограду из трех рядов вертикально стоящих камней, имеющих гладкую, без выпусков, отделку. Внутренняя площадь имеет три четко выраженные искусственные террасы. Для решения вопроса о назначении данного сооружения ученый предлагает использовать лингвистический метод, неоднократно применявшийся им при идентификации различных поселений: а именно проанализировать наименование, т. к., чтобы говорить о каком-либо палестинском памятнике, следует прежде всего «спросить о нем местное предание, выражающееся всегда в его новейшем названии»¹⁸². Так, замечает Олесницкий, слово «харам» в арабском языке означает древнее святилище, а «рамет» (или «рама») — в древности означало холм, посвященный известному культу. Кроме того, само устройство памятника вполне соответствует устройству еврейских святилищ, имеющих всегда три террасы и колодец внутри ограды. Таким образом, считает профессор, это сооружение есть, несомненно, не что иное, как древнее культовое место, окруженное оградой. Далее, основываясь на анализе истории известных из библейского повествования святилищ, исследователь приходит к заключению, что Харам-Рамет-ель-Халил — это последняя до-иерусалимская скиния, устроенная Давидом после перенесения ковчега Завета из Силома в Гаваон (1 Пар. 16:39–40).

В настоящее время установлено, что данный памятник есть жертвенник, возведенный некогда Авраамом (Быт. 13:18; 18:1 и др.), хотя в своем нынешнем виде принадлежит Ироду Великому¹⁸³. Сопоставляя выводы Олесницкого с современными данными, можно видеть верность общего хода рассуждений исследователя. Так, ученый сделал правильное заключение о культовом предназначении памятника. Однако, с другой стороны, он неверно приписал его Давиду, несмотря на то что сам отметил тождество слов «ель-Халил» с арабским

«Авраам». Можно предположить также, что «роковую» роль сыграло неверное сопоставление каменной кладки памятника с другим известным памятником — гробницей патриархов в Хевроне, которую, как будет показано ниже, Олесницкий ошибочно отнес ко временам царей иудейских.

Хевронский харам. Знаменитый памятник, возвышающийся над пещерой Махпела — местом погребения праотцев (рис. IV.3.11). В своем отчете Олесницкий обращает внимание на отделку камней, которая по своему качеству превосходит отделку камней Соломонова храма и приближается к отделке камней храма Ирода. С другой стороны, считает он, отсутствие характерных для иродианской эпохи орнаментов, простота постройки, наличие египетского карниза и большое внешнее сходство с сохранившимся остатком второй Иерусалимской стены (которую Олесницкий ошибочно относит не ко времени Неемии, а к до-пленному периоду) указывают на более древнее происхождение памятника. В пользу последнего якобы свидетельствуют и древние письменные источники, в частности сказания Флавия и Талмуда. Поэтому ученый склоняется к версии о сооружении монумента при благочестивых «средних царях до-пленного периода»¹⁸⁴. Пытаясь далее установить точное время постройки, профессор обращает внимание на слова 51-й главы Книги пророка Исаии по Септуагинте: «*Посмотрите на укрепление, которое вы истесали, и на тесаные камни гробницы, которую вы воздвигли; посмотрите на Авраама, отца вашего, и на Сарру...*» — считая эти слова приуроченными к построению хевронского памятника¹⁸⁵. Учитывая все имеющиеся факты и свидетельства, Олесницкий в конечном итоге ошибочно относит сооружение хевронского харама к эпохе правления благочестивого царя иудейского Езекии¹⁸⁶, тогда как в настоящее время памятник приписывается Ироду Великому¹⁸⁷. Несмотря на это, нельзя не признать рассуждения ученого весьма логичными и последовательными.

Столь же тщательным образом профессором были обследованы и многие другие памятники. Как правило, давая описание тех или иных древних сооружений, ученый выдвигал собственные предположения относительно их истории и назначения, не ограничиваясь простой констатацией фактов. Например, в повествовании о вифлеемской *пещере Рождества* он предлагает свою реконструкцию обстоятельств ее происхождения, доказывая, что первоначально она служила гробницей¹⁸⁸.

Весьма обстоятельно Олесницкий описывает развалины *храмового комплекса на горе Гаризим*. Ученый вполне убедительно доказывает, что сохранившиеся руины принадлежат знаменитому самаритянскому святилищу. На это, по его мнению, указывает их визуальное сходство с храмом иерусалимским, в то время как еще Флавий отмечал, что гаризимское святилище построено по образцу последнего. Кроме того, все камни имеют выпуски и, несомненно, принадлежат доримскому периоду. Тем более что сохранившиеся руины имеют ту же отделку и кладку, что и стены фаворской крепости Антиоха Великого. На этом основании Олесницкий отвергает мнение Ренана и Робинсона о византийском происхождении гаризимского памятника. Здесь же он предлагает и свою реконструкцию последнего¹⁸⁹.

Из сохранившихся памятников Ливана особое внимание Олесницкий уделяет двум главным храмам *Баальбека*. На основании сохранившихся здесь грандиозных по своим размерам остатков святилищ Ваала (рис. IV.3.12–13) ученый отдает предпочтение в распространении культа этого божества не месопотамскому Бабелю, а Баальбеку. «Если громадностью материала измерять древность памятников, — пишет он, — то священный акрополь Баальбека будет древнейшим сооружением в мире». В таком случае, заключает Олесницкий, «...камни и колонны древнего Иерусалима и Египта стоят уже во втором периоде понижения архитектурной единицы, а камни греческие и римские служат уже переходом к тому времени... когда громадности размеров предпочитали строго рассчитанную симметрию»¹⁹⁰. Поэтому профессор категорически отвергает мнение ряда западных исследователей, в частности Ренана, о римском и даже византийском происхождении баальбекских построек. Не отрицая наличие в их конструкции позднейших архитектурных элементов, ученый считает их следами римской реконструкции эпохи Антонина Пия — Севера. Это, по его мнению, подтверждают изображения на местных монетах данного и последующих периодов¹⁹¹.

В настоящее время наиболее древние остатки баальбекских храмов датируются XVIII в. до Р. Х. Следовательно, не может быть принято утверждение ученого о том, что памятники Баальбека являются древнейшими сооружениями в мире. Во всем же остальном его выводы в целом вполне справедливы.

Единственный упоминаемый А.Олесницким монументальный памятник Заиорданья — *гробница Аарона* (рис. IV.3.14). Анализируя устройство и характер гробницы, профессор заключает, что первоначально гробницей Аарона являлось лишь подземелье, тогда как нынешний памятник построен в арабское время на месте и из развалин более древнего, стоявшего здесь памятника, от которого сохранились лишь несколько камней древнееврейского происхождения¹⁹².

Описывая *памятники Верхней Галилеи*, Олесницкий отмечал их характерную особенность: стремление к монолитизму, когда целая система отдельных архитектурных элементов иссекалась из одного цельного камня. Галилейские памятники ученый считал наследием раннеханаанского искусства и переходным типом от памятников пещерных к сложенным из отдельных камней. Чаще всего, указывает он, эта особенность встречается в развалинах местных синагог. Для идентификации таких развалин Олесницким была выработана особая методология, суть которой сводилась к выявлению характерных признаков, а именно: обращенность портала на юг и наличие в нем 2–3 входов; излишество скульптурных украшений; склонность к полуколоннам и двойным колоннам, когда 2 ствола вместе с базисом и капителью представляют единый монолит.

Посредством применения этих критериев ученым было определено местонахождение древней синагоги в Сепфорисе, а также идентифицированы как синагоги остатки двух зданий в развалинах Капернаума, двух строений в дер. Кефр-Берейм близ Сафед, стены здания в дер. Мейрон, здания в Кадесе и др.¹⁹³

Подробно описывая *гробницы в окрестностях Сидона в Ливане*, проф. Олесницкий излагает собственную гипотезу о взаимной связи погребальных памятников разных стран Восточного Средиземноморья от Египта до Ливана. Во-

преки Ренану, считавшему сидонские гробницы египетской системы исходным видом древнееврейских гробниц, Олесницкий полагал, что сидонские гробничные памятники не имеют непосредственного отношения к еврейским, а наиболее древние из них — колодезного типа — не только не были известны евреям, но вообще были чужды еврейскому духу¹⁹⁴. Сам профессор, по всей видимости, склоняется к мысли, что первичным видом еврейских гробниц являлись ливанские, т. к. в Ливане, по его словам, «все известные... типы гробниц имеют готовые образцы»¹⁹⁵.

В отдельных случаях, обследуя те или иные памятники, Олесницкий имел своей целью не описать их, а установить подлинность. Так, ученым было вынесено отрицательное заключение относительно подлинности предполагаемой *гробницы Маккавеев* в Модине и *гробницы Иисуса Навина* в Тибне.

4. Отдельные археологические находки

4.1. Исторический аспект

Одной из важнейших задач современной библейской археологии является максимально точная реконструкция той историко-культурной среды, в которой жили и творили народы древнего мира. Исходным материалом подобных реконструкций служат всевозможные артефакты, получаемые, главным образом, путем археологических раскопок древних поселений, строительных останков, погребений и т. д. К числу таких артефактов относятся остатки изделий из керамики, металлические и каменные предметы, надписи, различные произведения искусства, например печати, глиняные и металлические статуэтки, украшения, изделия из слоновой кости, а также кости людей и животных и остатки растений. В отдельных случаях, как правило в засушливых районах, в качестве артефактов могут выступать сохранившиеся предметы из дерева, кожи и тканей¹⁹⁶.

Однако почти до самого конца XIX в. палестиноведение располагало относительно небольшим количеством и ассортиментом «сырья». Основная причина этого, как уже отмечалась выше, заключалась в сложившемся стереотипе о якобы отсутствии в Палестине каких-либо значительных памятников древнего искусства, подобных египетским или месопотамским. Поэтому на протяжении долгого времени на территории Святой Земли систематических раскопок с целью поиска предметов древности практически не велось.

Основным объектом внимания исследователей того времени являлись прежде всего видимые останки, в частности всевозможные хананейские, финикийские и древнееврейские наскальные и настенные надписи и изображения. Помимо их научную ценность представляли также различные многочисленные мелкие находки, обнаруживаемые, главным образом, в пещерах и гробницах: предметы древнего языческого культа и искусства, древнееврейские погребальные принадлежности, а также монеты древнееврейской и римской чеканки¹⁹⁷. Прочие, ценные с научной точки зрения, находки были относительно немногочисленны и являлись скорее исключением.

Важным событием, давшим мощный толчок к развитию палестинской археологии, стало открытие в 1868 г. в окрестностях Дибана в Трансиордании Ф.Клейном базальтовой стелы середины IX в. до Р. Х. с надписью, прославляющей победу над Израилем упоминаемого в Библии моавитского царя Меша. Спустя два года в Силоамском тоннеле в Иерусалиме была обнаружена каменная доска с древнееврейскими письменами, известная как «Силоамская надпись», а также надпись, запрещающая язычникам вход на территорию иерусалимского храма, и значительное число прочих ценнейших материалов.

Однако нездоровый ажиотаж, возникший вокруг этих открытий, вызвал лавинообразное появление в 70-х гг. XIX столетия многочисленных искусных подделок, в частности так называемых «моавитских древностей» — глиняных статуй, бюстов и урн с различными надписями, наподобие надписи стелы Меша. Другим ярким отрицательным примером проявления указанного ажиотажа может служить сообщение католического аббата Ричарда об «обнаружении» им в предполагаемой гробнице Иисуса Навина библейских ножей обрезания. Эти и многие другие археологические «открытия» тех лет стали предметом серьезных научных дискуссий между представителями ряда европейских стран, прежде всего Германии и Франции.

Особо важная роль в деле исследования палестинских древностей принадлежит Ш. Клермон-Ганно, которым инициировались поиски и исследования древнейших еврейских надписей, результатом чего явились важнейшие открытия в области палестинской эпиграфики.

Среди отечественных ученых первым исследователем древностей Святой Земли считается архим. Порфирий (Успенский). Большую роль в деле поиска предметов библейской древности сыграла деятельность Русской Духовной Миссии и, прежде всего, архим. Антонина (Капустина). Именно им принадлежала, в частности, большая часть египетских и греко-александрийских древностей экспозиции Церковно-археологического музея при КДА¹⁹⁸. Их деятельность, впрочем, не носила строгого систематического характера. Она была направлена, главным образом, на поиск древних памятников и потому лишь с определенной долей условности может быть названа научной.

Первый по-настоящему серьезный опыт в деле научного подхода к изучению артефактов библейской древности в нашей стране был связан с многолетней плодотворной деятельностью Церковно-археологического общества при КДА. А несколько раньше первый «камень» в основание будущего научного центра был положен благодаря трудам проф. А.А.Олесницкого.

4.2. Труды А.А.Олесницкого в области изучения предметов библейской древности

Анализ сочинений А.А.Олесницкого показывает, что изучение археологических находок, в сравнении, например, с систематичными изысканиями в области библейской географии или исследованиями монументальных памятников, не составляло для ученого особенного самостоятельного направления. Как правило, упоминания о различных находках встречаются в работах профессора в связи

с описанием тех или иных святых мест или монументальных памятников и используются автором, главным образом, в качестве дополнительного материального источника при аргументации своих выводов.

В большинстве случаев все эти заметки разбросаны по различным сочинениям ученого. Прежде всего, к ним относятся три его монографии. Лишь две статьи целиком посвящены обозначенной тематике: «Вопрос о новейших открытиях моавитских древностей» (1877) и «Вставки в Книге Иисуса Навина 21:42 и 24:30 по переводу LXX» (1878).

4.2.1. Методология А.А.Олесницкого в области изучения предметов древности

Выше мы рассматривали общие методологические принципы Олесницкого, а также примеры их применения при исследовании ученым вопросов библейской географии и монументальных памятников. Однако в области изучения отдельных археологических находок особых методологических приемов Олесницким выработано не было. В первую очередь это объясняется общим слабым уровнем развития археологической науки того времени. Вплоть до 1890-х гг. строго научная методология идентификации и датировки археологического материала отсутствовала как таковая. Немногочисленные приемы изучения артефактов основывались почти исключительно на чисто визуальной оценке и эпиграфике в сочетании с анализом текстов Библии и Талмуда. В отдельных случаях использовался химический анализ материала.

Все вышеуказанные приемы использовались и Олесницким. При этом следует заметить, что, как правило, его знакомство с теми или иными находками проходило опосредованно, через изучение западной научной литературы, что отрицательно сказывалось на качестве исследований самого ученого.

4.2.2. Результаты исследований А.А. Олесницким предметов древности

Относительно небольшие рамки настоящей диссертации не позволяют провести подробный обзор и анализ упоминаемых проф. Олесницким находок. Поэтому нами выбраны для рассмотрения из них лишь некоторые. Во-первых — наиболее известные; во-вторых — наиболее дискутируемые во времена Олесницкого; и, наконец, те, при изучении которых наиболее ярко проявился оригинальный подход ученого.

А) Эпиграфические памятники

Представляют собой наибольшую в количественном отношении группу находок, хотя и такое количество дошедших до нас памятников не может быть названо значительным. Данный факт стал в середине XIX в. предметом серьезной научной полемики. Так, согласно мнению представителей западной библейской критики, причиной этого являлось якобы отсутствие у древних евреев письменности вплоть до эпохи Вавилонского плена. Однако, замечает Олесницкий, «как видно из известного места Иова (19:23–24), эпиграфия не была неизвестна древним евреям; но она осталась без развития»¹⁹⁹.

Основной причиной незначительного числа открываемых древних палестинских надписей Олесницкий считал их плохую сохранность, обусловленную, прежде всего, особыми природными свойствами «писчего» материала. Ученый, в частности, отмечал: «Грубость местного грунта была отчасти причиной и того, что в Палестине осталось так мало надписей, которыми Греция и Рим передали позднейшим поколениям многие страницы из своей истории и которых от Палестины, как страны преданий, исследователь мог бы еще более ожидать... За исключением одной надписи моавитского царя Меши... все найденные доселе древнееврейские надписи не имеют монументального значения и могут быть помещены в отделе graffiti. И в архитектурном отношении эти надписи стоят не высоко; свойство камня не позволяло сообщать строгую равномерность буквам и по произволу так или иначе отличать различные выражения, как могли подчеркивать слова римляне в своих надписях»²⁰⁰.

Однако существовала, по мнению Олесницкого, и другая причина плохой сохранности древних надписей — человеческий фактор. «Не многие существовавшие древние палестинские надписи, — указывает ученый, — выдержали те же нападения, что и другие памятники древности; их стирали и заменяли греческими надписями, потом латинскими и куфическими или совершенно уничтожали. В настоящее время целы только те древние надписи, о которых арабы не знают»²⁰¹.

Однако и те немногочисленные памятники древнееврейской эпиграфики, которые Олесницкому довелось исследовать, представляют огромную историческую и научную ценность.

Доска запрещения иерусалимского храма. Одним из важных памятников, упоминаемых Олесницким, является найденный Ш. Клермон-Ганно в 1872 г. в Иерусалиме камень с греческой надписью, содержащей запрещение иноверцам проход во внутренний двор иерусалимского храма: «Да никто из иностранцев не входит внутрь барьера и ограды, которая вокруг священного места; кто же будет уличен в этом, тот навлечет на себя наказание смертью»²⁰² (рис. IV.4.1).

По мнению Олесницкого, доказательством подлинности находки служит сходство данной надписи с описаниями храмовых запретительных надписей, содержащимися в Мишне и сочинениях Иосифа Флавия. Это сходство ученый усматривает как в общем сходстве мысли, так и в совпадении отдельных терминов надписи Ганно и описания Флавия: *ιερὸν* (священный двор), *περιβολος* (ограда) и *τρυφακτος* (барьер). Более того, считает Олесницкий, свое название барьера — *δρυφακτος* — Флавий заимствовал из надписи Ганно, т. к. «нет основания предполагать... что текст надписей был не тождествен и как-нибудь разнообразился»²⁰³.

В том же 1872 г. Солси был обнаружен обломок камня с несколькими еврейскими буквами. Эта находка была интерпретирована рядом западных ученых как еврейскоязычный дубликат запретительной надписи, обнаруженной Ганно. Однако Олесницкий отвергает эту гипотезу на том основании, что для евреев в подобном предписании не было необходимости, поскольку им и так были хорошо известны храмовые правила²⁰⁴.

Силоамская надпись. Гораздо более интересным представляется вклад проф. А. Олесницкого в исследование другого известного палеографического памятника — т. н. Силоамской надписи (рис. IV.4.2), которая была открыта в 1880 г. в Силоамском туннеле Иерусалима, соединяющем источник Девы (Гихон) с Силоамской купелью. Надпись представляет собой текст из шести строк древнееврейского письма, вырезанный на квадратной плите и содержащий рассказ об истории возникновения туннеля. Подлинность данной находки практически никем из исследователей не оспаривалась.

Однако предметом дискуссий оказался вопрос об интерпретации содержания надписи и связанный с ним вопрос о времени происхождения Силоамского и прочих иерусалимских подземных каналов вообще. И здесь для нас представляет интерес трактовка Олесницкого, отличающаяся от традиционных своей оригинальностью. Поэтому мы приводим ниже параллельный перевод надписи в двух вариантах: общепринятом и предлагаемом Олесницким, сохраняя язык и орфографию обоих источников.

Традиционный перевод²⁰⁵

«Туннель окончен, и такова история сего туннеля. После того как каменосечцы подошли (так, что) заступ одного (стал) против (заступа) его товарища, и после того как (оставалось) три локтя для пробивания, слышался голос человека, кричавшего своему товарищу, что остаток был справа. Они продолжали идти, в день N пробили туннель, ударяя один навстречу другому, заступ против заступа, и пошла вода из источника в пруд чрез 1200 локтей, а над головой каменосечцев толща в скале сто локтей».

Перевод Олесницкого²⁰⁶

«Вот туннель. И вот история туннеля: когда еще (работал) молот одного против молота другого работника, и когда еще оставалось три локтя, насколько можно было судить по голосам одного (работника) к другому, как (вдруг) появилось кипение в скале (шум землетрясения) и вода поднялась. В день же открытия туннеля прорубились рабочие один навстречу другому, молот навстречу молоту, и вода потекла от резервуара до пруда на протяжении 1200 локтей. И сто локтей была высота скалы над головою работников».

Проф. Троицкий указывает, что все слова надписи, за исключением двух, принадлежат к числу так или иначе употребляемых в Ветхом Завете. Оригинальными являются קִבְּרָה , которое, согласно контексту, употребляется здесь в значении «туннель», и זָרָה . Последнее содержится в 3-й и 6-й строках. Его корень усматривается в глаголах זָרָה или זָרָה — «быть гордым, высокомерным», так что происходящее от них существительное в данном случае может означать «излишек, нарост». В вышеуказанном традиционном переводе слово זָרָה в одном месте переведено как «остаток», а в другом — «толща», согласно требованию контекста²⁰⁷.

По наиболее принятой версии, надпись датируется IX в. до Р.Х., равно как и близкая к ней по шрифту и правописанию надпись стелы Меши. На основании же данных Писания (2 Пар. 32:30; Сир. 48:17 и 4 Цар. 20:20), время возникновения самого туннеля связывают со временем правления иудейского царя Езекии

(на чем настаивают, в частности, Гуте и Кондер, а вслед за ними и Троицкий)²⁰⁸.

По мнению же Олесницкого, слово קִיּוּן в 3-й строке отличается от сходного по написанию слова из 6-й строки, которое ученый читает не как קִיּוּן , а как קִיּוּן . Само же слово קִיּוּן он производит от глагола קִיּוּן — «кипеть, яриться» или прилагательного קִיּוּן — «кипучий, неистовый, выходящий из границ», перевода, таким образом, затруднительное слово קִיּוּן в значении кипения. Это в данном контексте, по его мнению, может означать подпочвенное вулканическое бурление, или землетрясение. Отсюда, считает ученый, можно заключить, что «поводом к составлению Силоамской надписи было, между прочим, увековечение памяти о необыкновенном землетрясении, случившемся при окончании работ по устройству туннеля»²⁰⁹. Таким природным катаклизмом могло быть ставшее впоследствии легендарным землетрясение, происшедшее при царе иудейском Озии и упоминаемое в Амос.1:1, от которого, согласно Флавию, расселась иерусалимская гора близ источника Ен-Рогел, т. е. гора Силоамского туннеля. Кроме того, Олесницкий ссылается на указания 2 Пар. 26:10 и Флавия о том, что Озия иссекал в скалах водоемы и водопроводные туннели. На основании всех перечисленных данных, Олесницкий датирует Силоамский туннель и происхождение памятной надписи временем царствования Озии²¹⁰.

Б) Саркофаг из гробницы Алкея

Представляет собой ящик, изготовленный из камня. Был обнаружен в одной из гробниц г. Лидды, открытой Уилсоном в 1865 г. Особенно интересной деталью данной находки является греческая надпись, вырезанная на одной из продольных сторон саркофага: «Гробница сынов Алкея Симона Говар». Исходя из устройства гробницы, Олесницкий делает вывод о ее древнееврейском происхождении, а анализируя надпись, датирует гробницу и саркофаг последним периодом еврейской истории.

На основании только этих данных сделать какие-либо выводы о «хозяине» гробнице не представлялось возможным. Однако Олесницкий обращает внимание на другую находку: обнаруженную в 1874 г. Ш.Клермон-Ганно в селе Кебаб близ Лидды иссеченную на скальную древнееврейскую надпись финикийско-квадратного и греческого шрифта. Согласно переводу Ганно, она означает: «граница (города) Гезера». Данная надпись, сообщает Олесницкий, трактовалась либо как обозначение границы субботнего пути вокруг города, либо как указание пределов, до которых простиралось действие Гезера в качестве города убежища для непреднамеренных убийц.

Однако профессор выражает несогласие с данной интерпретацией, предлагая собственное прочтение. Так, он обращает внимание на то, что первые два слова надписи являются еврейскими, а третье — греческим, причем «очевидно, одного времени и резца с двумя первыми еврейскими словами». Но подобное соединение, по замечанию Олесницкого, представляет собой «характеристический признак надписей последнего века пред Рождеством Христовым». Следовательно, считает ученый, «все три слова надписи следует читать совместно, как равно принадлежащие ее содержанию». При этом он предлагает среднее слово считать нарицательным: מָקוֹם — участок, удел, владение, т. к. смешение назва-

ний города и лица в тексте надписи отнимало бы у нее всякий смысл. На этом основании Олесницкий считает правильным перевод: «межа (граница) владений Алкея». Либо если вместо \dagger читать \lrcorner , то будет $\lrcorner\lrcorner = \lrcorner\lrcorner$ — пришелец, прозелит, откуда перевод примет вид: «межа прозелита Алкея». Последний в таком случае являлся крупным землевладельцем еврейско-греческого периода палестинской истории. Тогда, возможно, развалины, найденные Ганно поблизости, принадлежат не Гезеру, а большой придорожной гостинице Алкея, принимавшего здесь путников.

Сопоставляя далее обе находки, Олесницкий высказывает предположение о том, что саркофаг с именем Алкея, найденный в гробнице Лидды, принадлежит прозелиту Алкею, упоминаемому в надписи из Кебаба. Таким образом, по мнению ученого, богатый землевладелец прозелит Алкей являлся жителем Лидды, а в Кебабе могло находиться его загородное поместье²¹¹.

В) Моавитские древности

Наряду с открытием во 2-й половине XIX в. ряда ценных предметов библейской древности, интересных, прежде всего, с точки зрения их интерпретации, обнаруживались и такие находки, сама подлинность которых вызывала острейшую научную полемику не только между отдельными специалистами, но и между целыми археологическими школами. Ниже нами будут рассмотрены две такие проблемы и участие, которое принял в их разрешении Олесницкий.

Первая связана с серией сенсационных открытий в Моавитской области Святой Земли ранее не известных науке памятников древности, ставших сразу предметом самой серьезной научной полемики. «Вопрос о моавитских открытиях... — писал по этому поводу профессор, — есть самый свежий, самый любопытный и поучительный из всех вопросов, которые в новейшее время выдвинула на разрешение наука палестинской археологии»²¹².

Возникновение данной проблемы было обязано обнаружению в апреле — мае 1872 г. в заиорданской пустыне нескольких глиняных и каменных черепков с надписями древнего письма. Дальнейший поиск вскоре привел к открытию целого ряда новых находок: статуй, бюстов и урн, — породивших в научной среде разногласия относительно их подлинности. С целью прояснения вопроса в район Моава было снаряжено две немецкие и одна американская экспедиции, подтвердившие подлинность находок. Однако противоположную позицию заняли известные специалисты в области палестинских древностей: английский ориенталист Т.Дрейк и Ш.Клермон-Ганно. Последний, проведя собственное расследование, выдвинул ряд доказательств в пользу фальсификации находок, обвинив в фабрикации подделок иерусалимского антиквара Шапиру и его агента Селима-ель-Кари. В результате, по словам Олесницкого, «вопрос о моавитских древностях принял оттенок национальной борьбы прусского и французского элемента»²¹³. Опуская политическую сторону вопроса, как не относящуюся к теме настоящей диссертации, остановимся подробнее на аспекте научном.

Во 2-м томе своей работы «Святая Земля» Олесницкий лишь вскользь упоминает о спорных находках. Однако спустя два года ученый вновь возвращается к данной проблеме, обстоятельно рассматривая ее в работе «Вопрос о новей-

ших открытиях моавитских древностей». Анализируя и сравнивая оба сочинения, можно заметить некоторое расхождение в оценках ученого. Так, в труде «Святая Земля» в одном месте (с. 22–23) Олесницкий сообщает о некоем обретенном древнем каменном саркофаге с моавитскими надписями, который считает подлинным, равно как и «все открываемые в последнее время моавитские древности с надписями». В этой же работе, но тремястами страницами спустя (с. 324), Олесницкий уже подвергает сомнению выводы немецкой экспедиции о подлинности моавитских открытий. Более того, ученый называет обнаруженные экспедицией предметы искусными шапировскими подделками под моавитские памятники, характеризуя Селима «фабрикантом древностей».

Наконец, в статье «Вопрос о новейших открытиях моавитских древностей» Олесницкий после скрупулезного сопоставления всех имевшихся в его распоряжении фактов и экспертных заключений приходит к выводу, что «данные, выставленные против древностей шапировского собрания, не перевешивают того, что выставляется в их пользу». Поэтому он и «не решается сказать еще свое заключительное слово»²¹⁴.

Несмотря на то что ученый в результате своих исследований так и не пришел к однозначному заключению, нам представляется интересным сам ход его мысли и то, как он в XIX столетии скудными техническими средствами своего времени пытался разрешить загадку, едва не совершившую революцию в библейской археологии.

Приступая к изложению проблемы, Олесницкий пишет, что видел многие памятники своими глазами во время путешествия по Святой Земле, а также мог подробно изучить некоторые образцы в музее КДА. Однако из контекста статьи следует, что он руководствовался в своем исследовании западными, главным образом немецкими источниками.

Профессор подробно излагает историю открытия моавитских находок, указывая на ряд смущающих обстоятельств: необыкновенное множество открытий именно в Моаве, видимая ценность находок, большое количество всевозможных надписей и, наконец, предшествовавшее данным событиям открытие памятника Меши. С другой стороны, в пользу подлинности находок, по его мнению, говорят: свидетельства ранних исследователей моавитских монументальных памятников о нахождении ими остатков древней глиняной посуды, необходимость специальных научных знаний в области археологии, эпиграфики и т. д., а также результаты работы контрольных экспедиций.

Однако значительно более важным для Олесницкого является исследование самих древностей. В частности, их материал, состояние и степень сохранности, археологические и исторические признаки их происхождения и, наконец, палеографические особенности их надписей.

Опираясь на заключение химического анализа, профессор отмечает разнообразность пород глины, многие из которых крайне редки, что делает практически невозможным их смешение в одном памятнике дилетантом.

Степень сохранности памятников ученый оценивает путем сопоставления с известными древними образцами гончарного искусства, что, однако, не при-

водит исследователя к твердому заключению. Единственное, что ему остается предложить в качестве критерия, — наличие на некоторых урнах, с его точки зрения, «следов древности» (глубоких морщин и рыхлостей), характерных для древнегреческих урн.

Таким образом, говорит Олесницкий, «материал шапировских древностей не дает основания для отрицательных выводов».

Далее Олесницкий указывает на библейские свидетельства о моавитском гончарном искусстве (1 Пар. 4:22; Иер. 48:12). Он отмечает отсутствие прямого критерия для определения действительного отношения шапировских фигур к моавитскому искусству. Однако ученый усматривает их соответствие библейскому описанию ханаанских изваяний и известным первобытным изображениям Финикии. Он обращает также внимание на ряд специальных археологических признаков: наличие у шапировских скульптур атрибутов древних языческих культов, в частности культа Ваала и Астарты. Наличие всей совокупности данных признаков, по мнению Олесницкого, практически исключает возможность подделки, ибо требует столь высоких познаний в моавитской истории и религии, «какими никто из европейских специалистов не может похвалиться»²¹⁵.

Но особую важность, по мнению Олесницкого, представляет аспект палеографический, который, как мы уже отмечали выше, являлся в арсенале палестинской археологической науки 2-й пол. XIX в. главным инструментом идентификации артефактов. Не случайно именно «письмена» моавитских находок стали основным объектом критики со стороны Ганно и его сторонников.

Так, возражая скептикам, Олесницкий считает близкое сходство шрифтов надписей шапировских находок с надписями стелы Мешы естественным. Не является, по его мнению, необычным и сочетание древних и новых образцов букв, встречающееся, например, на древних иудейских монетах. Различное написание одних и тех же букв, иногда в пределах одной надписи, профессор объясняет зависимостью от пишущего инструмента, материала и формы поверхности. А наличие буквенного штампера на шапировских находках — использованием подобных штамперов на некоторых древних ассирийских образцах, например на кирпичях VII–VI вв. до Р. Х.

Также, по мнению Олесницкого, не является достаточным возражение, основанное на статистическом анализе употребления букв. Он считает, что к шапировским надписям некорректно применять прием, основанный на соответствии количественного употребления букв с подлинными текстами, поскольку новооткрытые надписи не прочитаны и не известно хотя бы приблизительное их содержание. Вообще же, замечает Олесницкий, статистика букв надписи Мешы ближе к шапировской, а не к библейской, что, тем не менее, не означает подложность надписи Мешы.

Доказательством подлинности, по мнению ученого, мог бы служить смысл шапировских надписей, которые, однако, не расшифрованы. Поэтому профессор и отказывается «сказать... свое заключительное слово».

Анализ рассуждений А.А.Олесницкого показывает некоторую его зависимость от цитируемых им немецких источников. Задавшись целью объективно

разобраться в интересующем его вопросе, ученый выстраивает свое исследование в форме полемики с разоблачителем открытий — Ганно и его союзниками и скорее готов принять доводы в пользу подлинности находок. Как известно, данная гипотеза в результате оказалась ошибочной и фальсификация моавитских древностей была спустя некоторое время доказана научно.

Г) Ножи обрезания

Другая проблема, в разрешении которой проф. А.Олесницкий принимал непосредственное участие, была вызвана сообщением об открытии аббатом Ричардом каменных ножей обрезания, упоминаемых в Книге Иисуса Навина 21:42. Данная находка послужила аббату Ричарду и его сторонникам окончательно отождествить гробницу Анбие с гробницей вождя израильтян, а место новооткрытой гробницы — развалины Тибны («Хербет Тибне») — с библейским Фамнаф-Сарай, что впоследствии было принято западной библеистикой. Такой же взгляд среди отечественных ученых разделил, в частности, проф. А.П.Лопухин²¹⁶.

Критический анализ сенсационного сообщения первым из русских специалистов провел Олесницкий²¹⁷. Он обратил внимание на то, что о ножах упоминает лишь Септуагинта, тогда как о них умалчивает и масоретский текст, и Пешито, и Таргумы. Ученый предположил, что эта вставка у LXX является позднейшей интерполяцией. Опуская историко-филологические аргументы профессора, остановимся на аргументах археологических.

Прежде всего, Олесницкий указывает на тот факт, что ножи обрезания были найдены в то самое время, когда появилась масса подделок под древность. Кроме того, само предположение Герена о местонахождении Галгалы обрезания, которым руководствовался Ричард, является бездоказательным. Поэтому Олесницкий усматривает ряд противоречий: могли ли ножи сохраниться в течение 32-х веков на открытой местности? были ли это действительно ножи, а не наконечники стрел? почему это именно орудия обрезания, а не простые орудия каменного века, которые в большом количестве встречаются по всей Палестине? и т. д. И наконец, особенно интересным, с нашей точки зрения, представляется последнее замечание: каким образом возможно соединение в одной гробнице предметов каменного и металлического периода? Не содержится ли в этом вопросе отдаленная идея о стратиграфии?

Принимая во внимание все вышеуказанные обстоятельства открытия, профессор решительно возражает против подлинности находки, считая, что «открытие Ричарда фиктивно», а сам он, по всей видимости, «стал жертвой обмана проводника»²¹⁸.

Такой вывод проф. Олесницкого был впоследствии принят отечественной наукой, о чем может свидетельствовать комментарий на Нав.19:50 и 21:42 «Толковой Библии преемников А.П.Лопухина» 1905 г. издания²¹⁹. Обоснованность мнения ученого доказана и современной библеистикой²²⁰.

Д) Прочие находки

Помимо вышеперечисленных находок, проф. А.Олесницкий в своих работах упоминает и другие известные в его время предметы древности: надписи, монеты, амулеты, вазы, барельефы и т. п. Однако поскольку они не являлись

сами по себе объектом исследования ученого, а использовались им лишь как вспомогательный материал, то не будут рассматриваться в данной главе как выходящие за рамки настоящей темы. Некоторые из артефактов будут рассмотрены в других главах как имеющие отношение к той или иной исследуемой Олесницким проблеме.

5. Археологическое изучение и реконструкция ветхозаветного храма в Иерусалиме

Значительное место в научном наследии проф. А. А. Олесницкого занимает вопрос реконструкции ветхозаветного храма в Иерусалиме. Интерес ученого к этому предмету обнаруживается уже в первой его работе по библейской археологии «Святая Земля», т. 1: «Иерусалим и его древние памятники» (1875). В этом труде Олесницкий, в частности, излагает свою гипотезу о предполагаемом месте расположения храма на площади Харам-аш-Шариф. А спустя 14 лет, в 1889 г., увидело свет фундаментальное исследование «Ветхозаветный храм в Иерусалиме», ставшее достойным плодом многолетних трудов ученого по данной тематике.

Начиная с середины XVI в., когда после многовекового забвения интерес к иерусалимскому святилищу вновь пробудился, предпринималось множество попыток его реконструкции. Всего за этот период было издано около 30 работ на английском, латинском, немецком, русском, французском и других языках²²¹. Заслугой проф. Олесницкого явились обобщение и критическая обработка этих исследований, а также собственная реконструкция ветхозаветного храма с учетом всех новейших открытий в данной области.

В своей диссертации, посвященной иерусалимскому храму, отец Николай Диваков отмечает: «Мы прекрасно понимаем, насколько устарело само это исследование, бывшее самым передовым более ста лет назад»²²². Вполне естественно, что в конце позапрошлого века Олесницкий располагал весьма скудными археологическими данными. Сегодня ситуация заметно изменилась, поскольку за истекшее столетие был сделан целый ряд открытий, имеющих непосредственное отношение к нашей проблеме. Поэтому в настоящее время мы имеем возможность достаточно объективно оценить выводы и гипотезы профессора и его вклад в изучение археологии ветхозаветного храма.

5.1. История ветхозаветного храма

Как известно, изначально какого-либо определенного места для совершения общественного богослужения у евреев не было. Оно появляется лишь во времена пророка Моисея, как результат особого повеления Божия. Таким местом стала скиния собрания. По своей идее она являлась местом обитания, присутствия (כבוד) славы Божьей, местом общения между Богом и избранным народом (להלל) и местом освящения народа (שקד). Поэтому она имела такое устройство и такие принадлежности, которые символизировали собой эту идею скинии.

Со времени царя Соломона до Вавилонского плена местом общественно-богослужения был иерусалимский храм, разрушенный позже Навузарданом.

После плена таким местом стал восстановленный трудами Ездры и Неемии иерусалимский храм, более известный как храм Зоровавеля. При Ироде Великом этот храм был перестроен. Впоследствии он был разрушен римлянами и с тех пор больше не восстанавливался.

Таким образом, на протяжении всего ветхозаветного периода место общественного богослужения израильского народа неоднократно претерпевало изменения. Однако основной, Богом учрежденной формой места богослужения оставалась скиния, тогда как иерусалимский храм являлся лишь ее воспроизведением. Но именно руины этого храма стали своего рода янтарным камушком, в котором словно застыло на века священное прошлое ветхозаветного человечества.

5.2. Источники для реставрации

Сохранившиеся до настоящего времени руины ветхозаветного храма служат реальным свидетельством истинности пророчества Спасителя: «Не останется здесь камня на камне; все будет разрушено» (Мф. 24:2). Поэтому и источники для реставрации иерусалимского храма как во времена Олесницкого, так и сегодня крайне скудны. Олесницкий считал, что основным источником для реставрации храма Соломона может быть лишь Священное Писание, а для храма Ирода, в отсутствие библейских указаний, — сочинения Флавия и Талмуд²²³. Хотя ученый неоднократно прибегал и к данным археологических раскопок, главным образом Уоррена. Так, именно Уорреном в 1864 и 1867 гг. были проведены первые систематические раскопки на территории Храмовой горы. Через подземные коридоры и туннели Уоррен исследовал стены древнего города и храма²²⁴.

В настоящее время, помимо письменных источников, важным косвенным материалом для реконструкции Соломонова храма являются находки, обнаруживаемые путем археологических раскопок в других местностях Святой Земли: остатки городов, строений, рисунки на плитах, барельефы, предметы культового назначения и т. д. Для реконструкции же храма Ирода, помимо все тех же письменных источников, немаловажное значение имеют непосредственные археологические раскопки в Иерусалиме, которые, однако, в настоящее время весьма затруднены по причинам чисто политического характера.

5.3. Скиния — прообраз ветхозаветного храма

История библеистики XIX в. представляет собой сложную эпоху противостояния двух крайних взглядов: традиционного, основанного на церковном Предании, и рационалистического. Применительно к проблеме реконструкции ветхозаветного храма это противостояние породило два противоположных мнения: во-первых, относительно соотношения скинии и храма и, во-вторых, — соотношения Соломонова храма с храмами языческими.

Возникновение разногласий по первому вопросу было связано с отрицательной библейской критикой, получившей распространение на Западе начиная с XVII в. Первоначально западной наукой было пересмотрено традиционное представление о принадлежности наиболее древней части Священного Писания — Пятикнижия — пророку Моисею. Постепенно ревизии подверглись и

другие библейские книги. В конечном итоге это привело к появлению новой исторической модели, предложенной К.Графом и Ю.Велльгаузенем. Согласно ей, история Израиля развивалась от политеизма к монотеизму, от децентрализации религиозного культа к его централизации. Таким образом, еврейское обрядовое законодательство якобы явилось результатом весьма продолжительного исторического процесса. Следовательно, и законодательная часть Ветхого Завета — Пятикнижие — должна признаваться позднейшей по времени.

В свете такого понимания решалась западной библеистикой и проблема первичности скинии и храма. Один из основоположников новой модели, Ю.Велльгаузен, писал: «Скиния собрания на самом деле является не первообразом, но копией иерусалимского храма»²²⁵. Также и в другом месте: «Однако остается непоколебимым основным факт, что скиния собрания жреческого кодекса по своему значению является не просто временной кровлей ковчега во время переходов, но... проекцией позднейшего храма»²²⁶. Таким образом, согласно отрицательной библейской критике, скиния есть не прообраз будущего храма, а лишь его позднейший образ.

Однако и в отношении происхождения самого иерусалимского храма существовали две крайних точки зрения: от того мнения, что храм изначально задумывался как уникальное сооружение, не имеющее аналогов среди языческих храмов, до противоположного: признания Соломонова храма их еврейской копией (схема 1). В западной археологии того времени последняя точка зрения оказалась доминирующей.

Схема 1

Олесницкий решительно отвергает западную концепцию. Рассматривая множество предлагаемых сопоставлений Соломонова храма с другими храмами, ученый отвергает их все на том основании, что «как богослужение израильское совершенно выделялось из всех языческих культов, так и святилище, приспособленное к этому богослужению, должно было носить на себе свою особенную печать, не известную языческой храмовой архитектуре»²²⁷. Поэтому, по мнению Олесницкого, может существовать лишь «одна законная аналогия, без которой действительно не может быть правильно поставлен вопрос о храме иерусалим-

ском...», а именно аналогия скинии Моисеевой — «подвижного израильского храма, предшествовавшего храму иерусалимскому»²²⁸.

Ошибку западной археологии ученый видит в том, что, «потеряв... законную модель, указанную библейским текстом для Соломонова храма в образе скинии... (она — *Р.Л.*) уже вынуждена была искать сторонних образов в храмовой архитектуре языческих народов». Что в свою очередь привело «к искаженным реставрациям храма и всех его принадлежностей»²²⁹.

В настоящее время библейская наука располагает множеством новых данных, которые позволяют внести некоторую ясность в указанную проблему. Сегодня многие положения отрицательной библейской критики признаны несостоятельными. Так, в частности, «реабилитирована» традиционная датировка библейских книг, и даже наиболее скептически настроенные ученые сегодня вынуждены признать Моисеево Пятикнижие наиболее ранней по времени составления частью Писания. Следовательно, должно признать несомненным и воззрение на скинию как на прообраз ветхозаветного храма.

Несколько сложнее обстоит дело с проблемой соотношения Соломонова храма с храмами языческими. Очевидно, что нет ни библейских, ни твердых археологических оснований для предположения о строительстве храма Соломона по египетским, месопотамским, а тем более, индийским архитектурным образцам. Однако, пишет Дж. Райт, «мы вправе предположить, что храм строился... по финикийским канонам»²³⁰. Действительно, согласно 5-й главе Третьей книги Царств, при строительстве первого иерусалимского храма финикийцы оказывали израильтянам значительную материально-техническую помощь, так что последние даже служили первое время у финикийских мастеров в качестве рабов (3 Цар. 5:13–16). Кроме того, многочисленные раскопки финикийских храмов указывают на очевидное по устройству соответствие храма Соломона финикийским культовым сооружениям²³¹.

Во-первых, важным обстоятельством является трехчастная планировка ряда известных храмовых сооружений Сирии и Финикии, схожая с планировкой Соломонова храма. Подобная схема с расположением всех трех отделений на единой оси известна в Палестине с конца среднего бронзового века и считается традиционной для хананейской, а затем и финикийской храмовой архитектуры. Появление данной планировки культовых сооружений связывается с постройками II тыс. до Р. Х. в Ханаане и Северной Сирии. По мнению А. Мазара, такая схема просматривается в остатках храмовых комплексов Эблы, Мегиддо и Сихема, относящихся к среднему бронзовому веку²³² (рис. IV.5.1). Такая же планировка, отмечает Дж. Райт, наблюдается в храме позднего бронзового века в Айн-Дара в Северной Сирии²³³ (рис. IV.5.2). Такая схема сохранялась и в последующий период в Финикии, а в Сирии просуществовала вплоть до VIII в. до Р. Х. На это указывают, в частности, остатки храма в Телль-Тайнате (рис. IV.5.3). Все вышеуказанные храмы существовали в одну и ту же эпоху с храмом Соломона и рассматриваются как возможная параллель последнему.

К числу других конструктивных заимствований относят также две орнаментированные литые медные колонны, именовавшиеся Иахин и Воаз, стоявшие

на особых подставах у фасада Соломонова храма по обеим сторонам от входа в притвор. Согласно современным представлениям, подобные колонны являлись принадлежностью финикийских культовых сооружений²³⁴ (см., например, рис. IV.5.2). Заимствованным является и специфический финикийский стиль кладки, распространенный в Палестине начиная с царствования Соломона, на что указывал и Олесницкий.

Эти и многие другие соответствия достаточно убедительно свидетельствуют о преемственности строительных традиций, что дало основание ряду авторитетных ученых считать Соломонов храм типичным финикийским²³⁵.

Следует, впрочем, заметить, что при реконструкции Соломонова храма на основе существующих аналогов используется методологический прием, известный в логике как круговое доказательство. Дело в том, что все сиро-финикийские храмовые сооружения, предлагаемые в качестве аналогов храма Соломона и считающиеся его прототипами, сохранились фрагментарно, в виде остатков фундаментов, некоторых конструктивных элементов и немногочисленных деталей интерьера. В отсутствие достаточных сведений о палестинском храмовом искусстве и архитектуре этого периода, для реконструкции финикийских храмов используется библейское описание храма Соломона, как наиболее близкого им по времени. Далее, на основании полученной модели, воссоздается устройство и внутренний интерьер самого иерусалимского храма (схема 2).

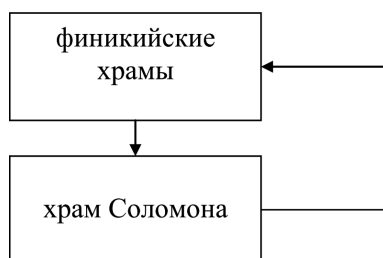

Схема 2

Очевидно, что такая реконструкция не может претендовать на объективность и является гипотетической. Поэтому, с нашей точки зрения, нельзя рассматривать первый иерусалимский храм лишь воспроизведением древних финикийских образцов. И уж тем более несостоятельным в этом свете выглядит представление отрицательной библейской критики о том, что древние языческие храмы послужили прообразом Моисеевой скинии.

Таким образом, опираясь на церковное предание и принимая во внимание новейшие археологические данные о сиро-палестинском храмовом искусстве и архитектуре, мы осмелимся утверждать, что храм Соломона имел своим непосредственным прообразом Моисееву скинию в части структуры и использования установленных законодательством Моисея священных принадлежностей. Однако, с другой стороны, нес на себе печать финикийских архитек-

турных канонов. В частности, строился в традиционном финикийском стиле с использованием традиционных финикийских конструктивных элементов и украшений (схема 3).

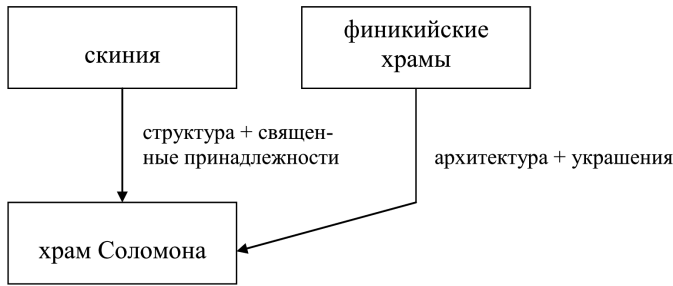

Схема 3

Теперь для нас становится понятным, насколько верной является гипотеза проф. А.Олесницкого. Несомненно, ученый был прав, утверждая первичность скинии Моисея по отношению к Соломонову храму. Однако ошибочным оказалось его представление о скинии как о единственном аналоге храма и невозможности никаких иноземных влияний. Это обстоятельство, впрочем, не умаляет заслуг ученого, который не обладал в то время достаточными данными, необходимыми для получения верных выводов.

5.4. Реконструкция храма Соломона

Значительным вкладом А.А.Олесницкого в библейскую археологию является детально выполненная им реконструкция скинии Моисеевой. Однако предложенная ученым модель целиком основывается на интерпретации библейских указаний. Другого же источника сведений о скинии, помимо Священного Писания, нет до сих пор. Поскольку в таком случае любая модель скинии является весьма субъективной и достаточно условной, мы не будем останавливаться на подробном рассмотрении ее реконструкции Олесницким, а перейдем непосредственно к его реконструкции иерусалимского храма. При этом мы не ставим перед собой задачу детально осветить все подробности исследования профессора, а сознательно ограничимся лишь предметами, важными с точки зрения археологии, и наиболее интересными гипотезами ученого.

5.4.1. Вопрос о высоте храма и Святого святых

Библейское описание Соломонова храма и его строительства достаточно конкретно и детально (3 Цар. 5–7; 2 Пар. 3–4). Согласно ему, местом построения храма была вершина горы Мория. Так как площадь вершины по своим размерам была недостаточна для размещения на ней храма с окружавшими его пристройками и дворами, то Соломон прежде начала строительства несколько расширил площадь вершины горы. Таким образом, храм был воздвигнут на возвышенной прямоугольной платформе и представлял собой прямоугольную конструкцию высотой около 30 локтей.

Внутреннее пространство здания храма разделялось особой стеной на две части, подобно скинии: святое (или святилище) и Святое святых (давир — דָּבִיר). При этом если внутренняя высота храма вообще определялась в 30 локтей (3 Цар. 6:2), то высота Святого святых — лишь в 20 (3 Цар. 6:20). Эти два разных свидетельства вызвали среди исследователей разногласие относительно взаимного расположения обеих частей храма. В своем сочинении проф. Олесницкий приводит различные варианты, предлагаемые в научной литературе с целью примирить противоречие (схема 4).

Схема 4: I — Святое святых, II — святое, III — верхняя горница

Однако, с точки зрения Олесницкого, все эти модели либо противоречат библейскому описанию (а), либо несообразны со святостью места (б и в). Ученый отвергает также ошибку переписчика. Взамен он предлагает свою собственную гипотезу, в основании которой лежит предположение о существовании под давиром глухого подвала или натурального возвышения скалы горы Мориа (схема 5).

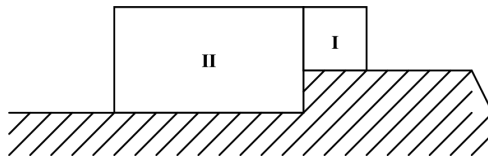

Схема 5: I — Святое святых, II — святое

Помимо различных историко-богословских оснований, важным аргументом в пользу такого представления, по мнению ученого, служат постепенность возвышения грунта г. Мориа и ступенчатые переходы при движении к центру. Мнение о расположении Святого святых на выступающей части скалы чуть позже было высказано проф. М.Д.Муретовым²³⁶. В настоящее время такое представление принято, в частности, Л.Ритмейером²³⁷ (рис. IV.5.5).

5.4.2. Реконструкция колонн Иахин и Воаз

Библейское описание Соломонова храма сообщает о двух монументальных литых медных колоннах, носивших особые имена Иахин и Воаз, стоявших по обеим сторонам входа в притвор. Наибольший интерес, прежде всего с методологической точки зрения, представляет решение Олесницким вопроса о характере венчавших колонны капителей. Поскольку описание капителей в тексте Библии достаточно неопределенное, существовало (и существует) множество их реконструкций. В своей работе Олесницкий дает их подробный обзор. Так, по

мнению де Вогюэ и Пэна, капители носили египетский характер, т. е. имели вид лилий, подобно капителям храмовых комплексов Луксора и Карнака. Согласно другому представлению — Перро и Шипие, — капители имели сфероидальную форму ассиро-финикийского типа. Обе эти гипотезы профессор отвергает. Он указывает, что в понятии лилии (ליל) у древних было много различных оттенков. Поэтому совершенно неубедительным, по его мнению, является утверждение о том, что капители Соломонова храма непременно имели вид лилий капителей египетских. С другой стороны, в храме Иеговы неприемлемы были и ассирийские капители, более напоминающие не лилию — символ жизни и духовной красоты, а «надгробный памятник с погребальной урной»²³⁸.

Олесницкий выделяет две причины неверных реставраций. Первая — недостаточное разграничение толкователями библейского текста составных элементов капители и элементов, не относящихся к ней. Другая — произвольное перенесение в состав Соломоновой колонны разных случайных капителей, египетских или ассиро-финикийских, почему-либо обративших на себя внимание исследователей.

Ученый считает, что точное воспроизведение вида капителей Соломонова храма возможно лишь посредством обнаружения между развалинами иерусалимского храма образца капители, совпадающего с библейским описанием, или хотя бы «самого ничтожного обломка действительной колонны, принадлежавшей некогда ветхозаветному храму»²³⁹. По мнению Олесницкого, важным свидетельством в данном случае является указание 3 Цар. 7:19 о капителях притвора. Поскольку данный текст не говорит о каком-либо конкретном притворе, например притворе самого здания храма, то можно видеть здесь указание на все притворы, бывшие на площади святилища, которые, очевидно, имели колонны одного образца. Кроме того, пророк Иезекииль подробно описывает притвор ворот во внешней ограде храма (Иез. 40:7 и далее). Однако, убежден Олесницкий, некоторые части воротных притворов сохранились до настоящего времени. В частности, притвор Двойных ворот, где находится известная древняя монолитная колонна с лилеобразной капителью (рис. IV.5.4). Исходя из предположения, что подземелье Двойных ворот принадлежит эпохе Соломона, ученый утверждает, что монолит подземелья может справедливо «считаться колонной первого иерусалимского храма»²⁴⁰.

Однако среди некоторых западных исследователей существовало мнение о том, что данная капитель представляет собой подражание коринфской капители и потому может принадлежать лишь храму Ирода. Отвечая критикам, Олесницкий указывает, что в таком виде, какой имеет капитель монолита, коринфская капитель нигде не была известна. Кроме того, она ближе образцам не греческим, а египетским, что признает даже такой крайний представитель западной отрицательной библейской критики, как Э.Ренан, склонный, по замечанию Олесницкого, вообще низводить иерусалимскую архитектуру к позднейшим временам.

Таким образом, заключает профессор, «капитель монолита под мечетью аль-Акса есть остаток первого иерусалимского храма и некогда принадлежал к системе тех колонн притворов, которые в библейском тексте по виду капителей

поставлены в соотношении с медными колоннами Соломона: «капители на верху медных колонн были подобны капителям притворов»²⁴¹.

Ошибкой Олесницкого в данном случае является его априорное предположение о принадлежности подземелья Двойных ворот Первому храму. Соответственно, в таком случае оказывается неверным и использование им капители монолита подземелья в качестве аналога для реконструкции капителей колонн Иахин и Воаз. Но для нас здесь имеет значение не столько предлагаемая ученым реконструкция капителей, сколько методология этой реконструкции. Большой заслугой Олесницкого, с нашей точки зрения, является то, что им был предложен и применен верный, логически последовательный подход, основанный на взаимном соотнесении библейских свидетельств с археологическими материалами; подход, целиком опирающийся на церковную традицию.

Что же касается правильности той или иной реконструкции колонн, то, по словам прот. Николая Дивакова, «и на сегодня эти колонны... в значительной степени загадочны для нас»²⁴².

5.4.3. Реконструкция внутреннего убранства храма

Согласно библейскому описанию (3 Цар. 6:7, 15–18, 21:29), стены храма были сложены из обтесанного камня и внутри покрыты кедровыми досками с вырезанными на них изображениями огурцов, распускающихся цветов, херувимов и пальмовых деревьев, а также обложены чистым золотом. При этом Олесницкий считает, что слово «обложены» следует понимать буквально, т. е. так, что стены были обложены золотыми обкладами по образу окладов икон²⁴³. Однако прот. Николай Диваков усматривает в данном месте неточность перевода. Правильнее, по его мнению, было бы употребить вместо слова «обложены» другое — «инкрустированы»²⁴⁴.

Проф. Олесницкий отмечает общее согласие всех исследователей в том, что изображения делились на отдельные картины, в центре которых стояла пальма, а по сторонам — два херувима. При этом все картины храма состояли из одного и того же сюжета. Разногласие вызывал вопрос о величине и количестве этих картин, а также порядке их следования.

И здесь Олесницкий снова предлагает собственное оригинальное решение проблемы. Прежде всего, он считает необходимым руководствоваться не фантазией, а твердыми ориентирами: в данном случае — свидетельством Священного Писания. В качестве отправной точки реконструкции ученый предлагает воспользоваться указаниями относительно устройства дверных косяков, которые, согласно пророку Иезекиилю, повторялись в правильном порядке по всей длине храма, исполняя роль мнимых дверей. Нечто подобное, замечает Олесницкий, встречается в древних памятниках Ассирии и Египта. Таким образом, полагает исследователь, двери храма представляли собой центральную картину в ряду других подобных картин. Но двери Святого святых были расположены на 10 локтей выше дверей святого, так, что порог первых соответствовал по высоте верхнему косяку вторых. Отсюда, по мнению профессора, следует, что все картины святого были размещены в два яруса. При этом картины верхнего яруса

обнимали собой также и Святое святых. Оставшееся же сверху пространство высотой в 10 локтей, как не имевшее дверей, не имело и картин. Здесь (и то лишь во святом) были только рамы, окружавшие амбразуры окон²⁴⁵.

Эта гипотеза Олесницкого является настолько оригинальной, что нам не удалось встретить такую трактовку ни в одном другом источнике. В настоящее время среди исследователей ветхозаветного храма наиболее распространено мнение, что изображения располагались в один ряд, как в святом, так и во Святом святых, и что, таким образом, каждая из картин имела высоту от пола до потолка²⁴⁶ (рис. IV.5.5). Однако повторимся, что это лишь предположения.

5.4.4. Реконструкция дворов храма

Другой спорный вопрос, рассматриваемый проф. Олесницким, — воссоздание внешнего вида дворов Соломонова храма. По его мнению, ветхозаветное святилище, совершенно недоступное для непосвященных и по отношению к которому допускалось только отдаленное созерцание и поклонение, не могло оставаться открытым. Поэтому, считает ученый, в храме иерусалимском изначально должны были быть особые дворы для богослужений и народных собраний, на что указывает и 2 Пар. 4:9.

Профессор полагает, что дворы и окружавшие их горницы были выполнены Соломоном в соответствии с планом, который был передан ему Давидом. Поэтому Олесницкий отвергает мнение ряда западных исследователей, что эти дворы представляли собой подражание дворам языческих храмов или, с другой стороны, что они развивались постепенно, подобно тому как постепенно формировались дворы египетских храмов, по мере развития культов. Последнее из этих утверждений, как мы уже отмечали выше, соответствовало взглядам отрицательной библейской критики на историю формирования ветхозаветного монотеизма и, как было уже сказано, является необоснованным. Поэтому вполне справедливым представляется возражение Олесницкого, что иерусалимский храм строился при полном развитии культа, а потому в своем конечном виде соответствовал изначальному замыслу²⁴⁷.

В связи с отсутствием достаточно ясных библейских указаний основными источниками для реконструкции дворов, по мнению Олесницкого, могут служить свидетельства прор. Иезекииля, Иосифа Флавия и талмудические предания. Анализируя данные источники, ученый делает следующие предположения:

1. Соломонов храм не мог иметь один двор, поскольку в Ис. 1:12 о дворах говорится во множественном числе. С другой стороны, нет оснований считать, что дворов было более двух. Следовательно, дворов было два, при этом внутренний являлся местом совершения богослужений, т. е. предназначался для священников, а другой — внешний — для собиравшегося в храм народа (2 Пар. 4:9; Иез. 40:17). Олесницкий отвергает мнение некоторых исследователей о наличии третьего двора, подобного двору язычников в храме Ирода. О существовании такого двора нет упоминания в библейских книгах. Особые дворы для женщин и язычников появляются лишь в период Иродова храма ввиду крайнего развития законов о внешней чистоте.

2. Решение вопроса о размерах дворов Соломонова храма, не данное в библейском тексте, должно основываться исключительно на измерениях сохранившейся доньне площади храма. Кроме того, по мнению Олесницкого, внутренний двор находился не в самом центре внешнего, а несколько северо-западнее центра.

3. Дворы лежали не на одном уровне, но в виде возвышающихся одна над другой террас: внутренний двор — выше, внешний — ниже (Иер. 36:10; Иез. 40:19).

4. Дворы, несомненно, должны были иметь ограждение, что, по мнению Олесницкого, согласуется с 3 Цар. 6:36 и 7:12. Ученый отвергает распространенное среди католических исследователей мнение о том, что дворы имели круглую форму, которая якобы была дана дворам храма в подражание круглой форме дворца, построенного вблизи храма для дочери фараона. В результате дворы приняли египетские очертания. Олесницкий видит причину такой интерпретации библейского текста в его неверном переводе в Вульгате. А именно, что выражение «кругом большого двора» ошибочно переведено как «atrium majus rotundum» (круглый большой двор). С другой стороны, если дворы и были круглыми, замечает профессор, то это свидетельствовало бы не о египетском, а о местном хананейском влиянии капищ²⁴⁸.

Гораздо более трудный вопрос, пишет Олесницкий, представляет характер самой ограды. Так, указание о ней, содержащееся в 3 Цар. 6:36: «три ряда тесаных камней (גִּזְלִים) и один ряд кедровых бревен», — вызвало множество различных интерпретаций. Анализируя все известные ему трактовки, Олесницкий соглашается с теми раннехристианскими экзегетами, которые под рядами понимали целые особые этажи, т.е. 4-этажные постройки (три этажа каменных и один деревянный), обрамляющие дворы. На это косвенно указывает, по мнению Олесницкого, свидетельство Книг Ездры (1 Езд. 6:3–4 по LXX и 2 Езд. 6:24–25). Несмотря на то что это указание относится к храму Зоровавеля, оно, считает ученый, одинаково справедливо и для храма Соломона, т.к. второй иерусалимский храм строился по образцу первого²⁴⁹.

Здесь для нас важно не столько само мнение Олесницкого, сколько его обстоятельное доказательство и апология традиционного, основанного на древнем церковном Предании, понимания устройства ограды дворов Соломонова храма. Современный исследователь ветхозаветного храма прот. Николай Диваков отмечает лишь то, что храм был окружен стеной. При этом он доказывает, что «верх стен был не выше уровня пола храма»²⁵⁰.

Что же касается спорного вопроса о внешнем устройстве Восточных ворот храмовой ограды, то они, как и все вообще ворота внутреннего и внешнего дворов, по мнению Олесницкого, носили монументальный характер, наподобие крепостных. Ибо логично предположить, что ограда, выполнявшая роль крепостной стены, должна была иметь соответствующие ворота. Это предположение ученого подтверждает современная археология с той лишь поправкой, что ворота были, по всей видимости, шестикамерные. В настоящее время научно установлено, что подобное устройство ворот было характерно для эпохи Соломона. Остатки таких ворот найдены, например, в развалинах городских стен Гезера, Асора, Лахиша, Мегиддо²⁵¹.

5.5. Реконструкция второго иерусалимского храма

После разрушения Соломонова храма вавилонянами на протяжении 70 лет плена евреи не имели единого места общественного богослужения. Лишь по окончании пленения, благодаря указу царя Кира, в Иерусалиме был возведен новый храм, получивший название храма Зоровавеля по имени главного руководителя строительных работ. Второй храм был построен на месте прежнего. Библейские и иные письменные свидетельства об этом храме крайне скудны. Поэтому даже Олесницкий посвящает ему всего 10 страниц своего более чем 800-страничного исследования.

Единственный спорный момент, на котором мы кратко остановимся, связан с вопросом интерпретации размеров храма, определенных указом Кира. Так, слова 1 Езд. 6:4, передающие текст указа: «рядов из камней больших три, и ряд из дерева один», — многие западные исследователи (Кейль, Ринель, Новак и др.) относили не к зданию храма, а к ограде двора, окружавшего последний. Однако Олесницкий, исходя из контекста, видел здесь указание именно на ярусы здания самого храма²⁵². Такая трактовка впоследствии была принята отечественной библистикой²⁵³.

Гораздо более важной является реконструкция Олесницким храма Ирода, которая будет предметом нашего дальнейшего исследования. Для библейской науки она всегда представляла еще большую сложность, нежели реконструкция храма Соломона. Так, если о последнем имеются достаточно подробные сведения в Священном Писании, то о храме Ирода есть лишь отдельные упоминания в Новом Завете, которые не могут дать хотя бы самого общего представления ни о внешнем виде, ни о размерах, ни о внутреннем убранстве храма. В распоряжении исследователей остаются лишь сочинения Иосифа Флавия, талмудические предания и данные археологических раскопок. Однако последние способны пролить свет лишь на некоторые вопросы, поскольку от храмового комплекса сохранилась до настоящего времени только нижняя платформа и часть подземных сооружений. Сложность представляет и отсутствие каких-либо археологических параллелей.

5.5.1. Гипотеза о высоте храма Ирода и его общем внешнем виде

На основании сочинений Флавия, достаточно точный план Иродова храма был составлен еще де Вогюэ. Об этом плане проф. Олесницкий отзывается как об очень хорошем²⁵⁴. Прот. Николай Диваков отмечает, что и на сегодняшний день он «остался практически без изменений»²⁵⁵.

Значительно большие разногласия вызывал вопрос о внешнем виде храма. И здесь заслуживает внимания взгляд Олесницкого. Исходным пунктом своей реконструкции ученый берет указание Флавия о том, что Иродом предполагалось построить храм высотой в 120 локтей, каковую, по мнению царя, имел первый храм. Как всегда, вначале Олесницкий представляет весь спектр существовавших в его время интерпретаций данного свидетельства. Сам он придерживается другого указания того же историка и свидетельства Мишны о действительной высоте храма Ирода 100 локтей, считая высоту 120 локтей идеальной, или, как мы сказали бы сейчас, проектной.

Но Олесницкий не согласен и с теми исследователями, которые видели в цифре 120 обыкновенную ошибку. Он замечает, что «число 120 есть 30 локтей высоты храма (3 Цар. 6:2), умноженные на 4». Очевидно, пишет ученый, что указание Третьей книги Царств о четырех ярусах в устройстве дворов Соломонова храма (трех каменных и одном деревянном) теперь было отнесено к самому корпусу храма. Т. е. в Иродовой реставрации храм изначально должен был иметь 3 этажа (не считая подземного): два наружных каменных и третий — деревянный в виде башни над вторым этажом. Такое толкование древнего описания, по мнению исследователя, было, с одной стороны, следствием компромисса между греко-римскими архитектурными вкусами Ирода и традиционализмом представителей иудейства, а с другой — обусловлено тем влиянием, какое в период плена имели на иудеев вавилонские древние памятники. При этом ученый ссылается на свидетельства Мишны и Флавия, в частности, о том, что Иродом были приглашены из Вавилона люди, которые впоследствии участвовали в подготовке реставрации иерусалимского храма. Например, некий Ананел, ставший позже первосвященником. Таким образом, считает проф. Олесницкий, в отличие от храма Соломона, в некоторых частях Иродовой реставрации храма наряду с влиянием греко-римской архитектуры наблюдалось одновременно влияние вавилоно-персидских обычаев и приемов²⁵⁶.

Конечно, эта гипотеза Олесницкого является достаточно спорной и не имеет каких-либо других подтверждений, кроме упоминания Флавия о неких приглашенных в Иерусалим вавилонянах. Все, что известно о внешнем облике храма Ирода, относится к его окончательному виду. Достоверно сегодня можно сказать лишь одно: это «был еврейский храм в эллинистическом стиле»²⁵⁷.

5.5.2. Реконструкция южной галереи

Из галерей, окружавших двор Иродова храма, Олесницкий особо выделяет южную, которая, по свидетельству Флавия, отличалась от других по внешнему виду и имела более сложное устройство (рис. IV.5.7).

Здесь для нас представляет интерес решение Олесницким вопроса о расположении колонн. Проблема заключается в том, что если указание Флавия о 162 колоннах, составлявших южную галерею, верно, то ее суммарная длина, по расчетам Олесницкого, не соответствует реальной длине южной стороны площади храма. Ученый высказывает мнение, что более точным показателем расстояния между колоннами может служить ширина подземной аллеи под мечетью аль-Акса. Такое предположение справедливо, если, как считает профессор, эта подземная аллея некогда представляла собой подвальный этаж южной галереи Иродова храма²⁵⁸. Поскольку массивные колонны южной галереи храма не могли стоять на куполах подземелья, но должны были размещаться на его колоннах, то расстояние между колоннами обеих галерей должно быть одинаковым и равняться 20 футам — расстоянию между колоннами подземелья аль-Акса. В таком случае, заключает ученый, общая протяженность южной галереи должна была составлять 800 футов, а не 600, как сообщает Флавий²⁵⁹.

5.5.3. Реконструкция корпуса храма

Проблема реконструкции корпуса Иродова храма связана с противоречивостью сведений, изложенных в двух основных источниках: сочинениях Иосифа Флавия и Мишне. Это обстоятельство неизменно порождает разногласия среди исследователей. Здесь мы кратко остановимся на решении данного вопроса проф. А.Олесницким.

Ученый отмечает согласие обоих источников в том, что храм стоял на платформе, возвышавшейся над уровнем внутреннего двора. Поскольку к платформе вели 12 ступеней, в 1/2 локтя высоты каждая, то, следовательно, высота платформы составляла 6 локтей.

Оба источника одинаково свидетельствовали и об общей высоте храма в 100 локтей. Относительно же высоты этажей наблюдались существенные расхождения. Так, по Мишне, храм имел два этажа по 40 локтей каждый, тогда как Флавий определяет высоту нижнего этажа в 60 локтей, а верхнего — в 40.

Для разрешения спорного вопроса Олесницкий привлекает еще один источник: изображение внутреннего храмового двора со зданием Иродова храма на некоем стеклянном сосуде III–IV вв., обнаруженном в 1882 г. в Риме (рис. IV.5.8). Исходя из того что высота окружавшего храм перибола составляла 25 локтей и соизмеряя этот перибол на изображении с высотой храма, Олесницкий заключает, что его нижний этаж имел не более 30 локтей высоты, а верхний — 25.

Со своей стороны, ученый считает маловероятным как утверждение Мишны, так, тем более, и указание Флавия. Кроме того, они вступают в противоречие и со свидетельством о том, что строители Иродова храма считали необходимым сохранить неприкосновенными длину и ширину первого храма. Более того, Олесницкий выражает мнение, что «нижний этаж... был тот же священный Соломонов храм, в значительной части, конечно, сохранившийся от вавилонского разрушения. Новое, что было сделано здесь при Ироде, это было усугубление высоты храма верхними этажами»²⁶⁰. Поэтому ученый, со своей стороны, предполагает, что высота нижней залы, или собственно святилища, равнялась 30 локтям, как об этом можно заключить на основании изображения на римском сосуде.

Однако если для святилища было достаточно одного нижнего этажа, каково же было назначение верхнего? — спрашивает ученый. И отвечает: поскольку за время плена храмовое богослужение стало сменяться синагогальным, а при реставрации храма Иродом корпус святилища был предоставлен фарисеям и книжникам, то вместо единственного храма, выражавшего идею Божьего жилища, в Иерусалиме появился второй храм, предназначенный для совместной молитвы и поучения верующих, — синагога. Таким образом, считает он, собственно храм располагался на нижнем этаже, а храм-синагога — на верхнем. Тем самым книжники в буквальном смысле основались на Моисеевом седалище (Мф. 23:2), на святом и Святом святых Моисея, поставив собственные предания и собственную мудрость выше слова Божия (Мф. 15:1).

Несмотря на то что данная гипотеза может показаться весьма спорной, она, тем не менее, с нашей точки зрения, сформулирована достаточно убедительно и,

несомненно, заслуживает уважения. Во всяком случае, на нее как на достоверную ссылается в своем исследовании о. Николай Диваков²⁶¹.

Выяснив вопрос о высоте первого этажа, Олесницкий возвращается к вычислению высоты прочих этажей. Он предполагает, что второй этаж не мог быть выше первого — главного — и, скорее всего, был равен ему, как свидетельствует и Мишна. Следовательно, имел 30 локтей высоты. Прибавляя к высоте двух этажей указанную в Мишне высоту основания, потолка и крыши, ученый получает 80 локтей. Учитывая, что общая высота храма составляла 100 локтей, исследователь высказывает мнение о существовании еще одного, верхнего неполного этажа высотой в 20 локтей, который, вероятно, представлял собой башнеобразное возвышение над серединной частью второго этажа. В подтверждение своей гипотезы профессор ссылается на свидетельство Флавия об использовании дерева для увеличения высоты храма. Другим важным свидетельством, по мнению Олесницкого, является римское изображение, где верхний этаж представлен деревянным²⁶².

Некоторые западные коллеги Олесницкого объясняли свидетельство Флавия наличием над притвором храма башен в виде египетского пилона во всю ширину притвора (де Вогюэ, Вольф и др.) либо в виде двух пирамид, расположенных по углам притвора (Фергюссон, Шик). Однако Олесницкий отвергает подобные реконструкции на том основании, что они противоречат как письменным источникам, так и здравому смыслу.

Что касается горизонтальных размеров корпуса храма Ирода, то Олесницкий, напротив, считает, что они в точности соответствовали плану Соломонова храма, поскольку «храм Зоровавеля был точным воспроизведением храма Соломона и стоял на его основаниях, а переделка... состояла только в надстройке верхнего этажа и деревянной башни»²⁶³. Лишь к притвору, согласно Мишне и Флавию, были достроены боковые плечи, сделав, таким образом, храм Т-образным.

Несколько слов следует сказать о реконструкции Олесницким фасада Иродова храма. Поскольку сведения письменных источников относительно внешнего вида фасада чрезвычайно скудны, разными исследователями делались попытки восполнить данный пробел с помощью аналогий. В частности, предлагалось использовать в качестве образца развалины храма Ваал-Замина, открытые в 1857 г. в Сиа, якобы имевшего непосредственное отношение к храму иерусалимскому и, возможно, построенного по его подобию.

Олесницкий соглашается, что храм в Сиа мог заимствовать у иерусалимского святилища общие черты и планировку. Однако ученый указывает, что храм в Сиа изобилует орнаментами в виде не только растений, но также животных и даже человека. Иерусалимский же храм не мог содержать изображения животных и людей, а следовательно, храмы не могут считаться тождественными. Поэтому и вопрос о точном воссоздании внешнего облика фасада Иродова храма может быть решен лишь отчасти.

В настоящее время относительно высот обоих этажей храма наиболее распространенной является гипотеза, основанная на указаниях Миддот 4.5: считается, что храм Ирода имел 2 этажа одинаковой высоты, равной 40 локтям, или 21 м²⁶⁴ (рис. IV.5.6).

Что же касается внешнего вида фасада, то здесь мнения ученых расходятся. Помимо уже упоминавшегося изображения на римском сосуде, другим ценным источником сведений служат изображения на монетах. Например, на монетах периода Бар-Кохбы (рис. IV.5.9), хотя и возникали сомнения в том, что на них изображен именно фасад храма Ирода. Мнения о том, что на данных монетах изображен наружный притвор, придерживались, в частности, Мюхсам²⁶⁵ и Дж.Патрик²⁶⁶. По версии последнего, фасад притвора представлял собой ровную, недекорированную поверхность 100 локтей в ширину и 100 — в высоту. В центре располагался портал значительных размеров, верхняя сторона которого имела диагональные ступенчатые завершения²⁶⁷.

Согласно реконструкции Ритмейера, храм имел плоскую крышу, расположенную на двух уровнях, т. е. крышу нижнего и крышу верхнего этажа, имевшего вид надстройки меньших горизонтальных размеров. Крыша верхнего этажа одновременно являлась и крышей притвора. По периметру обоих уровней располагался парапет с золотыми клиньями. Другой исследователь, Вацингер, основываясь, по всей видимости, на изображении римского сосуда, напротив, считает, что верхнюю часть фасада притвора венчал треугольный фронто́н, нижнее основание которого соответствовало ширине фасада. Однако это мнение в настоящее время разделяет меньшинство специалистов²⁶⁸.

5.5.4. Реконструкция отделений двора

Как отмечалось выше, двор Иродова храма разделялся на внешний — нижний и внутренний — верхний (рис. IV.5.11). Первый из них был по периметру огорожен стенами и портиками. Олесницкий считает, что он представлял собой базарную площадь при храме. Как внешние галереи храма, так и открытое пространство перед ними называлось двором язычников, т. к. сюда допускались и иноверцы.

Внутреннее пространство внешнего двора было тщательно выделено и образовывало второе отделение храма — внутренний двор. По мнению Олесницкого, он занимал место внутреннего двора Соломонова храма, поскольку был соединен с естественным возвышением горы Мориа, которое не могло измениться значительно. Основываясь на Мишне, Олесницкий утверждает, что внутренний двор был смещен относительно центра внешнего двора к северо-западу. При этом как внешний двор был вытянут с севера на юг, так внутренний, подобно скинии, — с востока на запад²⁶⁹.

Свою реконструкцию дворов храма Олесницкий выстраивает, главным образом, на двух источниках: талмудических преданиях и сочинениях Флавия. Поэтому выводы ученого не могут претендовать на бесспорность. Однако убедительность результатам исследований Олесницкого добавляет то, что он имел возможность проверить многие из приводимых свидетельств письменных источников на местности личными наблюдениями. Рамки настоящей диссертации не позволяют представить подробное изложение аргументов ученого, поэтому мы вынужденно ограничимся лишь его общими выводами.

Олесницкий утверждает, что вход на территорию храмового комплекса с восточной стороны лежал через так называемые «Красные ворота». Далее распола-

гался внешний двор, или «двор язычников», который отделялся от внутреннего двора особым барьером. При этом каждый из проходов барьера имел столбы с надписями, запрещавшими вход в храм иноверцам (об одной из сохранившихся досок с запретительной надписью, обнаруженной в 1872 г. Ш. Клермон-Ганно, нами подробно излагалось в предыдущем разделе).

За барьером располагалась широкая крепостная стена внутреннего двора, подъем к которой проходил через насыпной вал, имевший вид лестницы с 14 уступами. Центральные ворота стены, одновременно служившие восточным входом во внутренний двор, Олесницкий называет «Никаноровыми». С внутренней стороны стены располагались галереи из колонн, о которых будет подробнее сказано несколько ниже. Сам внутренний двор разделялся на нижний («двор женщин») и верхний. «Двор женщин» отделялся от верхнего двора стеной, имевшей в своей верхней части ворота (известные как «верхние ворота»), к которым вели 15 ступеней — по числу «псалмов восхождения», распевавшихся левитами на этой лестнице.

Здесь следует заметить, что Олесницкий считал «Никаноровы» и «верхние ворота» двумя различными воротами храма. В то же самое время Маймонид, Баркли, де Вогюэ и некоторые другие исследователи признавали их тождественными. В настоящее время последняя точка зрения разделяется наиболее авторитетными учеными²⁷⁰.

За «верхними воротами» располагался «двор израильтян» шириной 11 локтей, который отделялся от следующего двора — «двора священников» — каменным брусом и был на 1 локоть ниже «двора священников». В срединной части последнего располагалась платформа, на которой возвышался корпус собственно храма.

Единственный пункт, представляющий в достаточно детальном описании Олесницкого научный интерес, связан с вопросом реконструкции им галерей внутренней стороны стены верхнего (внутреннего) двора. Профессор замечает, что Талмуд называет вышеуказанные галереи римскими *exedrae*, состоявшими из рядов колонн и имевшими открытый вид, противопоставляя им другие *exedrae*, наиболее часто встречающиеся в синагогах и школах, закрытые стенами и освещавшиеся большими окнами (*Baba bathra*, 11:2). Поскольку об отделке *экседр* и стиле их колонн сведения отсутствуют, Олесницкий пытается воссоздать их облик путем использования аналогий. Так, ученый указывает, что в мечети Омара, построенной на месте храма Ирода и частично из его обломков, находится множество коринфских колонн и капителей различного диаметра, цвета и материала (рис. IV.5.12). Поэтому он допускает, что и колонны *exedrae* внутреннего двора имели в разных рядах различную величину и даже различный цвет²⁷¹.

Другим источником сведений об *экседрах* внутреннего двора храма может, по мнению ученого, служить изображение на римском стеклянном сосуде, о котором упоминалось выше. На нем колонны двора имеют различные цвета, а именно такие, которые наиболее часто встречаются в колоннах мечетей площади Харам-аш-Шариф: белый, темно-зеленый и красный²⁷². Естественно, все эти предположения могут носить лишь чисто гипотетический характер.

5.6. Реконструкция Храмовой горы

Огромным вкладом проф. А.Олесницкого в изучение ветхозаветного храма является тщательное обследование сохранившихся его остатков, открытых археологическими раскопками. Прделанная ученым работа была не только уникальной для своего времени, но и не имела аналогов по всесторонности охвата и глубине проработки всего накопившегося к концу XIX в. материала по данной проблематике. Совершенно новым являлось и объяснение значения этих многообразных остатков, а также реконструкция на основании их и разнообразных письменных источников общей картины отдельных частей внешнего и отчасти внутреннего двора, в частности северной части площади Харам-аш-Шариф и южной линии платформы с ее подземельями. Новым в археологической науке являлось также сведение в одно и обстоятельный разбор существовавших мнений по разным вопросам, поднятым в то время благодаря раскопкам и открытиям на площади харама и вокруг нее.

В настоящей диссертации предполагается рассмотреть взгляды проф. Олесницкого по наиболее спорным вопросам, связанным с археологическими открытиями остатков иерусалимского храма, и оценить их в свете современных представлений.

Первый из дискутируемых вопросов касался установления датировки окружавшего храмовую платформу мола и определения границ храмов Соломона и Ирода. Или, говоря иными словами, выяснения, какому времени принадлежит сохранившийся донныне мол горы Мориа: храму Соломона, Ирода или же вообще относится к христианско-мусульманскому периоду, и весь ли мол принадлежит одному времени или в нем нужно отличать разновременные расширения и прибавления к той основной первоначальной части, которая могла быть построена Соломоном? Однако прежде чем приступить к изложению различных точек зрения на данную проблему, мы считаем необходимым дать обзор тех сведений, которыми обогатилась к концу XIX в. библейская археология благодаря раскопкам района Храмовой горы.

Наиболее значительными как по объему работ, так и по их научной ценности, бесспорно, являлись раскопки, осуществленные английской экспедицией Ч.Уоррена в 1867–1869 гг. Не случайно именно на материалы этих исследований чаще всего ссылается Олесницкий.

В результате раскопок было обнаружено, что южная стена храмовой платформы опускается в западном углу на 50 м, а в восточном — еще на 4 м ниже. При этом нижним основанием южной стены служит непосредственный натуральный грунт г. Мориа. Уоррен также установил, что средняя высота камней подземной части южной стены колеблется от 1 до 1,2 м, а 28-й ряд вообще состоит из камней необычайно большого размера — до 1,8 м высоты. Наиболее крупный угловой камень основания имеет длину 7 м, так что его масса, по оценке Уоррена, превышает 80 т. Большинство камней имеет характерную «иродианскую» отделку²⁷³.

Наиболее хорошо сохранился юго-восточный угол — во многом благодаря огромным камням, его составляющим. При обследовании южной части восточ-

ной стены Уорреном на расстоянии около 30 м к северу от угла было обнаружено прямое соединение одной стены с другой, отличающейся более грубой отделкой камней²⁷⁴ (рис. IV.5.15). При этом на западной стене платформы подобное сочленение отсутствует. Здесь камни Ирода видны по всей длине Стены Плача.

Что касается восточной стены в целом, то Уорреном была подробно обследована преимущественно лишь северная ее часть. Было установлено, что основание стены уходит в этом месте вниз на 45 м под платформу храма²⁷⁵.

Вернемся теперь к поставленным выше вопросам относительно времени возникновения и границ отдельных частей храмовой платформы. Приводя различные, наиболее распространенные гипотезы, Олесницкий выделяет точку зрения Солси, Герена, де Вогюэ и др., согласно которой вся нынешняя площадь Харам-аш-Шариф принадлежала дворам ветхозаветного храма, Соломонова или Иродова, а следовательно, весь храмовый мол являлся внешней оградой храма. Далее Олесницкий предлагает свою реконструкцию, беря за основу своих рассуждений результаты раскопок Уоррена, а также модели Шика, как наиболее полно учитывающие новейшие археологические открытия на Храмовой горе. Однако ученый не соглашается с утверждением Уоррена о том, что юго-западный угол харама изначально не принадлежал первому храму, но был добавлен лишь при Ироде²⁷⁶. Олесницкий указывает на то обстоятельство, что стены под землей нигде не прерываются и не имеют ни одного шва²⁷⁷. Это, по мнению профессора, дает основание предположить, что вся нынешняя площадь Харам-аш-Шариф изначально входила в состав Соломонова храма. По этой причине, считает Олесницкий, следует признать ошибочной реставрацию Шика в тех пунктах, где тот следует указаниям Уоррена²⁷⁸. Таким образом, Олесницкий не только встает на сторону своих предшественников Солси, Герена и де Вогюэ, но идет даже несколько дальше их.

Ниже мы увидим, что заняв а priori данную позицию, ученый выстраивает свое дальнейшее исследование не на поиске верного решения проблемы, а на апологии своей точки зрения. По нашему предположению, выбор Олесницким такого методологического подхода в немалой степени был обусловлен нападками отрицательной библейской критики. Так, по мнению ряда западных исследователей, примыкавшая к гумну Орны южная часть площади харама являлась частью города Давида, а точнее, была занята дворцом Давида или Соломона. Такая идея непосредственного соседства храма и дворца породила крайнее мнение (например, Штаде, Перро, Ренана) о том, что не дворец Соломона был частью храма, а наоборот, храм, как царская молельня, представлял собой одну из построек царского двора. И якобы только позднейший редактор Книг Царств, как священник, в своем описании поставил храм выше дворца. Поэтому Олесницкий столь решительно отвергает саму мысль о заселенности Храмовой горы во времена Давида и настаивает на том, что вся она входила в состав уже первого храма²⁷⁹. Как бы то ни было, избранная ученым методика, к сожалению, привела его в результате к ряду ошибочных выводов.

Задавшись целью подтвердить правильность выдвинутой гипотезы о принадлежности всей площади Харам-аш-Шариф первому храму, Олесницкий рас-

сматривает последовательно все стены храмового мола, доказывая, что каждая из них изначально входила в состав Соломонова святилища. Для удобства изложения мы будем следовать той же схеме.

5.6.1. Южная сторона харама

Впервые попытку решить вопрос о времени возникновения южной оконечности Храмовой платформы Олесницкий предпринимает уже в своей первой работе «Святая земля», т. 1: «Иерусалим и его древние памятники». Основное внимание, по его мнению, заслуживают юго-восточное подземелье и подземелье аль-Аксы, поскольку они «представляют самые нижние и древние наслоения в сооружениях харама»²⁸⁰.

В описании Олесницкого сразу бросается в глаза то значение, которое он придавал различным преданиям. В частности, ученый ссылается на мусульманское легендарное сказание, согласно которому юго-восточное подземелье является жилищем духов, прислуживавших царю Соломону при сооружении храма (с. 93). Чуть ниже (с. 97) профессор цитирует мишнаитский трактат Рага, где говорится о некоем подземном гроте, бывшем под горой храма и дворами, служившем своего рода родильным домом при иерусалимском святилище. Здесь же Олесницкий упоминает и общеврейское предание о некогда существовавшем приюте для бедных, расположенном в юго-восточном подземелье. Однако, пишет Олесницкий, «трудно предположить, чтобы Ироду... мало занятому настоящими нуждами народа, могла первому придти человеколюбивая мысль устроить богоугодное заведение при святилище». Следовательно, скорее можно допустить «первоначальное сооружение катакомб Соломоном»²⁸¹.

Тем не менее на основании свойства и отделки камней подземелий Олесницкий справедливо относит подземелья в их нынешнем виде к последнему периоду еврейской архитектуры, т.е. считает их принадлежащими храму Ирода. При этом, впрочем, ученый делает оговорку, что архитектор при их сооружении мог иметь в виду образец Соломоновых катакомб, некогда бывших на этом месте¹⁸².

Что касается подземелья аль-Аксы, то еще при первом его осмотре²⁸³ Олесницкий обращает внимание на монолитную колонну вестибюля²⁸⁴ и некоторые камни, составляющие стены вестибюля, отличающиеся необыкновенной громадностью и имеющие отделку, характерную для первого еврейского периода. По мнению ученого, монолит и вышеуказанные стены проходов в их нижних рядах камней «представляют остаток сооружений на этом месте Соломона»²⁸⁵. Таким образом, считает профессор, двойной проход подземелья аль-Аксы, принадлежавший храму Соломона, доказывает, что южная часть территории первого храма достигала Двойных ворот, т.е. нынешней южной стены платформы Харам-аш-Шариф.

Другим доказательством ученый считает и тот факт, что наиболее древние цистерны расположены именно на южной стороне харама²⁸⁶.

Позже, в работе «Ветхозаветный храм в Иерусалиме», Олесницкий дополняет свою аргументацию, основываясь на результатах исследований Уоррена. Интересна в этом смысле разница в интерпретациях обоих ученых. Так, Уорре-

ном было обнаружено древнее русло водопровода, вырубленное в скале, которое, дойдя до нынешнего юго-западного угла, разветвляется. При этом главный рукав огибает угол и продолжается далее на юг, не касаясь стены, в то время как боковой рукав, отделяющийся на восток, предположительно прерывается стеной харама (рис. IV.5.14). По мнению Уоррена, здесь древний водопровод был перерезан при иродовой пристройке юго-западного угла. Олесницкий же, напротив, считает, что стена существовала до прорытия канала, который специально был подведен под угол, возможно, царем Езекией с целью снабжать водой угловую башню храма. Несмотря на всю убедительность данной аргументации, новейшие исследования канала подтвердили правильность предположения Уоррена²⁸⁷.

Другим, по мнению Олесницкого, доказательством принадлежности южной части платформы первому храму являются громадные камни, обнаруженные Уорреном в кладке юго-западного угла. Здесь ученый следует своему критерию датировки камней, выдвинутому им из предположения о прямой пропорциональности между размером строительных блоков и их древностью (см. раздел IV.1. диссертации). На основании сравнительного анализа размеров камней юго-западного угла и Стены Плача, несомненно принадлежащей эпохе Ирода, профессор датирует камни южной стены мола, равно как и всю южную часть нынешней платформы харама, временем первого храма.

В настоящее время можно с достаточной уверенностью сказать, что ученый был прав, приписывая наружную стену южной части мола ветхозаветному храму. Прав он был, утверждая, что каменные своды южных подземелий возводились одновременно со строительством южной стены мола с целью выравнивания площади харама. Прав он и в предположении о принадлежности нынешних подземелий Ироду (рис. IV.5.13).

Однако общее утверждение профессора об изначальном вхождении всей южной стороны нынешнего харама в состав храма Соломона следует признать ошибочным. Сегодня не вызывает сомнений, что шов, расположенный в каменной кладке в 32 м севернее юго-восточного угла, является следствием иродианского расширения платформы. Камни на северной стороне шва представляют часть угловой конструкции. Характер ее кладки типичен для хасмонейского периода иерусалимской архитектуры (рис. IV.5.15). Поэтому очевидно, что данный стык есть не что иное, как граница между храмовой платформой святилища Зоровавеля и иродианской пристройкой²⁸⁸ (рис. IV.5.17). Но во времена Олесницкого археологическая наука еще не располагала необходимыми для достоверной реконструкции знаниями.

5.6.2. Северная сторона харама

Относительно северной части Уоррен полагал, что при Ироде она расширена не была, так что засыпка оврага, находившегося к северу от верхней платформы, и выравнивание этой части Харам-аш-Шариф принадлежит постиродианскому времени²⁸⁹. Уоррен считал случайно открытый им овраг той самой глубокой долиной, которая защищала храм с севера. Поэтому он ограничивал ветхозаветный храм этим рвом.

По мнению Олесницкого, обнаруженное Уорреном подземелье являлось не крепостным рвом, а стенообразным уступом горы Мориа. Профессор утверждал, что никакого рва на северной стороне храма вообще не было, а вся северная часть нынешней платформы харама изначально принадлежала храму Соломона. Причем здесь должно было располагаться упоминаемое в видении храма прор. Иезекииелем «отделенное место» (Иез. 43:21 по LXX), или «отлученная часть храма» (в слав. переводе)²⁹⁰.

Мы считаем возможным опустить достаточно пространные аргументы ученого, основанные, за неимением твердого археологического материала, преимущественно на догадках. Вообще следует сказать, что северная часть храмовой платформы, по причине ее застройки, до сих пор изучена менее всего. В настоящее время установлено лишь, что северная оконечность Храмовой горы была включена в состав харама Иродом. При этом для выравнивания грунта часть долины св. Анны, расположенная южнее нынешней северной стены, вместе с долиной Везефой и Фосс, была засыпана наполнителем из камней и известки. С другой стороны, естественный холм, который позже занимала крепость Антония, частично срезали с целью сделать утес более отвесным (рис. IV.5.13, IV.5.17). Эта часть двора была замощена, и некоторые наиболее крупные камни брусчатки сохранились до сих пор.

5.6.3. Западная сторона харама

Западная и восточная стороны Харам-аш-Шариф вызывали меньше разногласий среди исследователей. Что касается западной стены, то здесь раскопки велись на участке длиной 75 м вдоль ее южной оконечности. Олесницкий в целом считал, что западная часть харама также принадлежала Соломонову храму. С одной стороны, ученый однозначно признает Стену Плача постройкой времени Ирода (о чем подробно говорилось в разделе, посвященном монументальным памятникам). Однако, с другой стороны, принадлежность западной стороны харама храму Соломона, по мнению Олесницкого, доказывается тем, что отдельные конструктивные элементы, входящие в состав западной стены, могут быть отнесены к эпохе первого храма. Так, профессор считает, что наружные стороны ворот Баркли с гигантской притолокой, а также плоская арка ворот принадлежат периоду первого храма либо пристройкам первого храма времен царей иудейских. К эпохе храма Соломона, по его мнению, может быть отнесен и мост Робинсона, поскольку его камни крупнее камней Стены Плача²⁹¹.

Сегодня мы с полной уверенностью можем сказать об ошибочности мнения Олесницкого. В настоящее время западная стена рассматривается как одна из подпорных стен, построенных Иродом при расширении платформы храма (рис. IV.5.17). Доказательством этого могут служить L-образные подземные проходы под воротами Уоррена и Баркли. Каждый из этих проходов представляет собой внутренний лестничный марш, выполненный в форме буквы L. Суммарная толщина архитрава и плоской арки совпадает с толщиной западной стены. На этом основании Ритмейер считает их подлинными иродианскими конструкциями, пристроенными к доиродианской западной стене²⁹² (рис. IV.5.16). Что же касает-

ся арки Робинсона, то, как отмечалось выше, она сегодня однозначно считается не элементом моста, а частью лестничного пролета южной галереи храма Ирода (рис. IV.3.3).

5.6.4. Восточная сторона харама

Восточная сторона — единственная часть платформы Харам-аш-Шариф, которая менее всего подверглась расширению в послесоломоновский период. Как отмечалось выше, восточная стена была удлинена Иродом на юг на 32 м. Наиболее древней кладкой в стене храмового мола считается центральная часть восточной стены. В свое время Уоррен весьма обстоятельно обследовал участок южной части древней восточной стены, прокапывая шахты, ведущие к горной породе. На некоторых квадратах стены у основания юго-восточного угла им были обнаружены буквы, выполненные красной краской, что побудило Уоррена предположить их финикийское происхождение, а сам угол отнести ко времени Соломона²⁹³. Аналогичные буквы были обнаружены Уорреном на камнях близ пруда Биркет-Израель у северо-восточного угла мола. Капли краски на них доказывают, что камни красили до их установки на место. Однако Ритмейер считает, что открытые Уорреном камни имеют не соломоново, а иродианское происхождение, поскольку совпадают с типичными квадратами кладки времени Ирода²⁹⁴.

Что касается Золотых ворот, то в настоящее время признается, что они были сооружены во времена Омейядов, но на фундаменте более ранних ворот²⁹⁵. Внутри ворот сохранились две большие монолитные стойки. Вершина южной находится на одном уровне с древним рядом кладки, все еще видимой в восточной стене чуть южнее Золотых ворот. Вторая стойка на один ряд выше. Поскольку монолиты расположены в одном ряду с прилегающей кладкой восточной стены, они, по предположению о. Димитрия Гольцева, могли быть построены одновременно с ней, т. е. в эпоху первого храма. Хотя, добавляет о. Димитрий, остается вероятность, что они были вставлены позже: в хасмонейский или иродианский период²⁹⁶. Во всяком случае, это согласуется с мнением проф. Олесницкого, однозначно относившего первоначальное устройство Золотых ворот к временам ветхозаветным²⁹⁷.

Расстояние между двумя уцелевшими стойками, равное 8,5 м, слишком велико для одиночного проема. Это дает основание предположить, что некогда между ними находилась еще одна стойка. Других же иродовых ворот в восточной стене обнаружено не было²⁹⁸, что также соответствует версии Олесницкого о наличии на восточной стороне храма лишь одних ворот²⁹⁹.

Подводя общий итог, можно сказать, что утверждение Олесницкого об отсутствии какого-либо «серьезного основания, которое могло бы заставить нас предполагать... что только Ирод расширил площадь храма до размеров нынешнего Харам-аш-Шариф»³⁰⁰, является ошибочным. В настоящее время не вызывает сомнений, что в I в. до Р.Х. Ирод Великий в два раза увеличил площадь Храмовой горы относительно ее первоначального размера путем добавления новых дворов на юге, севере и западе (рис. IV.5.17, IV.5.18). По словам прот. Димитрия Гольцева, подтверждение расположения квадратной платформы Храмовой горы

и хасмонейского расширения можно получить, изучив, в частности, необычное строение некоторых ворот Храмового мола³⁰¹.

5.7. Расположение ветхозаветного храма

Другой спорный вопрос, исследуемый проф. А.А.Олесницким, связан с определением точного места расположения здания иерусалимского храма на площади Харам-аш-Шариф. В качестве источников ученый использует талмудические свидетельства и археологические данные.

Попытка решения данного вопроса была впервые предпринята Олесницким еще во время его первой командировки в Палестину. Результаты этого исследования были подробно изложены ученым в его отчете «Святая Земля»³⁰². Здесь им были взяты за основу результаты исследований Уилсона и Пиеротти. В работе «Ветхозаветный храм в Иерусалиме» Олесницкий вновь возвращается к поднятой теме. При этом он оговаривает, что если в первом случае использовал для анализа лишь находящиеся на поверхности остатки стен харама, то во втором — данные раскопок. Поэтому сам профессор отмечает расхождения в ряде своих собственных выводов, считая, что они более точны в книге «Ветхозаветный храм».

Относительно места расположения здания храма существовали различные, зачастую самые неправдоподобные или прямо противоположные друг другу мнения (рис. IV.5.18). Соглашаясь с большинством исследователей, Олесницкий однозначно утверждает, что храм располагался на месте нынешней мечети Омара. Однако трудность представлял вопрос о том, какая именно часть храма соответствовала находящемуся внутри мечети Куполу Скалы.

Здесь мы рассмотрим последовательно оба сочинения Олесницкого с целью нагляднее проследить «эволюцию» его взглядов.

В первой из работ ученый пытается решить вопрос исходя из расположения сохранившихся цистерн и подземных каналов, которые должны были вести от жертвенника всесожжений. На основании предполагаемого направления стока ученый делает вывод, что фронт храма должен был находиться несколько северо-западнее Купола Скалы. Следовательно, последний должен был располагаться под одной из боковых комнат храма³⁰³.

В более поздней своей работе «Ветхозаветный храм», решая вопрос о взаимном расположении святого и Святого святых Соломонова храма, Олесницкий указывает на возвышение г. Мориа, служившее естественным основанием Святого святых, склоняясь тем самым к мнению о том, что местом последнего являлся Купол Скалы. Однако в заключительной части того же труда ученый опровергает свое же собственное утверждение, склоняясь к гипотезе, согласно которой Скала мечети есть место жертвенника всесожжений. Это мнение профессор обосновывает тем, что такое положение соответствует древнему мнению о принадлежности всей нынешней площади харама ветхозаветному святилищу во всю ее длину и ширину³⁰⁴.

Видимая противоречивость взглядов Олесницкого может быть объяснена сложностью решаемой проблемы. С другой стороны, не вполне понятно, что заставило ученого в конечном итоге принять вторую гипотезу. Несомненно,

Олесницкий посчитал аргументы в пользу нее имеющими больший вес, нежели в пользу первой. Впрочем, мы не исключаем и того, что здесь ученый просто решил «подогнать» свой вывод о местонахождении храма под а priori высказанное утверждение о принадлежности всей нынешней площади Харам-аш-Шариф первому храму.

Автор наиболее авторитетного на сегодняшний день исследования по ветхозаветному храму Л.Ритмейер однозначно считает, что Купол Скалы соответствовал месту расположения Святого святых. В результате тщательного изучения особенностей рельефа Купола он выявил отпечатки линий стен Святого святых и прямоугольное углубление в центре очерченного квадрата стен. Соотнеся размеры углубления с известными из Библии размерами ковчега Завета, Ритмейер отождествил данное углубление с местом расположения ковчега в Соломоновом храме³⁰⁵ (рис. IV.5.19).

6. Мегалитические памятники

Среди множества тем, разрабатывавшихся проф. А.А.Олесницким в области библейской археологии, особое место занимает изучение мегалитических памятников Святой Земли. Значение этих работ как для отечественной, так и для общемировой науки огромно. Олесницкий оказался первым и до сих пор остается единственным из русских исследователей, кто подробно описал все открытые к концу XIX в. мегалиты Палестины, систематизировал все накопившиеся к тому времени факты и гипотезы и дал им православную интерпретацию на основании Писания. Кроме того, ученым была проделана огромная теоретическая работа, связанная с решением многочисленных вопросов относительно происхождения и назначения этих древнейших сооружений. Конечно, за истекшие сто лет наукой было накоплено огромное количество новых сведений о мегалитах. Однако, несмотря на все достижения современной археологии, большинство вопросов, связанных с пониманием мегалитов, до сих пор остаются открытыми. Поэтому вполне справедливо будет сказать, что проделанный ученым огромный труд не только не потерял своей актуальности сегодня, но может оказаться весьма востребованным и в дальнейшем.

6.1. Мегалитические памятники Святой Земли.

Предмет и история исследований

Мегалитическими памятниками, или мегалитами (от греч. μέγας — большой, λίθος — камень), принято называть доисторические сооружения из огромных необработанных или полуобработанных каменных глыб. Эти первобытные строения, весьма разнообразные по устройству и форме, имеют распространение во всем мире: от Северной и Западной Европы до Индии, Кореи и Японии. Особенно многочисленны они в Бретани, однако встречаются в большом количестве также на средиземноморском побережье Испании, в Португалии, части Франции, на западном побережье Англии, в Ирландии, Дании, на южном побережье Швеции, в Причерноморье и в Заиорданье.

История систематического изучения мегалитических памятников берет свое начало с 60-х гг. XVII столетия, когда английским археологом Джоном Обри (John Aubrey) было проведено первое научное исследование знаменитого Стоунхенджа (Stonehenge)³⁰⁶. Что касается мегалитов Палестины, то первое упоминание о них встречается лишь в опубликованном в 1823 г. отчете о путешествии по Святой Земле Чарльза Ирби (Charles Irby) и Джеймса Мэнглеса (James Mangles) — офицеров Британского военно-морского флота³⁰⁷. Однако целенаправленное изучение палестинских мегалитов было начато лишь 60 лет спустя. Так, в 1881–1882 гг. в Южном Заиорданье работала археологическая экспедиция Британского фонда исследования Палестины, возглавляемая майором К.Кондером. Практически одновременно в Северной Иордании трудился немецкий инженер-топограф Г.Шумахер³⁰⁸. Результаты этих исследований были подробно изложены в серии монографий обоих ученых³⁰⁹.

Среди русских ученых, как уже отмечалось несколько выше, первым исследователем мегалитов явился Олесницкий. Этому способствовало его участие в археологической экспедиции Н.П.Кондакова в 1891–1892 гг. по Сирии и Палестине. В ходе путешествия, маршрут которого пролегал от Бейрута по Хаурану и Трансиордании до Иерихона, Олесницкий имел возможность собственноручно осмотреть большинство мегалитов, описанных ранее своими предшественниками, и обобщить изложенные ими сведения.

6.2. Взгляд А.А.Олесницкого на проблему изучения мегалитических памятников

Интерес к данному предмету впервые обнаруживается уже в одной из ранних монографий ученого по библейской археологии «Святая Земля», т. 2: «Замечательнейшие по древним памятникам места Иудеи, Самарии, Галилеи верхней и нижней, Финикии и Ливанской области» (1878). В этом труде Олесницкий описывает общее, наиболее распространенное устройство мегалитических памятников. Кроме того, на основании указаний Священного Писания он излагает свою трактовку библейских терминов «галгала» и «вефиль», а также приводит описание и собственную интерпретацию трех наиболее известных галгал Палестины³¹⁰. Однако собственно исследованию мегалитов посвящена обширная монография ученого «Мегалитические памятники Святой Земли» (1895), представляющая собой своего рода компендиум всех сведений о мегалитах, известных к концу XIX в.

Внимание Олесницкого к проблеме изучения мегалитических памятников было вызвано, несомненно, прежде всего интересом чисто научным. Сам ученый, отмечая важность изучения мегалитов, и в частности мегалитов палестинских, писал, что эти древнейшие памятники человечества представляют собой первые ступени монументальной истории Земли. При этом, по мнению ученого, палестинские мегалиты имеют особое значение, поскольку располагаются в географическом центре планеты и, следовательно, могут оказаться первыми памятниками подобного рода в мире. Поэтому ученый считал новейшие открытия заиорданских мегалитов важнейшим научным достижением, способным дать

ключ к пониманию не только происхождения и назначения самих мегалитов, но и к первобытной истории человечества в целом³¹¹.

Однако, с другой стороны, как нам представляется, немаловажным фактором, повлиявшим на обращение Олесницкого к изучению мегалитических памятников, явился вызов отрицательной библейской критики. Так, например, один из ее крайних представителей, Фергюссон, утверждал, в частности, что сирийские дольмены представляют собой не что иное, как подражание римским аркам. Поэтому сама грубость этих мегалитов якобы является не показателем древности памятников, а наглядным свидетельством малокультурности создававшего их народа³¹². В сочинении Олесницкого можно видеть неоднократные попытки доказать несостоятельность подобных гипотез³¹³.

6.3. Методология А.А.Олесницкого в области изучения мегалитов

Мегалитические памятники являются одним из наиболее трудных объектов изучения. Это обусловлено, с одной стороны, тем, что они принадлежат первобытному времени в истории человечества и относительно их происхождения отсутствуют не только письменные свидетельства, но даже сколь-нибудь надежные устные предания. С другой стороны, сама специфика этих памятников такова, что традиционные методы археологического изучения, достаточно эффективные при раскопках, в данном случае оказываются малорезультативными³¹⁴.

Методологическую сложность изучения мегалитов, по словам Олесницкого, представляет то, что многие вопросы относительно их происхождения и назначения не могут быть разрешены лишь путем раскопок и сравнительного сопоставления внешнего вида таких памятников в разных странах света, т. к. речь идет «о целом и весьма широко распространенном культе мегалитов, вызвавшем такие, а не иные виды и формы памятников»³¹⁵.

Осознавая эти проблемы, профессор предлагает свой подход, в основе которого лежит Предание Церкви. Так, согласно свидетельству Библии, колыбелью человечества является Междуречье. Поэтому, считает ученый, Палестина, как часть этой обширной области, расположенной в географическом центре Земли, вполне может являться «таким же центром в мире грубых каменных памятников»³¹⁶. Анализируя работу Олесницкого, можно убедиться, что данное априорное предположение является для ученого настолько важным, что в ходе своего исследования он неоднократно возвращается к нему, приводя многочисленные аргументы в подтверждение его обоснованности³¹⁷.

Как и в случае исследования других памятников Святой Земли, основным инструментом при изучении мегалитов для Олесницкого служит Священное Писание. Основываясь преимущественно на библейских свидетельствах, ученый строит свою классификацию мегалитов и их интерпретацию.

Кроме того, в зависимости от характера исследуемого вопроса проф. А.Олесницким применялись и другие методы, в частности:

- использование этимологий;
- использование всевозможных аналогий, например, сопоставление с памятниками, расположенными в других частях света;

- использование устных и письменных преданий;
- использование созвучия слов, имен, названий;
- использование названий местностей.

В отдельных случаях ученый прибегал к помощи различных археологических находок, изображений и надписей, например надписи стелы Мешы.

В процессе сравнительного сопоставления различных групп заиорданских мегалитов профессором был предложен критерий их относительной датировки. Так, предполагая, что развитие мегалитов должно было сопровождаться их усложнением, ученый выдвинул гипотезу о двух периодах в истории формирования мегалитического культа в Палестине.

В дальнейшем нами предполагается рассмотреть практическое использование Олесницким вышеуказанных методов на конкретных примерах.

6.4. Общий обзор результатов исследований А.А.Олесницким мегалитов и значение этих исследований

Как отмечалось выше, огромная научная ценность исследований Олесницким мегалитических памятников заключается в том, что ученым были:

- 1) выполнена четкая классификация мегалитических памятников;
- 2) проведены собственноручный осмотр, описание и интерпретация большинства известных к концу XIX в. мегалитов Заиордания и части Западной Палестины;
- 3) предложены научно аргументированные гипотезы по ряду теоретических вопросов, связанных с проблемой назначения, происхождения и взаимной связи мегалитических памятников разных областей земного шара;
- 4) дано толкование многочисленных неясных мест Библии.

6.4.1. Классификация мегалитических памятников

Исторически сложилось так, что мегалитические памятники Европы, будучи расположенными в густонаселенных районах, привлекли к себе внимание местного населения и исследователей значительно раньше, нежели разбросанные в пустынных областях мегалиты палестинские. Не случайно поэтому в европейской науке для обозначения разных видов первобытных каменных сооружений выработалась определенная терминология, которая традиционно закрепилась и используется в зарубежной литературе до сих пор³¹⁸. В частности:

- *cairn* — каменный курган (иногда с одним или несколькими помещениями);
- *dolmen* — сооружение из огромного камня, поставленного на несколько других камней;
- *menhir* — одиночный вертикально стоящий камень;
- *cromlech* — группа менгиров, образующая круг или полукруг;
- *trilithon* — сооружение из каменной глыбы, установленной на два вертикально стоящих камня;
- *allee couverte* — мегалитическая конструкция в виде крытой аллеи;
- *tumulus* — мегалитический могильный холм или курган.

Аналогичные мегалитические конструкции распространены и в Палестине, однако терминология для их обозначения в ориенталистике долгое время отсутствовала. Первые исследователи палестинских мегалитов выходили из положения отчасти путем заимствования европейских терминов, отчасти пытаясь найти аналогии в Библии (например, Кондер и Шик). Однако нередко данный подход порождал путаницу, т. к. библейская терминология оказывалась слишком расплывчатой. Кроме того, неясность библейских понятий дала некоторым представителям западной критики основание утверждать об отсутствии таких терминов в Писании вообще. Подобной крайней позиции придерживался, в частности, Фергюссон, относивший распространение мегалитов в Палестине и вообще в мире к временам новозаветным³¹⁹.

Указанные обстоятельства существенно затрудняли для изучения мегалитических памятников использование Библии, которая традиционно воспринималась палестиноведением как основной источник сведений по Священной истории и главный инструмент в изучении Святой Земли. Труд по прояснению библейской терминологии взял на себя Олесницкий. Обладая прекрасным знанием древнееврейского, древнегреческого и новых европейских языков, широкой эрудицией в области литературы и этнографии, он не только убедительно доказал наличие в Священном Писании весьма определенных указаний на мегалиты, как ранее существовавшие, так и вновь создаваемые на глазах ветхозаветных авторов, но и показал, что местный, библейско-еврейский язык выработал конкретные названия для каждого отдельного вида этих памятников. Сопоставив далее библейские и европейские научные термины, обозначающие различные виды мегалитов, Олесницкий выработал четкую классификацию мегалитических памятников. Таким образом, огромная заслуга профессора заключается в том, что именно он впервые ввел в научный оборот Священное Писание в качестве механизма для исследования мегалитических памятников.

Рассмотрим подробнее классификацию, предложенную Олесницким.

Первым, наиболее простым видом каменных памятников должен, по его мнению, считаться *кэ́рн* (англ. — *cairn*), представляющий собой простую кучу, холм или курган, хаотически сложенный из необработанных мелких камней. В Книге Притч (26:8) подобное сооружение упоминается под наименованием «маргема» (מַרְגֵּמָה). Однако в общем в Писании отсутствуют какие-либо особые термины для обозначения кэрнов. Вместо этого, считает Олесницкий, библейские писатели используют косвенные указания. Например, свидетельство о насыпании кучи камней Иаковом и Лаваном в качестве закрепления заключенного между собой договора (Быт. 31:44–51).

Одним из наиболее часто встречающихся в Ветхом Завете понятий, относящихся к мегалитическим памятникам, является «маццеба» (מַצְבָּה). По предположению Олесницкого, тождественным ему является библейское מַצְבָּה — столб (например, 1 Цар. 13:3). В Быт. 19:26 этим словом именуется соляной столб жены Лотовой. На основании сходства обозначаемых понятий профессор отождествляет библейский термин «маццеба» с европейским «менгир».

Другими фигуральными терминами, обозначающими в Библии данный тип памятников, по мнению Олесницкого, являются также «памятник-рука» (רֶמֶס) (на-

пример, Ис. 56:5 — «Я дам им руку и имя») и «камень пальца» (אבן אצבע) (Нав. 15:6 и 18:17) — «камень большого пальца сынов Рувима»).

Особой разновидностью памятников маццеба ученый считал ханаанские культовые столбы солнца, обозначаемые в Библии термином «хамман». Это понятие вызывало серьезные разногласия. Так, по мнению Кондера, хамманами священные авторы именуют каменные диски. Поэтому именно хамманами он называл дискообразные камни, открытые им в Заиорданье. Однако, предполагает Олесницкий, такая трактовка Кондера являлась следствием того, что он ошибочно связывал слово «хамман» с именем солнца «хамма», тогда как выражение «хамма» обозначает в действительности не диск солнца, а его луч.

Кроме того, замечает Олесницкий, при перечислении ханаанских мегалитических памятников маццебы и хамманы никогда не стоят вместе. Следовательно, хамманы являются лишь разновидностью маццеб, или менгиров.

Отстаивая свою гипотезу о первоначальном происхождении мегалитических памятников из Палестины, Олесницкий считает неверным мнение тех исследователей, которые производят слово «менгир» от кельтского *maen* — камень и *hir* — длинный. По мнению ученого, данное слово имеет семитическое происхождение, перешедшее в Европу вместе с этим видом восточных памятников. Так, семитический корень слова «менгир» означает «сиять» и «помнить», откуда в еврейском языке «менхир» («менхар», «менхара») обозначает утреннюю зарю, а также памятник-истукан, предназначавшийся для напоминания о небесном светиле, что позже в арабском языке нашло выражение в понятиях «менар» — маяк, призывной столб, а затем «минарет».

Еще одним широкоупотребительным в Библии понятием является «бама». Олесницкий отмечает, что переводчики Септуагинты нередко оставляют выражение «бама» в его еврейском произношении, как собственное имя памятника (1 Цар. 9 и 10; 1 Пар. 16:39). В некоторых греческих списках Иез. 20:29 слово «бама» читается как «аввана», т. е. камень. Следовательно, считает Олесницкий, бама являлась некой каменной конструкцией. С другой стороны, в ряде мест Библии словом «бама» обозначается приподнятый жертвенник³²⁰ (4 Цар. 23:15). Последнее обстоятельство дает Олесницкому основание отождествить термин «бама» с понятием «вефиль» (Быт. 28:18–22), т. к. оно в своем первоначальном значении есть не что иное, как одинокий жертвенник, а точнее — четырехугольный, иссеченный в скале, стол или очаг жертвенника³²¹.

К этому типу памятников могут быть, по мнению Олесницкого, также отнесены: некая дверь в вертоград (Ис. 66:17), ханаанские жертвенники в виде черепаш (Ос. 12:11), страшилищ (Иер. 50:38) и др.

Таким образом, на основании этих и многих подобных свидетельств ученый отождествляет библейское понятие «бама» с европейским «дольмен».

Олесницкий выражает несогласие с мнением Кондера о том, что у библейских авторов дольменная конструкция называется מצבה — жертвенник, поскольку тем же термином обозначаются и другие виды жертвенников немегалитического характера. Олесницкий же указывает, что в Книге Бытия מצבה является мегалитическим жертвенником, т. к. термин «бама» еще не встречается. Однако

в последующих книгах для обозначения мегалитических жертвенников используется исключительно «бама»³²².

К дольменному типу памятников проф. Олесницкий относит и распространенные в Заиорданье так называемые «трясущиеся камни». По его мнению, они соответствуют европейским билифонам, с той лишь разницей, что способны раскачиваться или колебаться. В современной терминологии конструкциями этого рода являются таулы.

К частному типу дольменных сооружений Олесницкий относит и упоминаемые в Библии так называемые הכשל — камеры в виде галереи (1 Цар. 9:13). По предположению Олесницкого, такая галерея есть не что иное, как сложная дольменная конструкция, известная в европейской науке под термином «аллея дольменов».

Другим видом палестинских мегалитических памятников являются «камни маскит» (תיכשם נבא) — некие камни поклонения, запрещенные моисеевым законодательством (Лев. 26:1). В Септуагинте и славянском переводе выражение стиха Лев. 26:1 читается как «камень во знамение», т. е., по мнению Олесницкого, камень с известным, вырезанным на нем знаком. В Притч. 25:11 термин «маскит» имеет значение чашечки (תיכשם). На этом основании профессор утверждает что под «камнем маскит», упоминаемым в Лев. 26:1, следует понимать камень с чашеподобными выточками или яминами. Следовательно, заключает Олесницкий, такого рода палестинские мегалиты есть то же, что известные в Европе памятники, обозначаемые термином «чашечные камни»³²³.

По утверждению проф. Олесницкого, к типу чашечных камней относятся также упоминаемые в Библии «камеры маскит» (Иез. 8:12) и некая высокая стена с чашеподобными значками (תיכשם) (Притч. 18:11).

Еще одним видом мегалитических памятников Палестины являются «галгалы» (לגלג). Олесницкий соглашается с мнением Кондера и Шика, что этим термином обозначаются в Библии группы мегалитов, поставленных в виде круга, например, 12 камней, вынутых из Иордана и сложенных на берегу по приказу Иисуса Навина (Нав. 4:20). На такое понимание термина указывает само еврейское название этих сооружений — לגלג — круг, колесо. Поэтому Олесницкий разделяет мнение Кондера о том, что библейскому понятию «галгала» соответствует общепринятый европейский термин «кромлех».

К мегалитическим кругам Олесницкий относит также упоминаемый в Библии «камень змеящийся» (4 Цар. 18:4) и некий камень «Зохелет» близ источника Рогель (3 Цар. 1:9). Основанием для такого понимания может, по мнению Олесницкого, служить то, что последний изображается как место народных собраний и жертв, тогда как в Европе местами подобных собраний нередко являлись именно мегалитические круги.

Интересно, что в своей ранней работе «Святая Земля» Олесницкий понимает под термином «галгала» не только группу камней, поставленных в виде круга, но и отдельный круглый камень, противопоставляя галгалу вефилю — четырехугольному каменному столу³²⁴.

Особым типом мегалитических памятников являются *камни дискообразной формы*. Как отмечалось выше, Кондер отождествлял их с хамманами. Однако,

считает Олесницкий, наиболее адекватными терминами для их обозначения являются библейские выражения «дибла» (Иез. 6:14) и «диблатаим» — два диска (Чис. 33:46).

Все вышеуказанные каменные памятники, сочетаясь в определенном порядке или хаотично, могут образовывать разнообразные мегалитические группы. Однако, делает вывод Олесницкий, все донныне известные мегалитические памятники могут быть сведены к двум основным типам: менгирам и дольменам — первоначально более простым, а затем более сложным.

Предложенная Олесницким классификация была впоследствии принята отечественной библеистикой. Ее придерживались, в частности, проф. А.П.Лопухин и проф. И.Г.Троицкий³²⁵. В настоящее время строгая классификация палестинских мегалитических сооружений отсутствует. В целом все они подразделяются на три большие группы: дольмены, менгиры и каменные круги. В свою очередь дольмены делятся на шесть типов, которые в специальной литературе обозначаются латинскими заглавными буквами: А, В, С, D, E, F³²⁶.

6.4.2. Осмотр, описание и интерпретация Олесницким мегалитических памятников Палестины

Первое наиболее полное описание мегалитических памятников Палестины было изложено Кондером и Шумахером в своих отчетах, опубликованных в 1889–1890 гг. Однако многие районы Заиорданья, в особенности его срединная часть, остались вне поля зрения исследователей (рис. IV.6.1).

На необходимости скорейшего поиска и описания мегалитов на территории Святой Земли настаивал Олесницкий. Актуальность такой работы была вызвана, с одной стороны, естественным разрушением памятников, а с другой — порчей их искателями кладов, пастухами и крестьянами, вследствие распашки земель. По этому поводу ученый с горечью писал, что с раскопками в Палестине, и особенно в Северном Заиорданье, следует спешить, потому что здесь «не видно того уважительного отношения к местным мегалитическим памятникам... и памятники постепенно разрушаются»³²⁷. Поэтому спустя всего год после издания отчетов Кондера и Шумахера Олесницкий предпринял попытку вторичной «инвентаризации» заиорданских мегалитов.

Ниже нами представлен краткий обзор проведенной ученым работы, в частности, некоторые его наблюдения и наиболее интересные гипотезы относительно интерпретации различных мегалитических групп и памятников Палестины, сделанной на основе описаний Кондера и Шумахера, а также личного осмотра памятников профессором в ходе экспедиции по Заиорданью. Однако мы сознательно отступаем от той последовательности, в какой памятники представлены у Олесницкого, поскольку ставим перед собой задачу не пройти вновь «по стопам» ученого, а наиболее систематично раскрыть его богословские взгляды относительно различных, связанных с мегалитами, загадок. Поэтому будем вести описание мегалитических групп «следуя» не с севера Заиорданья на юг, а наоборот, — с юга на север (см. рис. IV.6.1).

Ел-Марегат. Самая южная группа мегалитических памятников Заиорданья, систематически обследованная к концу XIX в. Расположена на восточном берегу

Мертвого моря, близ другой группы, составленной из 7 мегалитических кругов. Последние Кондер идентифицировал как жертвенники и отождествил занимаемую ими возвышенность с библейской горой Пеор, на которой было совершено третье жертвоприношение Валаама (Чис. 22–24), а мегалиты ел-Марегат — с упоминаемым в Нав. 13:20 Бет-Пеором.

Однако Олесницкий, ссылаясь на Втор. 3:29 и 4:46, считает, что Бет-Пеор должен лежать гораздо севернее. Поэтому ученый отождествляет Бет-Пеор с расположенным несколько севернее мегалитическим центром между Телл-Мутаба и Телл-Хаммам. Один из этих холмов, по Олесницкому, и был той возвышенностью Пеора, на которую в третий раз возвел Валаама Валак для проклятия Израиля. Из текста следует, что каждое новое место находилось все ближе к еврейскому стану. Таким образом, считает Олесницкий, конечную точку их пути следует искать среди мегалитов при Телл-Мутаба. По мнению профессора, Кондер «заставляет» Валака и Валаама делать лишний путь сначала с юга на север, а затем обратно на юг, в результате чего третье место оказывается в два раза дальше от еврейского стана³²⁸.

Кроме того, на основании Нав. 13:19 Олесницкий считает, что вышеуказанную мегалитическую группу ел-Марегат моавитяне называли не Бет-Пеор (как утверждает Кондер), а Цереф га-Шахар — свет Венеры. Поэтому, предполагает ученый, данный мегалитический центр был посвящен Венере, а возможно, указывал и время совершения культовых операций — с появления Венеры до восхода солнца.

Заслуживает внимания и гипотеза Олесницкого об особенностях происхождения мегалитов ел-Марегат. Так, профессор отмечает, что, в отличие от традиционного устройства мегалитических групп, когда центром является кэрн, обведенный кругом простых камней, данная группа включает три менгира, обведенных менгирами. По мнению Олесницкого, эта менгирная группа, посвященная Венере, имеет связь с Меккой, где при черном камне Венеры находился некий красный камень, посвященный богу судьбы Гобалу, перенесенный, согласно преданию, из Вавилона или Моава. В таком случае мегалитическая группа ел-Марегат могла некогда быть метрополией первобытного святилища Мекки³²⁹.

Гора Нево. Интересным памятником данной группы является мегалитический круг и рядом стоящий кэрн. Особенностью, замеченной еще Кондером, является их ориентация относительно сторон горизонта строго по линии восток — запад. Олесницкий соглашается с Кондером в том, что кэрн, расположенный восточнее круга, здесь некогда служил указателем направления для молящихся.

Вокруг круга английской экспедицией было обнаружено множество дольменов. Проф. Олесницкий считает, что круг был насыпан еще в библейские времена и служил символическим памятником погребения Моисея. Дольмены же являлись либо жертвенниками, либо гробницами почитателей Моисея. Профессор замечает, что круг по своему виду напоминает религиозно-астрологический памятник. Поэтому, скорее всего, получил свое нынешнее значение погребального круга в позднейшее время.

Хесбан (библ. Есевон). Существенной особенностью дольменов данной группы, по замечанию Олесницкого, является полное отсутствие при них террас. Все дольмены стоят непосредственно на земле.

Телл-ел-Мутаба и Телл-ел-Хаммам. Особенностью последнего является преобладание кругов и платформ, а также наличие множества менгиров, расположенных в центре кругов, что, по мнению А.Олесницкого, указывает на культ лингама — родопроизводительного органа. На основании названия окружающей местности Сесабан — «цветущие кустарники» профессор отождествляет данный мегалитический центр с библейским Ситтимом, где моавитяне приносили жертвы Ваал-Пеору (Чис. 25:1–3).

Амман. Мегалитические памятники данной группы, по замечанию проф. Олесницкого, немногочисленны, но весьма ценны в силу значительности своих размеров и исторической важности местности. Их особенностью является внешняя грубость и примитивизм, так что нередко невозможно разграничить дольмены и менгиры. При этом столовые камни дольменов часто находятся в полустоячем положении и могут рассматриваться как менгиры.

Среди дольменов амманской группы Олесницкий выделяет один, который ранее был отождествлен Кондером с одром Ога, царя васанского (Втор. 3:11). Однако, считает профессор, такая интерпретация расходится с общепринятым святоотеческим толкованием. Согласно последнему, под одром Ога следует понимать его саркофаг или гробницу, тогда как дольмен Кондера не только не напоминает саркофаг или трон, но является полудольменом.

Ирбид. Самая северная мегалитическая группа Галаада. Представлена главным образом дольменами. Их отличительной особенностью, в сравнении с дольменами Южного Заиорданья, является то, что они часто стоят не на грунте, а на искусственном основании в виде одного или нескольких пластов камней. Кроме того, дольмены располагаются не в центре мегалитических кругов, а несколько северо-восточнее, хотя сами дольмены строгой ориентации не имеют.

Самое западное из мегалитических полей ирбидской группы Олесницкий отождествляет с известным культовым центром, сформировавшимся на месте Мицпы, где некогда Иаковом и Лаваном были поставлены камни свидетельства в знак заключенного союза (Быт. 31:45–49). По мнению ученого, из библейского текста следует, что камни патриархов были менгирами. Поэтому преобладание в настоящее время в ирбидской области дольменов он объясняет позднейшими влияниями ханаанских и заиорданских верований, нуждавшихся в таких мегалитах, которые выражали бы идею жертвенника или ковчега³³⁰.

Джолан (Голан). Обширная мегалитическая область, расположенная к северу от реки Ярмук. Основным типом местных мегалитов являются дольмены, причем высокие, на каменных террасах. Такое устройство проф. Олесницкий объясняет формой окрестных вулканов, урезанный вид которых внушал мысль о дольменном столе более, нежели о менгире. Многие из дольменов характерны тем, что имеют сверху пространство, частично покрытое камнем-плитой, частично открытое. По мнению Шумахера, эти дольмены служили гробницами, однако Олесницкий считал такую интерпретацию неверной.

Западная Палестина. Помимо описания мегалитических памятников Заиорданья, Олесницкий в своей монографии дает обзор всех известных на тот момент мегалитов, расположенных западнее Иордана, подавляющее большинство которых составляли каменные сооружения Сирии и Галилеи. По мнению профессора, в Сирии и окрестностях Баальбека, несомненно, должны были существовать большие мегалитические центры, на что указывает само название ряда местных селений: Джел-баба и Шех-Рих. «Едва ли мы ошибемся, — писал ученый, — ... что Сирия вся полна остатками мегалитизма... не менее, чем Заиорданье»³³¹. Следует отметить, что данное предположение исследователя полностью подтвердилось благодаря археологическим раскопкам середины прошлого столетия, когда были открыты многочисленные дольменные поля, расположенные вдоль восточного берега реки Эль-Аси в Сирии, а также в районе Бейрута и Баальбека в Ливане (рис. IV.6.3).

Полемизируя с Фергюссоном, настаивавшим на происхождении сирийских мегалитов в послеримское время, Олесницкий считал, что римское искусство Сирии, в частности П-образные арки, есть не что иное, как наследие господствовавшего там мегалитического стиля памятников, а именно трилифонов. Наличие же в одной и той же конструкции элементов грубых одновременно с изящными римскими профессор справедливо считал свидетельством не малокультурности создателей мегалитов, а того, что древние памятники входят в позднейшую историю вследствие почитания их более молодыми цивилизациями³³².

Исходя из общего характера и расположения различных мегалитических памятников Палестины, проф. Олесницкий заключает, что мегалиты Южного Заиорданья представляют собой жертвенники, тогда как Северного Заиорданья — преимущественно гробницы. При этом южные каменные сооружения следует считать более древними по происхождению, нежели северные. Так, в отличие, например, от простых дольменов хесбанской группы, дольмены ирбидские имеют уже вид закрытых камер, воздвигаются на искусственных террасах и соединяются каменными аллеями. Т. е., несомненно, представляют следующий шаг в развитии дольменостроения. Эти выводы в дальнейшем послужили основой ряда важных гипотез Олесницкого относительно происхождения и назначения мегалитов, о чем будет подробно сказано ниже.

К сожалению, нами не было обнаружено никаких современных свидетельств о тех или иных конкретных мегалитических памятниках, упоминаемых Олесницким. Поэтому мы не можем сделать никакого вывода о достоверности предложенных ученым оценок и выдвинутых гипотез относительно их интерпретации. Те немногочисленные сведения о палестинских мегалитах, которые нам удалось найти в западных источниках, касаются лишь самой общей характеристики отдельных наиболее крупных дольменных областей региона.

6.4.3. Решение отдельных теоретических вопросов

Глубокие познания проф. Олесницкого в области мегалитических памятников, полученные им в процессе изучения Священного Писания и материалов новейших западных исследований, а также непосредственного знакомства

с многочисленными памятниками Заиорданья, позволили ученому выдвинуть ряд серьезных гипотез по ряду спорных вопросов, поднятых археологической наукой относительно мегалитов: их природы, назначения и взаимной связи.

А) Смысл и назначение мегалитических памятников

Первым по времени происхождения и основным типом каменных памятников, с точки зрения Олесницкого, являются кэрны, как самые простые из всех видов мегалитов³³³. В своем изначальном предназначении они, по мысли ученого, выполняли функцию свидетелей определенных событий либо выразителей тех или иных мыслей и чувств первобытного человека, на что указывают как библейские тексты (например, Быт. 31:46, 48, 52), так и обычаи, сохранившиеся у различных народов мира³³⁴.

На этой почве всеобщего использования кэрнов впоследствии формируется идея крупнокаменных свидетельств — монолитов: менгиров, а позже и дольменов³³⁵. По мнению Олесницкого, менгиры представляли собой живые камни свидетельства, т. е. памятники, связанные с жизнью, живым лицом, например менгир Иакова и Лавана, Саула, Авессалома. В этом смысле они имели соответственно значение свидетеля договора, военной победы или вечного поминовения имени человека. В других случаях у различных народов менгиры могли служить эмблемой плодородия (например, ханаанский культ Ваал-Пеора или индийский культ лингама), выполнять функции пограничных, а также надгробных памятников. Иногда менгиры, и особенно хамманы, являлись обетными приношениями божеству.

Дольмены же, по мнению Олесницкого, будучи инертными камнями свидетельства, служили для устоявшихся культовых отношений. Поэтому они первоначально, как правило, выполняли функции жертвенников, священных дверей, ковчегов для хранения идолов или культовых принадлежностей и др.

Ту же роль каменных свидетельств, считает ученый, исполняли чашечные камни. Первоначально такие свидетельства или памятные знаки выражались простыми метками в виде крошечных чаш или ямочек. Лишь позже эти чаши стали заполняться жертвенной кровью или елеем, а сами чашечные камни превратились в жертвенники.

С течением времени происходило усложнение мегалитических конструкций, например, переход от открытых дольменов к закрытым и возникновение мегалитических групп, составленных из каменных памятников различных видов³³⁶. При этом назначение мегалитов продолжало сохраняться: менгиры как живые воспоминания окружались дольменами — местами культовых операций³³⁷. Обычно наиболее почитаемые камни свидетельств со временем становились центрами мегалитических групп, а иногда и целых областей. Именно так, по мнению Олесницкого, на месте каменных свидетельств патриарха Иакова в Вефиле (Быт. 28 и 35) постепенно образовался мегалитический центр священных воспоминаний, служивший местом религиозных собраний 10 колен израильских³³⁸.

С развитием религиозного культа разные виды мегалитов, находясь в составе мегалитической группы или центра, должны были подчиняться общему культовому значению.

Вопрос о значении тех или иных видов мегалитических памятников во времена Олесницкого вызывал острые разногласия. Особенно это касалось интерпретации дольменов. Множеством авторитетных исследователей поддерживалась выдвинутая в 1860-х гг. Э.Тейлором (Tylor) т. н. «гробничная теория», согласно которой дольмены по первоначальному своему предназначению являлись гробницами. Этого воззрения придерживались, в частности, Фергюссон и Шумахер. Другие исследователи склонны были видеть в дольменах исключительно жертвенники.

Что касается Олесницкого, то он не отвергал использование дольменных конструкций в качестве мест погребения умерших. Однако, по его мнению, подобное употребление дольменов появляется в позднейший период, т. е. в эпоху, непосредственно примыкающую ко времени Вавилонского плена³³⁹. Первоначально же дольмены представляли собой не что иное, как жертвенники. Если многие дольмены при раскопках оказываются гробницами, пишет ученый, то уже во второй период своего развития.

Несостоятельность «гробничной теории» подтверждается, по мнению Олесницкого, ясными свидетельствами Библии (например, Иер. 7:32; Иез. 43:7 и др.). Так, в Иез. 43:7 пророк говорит, что практика погребения в бамах началась. Из этого указания ученый делает вывод, что первоначально бамы были обращены в места погребения только царей и лишь затем — людей простого звания. Кроме того, об ошибочности «гробничной теории» свидетельствуют предания многих народов, признающие в мегалитах древние культовые памятники. Однако в еще большей степени эту теорию опровергают раскопки, показывающие отсутствие при многих дольменах каких-либо следов погребений.

Дольмены-гробницы характерны для Северного Заиорданья. Это, считает Олесницкий, объясняется тем, что каменные памятники данной области принадлежат второму периоду в развитии мегалитизма, когда строительство мегалитов перешло в руки новых народов, у которых был широко распространен культ предков и для которых трупы умерших не имели оскверняющей силы³⁴⁰. Этим обстоятельством объясняется тот факт, что вблизи древнейших мегалитических центров Заиорданья кладбища не встречаются. Более того, отмечает проф. Олесницкий, сам примитивный характер памятников таких центров, например, Амманского, прямо отвергает «всякую мысль о гробнице»³⁴¹, тогда как позднейшие дольменные сооружения Джолана действительно представляют собой гробницы по преимуществу. В любом случае, заключает ученый, дольмены, даже будучи гробницами, не теряли значения жертвенников, что наглядно доказывается обнаружением при раскопках дольменов-могильников остатков больших жертвоприношений³⁴².

В настоящее время вопрос о предназначении тех или иных видов мегалитических памятников остается открытым. При этом даже те скудные представления о первобытных сооружениях, которыми располагает современная наука, основаны преимущественно на изучении европейских образцов и касаются, прежде всего, их, тогда как немногие сохранившиеся мегалиты Палестины остаются практически вне поля зрения исследователей. В этой связи представляется

чрезвычайно сложным объективно оценить верность или ошибочность тех или иных гипотез проф. Олесницкого.

Многие авторитетные исследователи сегодня исходят из того, что мегалиты, во всяком случае западноевропейские, в большинстве своем служили для погребений или были связаны с погребальным культом³⁴³. Так, предполагается, что кэрны — наиболее ранние мегалитические сооружения — представляют собой погребальные памятники, над которыми сооружались ступенчатые «насыпи», сложенные из камней³⁴⁴. Равно как в большинстве случаев считаются гробницами и дольмены³⁴⁵.

Нередко с погребальным культом связываются и менгиры. Последние, отмечает А.Л.Монгайт, одни исследователи считают памятниками-стелами, изображениями умерших предков, другие — примитивными идолами³⁴⁶. Более определенно эту же идею выражает М.Элиаде: «Первоначальной — и фундаментальной — идеей была "трансмутация" предков в камень, и менгир либо служил "заместителем тела", либо содержал какой-то существенный элемент умершего — скелет, пепел, "душу" — в самой своей структуре. В обоих случаях умерший одухотворял камень; он обретал новое тело — каменное, а значит, неразрушимое. Именно это делало менгир или мегалитическую могилу неистощимым источником жизненности и силы. Включаясь в структуру погребальных камней, умершие становились владыками плодovitости и процветания»³⁴⁷.

Значительно сложнее обстоит дело с интерпретацией кромлехов. Многие исследователи склонны видеть в них то места погребений, то храмы, то древнейшие обсерватории. «Их ритуальное назначение, — пишет Монгайт, — несомненно, но они служили также для погребений и, вероятно, не всегда были храмами»³⁴⁸.

Отдельного упоминания заслуживают научные гипотезы относительно назначения больших мегалитических кругов Англии, в частности знаменитого Стоунхенджа. В связи с этим для нас интересна и важна интерпретация Олесницкого. Ученый считал эти круги прежде всего храмами. Соглашаясь с рядом исследователей, он не отрицал, что эти мегалитические сооружения могли служить для астрономических наблюдений. Однако, полагал Олесницкий, астрономические наблюдения могли быть лишь частью религиозного культа, что было характерно, например, для хананейских верований³⁴⁹.

Такое представление логично «вписывается» в общую концепцию профессора о происхождении и назначении мегалитических памятников Палестины. Однако аналогичной точки зрения придерживаются и многие современные специалисты. Например, Монгайт утверждает, что «Стоунхендж — древний храм, возможно связанный с культом солнца и символизирующий небесный круг»³⁵⁰.

Подводя итог, мы можем заметить, что далеко не все гипотезы проф. Олесницкого относительно назначения мегалитических памятников разделяются современной наукой. Так, если он исходил из предположения о том, что мегалиты в первоначальной своей идее представляли каменные свидетельства, то современная наука склонна видеть в них по преимуществу сооружения, связанные с погребальными практиками и обрядами. С другой стороны, явно созвучна с

мнением профессора разделяемая большинством современных исследователей гипотеза о том, что мегалитические комплексы, сочетающие в себе каменные памятники различного вида, есть не что иное, как древнейшие культовые святылища или церемониальные центры.

Как бы то ни было, огромным вкладом Олесницкого в науку является то, что ему удалось предложить весьма аргументированное, логичное объяснение природы мегалитизма. Другой важной заслугой ученого является и предложенная им концепция относительно «механизма» возникновения дольменов-гробниц, позволившая найти общую точку соприкосновения двух полярных взглядов на значение дольменных конструкций: дольмены как гробницы и дольмены как жертвенники. Именно Олесницкий убедительно показал, что оба мнения не только не противоречат, но дополняют друг друга.

Б) Время происхождения и строители мегалитических памятников

Не менее острую научную полемику вызвал вопрос о времени происхождения мегалитических памятников. Как уже отмечалось, на позднейшей датировке настаивал, в частности, Фергюссон, относивший развитие мегалитизма к эпохе поздней античности. Такое понимание было подвергнуто Олесницким справедливой критике. Опровергая своих оппонентов, он убедительно показал, что наглядные свидетельства о мегалитах присутствуют уже в наиболее ранних по времени книгах Ветхого Завета, не говоря о писаниях пророков, которые упоминают о мегалитах как о современном им и живом проявлении идолопоклонства (Ис. 16:12; Иер. 48:15).

О древности почитания мегалитов свидетельствует, по мнению Олесницкого, 3-я строка надписи царя Меша, где сообщается о неких бамах моавитян³⁵¹. На древность камнепоклонения указывают и более поздние источники: Талмуд, сочинения античных историков, отцов ранней Церкви, — а также многочисленные народные сказания³⁵².

Сам проф. Олесницкий, на основании всех вышеуказанных свидетельств, главным образом Священного Писания и различных народных преданий, отослал происхождение мегалитов к первобытной эпохе существования человечества, когда на земле господствовали великаны. В преданиях всех народов, замечает ученый, громадные каменные сооружения есть создания расы исполинов. Сопоставляя эти общечеловеческие предания со свидетельствами Библии о первобытных обитателях Палестины рефаимах, можно предположить, пишет профессор, что «этих именно палестинских исполинов-дольменостроителей, главным образом, и имеют в виду все европейские сказания о постановке мегалитов великанами»³⁵³.

При этом Олесницкий решительно отвергал не только совершенно обосновательное мнение Фергюссона о том, что великанами-дольменостроителями являлись римляне, но и другую крайнюю точку зрения ряда европейских исследователей о принадлежности рефаимам всех вообще мегалитических памятников Палестины. Сам он приписывал рефаимам лишь первые опыты постановки мегалитов, тогда как развитие различных форм каменных памятников и их групповое расположение в смысле культовых сооружений принадлежит последующим

народам: моавитянам, финикийцам и отчасти евреям. При этом рефаимы могли оказывать помощь в возведении мегалитов, используя свою силу и опыт³⁵⁴.

Вполне естественно, что отсутствие необходимых твердых данных не позволяло Олесницкому решать вопрос о времени происхождения мегалитических памятников достаточно определенно. Говоря об абсолютной датировке, ученый ограничивался тем, что относил происхождение мегалитов к глубокой древности, одновременно признавая, что их сооружение в Палестине продолжалось вплоть до эпохи Вавилонского плена. Несколько более определенно ученый высказывается по вопросу относительной датировки. Так, основываясь на результатах изучения сохранившихся в Заиорданье образцов, он утверждает, что мегалиты Южного Заиорданья, как более сложные по своему устройству, следует считать более древними по происхождению, нежели Северного. Следовательно, позволяет предположить, что развитие мегалитизма в Палестине шло с юга на север.

В середине 1960-х гг., благодаря использованию радиоуглеродной датировки и дендрохронологии, выяснилось, что наиболее древние из известных на сегодняшний день в мире мегалитических памятников были сооружены не позднее конца V тыс. до Р. Х.³⁵⁵. Что касается мегалитических сооружений Палестины, то в процессе изучения сохранившихся здесь образцов современными методами стало ясно, что древнейшими из них являются памятники El-`Adeimeh — местности, расположенной на северо-восточной оконечности Мертвого моря³⁵⁶ (рис. IV.6.2, IV.6.3). Отдельные, наиболее ранние по времени возникновения дольмены этой области в настоящее время датируются периодом позднего и даже среднего халколита. Дольмены мегалитической группы Ed-Damiyah, находящейся в средней части Заиорданья³⁵⁷, датируются эпохой раннего бронзового века I. Этим же периодом датируются наиболее древние остатки, обнаруженные внутри и около большинства дольменных сооружений в El-`Adeimeh. В то же время наиболее древние остатки, обнаруженные в дольменах группы Golan, датируются эпохой среднего бронзового века IIА. В целом же основная часть известных на сегодняшний день мегалитических сооружений Сиро-Палестинского региона в настоящее время относится к периоду раннего бронзового века IV — среднего бронзового века I и частично, с некоторой долей вероятности, к эпохе среднего бронзового века IIА³⁵⁸.

Таким образом, современные данные неопровержимо подтверждают справедливость высказанных проф. А.А.Олесницким предположений о древнем происхождении мегалитических памятников. Также в целом находит подтверждение и гипотеза ученого о том, что развитие мегалитизма в Палестине происходило с юга на север.

В) Место происхождения мегалитических памятников

С вопросом о времени происхождения мегалитических памятников самым непосредственным образом связан и вопрос о месте их происхождения. При этом если мнения относительно древности мегалитов придерживалось большинство исследователей, то подобного единодушия никогда не наблюдалось в вопросе о том, где первоначально возникло камнепоклонение и каким образом связаны между собой мегалитические памятники разных частей света.

В своем сочинении А.А.Олесницкий приводит весь спектр существовавших в его время мнений европейских исследователей относительно данной проблемы, отмечая крайнюю противоречивость взглядов. Из сочинения Олесницкого следует, что наиболее распространенной являлась версия о кельтском происхождении мегалитов. Однако наряду с ней существовали и другие, нередко прямо противоположные гипотезы. В частности, родиной мегалитизма назывались Восточная и Северная Европа, Северная Африка, Испания, Индия. Ряд ученых настаивал на отсутствии какого-либо единого центра возникновения мегалитизма.

Относительно кельтской теории проф. Олесницкий полагал, что она не является разрешением вопроса. Хотя кельты, по его мнению, несомненно, участвовали в создании мегалитических памятников, но не были единственными их строителями. Более того, указывает ученый, известно, что свое тайное религиозное учение друиды заимствовали из религий египтян, халдеев, финикийцев и арабов. Так, в Галлии друидами был основан культ Беленуса, которому они ставили каменные монолиты. Однако, замечает Олесницкий, имя друидического божества Бела (созвучного имени «Ваал») и тип их мегалитических сооружений, схожие с ханаанскими памятниками и культом, указывают на «прямую генетическую связь мегалитов Западной Европы с ханаанскими мегалитами Палестины»³⁵⁹.

Со своей стороны Олесницкий, как мы уже отмечали, а ргіогі полагал, что родиной мегалитических памятников является Палестина, как издревле заселенная область, лежащая в географическом центре Земли. Подтверждением этому может служить, по мнению профессора, сам характер распределения мегалитов по земному шару и распределения первобытных каменных памятников различного типа по разным странам.

Олесницкий обращает внимание на то, что количество мегалитических памятников возрастает по мере удаления от восточного побережья Средиземного моря к западу Европы и Африки. С другой стороны, уменьшение количества мегалитов наблюдается при движении от побережья вглубь Европы. Аналогичная картина наблюдается и в Азии (в частности, в Палестине, Аравии, Индии и Японии), где каменные памятники располагаются вдоль берегов. Таким образом, заключает ученый, очевидно, что распространение мегалитов идет морскими путями³⁶⁰.

Обращая внимание на сходство мегалитических памятников, находящихся в разных, достаточно удаленных друг от друга, странах мира, Олесницкий считает возможным говорить «об определенной уже системе пользования камнем, об определенном... мегалитическом стиле»³⁶¹. Поэтому, считает ученый, должно «искать определенного народа, пронесшего мегалитическую пропаганду до Индии... Франции и Англии»³⁶².

Такой народ, убежденно говорит профессор, могла дать лишь Палестина, и им может быть лишь народ финикийский. Доказательством этого служат, по мнению ученого, многочисленные факты: географическое положение самой Палестины; огромное количество сохранившихся на ее территории мегалитов; характер распределения каменных памятников в разных странах мира; многочисленные свидетельства Священного Писания и других древних источников о

развитии финикийского мореходства; многочисленные свидетельства историков и археологических памятников о плавании финикийцев по всему миру и о влиянии финикийской культуры на культуру этих стран.

Олесницкий полагал, что в колониях финикийцы могли пропагандировать свой культ не везде одинаково успешно. При этом они могли ставить лишь образцы памятников, тогда как местное население тех или иных колоний, в соответствии со своими традиционными верованиями, могло давать финикийским мегалитам свое значение. Поэтому не удивительно, что мегалитов нет в ряде финикийских колоний, например, в Карфагене. Равно как не удивительны и различия между мегалитическими сооружениями разных стран.

Как бы то ни было, заключает ученый, «в общем вопросе о происхождении и истории мегалитов нельзя обойтись без ясного представления о палестинских памятниках этого рода», ибо «тесная связь мегалитов Европы с мегалитами Святой Земли... несомненна»³⁶³.

Высказанные А.А.Олесницким предположения достаточно убедительны и вполне соответствуют традиционным представлениям о развитии человеческой цивилизации, основанным, прежде всего, на древнейших письменных, в том числе библейских, свидетельствах. Случайно или нет, но именно в то время, когда ученый опубликовал свое исследование о мегалитических памятниках Святой Земли, т. е. в самом конце XIX в., «кельтская» теория происхождения мегалитов начала вытесняться теорией «восточно-средиземноморской». В частности, в европейской науке утвердилось мнение, что мегалиты были вдохновлены заупокойными комплексами великих цивилизаций Месопотамии, Египта, Ханаана и Малой Азии. Из Восточного Средиземноморья такие памятники постепенно распространились до Иберийского полуострова и Северной Африки, а затем, во II тыс. до Р. Х. достигли Британских островов и французской Бретани. В I тыс. до Р. Х. они были восприняты жителями Южной Скандинавии и Северной Германии³⁶⁴.

В целом эта гипотеза вполне укладывалась в картину колонизации Европы поклонниками мегалитов. Убедительным подтверждением такому представлению служила схожесть памятников, например, рядов обелисков на северо-западе Франции и подобных рядов в Гезере (Палестина), а также находки египетских украшений в ирландских мегалитических гробницах и т. п.

Однако в середине 1960-х гг., благодаря использованию современных методов, было установлено, что мегалитические погребения («камерные могильники») в Бретани были сооружены до 4000 г. до Р. Х., а в Англии и Дании — до 3000 г. до Р. Х.³⁶⁵, почти одновременно с аналогичными памятниками Испании и Португалии, датируемыми второй половиной IV тыс. до Р. Х.³⁶⁶ Это открытие дало основание считать мегалитические сооружения Европы самыми ранними из подобных сооружений в мире³⁶⁷.

На том же основании в конце XX в. концепция «диффузии» мегалитической культуры с Востока была вытеснена концепцией независимого происхождения отдельных мегалитических культур в различных частях света. М.Элиаде по этому поводу писал: «Мы имеем дело с серией оригинальных автохтонных творе-

ний»³⁶⁸. С другой стороны, по мнению Монгайта, «гипотеза о независимом зарождении идеи мегалитов в различных, мало связанных между собой обществах не исключает возможности заимствования этой идеи и даже образцов построек одним обществом у другого»³⁶⁹. Ту же мысль, но несколько иначе, выражает и А.Зубов: «Мы в данном случае имеем дело не с колонизацией одним народом — "строителем мегалитов" обширных пространств Старого Света, но с распространением суммы религиозных идей среди многих племен и культур»³⁷⁰.

Сравнивая эти высказывания с утверждениями А.А.Олесницкого, можно заметить ряд существенных различий. Так, в свете современных представлений не выдерживает критики его концепция о Палестине как центре зарождения и распространения мегалитизма. Равно как не может быть признана верной и гипотеза ученого о финикийцах как его единственной движущей силе. Однако вполне соответствуют современным взглядам некоторые другие предположения профессора. В частности, о заимствовании религиозных идей, лежавших в основе местных мегалитических культов, различными обществами друг у друга.

Хотя, следует повториться, большинство из сохранившихся донныне «каменных письмен прошлого» остаются непрочитанными. Так же как до сих пор не решено большинство вопросов относительно происхождения первобытных сооружений. Поэтому даже ошибочные, с современной точки зрения, идеи проф. Олесницкого по данной проблематике можно считать таковыми лишь условно.

Глава V ОПЫТ ВКЛЮЧЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЙ В БИБЛЕЙСКУЮ НАУКУ

Наметившаяся в 60-е гг. XIX в. трансформация палестиноведения как науки, изучающей библейскую старину, в дисциплину, исследующую материальные памятники библейской древности, неизбежно поставила вопрос об использовании получаемых сведений. В результате были сформулированы практические задачи библейской археологии, остающиеся таковыми до сих пор. В частности: подтверждение истинности Священного Писания и описываемых в нем событий; реконструкция исторического контекста этих событий и, наконец, прояснение смысла библейского текста.

В отечественной библеистике эти задачи со всей очевидностью впервые были обозначены А.А.Олесницким. В отличие от многих своих коллег, он воспринимал памятники библейской древности не как музейные экспонаты, а как предметы, имеющие огромную научную ценность. Уже в самой ранней своей работе «Святая Земля» ученый выделяет апологетический аспект собственных археологических исследований. Последние, по его признанию, имеют «полемический характер в видах защищения древнееврейских памятников от нападения отрицательной критики, силящейся низвести их к позднейшим временам»³⁷¹. С другой стороны, Олесницкий указывает и на экзегетическую значимость археологических открытий. «Священные книги... — пишет ученый, — полны кон-

кретных представлений, которые могут быть поняты только по наложению их на те места, среди которых они возникли, на те вещественные образы, которые послужили для них канвою»³⁷².

Однако заслуга проф. Олесницкого состоит не только в том, что он одним из первых обратил внимание отечественных исследователей на практическую ценность только набиравшей силу библейской археологии в современном понимании этого термина, но и ввел в научный оборот многие новейшие западные открытия в данной области. Благодаря Олесницкому русская церковная наука обрела огромный и весьма разнообразный материал, позволивший по-новому взглянуть на Библию и события Священной истории. Впоследствии этот материал был активно востребован отечественной библеистикой и церковной публицистикой, послужив мощным инструментом в решении полемических, экзегетических и просветительских задач.

Однако первый в русской библейской литературе опыт научного использования археологических данных в решении практических вопросов был проделан самим Олесницким. При этом многие из наработок профессора, особенно в области экзегетики, не потеряли своей ценности и сегодня.

1. Апология Библии и событий Священной истории

Рассматривая в предыдущих разделах вклад А.А.Олесницкого в различные области библейской археологии, мы неоднократно имели возможность видеть примеры использования ученым тех или иных археологических данных в полемике с западной отрицательной библейской критикой. Однако взгляд профессора на палестинские древние памятники был гораздо шире. Будучи, прежде всего, исследователем Священного Писания, живя им, Олесницкий в целом воспринимал археологические артефакты как немые свидетельства непреложности слова Божия.

Вот лишь несколько характерных примеров. Давая описание местности, расположенной вдоль дороги к северу от Иерусалима, Олесницкий обращает внимание на множество холмов со следами «древних остатков, истаявших от времени». Это, по его мнению, служит прекрасной иллюстрацией исполнения пророчества из Книги Иова 15:28: «И он селится в городах разоренных, в домах... которые обречены на развалины»³⁷³. Точно так же, как пустынный холм с виноградником на вершине, расположенный на месте древней столицы Израильского царства Самарии, является, по словам ученого, наглядным подтверждением угроз пророка Михея: «От Самарии останутся кучи камней, которые будут перебрасывать и скатывать в долину, чтобы обнажить все основания города и на его месте... разводить виноградники» (см.: Мих. 1:6)³⁷⁴.

Огромное количество остатков древних синагог, разбросанных по всей Галилее, дает Олесницкому основание провести параллель с евангельскими повествованиями, в которых эта палестинская область отождествляется с ее синагогами. Например: «И ходил Иисус по всей Галилее, уча в синагогах их...» (Мф. 4:23)³⁷⁵

Но самый, пожалуй, яркий пример подобного рода апологий — открытая Ш.Клермон-Ганно доска с надписью, содержащей запрещение иноверцам проход во внутренний двор иерусалимского храма. Эту находку Олесницкий совершенно справедливо считает доказательством истинности истории с обвинением асийскими иудеями ап. Павла в осквернении храма (см.: Деян. 21:26–31)³⁷⁶.

Конечно, имеющийся в работах проф. Олесницкого обильный материал во многом устарел фактологически, однако предложенная и использованная ученым методология, основанная на цельном, «объемном» восприятии Священного Писания, не менее актуальна и в наше время.

2. Библейская экзегеза

Апологетика, хотя и занимает в работах Олесницкого важное место, имела для него характер объективно вынужденный, соответствующий общей полемической настроенности церковно-богословской литературы конца XIX – начала XX в. Гораздо больше ученого привлекала экзегетическая тематика, поскольку Священное Писание само по себе составляло основной по преимуществу объект его «профессиональных» научных интересов. Не случайно поэтому все работы профессора насыщены экзегетическими рассуждениями. Нетрудно заметить, что какой бы объект Олесницкий ни рассматривал — будь то географическое название, монументальный памятник или отдельная находка, — мысль его всегда экзегетична. Являясь исследователем Священного Писания, профессор постоянно обращается к нему в разработке археологических вопросов. С одной стороны, он пользуется указаниями Писания для разрешения возникающих недоумений, а с другой — пытается осмыслить его в соответствии с вновь открываемыми наукой сведениями, могущими пролить свет на трудные места библейского повествования. В этом смысле А.А.Олесницкий с полным правом может быть назван библейским археологом — ученым, для которого Библия и археология представляют собой единое целое, как вообще едины между собой подлинная наука и истинная вера.

Превосходное знание Ветхого и Нового Завета, подлинного языка библейских писаний и родственных ему диалектов, а также всестороннее личное знакомство со Святой Землей и ее древними памятниками дало Олесницкому возможность по-новому осмыслить и истолковать многие места Библии: от вопроса о местонахождении Эдема (Книга Бытия) до истории с обвинением ап. Павла в осквернении храма (Деяния святых апостолов). Оценивая эту сторону творчества Олесницкого, один из учеников профессора, А.Войтков, писал: «Места Св. Писания, с трудом поддающиеся экзегезису, в его освещении приобретали ясность и выразительность. Библейские образы, самые таинственные и малодоступные по глубине, выступали под его пером отчетливо и рельефно»³⁷⁷. При этом нередко это были те места и образы, которые в силу своей неопределенности или малозначительности иногда оставались без объяснения св. отцами и церковными писателями и смысл которых попросту ускользал от внимания читателя.

Олесницкий одним из первых отечественных библеистов обратил внимание на экзегетическую значимость полевой археологии. Нередко в своих работах он называл палестинские древнейшие памятники и археологические находки «живыми комментариями» к текстам Библии. Именно так он воспринимал, в частности, и уже упоминавшиеся чуть выше остатки бывшей Самарии, развалины галилейских синагог, «доску запрещения» иерусалимского храма.

Огромная заслуга проф. А.Олесницкого в том, что им были объяснены многочисленные библейские выражения и трудные для понимания места Писания, которые не могли быть верно восприняты вне исторического контекста и сопоставления с реальными памятниками. В этом смысле представляется весьма оригинальным уже упоминавшееся объяснение им евангельского выражения «Моисеево седалище».

Приведем еще несколько подобных примеров. Так, употребляемое псалмопевцем выражение «колодец шеола» (в русском переводе — «ров гибели») (Пс. 54:24) представляет, по предположению Олесницкого, заимствование хорошо известного древним евреям образа смертоносных асфальтовых колодцев, которых много в окрестностях Мертвого моря и которые малозаметны, т.к. обычно скрыты кустарником и травой³⁷⁸.

Не менее оригинальна и трактовка Олесницким пророческого выражения «написанный железным резцом на жертвенниках грех Иуды» (Иер. 17:1–2). По мнению ученого, объяснением этих слов может служить древний обычай вырезать ямины или выточки на мегалитических жертвенниках, образцы которых сохранились в Заиорданье. Такие вырезавшиеся на камнях метки у языческих народов являлись знаками неких «свидетельств». Будучи заимствованы иудеями, эти метки становились, таким образом, памятными знаками их богоотступничества³⁷⁹.

С другой стороны, во времена бедствий языческие камни свидетельств превращались иудеями в кровавые жертвенники. В этом контексте, по мнению Олесницкого, становится понятен неоднократно используемый в Ветхом Завете образ Обетованной Земли, наполненной кровью повсюду (Пс. 105:38; Иер. 19:4 и др.)³⁸⁰.

Благодаря использованию новейших сведений в области палестинской археологии проф. Олесницким были обнаружены и исправлены некоторые текстуальные погрешности Библии. К числу последних им было отнесено, например, указание переводчиков Септуагинты относительно месторасположения Хеврона. Так, в Быт. 23:9 по переводу LXX о нем говорится «который в долине». Однако, замечает Олесницкий, на основании ряда других библейских свидетельств и реального места расположения гробницы Авраама, можно заключить, что во времена патриархов Хеврон был западнее нынешнего. Кроме того, наиболее древние сохранившиеся памятники современного города относятся к эпохе Давида. Поэтому, считает ученый, в долину город «спустился» лишь при Давиде, а поэтому и выражение «который в долине» следует признать произвольной вставкой.

Весьма значителен вклад проф. Олесницкого и в другой области библейской экзегезы. Так, наряду с объяснением «трудных» мест Священного Писания, им

было высказано немало оригинальных гипотез в отношении хорошо известных библейских свидетельств. Привлечение разнообразного археологического материала и характерная для ученого широта видения той или иной проблемы позволила ему осветить многие традиционно понимаемые предметы в новом ракурсе. Отчасти об этом говорилось в предыдущих разделах. Например, при рассмотрении подхода Олесницкого к определению времени сооружения Хевронской гробницы патриархов. Однако здесь мы рассмотрим на нескольких примерах тот же самый вопрос в его экзегетическом аспекте.

Одной из интересных экзегетических гипотез Олесницкого является его реконструкция истории Вифлеемской пещеры, проливающая новый свет на всемирно значимое событие Рождества Христова. Так, анализируя евангельское повествование о Рождестве Спасителя, ученый выражает мнение, что пещера, или ясли Рождества, несомненно, находились во дворе той гостиницы, где искали приют Дева Мария и Иосиф Обручник, поскольку всякая частная пещера была бы совершенно неудобна для размещения путников. Тем более, замечает профессор, что в больших пещерах для вьючных животных при гостиницах часто ночуют путешественники и в настоящее время. Вышеуказанное обстоятельство, считает исследователь, отличало пещеру Рождества от всех прочих вифлеемских пещер. Однако небольшой городок не мог иметь более одной гостиницы, как видно и из Лк. 2:7. Кроме того, и Ангел, явившийся пастухам, не поясняет, какие ясли имеются в виду, потому что в Вифлееме знали лишь одни подобные ясли, общественные, принадлежавшие гостинице, притом единственной.

Далее Олесницкий обращает внимание на тот факт, что в середине XIX в. во время одной из реконструкций пещеры под обшивкой крипта была найдена иссеченная в скале гробница, что в Палестине не является чем-то необычным. Следовательно, можно предположить, пишет ученый, что крипта Рождества в более древнее время, до постройки гостиницы, являлся гробничной пещерой. Тем более он лежал непосредственно за городской стеной, что также типично для Палестины. Таким образом, заключает Олесницкий, Христос, по своему величайшему смирению, родился не просто в хлеву для скота, но в вертепе мертвых, чтобы «из сени смертной принести свет миру»³⁸¹.

Другой интересной гипотезой подобного рода является предложенное Олесницким археологическое объяснение обстоятельств происхождения Гроба Господня. Так, давая описание гробниц голгофского некрополя Иерусалима, ученый обращает внимание на две гробницы, расположенные на западной стороне котловины. По замечанию Олесницкого, особенностью первой из них является, с одной стороны, ее превосходное устройство, а с другой — расположение за древними Судными воротами города, т. е. в месте, которое считалось у иерусалимлян презренным. Следовательно, заключает Олесницкий, эта гробница была иссечена богатым человеком, но чужим в Иерусалиме. Поскольку эта гробница оказалась мала для большого семейства, рядом начала строиться новая на более удобном месте, ближе к Голгофе. При этом было вчерне изготовлено лишь первое отделение. Причиной, по убеждению ученого, стало то, что эта недоде-

ланная камера с одиночным ложем «сделалась гробницей Того, Кто... не имел собственной усыпальницы и для Своего краткого смертного покоя»³⁸².

Примеров подобных гипотез можно привести множество. Конечно, сейчас трудно сказать, насколько они верны. Однако, даже несмотря на спорность некоторых из выдвинутых профессором толкований, они, тем не менее, заслуживают внимания. Для нас имеет принципиально важное значение герменевтический подход Олесницкого, сущностью которого сам ученый считал соответствие Преданию Церкви и библейскому учению, категорически отвергая разного рода богословские отвлеченные рассуждения³⁸³.

Глава VI НАУЧНАЯ ШКОЛА А.А.ОЛЕСНИЦКОГО

1. Академическая деятельность

Вклад любого ученого в ту или иную область науки заключается, прежде всего, в литературном наследии. Поэтому, говоря о проф. А.А.Олесницком как об археологе, мы в первую очередь подразумеваем его монографии и статьи, отражающие результаты исследования тех или иных вопросов и, без преувеличения, задавшие новый вектор в русском палестиноведении. Однако вклад профессора в науку не ограничивается только этим. Немаловажное значение для судеб отечественной библейской науки имела сугубо академическая деятельность Олесницкого. Именно во многом благодаря ей в русской библеистике фактически оформилось целое направление, научная школа из числа учеников и последователей Олесницкого, составивших блестящую плеяду церковных писателей, богословов, экзегетов и апологетов.

Фундамент будущей школы был заложен в Киевской Духовной академии, которая к моменту прихода туда А.Олесницкого «сделалась, — по словам академического летописца проф. прот. Федора Титова, — замечательным приютом и рассадником языкознания»³⁸⁴. Благодаря Академии юноша впитал в себя любовь к изучению Священного Писания, а Академия «приобрела для себя даровитого гебраиста... поставившего изучение еврейского языка и библейской археологии на строго научную основу в полном соответствии с новейшими успехами науки в этой области»³⁸⁵.

Прекрасно понимая значение Священного Писания в богословских исследованиях, Олесницкий много делал для популяризации в академической среде библейских знаний. Так, в самом начале преподавательской деятельности ученым был предпринят нелегкий труд по редактированию и подготовке к публикации студенческого перевода двухтомного «Руководства к библейской археологии» К.Ф.Кейля, изданного в Трудах КДА в период с 1871 по 1876 гг.

Большое значение придавал Олесницкий академическим диспутам, устраивавшимся в связи с публичным обсуждением и защитой студенческих диссертаций. По словам очевидцев, профессор «смотрел на диспуты не как на экзамен

для магистранта, а как на ученое собрание по поводу известной научной работы», при этом непременно выбирая «что-нибудь наиболее запутанное в науке»³⁸⁶. Поэтому его речи нередко «принимали форму блестящих интереснейших лекций, доставлявших слушателям высокое наслаждение»³⁸⁷.

Будучи в течение многих лет членом Совета Академии, много внимания уделял Олесницкий и правильному подбору преподаваемых в ней учебных дисциплин. Так, в 1885 г. профессором было предложено «в самой Академии изучение еврейского языка и библейской археологии сделать обязательным для всех студентов». Это предложение было поддержано Советом и принято «в виду важности... для высшего богословского образования»³⁸⁸.

Однако особое значение в формировании научной школы библейской археологии в КДА имело активное участие Олесницкого в деятельности Церковно-археологического общества (действительным членом которого он состоял на протяжении многих лет) и музея, созданных при Академии в 1872 г.

Возникновению последних способствовало введение Св. Синодом в 1869 г. в духовных академиях нового устава. Согласно ему, в академическую программу была добавлена в качестве обязательной самостоятельной учебной дисциплины церковная археология, составлявшая до того часть общего курса литургики. Поскольку преподавание новой дисциплины требовало наглядных пособий в виде предметов церковной старины, тем же уставом православным духовным академиям предоставлялось право учреждать церковно-археологические общества и учебные музеи³⁸⁹.

Первой воспользовалась этим правом Киевская Духовная академия. Летом 1872 г. профессор Академии Ф.А.Терновский ознакомился с учебным музеем при Берлинском университете, а по возвращении в Киев он и еще два преподавателя — П.А.Лашкарев и А.Д.Воронов — подали в Совет Академии доклад об учреждении при КДА Церковно-археологического общества и музея³⁹⁰. Составленный П.А.Лашкаревым проект был одобрен и утвержден Св. Синодом указом от 18 октября 1872 г., а указом от 31 января 1873 г. Синод утвердил устав Общества и музея³⁹¹.

Согласно уставу, основной задачей Общества и музея являлось содействие «успешному преподаванию и ученой разработке церковной археологии и вообще... сохранению для науки древностей церковных»³⁹². В частности, по замыслу основателей, академический музей должен был стать «собранием памятников церковной старины южнорусского края»³⁹³.

Однако благодаря частным пожертвованиям музейное собрание стало пополняться не только древностями церковными: иконами, рукописями, предметами богослужебного обихода, образцами церковного шитья и резьбы, — но и иными памятниками религиозного искусства, привозимыми из различных уголков Европы, Ближнего и Дальнего Востока. Так, еп. Порфирием (Успенским) была пожертвована коллекция египетских идолов, а архим. Антонином (Капустиным) — крупное собрание палестинских, моавитских, кипрских и египетских древностей, а также древневосточных монет³⁹⁴. Олесницкий, хорошо сознававший, что любой единичный, малозначительный сам по себе предмет

может иметь большое значение в составе коллекции, неоднократно вносил в музейное собрание собственные пожертвования: главным образом, предметы, привозимые им из командировок в Святую Землю³⁹⁵.

Профессор неоднократно оказывал помощь не имевшим достаточного опыта сотрудникам Общества в оценке археологического достоинства, распределении и описывании поступавших в музей отдельных предметов и целых коллекций³⁹⁶. В качестве заключения относительно определения подлинности одной из таких коллекций — моавитских древностей — Олесницким было подготовлено и опубликовано подробное руководство, получившее характер завершённого научного трактата: «Вопрос о новейших открытиях моавитских древностей»³⁹⁷.

В 1881 г. в связи с расширением деятельности Общества и музея было принято решение о внесении в их устав дополнений и поправок. В немалой степени благодаря инициативе проф. Олесницкого в перечень задач был добавлен новый пункт: «собираение памятников не только церковных древностей, но и вообще религиозного искусства, не выключая и памятников не церковных, насколько они состоят в связи с церковными и служат к уяснению религиозного быта древних»³⁹⁸. Данное уточнение задач Общества в значительной мере способствовало тому, что одним из направлений его работы стала библейская археология в современном значении этого термина.

В 1901 г. ввиду «расширения круга занятий Общества... по всем отраслям академической науки» оно было переименовано в Церковно-историческое и археологическое общество. При этом основные положения устава были сохранены³⁹⁹. К этому времени экспозиция академического музея насчитывала значительное количество различных археологических находок, вывезенных из Палестины и других библейских стран, а также копий наиболее известных памятников⁴⁰⁰.

Таким образом, Общество стало своего рода научной лабораторией, где приобретали опыт археологических исследований преподаватели и студенты Академии. Наглядным свидетельством их широких научных интересов служат многочисленные отчеты, рефераты и известия Общества, а также документы, посвященные его юбилеям⁴⁰¹.

По примеру Киевской Духовной академии в 1879 г. был учрежден Церковно-археологический музей при Санкт-Петербургской Духовной академии, а в 1880 г. — при Московской. Однако экспозиции последних были гораздо скромнее киевской. При этом «библейские» древности составляли лишь весьма незначительную их часть⁴⁰².

2. Ученики и последователи

Изучая вклад А.Олесницкого в библейскую археологию, было бы неверно, на наш взгляд, ограничиться анализом научного наследия и деятельности лишь самого ученого. Объективность требует представить хотя бы общий, поверхностный обзор и того вклада, который был внесен в библейскую науку ученика-

ми и последователями профессора, явившимися достойными продолжателями начатого им дела созидания качественно новой школы отечественной библейской археологии.

Интеллектуальным центром, сердцем и душой этой школы, несомненно, была личность самого Акима Алексеевича, лучшим свидетельством чему являются воспоминания его учеников. Один из них — В.П.Рыбинский — считал Олесницкого «выдающимся профессором, составлявшим, без сомнения, украшение Академии»⁴⁰³. «Как преподаватель, — вспоминал он, — Аким Алексеевич пользовался неизменным вниманием студентов. Редкие дарования профессора и горячая любовь к своему предмету захватывали и слушателей... А на его лекции по археологии... ходили самым аккуратным образом не только все обязательные слушатели, но и студенты другого отделения». При этом «лекции его прослушивались с неослабевающим интересом до конца и надолго оставляли впечатление»⁴⁰⁴.

«Обаяние личности» Олесницкого и «задушевность его преподавания» неизменно привлекали к профессору студентов, желавших работать под его научным руководством⁴⁰⁵. А самостоятельной научной работе студентов Олесницкий придавал значение особое. В качестве тем для диссертаций он, как правило, выдвигал наиболее актуальные, отвечавшие запросам науки. При этом за работой своих учеников всегда следил с интересом и вниманием, относясь к своим подопечным «с искренней любовью, с полной готовностью служить им своими знаниями», видя в них «дорогих... сердцу сотрудников»⁴⁰⁶. Благодаря этому предлагаемые им темы всегда «охотно разбирались, и притом преимущественно лучшими студентами»⁴⁰⁷. «Так, — вспоминал один из учеников профессора, — создавалась целая школа молодых ученых, в своих научно-библейских работах вдохновлявшихся словом и примером общего учителя»⁴⁰⁸.

В разные годы студентами Киевской академии под руководством Олесницкого было написано значительное количество кандидатских и магистерских диссертаций, ставших достоянием отечественной науки. Среди последних можно упомянуть сочинения: С.Булатова «Древнееврейские монеты» (1886); иеромонаха, а впоследствии епископа Гедеона (Покровского) «Археология и символика ветхозаветных жертв» (1888); Г.Ключарева «История ветхозаветного священства» (1891); Н.Маккавейского «Археология истории страданий Христа Спасителя» (1891); А.Никитина «Синагоги иудейские как места общественного богослужения» (1891); свящ. Николая Стеллецкого «Брак у древних евреев» (1892); В.Рыбинского «Древнееврейская суббота» (1892) и К.Чемены «Происхождение и сущность ессыства» (1894).

Из названных диссертаций особую ценность с точки зрения современной библейской археологии представляют работы С.Булатова и Н.Маккавейского, поскольку были написаны не только путем использования сведений из Библии и других письменных источников, но — самое главное — с привлечением обширного вещественного материала. В частности, основу первой работы составляет анализ обширных коллекций древнееврейских монет, обнаруженных западными нумизматами, а также собственное самостоятельное

изучение автором нумизматической коллекции Церковно-археологического музея КДА⁴⁰⁹. Относительно же сочинения Маккавейского Олесницким было замечено, что при написании диссертантом был «принят во внимание весь материал, какой успела собрать донныне палестинская археология, до самых последних архивных открытий в области паломнических рукописей и до последних раскопок иерусалимских развалин»⁴¹⁰. Обе диссертации получили блестящую оценку академической профессуры. По широте охвата проблемы и глубине проработки материала обе работы в рамках затронутых тем до сих пор не имеют аналогов в научно-богословской литературе и потому остаются актуальными донныне.

Многие из воспитанников Олесницкого впоследствии немало потрудились на ниве церковной науки, в том числе библейской, однако, к сожалению, лишь некоторые пошли непосредственно по стопам своего учителя, найдя свое призвание в библейской археологии. Первым среди таковых, безусловно, является В.П.Рыбинский, впоследствии выдающийся русский ученый библеист, профессор и ректор Киевской духовной академии⁴¹¹, ставший достойным продолжателем дела своего наставника. На протяжении многих лет своей научной деятельности он внимательно следил за археологическими открытиями в Месопотамии и на Ближнем Востоке, привлекая в своих трудах новейшие данные в этой области. Посвятив немалую часть своих научных работ разоблачению ложных воззрений модного в то время «панвавилонизма», Рыбинский вел активную полемику со скептическими попытками толковать археологические артефакты в пользу отвержения авторитета и достоверности Библии⁴¹².

Другим видным представителем киевской школы библейской археологии был С.А.Песоцкий. Состоя доцентом по кафедре введения в круг богословских наук, он занимался вопросами соотнесения библейских свидетельств с данными археологических открытий. С целью доказательства реальности библейского повествования о Всемирном потопе Песоцкий использовал свидетельства глиняных табличек с «Эпосом о Гильгамеше», а также клинописные документы, содержащие сведения о допотопных династиях. По данной проблематике ученым был написан ряд исследований⁴¹³. Кроме того, им была составлена сравнительная хронологическая таблица ветхозаветных персонажей и современных им событий в странах Междуречья.

Значительный вклад в разработку отдельных вопросов библейской археологии внес свящ. К.Фоменко, опубликовавший за период с 1880 по 1898 гг. целый ряд научных статей, преимущественно в Трудах КДА⁴¹⁴.

Исследования в области библейской археологии воспитанниками Киевской академии продолжались и в последующее время, вплоть до Октябрьской революции 1917 г. Среди представителей второго поколения учеников проф. А.А.Олесницкого можно особо отметить ученика В.П.Рыбинского В.Ф.Иваницкого — замечательного русского востоковеда, профессора кафедры библейской истории КДА. Основной темой его научных исследований была история александрийской диаспоры, которую он разрабатывал с использованием археологических материалов⁴¹⁵.

Пример А.А.Олесницкого и его киевских учеников относительно использования данных новейших археологических открытий в библейских исследованиях был воспринят и представителями других научных школ. Так, археологический материал активно использовал в своих экзегетических и исагогических работах профессор КазДА П.А.Юнгер⁴¹⁶.

Однако наибольшее развитие археологическая тематика получила в многочисленных научных публикациях и фундаментальных исследованиях по библейской истории профессора СПбДА А.П.Лопухина. Среди них первостепенное значение, несомненно, имела двухтомная «Библейская история при свете новейших исследований и открытий. Ветхий Завет»⁴¹⁷. Ценность этого труда заключалась не только в том, что в нем обобщался огромный вещественный материал, относящийся к Священной истории, но и его ярко выраженная апологетическо-популяризаторская направленность.

Научные исследования в области библейской археологии продолжались в Санкт-Петербургской и Казанской Духовных академиях и в первые два десятилетия XX столетия. Продолжалось активное накопление источниковедческого материала. Огромный вклад в их собирание и систематизацию внес профессор СПбДА С.В.Троицкий⁴¹⁸. Одновременно другие отечественные ученые начали самостоятельно разрабатывать различные вопросы библейской археологии: соотношение библейских свидетельств с вещественными памятниками, библейская география и топография и т. д. Среди них можно отметить, например, профессора КазДА С.А.Терновского, которому принадлежит, в частности, ряд очерков по топографии древнего Иерусалима⁴¹⁹.

К сожалению, в результате Октябрьской революции и прихода к власти богоборческого большевистского режима все исследования в области библейской археологии были прекращены. Но даже те наработки, которые были сделаны Олесницким и его последователями за несколько предреволюционных десятилетий, являются бесценным вкладом в православную библейскую науку.

Однако возникает вполне закономерный вопрос: если мы вправе говорить об учениках и преемниках А.А.Олесницкого в рамках киевской школы, то в какой степени можно считать его последователями тех, кто трудился вне ее? Действительно, влияние киевского профессора на них далеко не так однозначно, поскольку в конце XIX – начале XX вв. активизации отечественных исследований в области библейской археологии способствовал целый ряд факторов: развитие западной библейско-богословской науки, успехи русской школы востоковедения, деятельность Палестинского Общества, Русской Духовной Миссии в Иерусалиме и Русского Археологического института в Константинополе. Да и в целом повышенный интерес отечественных исследователей к новейшим археологическим открытиям в библейских странах был обусловлен потребностями времени. И все же, думается, мы вправе считать этих подвижников науки последователями проф. Олесницкого уже постольку, поскольку они использовали его методологию изучения библейских древностей, а также опыт научных разработок его киевских учеников. Впрочем, это отдельная тема для будущих серьезных исследований.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Профессор А.А.Олесницкий — один из выдающихся русских ученых, чье имя может быть по праву вписано золотыми буквами в историю библеистики. Начав свою научную деятельность с исследования ветхозаветных писаний и еврейской старины, он оказался в числе основоположников целого направления в отечественной науке — библейской археологии как дисциплины, изучающей Священную историю по вещественным памятникам, внося огромный вклад в ее становление и развитие.

Несмотря на видимую простоту и безыскусность, наследие проф. А.А.Олесницкого в данной области представляет замечательное явление, которое может быть адекватно понято и вполне объективно оценено лишь в контексте исторических реалий его времени и одновременно в сопоставлении с достижениями современной науки.

Творческая деятельность А.А.Олесницкого как археолога укладывается в относительно небольшие хронологические рамки — начало 70-х – середина 90-х гг. XIX столетия. Однако этот период представлял собой весьма важный этап в развитии и становлении библейской археологии. Возникнув на Западе как наука, призванная дать ответ на выпады библейского рационализма, она на протяжении длительного времени развивалась в рамках католическо-протестантской теологической традиции, неся на себе печать ее влияния, что лишало возможности использовать новейшие достижения полевой археологии в православном богословии. Именно Олесницкому суждено было стать в числе первых православных палестиноведов, активно включившихся в процесс непосредственного археологического исследования Святой Земли и ее исторических памятников.

Впервые в отечественной науке Олесницким была разработана и применена четкая, строго научная методология изучения палестинских древностей, основанная на соотношении их с указаниями Священного Писания в его традиционной святоотеческой интерпретации, а также гармоничном соединении наиболее ценных методологических наработок западных исследователей и выявленных самим ученым закономерностях развития древнееврейской культуры и искусства.

Огромным вкладом проф. Олесницкого в палестинскую археологию явились идентификация и подробнейшее научное описание практически всех известных библейских мест Святой Земли и ее древнейших монументальных и мегалитических памятников, а также многочисленных открытых артефактов, дана их критическая оценка и интерпретация в соотношении с текстами Священного Писания и целого ряда небиблейских письменных источников. Впервые в отечественной науке им был сделан подробный обзор всех раскопок в Палестине, проводившихся западными археологами. Кроме того, им же была впервые предпринята и систематизация всех накопившихся к последней четверти XIX в. сведений по библейской археологии. В результате монографии и статьи ученого стали не только надежным методологическим, но и твердым источниковедческим фундаментом для делавшей свои первые робкие шаги отечественной библейской археологии. Также впервые в отечественной науке Олесницким была

представлена реконструкция ветхозаветного храма, во многом основанная на данных новейших археологических раскопок.

В настоящей работе нами неоднократно обращалось внимание на ту важность, которую ученый придавал опровержению ложных построений отрицательной библейской критики и интерпретации событий Священной истории в соответствии с православной традицией. Думается, этот аспект во многом определил характер выдвинутых ученым гипотез и предположений. Неудивительно, что именно проф. Олесницкий первым из православных исследователей обозначил практические задачи библейской археологии и со всей очевидностью обосновал ее апологетико-экзегетическую значимость. Он ввел в научный оборот многие новейшие западные открытия в данной области, благодаря чему русская церковная наука обрела огромный и весьма разнообразный материал, позволивший по-новому взглянуть на Библию и события Священной истории. Впоследствии этот материал был активно востребован отечественной библеистикой и церковной публицистикой, послужив мощным инструментом в решении полемических, экзегетических и просветительских задач. Самим Олесницким был проделан и первый в русской библейской литературе опыт научного использования археологических данных в решении практических вопросов. При этом, несомненно, многие из наработок профессора, особенно в области экзегетики, не потеряли своей ценности и сегодня.

Едва ли, на наш взгляд, можно не согласиться с утверждением проф. В.П.Рыбинского о том, что «почти во всех своих исследованиях Аким Алексеевич сказал нечто новое и оригинальное. Это новое и оригинальное заключается в постановке вопросов, в особенной комбинации известных уже данных, в оригинальных толкованиях отдельных библейских мест или слов»⁴²⁰.

Однако нельзя не признать и наличие в работах ученого многочисленных неверных выводов, что выглядит вполне очевидным при сопоставлении их с данными современной археологической науки. Последние, с нашей точки зрения, являлись следствием как общего слабого уровня развития методологической базы археологической науки того времени и отсутствия у ученого достаточных данных, так и нередко чисто человеческой увлеченности его в полемике с оппонентами или желания найти «красивое» решение той или иной исследуемой проблемы. Однако даже в этом случае выдвигаемые профессором тезисы опирались на серьезную аргументацию. Поэтому мы считаем, что встречающиеся в его трудах ошибки в целом несколько не умаляют научного достоинства этих работ.

Конечно, к настоящему времени сочинения проф. А.А.Олесницкого в значительной мере устарели фактологически, однако для нас гораздо большее значение имеет их методологическая установка. Ибо выдержать правильную методологию исследования всегда труднее, нежели найти новые сведения и факты. Поэтому не случайно в настоящей работе нами было уделено особое внимание исследованию методологического аспекта творчества ученого.

Как известно, развитие библейской археологии во второй половине XX в. обозначило две полярные тенденции. Первая — стремление к буквальному под-

тверждению посредством археологии всех без исключения свидетельств Священного Писания, что вызвало в конечном итоге недоверие к слову Божию. Другая, противоположная ей, — стремление отвергать историческую уникальность израильского народа, что породило как в западной, так и в отечественной науке желание отказаться от самого термина «библейская археология», заменив его понятием «археология Сиро-Палестинского региона». Вполне очевидно, что оба подхода неизбежно приводят к искусственным, бесосновательным интерпретациям, а потому не могут быть приняты православным сознанием. В этой связи более чем актуальным может оказаться подход, предложенный некогда проф. Олесницким, рассматривавшим археологию как средство к лучшему пониманию Библии.

Подводя итог проведенному нами исследованию вклада проф. А.А.Олесницкого в библейскую археологию, мы отдаем себе ясный отчет в том, что данный труд является лишь первым научным опытом систематического изучения наследия этого ученого. Поэтому мы считаем вправе воздержаться от окончательных выводов, однако думаем, что представленные нами итоги окажутся полезными для последующего изучения затронутого вопроса.

¹ См., например: *Глубоковский Н.Н.* Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии. М., 2002.

² *Флоровский Георгий, прот.* Пути русского богословия. Минск, 2006. С. 347.

³ *Снигирев Ростислав, прот.* Библейская археология: Учебное пособие для духовных школ. М., 2007. С. 79.

⁴ *Олесницкий Аким Алексеевич // Мень Александр, прот.* Библиологический словарь. Т. 2. М., 2002. С. 304.

⁵ *Рыбинский В.* Профессор Аким Алексеевич Олесницкий // ТКДА. 1907. №10. С. 314.

⁶ Киев, изд-во «Пролог», 2007 г.

⁷ Библейская археология — наука, восстанавливающая на основании археологических источников исторический фон событий священной истории и подтверждающая достоверность этих событий. *Снигирев Ростислав, прот.* Библейская археология. С. 10.

⁸ *Снигирев Ростислав, прот.* Библейская археология. С. 17.

⁹ См., например: *Вельгаузен Ю.* Введение в историю Израиля. СПб., 1909; *Зоммер Б.* Сотворение мира: Вавилоно-библейское сказание. М., 1921; *Harper's Bible Commentary / General editor J. Mays.* San Francisco, 1988.

¹⁰ См., например: *Антонины Б., свящ., проф.* Экзегезис книг Ветхого Завета. М., 1998.

¹¹ См., например: *Карташев А.В.* Ветхозаветная библейская критика: Актовая речь, произнесенная 13 февраля 1944 года в Сергиевской Духовной Академии в Париже. Париж, 1947.

¹² К сожалению, сегодня наиболее распространенными высказываниями относительно авторитета Библии являются такие, как, например, утверждение палестинского профессора археологии из университета «Аль-Кудса» Хани Нур эль-

Дина (Hani Nur el-Din): «Связь между исторической фактурой и библейским повествованием, написанным много позже, давно утрачена. Танах — это своего рода художественное произведение, написанное примерно в X веке». Цит. по: *Блаус С.* Кто против? URL: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=monitor&id=7096> (дата обращения: 21.06.2008).

¹³ См.: *Мень Александр, прот.* Исагогика: Курс по изучению Священного Писания. Ветхий Завет. М., 2000.

1. ¹⁴ Излагается по: *Юревич Димитрий, свящ.* Библейская критика или библейский анализ? Доклад на семинаре преподавателей библейских дисциплин духовных учебных заведений Московского Патриархата. URL: <http://www.biblemda.ru/events/2005-03-31/m20050331-yurevich-message.html> (дата обращения: 5.07.2008).

¹⁵ Как делает, в частности, Р.Бультман. См.: *Бультман Р.* Раннее христианство // *Избранное: Вера и понимание.* М., 2004. С. 618, 630.

¹⁶ Артефакт (*лат.* artefactum — искусственно сделанный) — созданный человеком предмет, вещь. *Мартынов А.И.* Археология. М., 1996. С. 408.

¹⁷ См., например: Толковая Библия, или Комментарий на все книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета: В 12 т. / Изд. Преемников А.П.Лопухина. 2-е изд. Репринт. Стокгольм, 1987.

¹⁸ См., например: *Троицкий И.Г., проф.* Библейская археология. СПб., 1913.

¹⁹ См., например: *Арсений (Соколов), иером.* О религии хананеев. URL: <http://www.foru.ru/slovo.618.5.html> (дата обращения: 5.07.2008); *Алфеева В.* Гробница Авраама // Паломничество на Синай. URL: <http://www.geocities.com/soho/village/4988/alf/alva-4.htm> (дата обращения: 5.07.2008).

²⁰ *Войтков А.* Памяти проф. А.А.Олесницкого // ТКДА. 1907. №10. С. 340–346.

²¹ *Глаголев А., свящ.* Слово на заупокойной Литургии при погребении заслуженного проф. Киевской Духовной академии А.А.Олесницкого // ТКДА. 1907. №10. С. 323–329; Профессор Аким Алексеевич Олесницкий: Некролог. Киев, 1907.

²² *Маккавейский Н.* Речь у гроба почившего профессора Киевской Духовной академии Акима Алексеевича Олесницкого // ТКДА. 1907. №10. С. 334–339.

²³ *Рыбинский В.* Профессор Аким Алексеевич Олесницкий // ТКДА. 1907. №10. С. 308–322.

²⁴ См., например: Олесницкий Аким Алексеевич // *Мень Александр, прот.* Библиологический словарь. Т. 2.

²⁵ В.П.Рыбинский в статье «Профессор Аким Алексеевич Олесницкий» (ТКДА. 1907. №10. С. 308) ошибочно указывает 1852 г.

²⁶ Протоколы заседаний Совета КДА за 1876–1877 уч. год. Протокол от 29 октября 1876 г.

²⁷ Там же. С. 311.

²⁸ *Бродович И.* Тридцатилетие Церковно-археологического музея при Киевской Духовной академии. // ТКДА. 1903. №2. С. 247.

²⁹ *Дмитриевский А.А., проф.* Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность за истекшую четверть века (1882–1907): Историческая записка. СПб., 1907. С. 186–187, 193.

³⁰ Там же. С. 204.

- ³¹ *Олесницкий А.А.* Библейская археология / Под ред. и с доп. В.П.Рыбинского. Ч. 1: Религиозные древности. Петроград, 1920.
- ³² *Мерперт Н.Я.* Очерки археологии библейских стран. М., 2000. С. 18.
- ³³ *Тураев Б.А.* Библейская археология // Христианство. Т. 1. М., 1993. С. 211.
- ³⁴ Археология // Мень Александр, прот. Библиологический словарь. Т. 1. С. 92–101.
- ³⁵ *Мерперт Н.Я.* Очерки археологии библейских стран. С. 19.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же. С. 19–20.
- ³⁸ Там же. С. 20; *Тураев Б.А.* Библейская археология // Христианство. Т. 1. М., 1993. С. 211.
- ³⁹ *Ben-Arieh Y.* The Rediscovery of the Holy Land in the Nineteenth Century. Jerusalem, 2007. P. 169.
- ⁴⁰ *Мерперт Н.Я.* Очерки археологии библейских стран. С. 20–21.
- ⁴¹ *Ben-Arieh Y.* The Rediscovery of the Holy Land in the Nineteenth Century. P. 139, 177, 183.
- ⁴² Ibid. P. 210–211; *Мерперт Н.Я.* Очерки археологии библейских стран. С. 21.
- ⁴³ *Снигирев Ростислав, прот.* Библейская археология. С. 29; *Ben-Arieh Y.* The Rediscovery... P. 220.
- ⁴⁴ *Mazar A.* Archaeology of the land of the Bible, 10000 – 586 B.C.E. New York, London, 1992. P. 10–11.
- ⁴⁵ *Ben-Arieh Y.* The Rediscovery of the Holy Land in the Nineteenth Century. P. 155, 175.
- ⁴⁶ *Мерперт Н.Я.* Очерки археологии библейских стран. С. 21.
- ⁴⁷ Там же. С. 18; *Снигирев Ростислав, прот.* Библейская археология. С. 31–32.
- ⁴⁸ *Снигирев Ростислав, прот.* Библейская археология. С. 32.
- ⁴⁹ Там же. С. 30.
- ⁵⁰ *Тураев Б.А.* Библейская археология // Христианство. Т. 1. М., 1993. С. 212.
- ⁵¹ Следует заметить, что Олесницкий признавал модели Шика наилучшими из всех существовавших на то время. См.: *Олесницкий А.А.* Ветхозаветный храм в Иерусалиме // ППС. Т. 5 (Вып. 13). СПб., 1889. С. 802–806.
- ⁵² Более подробно об этом см. раздел «История русских исследований Святой Земли».
- ⁵³ Телль (*евр.* Тель) — искусственный холм, образовавшийся на месте поселения в результате жизнедеятельности последующих поколений. См.: *Mazar A.* Archaeology of the land of the Bible... P. 9.
- ⁵⁴ *Mazar A.* Archaeology of the land of the Bible... P. 11.
- ⁵⁵ Цит. по: *Беляев Л.А.* Традиция русских археологических исследований в Святой Земле. URL: <http://www.ipho.ru/vostokovedenie/traditsiya-russkih-arheologicheskikh-issledovaniy-v-svyatoy.html> (дата обращения: 12.07.2008).
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ *Троицкий И.Г.*, проф. Библейская археология. СПб., 1913. С. 1–2.
- ⁵⁸ См.: *Кейль К.Ф.* Руководство к библейской археологии. Части I–II. Киев, 1871, 1874.

⁵⁹ В частности: *Иероним (Лаговский), архим.* Библейская археология. Т. 1: Домашние древности. Вып. 1 и 2. СПб., 1883; *Терновский С.* Краткий очерк библейской археологии. Вып. 1 и 2. М., 1891, 1896; *Воронов Е., свящ.* Лекции по библейской археологии за 1909–1910 гг. / МДА. Сергиев Посад, б.г. Машинопись.

⁶⁰ См.: *Троицкий И.Г., проф.* Библейская археология. СПб., 1913.

⁶¹ *Августин, архим., и др.* Русская библейская археология: Введение в историю открытий русских ученых в Палестине // ЖМП. 1988. №1. С. 71–72.

⁶² *Августин, архим., и др.* Русская библейская археология // ЖМП. 1988. №2. С. 72.

⁶³ *Кондаков Н.П.* Археологическое путешествие по Сирии и Палестине. СПб., 1904.

⁶⁴ *Августин (Никитин), архим.* Русский Археологический институт в Константинополе // БТ. М., 1986. Сб. № 27. С. 281–282.

⁶⁵ *Августин (Никитин), архим.* Андреевский флаг у берегов Палестины // Альфа и Омега. М., 2001. № 2 (28). С. 353.

⁶⁶ *Дмитриевский Д.С.* Протестанты в Святой Земле // Чтения о Святой Земле. СПб., 1896. Вып. 32. С. 3.

⁶⁷ *Августин (Никитин), архим.* Андреевский флаг... // Альфа и Омега. М., 2001. № 2 (28). С. 353–354.

⁶⁸ *Сорокина Н., Крылов А.* Русская Палестина. URL: <http://www.rusk.ru/st.php?idar=111051> (дата обращения: 12.07.2008).

⁶⁹ *Ростовцев М.* Русская археология в Палестине // Христианский Восток. Т. I. Вып. III. СПб., 1912. С. 253–254.

⁷⁰ *Беляев Л.А.* Палестинская археология в конце XIX — начале XX в.: православная, католическая и реформатская версии. URL: <http://www.ipro.ru/vostokovedenie/palestinskaya-arheologiya-v-kontse-xix-nachale-xx-v.-pravoslavnaya-katolicheskaya-i-reformatskaya-v.html> (дата обращения: 12.07.2008).

⁷¹ *Беляев Л.А.* Традиция русских археологических исследований в Святой Земле.

⁷² Впрочем, справедливости ради следует заметить, что кабинетной была и немецкая наука, на которую преимущественно и ориентировались русские ученые, да и католические (франко-итальянские) исследователи немало времени проводили за столом.

⁷³ *Рыбинский В.* Профессор Аким Алексеевич Олесницкий // ТКДА. 1907. № 10. С. 310.

⁷⁴ Там же. С. 315.

⁷⁵ *Снигирев Ростислав, прот.* Библейская археология. С. 79.

⁷⁶ *Олесницкий А.А.* Святая Земля. Т. 1. Киев, 1875. С. 3.

⁷⁷ *Олесницкий А.А.* Святая Земля. Т. 2. Киев, 1878. Введение. С. III.

⁷⁸ Протоколы заседаний Совета КДА за 1876–77 уч. год. Протокол от 26 ноября 1876 г. П. II.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ *Рыбинский В.* Профессор Аким Алексеевич Олесницкий // ТКДА. 1907. №10. С. 315–316.

- ⁸¹ *Олесницкий А.А.* Путешествие одного египтянина в Палестину... // ТКДА. 1876. Т. I. С. 453.
- ⁸² См. Журнал Совета Императорского Русского Археологического Общества // Записки ИРАО. Т. II. Спб., 1887. С. 256–270.
- ⁸³ *Рыбинский В.* Профессор Аким Алексеевич Олесницкий // ТКДА. 1907. №10. С. 317–318.
- ⁸⁴ *Олесницкий А.А.* Ветхозаветный храм в Иерусалиме // ППС. Т. 5. (Вып. 13). Спб., 1889. Введение. С. II.
- ⁸⁵ *Покровский Ф., доц.* Критический отзыв о сочинении проф. Акима Олесницкого «Ветхозаветный храм в Иерусалиме» // Извлечение из протоколов Совета КДА за 1889–1890 уч. год. С. 215.
- ⁸⁶ *Богородский Я., проф.* Отзыв о сочинении «Ветхозаветный храм в Иерусалиме» А.А. Олесницкого // Христианское чтение. 1894. Вып. IV. С. 167.
- ⁸⁷ *Диваков Н.* Иерусалимский храм в свете современных археологических данных. Загорск, 1990. С. 88.
- ⁸⁸ Извлечение из протоколов Совета КДА за 1889–90 уч. год. Протокол от 28 мая 1890 г. С. 216–218.
- ⁸⁹ Мегалиты (от греч. μέγας — большой, λίθος — камень) — древние сооружения из больших каменных блоков. *Мартынов А.И.* Археология. М., 1996. С. 411.
- ⁹⁰ *Олесницкий А.А.* Мегалитические памятники Святой Земли. Спб., 1895. С. 371.
- ⁹¹ *Рыбинский В.* Профессор Аким Алексеевич Олесницкий // ТКДА. 1907. №10. С. 317.
- ⁹² *Мерперт Н.Я.* Очерки археологии библейских стран. С. 19.
- ⁹³ *Ben-Arieh Y.* The Rediscovery of the Holy Land in the Nineteenth Century. Jerusalem, 2007. P. 88–89.
- ⁹⁴ *Олесницкий А.А.* Святая Земля. Т. 1. Киев, 1875. С. 15–16.
- ⁹⁵ Там же. С. 19–24.
- ⁹⁶ Там же. С. 19.
- ⁹⁷ *Никитин А.Б.* История библейской археологии // *Райт Дж. Э.* Библейская археология. Спб., 2003. С. 415.
- ⁹⁸ *Джексон У.* Изучение Библии в свете археологии // Христианский справочник по апологетике: Учебно-методическое пособие / Пер. с англ. Л.Голубева. Киров, 2001. С. 607.
- ⁹⁹ *Ростовцев М.* Русская археология в Палестине // Христианский Восток. Т. I. Вып. III. Спб., 1912. С. 254.
- ¹⁰⁰ *Джексон У.* Изучение Библии в свете археологии. С. 607.
- ¹⁰¹ *Ben-Arieh Y.* The Rediscovery of the Holy Land in the Nineteenth Century. Jerusalem, 2007. P. 176.
- ¹⁰² Гезер // Краткая еврейская энциклопедия / Под ред. И.Орена (Наделя) и др. Т. 2. Иерусалим, 1982. С. 57–58.
- ¹⁰³ *Ben-Arieh Y.* The Rediscovery of the Holy Land in the Nineteenth Century. P. 175.
- ¹⁰⁴ *Mazar A.* Archaeology of the land of the Bible... P. 10–11.
- ¹⁰⁵ *Джексон У.* Изучение Библии в свете археологии. С. 607.

¹⁰⁶ *Беляев Л.А.* Палестинская археология в конце XIX – начале XX в...

¹⁰⁷ *Ben-Arieh Y.* The Rediscovery of the Holy Land in the Nineteenth Century. P. 210–211.

¹⁰⁸ *Беляев Л.А.* Палестинская археология в конце XIX – начале XX в.

¹⁰⁹ Примером такого подхода может служить книга А.Ф.Соколова «Библейская география. Пособие к чтению Библии и изучению Священной истории». СПб., 1884. Издание представляет собой по существу справочник, в котором перечисляются страны, города, горы, равнины, озера, реки, упоминаемые в Священном Писании, растения и плоды, произрастаемые в Святой Земле, обитающие в ней животные и дается их краткая характеристика, отличающаяся исключительной тщательностью и скрупулезностью.

¹¹⁰ *Беляев Л.А.* Традиция русских археологических исследований в Святой Земле.

¹¹¹ *Олесницкий А.А.* Судьбы древних памятников Святой Земли // ТКДА. 1875. Ноябрь. С. 1.

¹¹² Там же. С. 2.

¹¹³ Там же. С. 3.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ Впрочем, замечает проф. Олесницкий, нередко «палестинские предания слишком спутанны и готовы указывать один и тот же памятник в десяти различных местах». См.: Там же. С. 19.

¹¹⁶ К сожалению, в ряде случаев не представляется возможным однозначно установить местонахождение того или иного ориентира, указываемого проф. Олесницким, так как некоторые из них обозначены весьма неопределенно, а некоторые за истекшее время либо изменили свое название (например, с арабского на еврейское), либо вообще исчезли бесследно.

¹¹⁷ *Олесницкий А.А.* Святая Земля. Т. 2. Киев, 1878. С. 16.

¹¹⁸ См.: Толковая Библия... 2-е изд. Репр. Стокгольм, 1987. Толкование на Нав. 3:16; 22:10; Царган // *Ринекер Ф., Майер Г.* Библейская Энциклопедия Брокгауза. Paderborn, 1999. С. 846.

¹¹⁹ *Олесницкий А.А.* Святая Земля. Т. 2. Киев, 1878. С. 88–89.

¹²⁰ См.: News & Excavations. URL: <http://archaeology.huji.ac.il/news/newfound.asp> (дата обращения: 18.11.2008).

¹²¹ См., например: Адолламская пещера // *Нюстрем Э.* Библейский энциклопедический словарь. 1868. URL: <http://www.superbook.org/NUS/a.htm> (дата обращения: 20.11.2008); Beecher W. Adullam // Bible Atlas. URL: <http://bibleatlas.org/adullam.htm> (дата обращения: 20.11.2008).

¹²² Адуллам // Краткая еврейская энциклопедия. Т. 1. Иерусалим, 1976. С. 57.

¹²³ Эммаус // Краткая еврейская энциклопедия. Т. 10. Иерусалим, 2001. С. 487.

¹²⁴ Выполнено с использованием следующих источников: Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Брюссель, 1989; Краткая еврейская энциклопедия / Под ред. И.Орена (Наделя) и др. В 11 т. Иерусалим, 1976–2005; *Ринекер Ф., Майер Г.* Библейская Энциклопедия Брокгауза. Paderborn, 1999; The illustrated dictionary & concordance of the Bible: New revised edition / General editor G.Wigoder. New York, 2005.

¹²⁵ Результаты исследований обоих ученых были опубликованы практически одновременно — в 1878 г.

¹²⁶ *Августин, архим. и др.* Русская библейская археология // ЖМП. 1988. №4. С. 69.

¹²⁷ *Августин (Никитин), архим.* Русская библейская археология в Палестине // БТ. М., 1999. Сб. № 35. С. 68–69.

¹²⁸ В настоящее время считается, что башня Давида и есть башня Гиппика (Hippicus Tower), названная так во времена Иисуса Христа. См: The illustrated atlas of Jerusalem / Editor Dan Bahat. Jerusalem, 1990. P. 56.

¹²⁹ *Олесницкий А.А.* Святая Земля. Т. 1. Киев, 1875. С. 453–454.

¹³⁰ До настоящего времени точное положение башни Псефины не установлено. См.: The illustrated atlas of Jerusalem. Jerusalem, 1990. P. 35.

¹³¹ *Олесницкий А.А.* Святая Земля. Т. 1. Киев, 1875. С. 470–471.

¹³² The illustrated atlas of Jerusalem. Jerusalem, 1990. P. 30–31.

¹³³ Журнал Совета Императорского Русского Археологического Общества // Записки ИРАО. Т. II. 1887. С. 258.

¹³⁴ *Олесницкий А.А.* Судьбы древних памятников Святой Земли // ТКДА. 1875. Ноябрь. С. 2.

¹³⁵ См.: *Олесницкий А.А.* Святая Земля. Т. 2. Киев, 1878. С. 296.

¹³⁶ Там же.

¹³⁷ Там же. С. 297.

¹³⁸ *Олесницкий А.А.* Судьбы древних памятников Святой Земли // ТКДА. 1875. Ноябрь. С. 5.

¹³⁹ Там же. С. 11–12.

¹⁴⁰ Там же. С. 13.

¹⁴¹ В сочинениях проф. Олесницкого платформа иерусалимского храма именуется «Харам-аш-Шариф» — арабским термином, принятым в научной литературе XIX в. С целью максимального сохранения оригинального текста данное наименование будет использовано и в настоящей работе.

¹⁴² *Олесницкий А.А.* Святая Земля. Т. 1. Киев, 1875. С. 18.

¹⁴³ *Олесницкий А.А.* Святая Земля. Т. 2. Киев, 1878. С. 38.

¹⁴⁴ Там же. С. 31, 33.

¹⁴⁵ Там же. С. 26–27.

¹⁴⁶ Там же. С. 31, 38.

¹⁴⁷ *Олесницкий А.А.* Ветхозаветный храм в Иерусалиме // ППС. Т. 5 (Вып. 13). СПб., 1889. С. 555.

¹⁴⁸ Там же. С. 571.

¹⁴⁹ *Олесницкий А.А.* Святая Земля. Т. 1. Киев, 1875. С. 65.

¹⁵⁰ Там же. С. 68–69.

¹⁵¹ Там же. С. 75.

¹⁵² *Ritmeyer L.* The Quest: Revealing the temple mount in Jerusalem. Jerusalem, 2006. P. 49.

¹⁵³ *Олесницкий А.А.* Ветхозаветный храм в Иерусалиме // ППС. Т. 5 (Вып. 13). СПб., 1889. С. 722–723.

¹⁵⁴ *Олесницкий А.А.* Святая Земля. Т. 1. Киев, 1875. С. 77.

- ¹⁵⁵ Там же. С. 79.
- ¹⁵⁶ Там же. С. 80.
- ¹⁵⁷ Там же. С. 85; Олесницкий А.А. Ветхозаветный храм в Иерусалиме // ППС. Т. 5 (Вып. 13). СПб., 1889. С. 747.
- ¹⁵⁸ *Олесницкий А.А.* Ветхозаветный храм в Иерусалиме // ППС. Т. 5 (Вып. 13). СПб., 1889. С. 747.
- ¹⁵⁹ Там же. С. 753.
- ¹⁶⁰ *Олесницкий А.А.* Святая Земля. Т. 1. Киев, 1875. С. 96, 101–102.
- ¹⁶¹ Там же. С. 103–109.
- ¹⁶² *Олесницкий А.А.* Ветхозаветный храм в Иерусалиме // ППС. Т. 5 (Вып. 13). СПб., 1889. С. 708.
- ¹⁶³ *Олесницкий А.А.* Святая Земля. Т. 1. Киев, 1875. С. 150–153.
- ¹⁶⁴ Там же. С. 154–155.
- ¹⁶⁵ Там же. С. 186–187.
- ¹⁶⁶ Там же. С. 201–248.
- ¹⁶⁷ Там же. С. 250–251.
- ¹⁶⁸ Там же. С. 251.
- ¹⁶⁹ Там же. С. 252–253.
- ¹⁷⁰ Там же. С. 325.
- ¹⁷¹ См., например: The illustrated atlas of Jerusalem. Jerusalem, 1990. P. 53.
- ¹⁷² *Олесницкий А.А.* Святая Земля. Т. 1. Киев, 1875. С. 338–339.
- ¹⁷³ *Олесницкий А.А.* Судьбы древних памятников Святой Земли // ТКДА. 1875. Ноябрь. С. 7.
- ¹⁷⁴ *Олесницкий А.А.* Святая Земля. Т. 1. Киев, 1875. С. 351.
- ¹⁷⁵ Там же. С. 353–359.
- ¹⁷⁶ Там же. С. 368.
- ¹⁷⁷ *Олесницкий А.А.* Судьбы древних памятников Святой Земли // ТКДА. 1875. Ноябрь. С. 8.
- ¹⁷⁸ *Олесницкий А.А.* Святая Земля. Т. 1. Киев, 1875. С. 369.
- ¹⁷⁹ См.: The illustrated atlas of Jerusalem. Jerusalem, 1990. P. 32, 51.
- ¹⁸⁰ *Олесницкий А.А.* Святая Земля. Т. 1. Киев, 1875. С. 374–375.
- ¹⁸¹ Там же. С. 409–410.
- ¹⁸² *Олесницкий А.А.* Святая Земля. Т. 2. Киев, 1878. С. 100.
- ¹⁸³ См.: *Magen I. Matre* // The New encyclopedia of archaeological excavations in the Holy Land / Editor E. Stern. V.3. Jerusalem, 1993. P. 939–942.
- ¹⁸⁴ *Олесницкий А.А.* Святая Земля. Т. 2. Киев, 1878. С. 121.
- ¹⁸⁵ Следует отметить, что приведенные строки из Исаии в синодальном издании имеют совсем другой смысл: «Взгляните на скалу, из которой вы иссечены, в глубину рва, из которого вы извлечены...» (Ис. 51:1).
- ¹⁸⁶ *Олесницкий А.А.* Святая Земля. Т. 2. Киев, 1878. С. 124.
- ¹⁸⁷ Махпела пещера // Краткая еврейская энциклопедия. Т. 5. Иерусалим, 1990. С. 178–179.
- ¹⁸⁸ *Олесницкий А.А.* Святая Земля. Т. 2. Киев, 1878. С. 76–83.
- ¹⁸⁹ Там же. С. 358–369.
- ¹⁹⁰ Там же. С. 606–607.

¹⁹¹ Там же. С. 613–614.

¹⁹² *Олесницкий А.А.* Гробница Аарона на горе Ор // ТКДА. 1879. Март. С. 364–370.

¹⁹³ *Олесницкий А.А.* Святая Земля. Т. 2. Киев, 1878. С. 446, 455–465, 468–470, 472–474, 484.

¹⁹⁴ Там же. С. 546–547.

¹⁹⁵ Там же. С. 577.

¹⁹⁶ *Mazar A.* Archaeology of the land of the Bible, 10000 — 586 B.C.E. New York, London, 1992. P. 26–27.

¹⁹⁷ См.: *Троцкий И.Г., проф.* Библейская археология. СПб., 1913. С. 43–46; Указатель предметов Церковно-археологического музея при Киевской Духовной академии. Киев, 1880. С. 6–9, 48–49.

¹⁹⁸ Указатель предметов Церковно-археологического музея при КДА. Киев, 1880. С. 6.

¹⁹⁹ *Олесницкий А.А.* Судьбы древних памятников Святой Земли // ТКДА. 1875. Ноябрь. С. 18.

²⁰⁰ Там же.

²⁰¹ Там же.

²⁰² *Олесницкий А.А.* Ветхозаветный храм в Иерусалиме // ППС. Т. 5 (Вып. 13). СПб., 1889. С. 443.

²⁰³ Там же.

²⁰⁴ Там же. С. 444.

²⁰⁵ См.: *Троцкий И.Г.* Силоамская надпись // Христианское чтение. СПбДА, 1887. Ч. II. С. 168.

²⁰⁶ См.: *Олесницкий А.А.* Ветхозаветный храм в Иерусалиме // ППС. Т. 5 (Вып. 13). СПб., 1889. С. 813–814.

²⁰⁷ *Троцкий И.Г.* Силоамская надпись // Христианское чтение. СПбДА, 1887. Ч. II. С. 168.

²⁰⁸ Там же. С. 170–171.

²⁰⁹ *Олесницкий А.А.* Ветхозаветный храм в Иерусалиме // ППС. Т. 5 (Вып. 13). СПб., 1889. С. 814.

²¹⁰ Там же. С. 814.

²¹¹ *Олесницкий А.А.* Святая Земля. Т. 2. Киев, 1878. С. 241–242, 250–254.

²¹² *Олесницкий А.А.* Вопрос о новейших открытиях моавитских древностей // ТКДА. 1877. Т. IV. Октябрь. С. 3.

²¹³ Там же. С. 28.

²¹⁴ Там же. С. 66.

²¹⁵ Там же. С. 47.

²¹⁶ См.: *Лопухин А.П.* Библейская история при свете новейших исследований и открытий. Ветхий Завет. Т. 1. СПб., 1889. С. 890–892.

²¹⁷ Из слов Олесницкого: «До Ричарда ни Сольси, ни Герен и после Ричарда... не находил» — можно заключить, что Олесницкий имел возможность исследовать находку лишь заочно, на основании публикаций зарубежных источников. См.: *Олесницкий А.А.* Святая Земля. Т. 2. Киев, 1878. С. 323.

²¹⁸ *Олесницкий А.А.* Святая Земля. Т. 2. Киев, 1878. С. 324.

²¹⁹ См.: Толковая Библия... 2-е изд. Репр. Стокгольм, 1987. Толкование на Нав. 19, 50; 21, 42.

²²⁰ См., например, *Снигирев Ростислав, прот.* Библейская археология. С. 87–88.

²²¹ *Диваков Н.* Иерусалимский храм в свете современных археологических данных. Загорск, 1990. С. 4.

²²² Там же. С. 88.

²²³ *Олесницкий А.А.* Ветхозаветный храм в Иерусалиме // ППС. Т. 5 (Вып. 13). СПб., 1889. Введение. С. XXIV.

²²⁴ *Wilson Ch., Warren Ch.* The Recovery of Jerusalem: A Narrative of Exploration and Discovery in the City and the Holy Land. London, 1871. P. 35, 56–75.

²²⁵ *Вельгаузен Ю.* Введение в историю Израиля. СПб., 1909. С. 32.

²²⁶ Там же. С. 33.

²²⁷ *Олесницкий А.А.* Ветхозаветный храм в Иерусалиме // ППС. Т. 5 (Вып. 13). СПб., 1889. Введение. С. XXIV.

²²⁸ Там же. С. XXV.

²²⁹ Там же.

²³⁰ *Райт Дж. Э.* Библейская археология. СПб., 2003. С. 193.

²³¹ *Диваков Н.* Иерусалимский храм в свете современных археологических данных. Загорск, 1990. С. 18.

²³² *Mazar A.* Archaeology of the land of the Bible, 10000 — 586 B.C.E. New York, London, 1992. P. 377.

²³³ *Райт Дж. Э.* Библейская археология. СПб., 2003. С. 196–197.

²³⁴ *Диваков Н.* Иерусалимский храм в свете современных археологических данных. Загорск, 1990. С. 19.

²³⁵ Там же. С. 16; *Мерперт Н.Я.* Очерки археологии библейских стран. М., 2000. С. 245.

²³⁶ См.: *Муретов М.Д.* Ветхозаветный храм: Ч. 1: Внешний вид храма. М., 1890. С. 224.

²³⁷ См.: *Ritmeyer L.* The Quest: Revealing the temple mount in Jerusalem. Jerusalem, 2006. Ch. VI.

²³⁸ Там же. С. 263.

²³⁹ Там же. С. 269.

²⁴⁰ Там же. С. 269–270.

²⁴¹ Там же. С. 277.

²⁴² *Диваков Н.* Иерусалимский храм в свете современных археологических данных. Загорск, 1990. С. 59.

²⁴³ *Олесницкий А.А.* Ветхозаветный храм в Иерусалиме // ППС. Т. 5 (Вып. 13). СПб., 1889. С. 300.

²⁴⁴ *Диваков Н.* Иерусалимский храм в свете современных археологических данных. Загорск, 1990. С. 25–26.

²⁴⁵ *Олесницкий А.А.* Ветхозаветный храм в Иерусалиме // ППС. Т. 5 (Вып. 13). СПб., 1889. С. 302–308.

²⁴⁶ *Ritmeyer L.* The Quest: Revealing the temple mount in Jerusalem. Jerusalem, 2006. P. 291.

- ²⁴⁷ *Олесницкий А.А.* Ветхозаветный храм в Иерусалиме // ППС. Т. 5 (Вып. 13). СПб., 1889. С. 333–334.
- ²⁴⁸ Там же. С. 334–340.
- ²⁴⁹ Там же. С. 349.
- ²⁵⁰ *Диваков Н.* Иерусалимский храм в свете современных археологических данных. Загорск, 1990. С. 102.
- ²⁵¹ *Mazar A.* Archaeology of the land of the Bible, 10000 — 586 B.C.E. New York, London, 1992. P. 405.
- ²⁵² *Олесницкий А.А.* Ветхозаветный храм в Иерусалиме // ППС. Т. 5 (Вып. 13). СПб., 1889. С. 384–385.
- ²⁵³ См., например: *Троицкий И.Г., проф.* Библейская археология. СПб., 1913. С. 391.
- ²⁵⁴ *Олесницкий А.А.* Ветхозаветный храм в Иерусалиме // ППС. Т. 5 (Вып. 13). СПб., 1889. С. 478.
- ²⁵⁵ *Диваков Н.* Иерусалимский храм в свете современных археологических данных. Загорск, 1990. С. 120.
- ²⁵⁶ *Олесницкий А.А.* Ветхозаветный храм в Иерусалиме // ППС. Т. 5 (Вып. 13). СПб., 1889. С. 397–399.
- ²⁵⁷ *Диваков Н.* Иерусалимский храм в свете современных археологических данных. Загорск, 1990. С. 119.
- ²⁵⁸ Такого же мнения придерживается свящ. Димитрий Гольцев: «Купольное сооружение (прохода под Двойными воротами.), несомненно, связано с колоннадой Царского портика наверху». См.: *Гольцев Димитрий, прот.* Реконструкция ветхозаветного храма Иерусалимского в современных археологических исследованиях. СПб., 2008. С. 71.
- ²⁵⁹ *Олесницкий А.А.* Ветхозаветный храм в Иерусалиме // ППС. Т. 5 (Вып. 13). СПб., 1889. С. 417.
- ²⁶⁰ Там же. С. 497.
- ²⁶¹ *Диваков Н.* Иерусалимский храм в свете современных археологических данных. Загорск, 1990. С. 120.
- ²⁶² *Олесницкий А.А.* Ветхозаветный храм в Иерусалиме // ППС. Т. 5 (Вып. 13). СПб., 1889. С. 504.
- ²⁶³ Там же. С. 508.
- ²⁶⁴ *Ritmeyer L.* The Quest: Revealing the temple mount in Jerusalem. Jerusalem, 2006. P. 380.
- ²⁶⁵ *Диваков Н.* Иерусалимский храм в свете современных археологических данных. Загорск, 1990. С. 135.
- ²⁶⁶ *Гольцев Димитрий, прот.* Реконструкция ветхозаветного Храма Иерусалимского... СПб., 2008. С. 218.
- ²⁶⁷ Там же.
- ²⁶⁸ См.: *Диваков Н.* Иерусалимский храм в свете современных археологических данных. Загорск, 1990. С. 147.
- ²⁶⁹ *Олесницкий А.А.* Ветхозаветный храм в Иерусалиме // ППС. Т. 5 (Вып. 13). СПб., 1889. С. 441.
- ²⁷⁰ См., например: *Ritmeyer L.* The Quest: Revealing the temple mount in Jerusalem. Jerusalem, 2006. P. 345.

²⁷¹ *Олесницкий А.А.* Ветхозаветный храм в Иерусалиме // ППС. Т. 5 (Вып. 13). СПб., 1889. С. 461.

²⁷² Там же. С. 462.

²⁷³ *Wilson Ch., Warren Ch.* The Recovery of Jerusalem. London, 1871. Ch. IV. P. 118–134.

²⁷⁴ К сожалению, Уоррен не имел возможности обследовать подземную часть этого участка стены по причине препятствия со стороны подземных остатков наружной городской стены, некогда огибавшей восточную стену Храмовой платформы.

²⁷⁵ *Wilson Ch., Warren Ch.* The Recovery of Jerusalem. London, 1871. Ch. V. P. 159–188.

²⁷⁶ Уоррен считал юго-восточный угол сооружением Соломона, отрицая при этом связь данной постройки с территорией самого храма. Юго-западный же угол, по его мнению, впервые был заполнен лишь Иродом. Тем самым ученый отстаивал одновременность происхождения обоих углов южной стороны храма.

²⁷⁷ Следует, впрочем, заметить, что данное утверждение Олесницкого является результатом экстраполяции сведений о тех подземных участках стены, которые были непосредственно обследованы Уорреном. Им действительно не было обнаружено под землей никаких швов, что, однако, не может исключать их наличие на остальных участках стен. Предположительно, именно такой шов должен находиться ниже места видимого стыка двух стен в районе юго-восточного угла. Поскольку подземное продолжение этого отрезка стены не исследовано до сих пор, то вопрос остается открытым.

²⁷⁸ *Олесницкий А.А.* Ветхозаветный храм в Иерусалиме // ППС. Т. 5 (Вып. 13). СПб., 1889. С. 805.

²⁷⁹ Там же. С. 641–642.

²⁸⁰ *Олесницкий А.А.* Святая Земля. Т. 1. Киев, 1875. С. 92.

²⁸¹ Там же. С. 100.

²⁸² Там же. С. 101.

²⁸³ Там же. С. 105–107.

²⁸⁴ О данной колонне подробно шла речь выше, в связи с рассмотрением вопроса о внешнем виде капителей колонн Иахин и Воаз храма Соломона.

²⁸⁵ *Олесницкий А.А.* Святая Земля. Т. 1. Киев, 1875. С. 107.

²⁸⁶ Там же. С. 155.

²⁸⁷ *Ritmeyer L.* The Quest: Revealing the temple mount in Jerusalem. Jerusalem, 2006. P. 56, 234.

²⁸⁸ Ibid. P. 103.

²⁸⁹ *Wilson Ch., Warren Ch.* The Recovery of Jerusalem. London, 1871. Ch. XII. P. 309–326.

²⁹⁰ *Олесницкий А.А.* Ветхозаветный храм в Иерусалиме // ППС. Т. 5 (Вып. 13). СПб., 1889. С. 666.

²⁹¹ *Олесницкий А.А.* Святая Земля. Т. 1. Киев, 1875. С. 66–75.

²⁹² *Ritmeyer L.* The Quest: Revealing the temple mount in Jerusalem. Jerusalem, 2006. P. 27–28.

²⁹³ *Wilson Ch., Warren Ch.* The Recovery of Jerusalem. London, 1871. P. 143–144.

²⁹⁴ *Ritmeyer L.* The Quest: Revealing the temple mount in Jerusalem. Jerusalem, 2006. P. 101–102.

²⁹⁵ *Гольцев Димитрий, прот.* Реконструкция ветхозаветного Храма Иерусалимского... СПб., 2008. С. 89.

²⁹⁶ Там же. С. 89–90.

²⁹⁷ *Олесницкий А.А.* Святая Земля. Т. 1. Киев, 1875. С. 80; Его же: Ветхозаветный храм в Иерусалиме // ППС. Т. 5 (Вып. 13). СПб., 1889. С. 747.

²⁹⁸ *Гольцев Димитрий, прот.* Реконструкция ветхозаветного Храма Иерусалимского... СПб., 2008. С. 89–90.

²⁹⁹ *Олесницкий А.А.* Ветхозаветный храм в Иерусалиме // ППС. Т. 5 (Вып. 13). СПб., 1889. С. 747.

³⁰⁰ Там же. С. 647.

³⁰¹ *Гольцев Димитрий, прот.* Реконструкция ветхозаветного Храма Иерусалимского... СПб., 2008. С. 116–117.

³⁰² См.: *Олесницкий А.А.* Святая Земля. Т. 1. Киев, 1875. С. 149–154.

³⁰³ *Олесницкий А.А.* Святая Земля. Т. 1. Киев, 1875. С. 149–153. Интересно, что несколькими страницами ранее (с. 135) Олесницкий приводит свидетельство Мишны о том, что Камень Скалы служил основанием для ковчега Завета, т.е. находился в стенах Святого святых.

³⁰⁴ *Олесницкий А.А.* Ветхозаветный храм в Иерусалиме // ППС. Т. 5 (Вып. 13). СПб., 1889. С. 800.

³⁰⁵ *Ritmeyer L.* The Quest: Revealing the temple mount in Jerusalem. Jerusalem, 2006. Ch. VI.

³⁰⁶ *Джеймс П., Торп Н. Стоунхендж.* URL: <http://www.celtica.ru/content/view/53> (дата обращения: 26.11.2008).

³⁰⁷ *Олесницкий А.А.* Мегалитические памятники Святой Земли. СПб., 1895. Введение; *Ben-Arieh Y.* The Rediscovery of the Holy Land in the Nineteenth Century. Jerusalem, 2007. P. 52.

³⁰⁸ *Ben-Arieh Y.* The Rediscovery of the Holy Land in the Nineteenth Century. Jerusalem, 2007. P. 220.

³⁰⁹ С. Conder «The Survey of Eastern Palestine» (1889) и «Heth and Moab» (1889), а также G. Schumacher «The Jaulan» (1889), «Across the Jordan» (1889) и «Northern Ajlun» (1890).

³¹⁰ *Олесницкий А.А.* Святая Земля. Т. 2. Киев, 1878. С. 24–29.

³¹¹ *Олесницкий А.А.* Мегалитические памятники Святой Земли. СПб., 1895. Введение.

³¹² Там же. С. 322.

³¹³ См. там же, например, с. 34–42, 51, 320–323.

³¹⁴ «До сих пор никто не может с уверенностью сказать, что он может предложить научную методику для определения возраста большинства мегалитов, с помощью которой можно было бы определить, когда именно каменный блок был вырублен из карьера». Войцеховский А. Кто построил каменные цепи // Знак вопроса. 1995. № 2. С. 42–43.

³¹⁵ *Олесницкий А.А.* Мегалитические памятники Святой Земли. СПб., 1895. С. 156.

- ³¹⁶ Там же. Введение.
- ³¹⁷ См. там же, например, с. 13, 21–22, 190–191, 349–355.
- ³¹⁸ См., например: *Zohar M. Dolmens // The New encyclopedia of archaeological excavations... V. 1. Jerusalem, 1993. P. 352–356.*
- ³¹⁹ *Олесницкий А.А.* Мегалитические памятники Святой Земли. СПб., 1895. С. 33.
- ³²⁰ В Синодальном издании еврейский термин «бама» обычно переводится словом «высота».
- ³²¹ *Олесницкий А.А.* Святая Земля. Т. 2. Киев, 1878. С. 28.
- ³²² *Олесницкий А.А.* Мегалитические памятники Святой Земли. СПб., 1895. С. 57.
- ³²³ Там же. С. 85.
- ³²⁴ См.: *Олесницкий А.А.* Святая Земля. Т. 2. Киев, 1878. С. 25–28.
- ³²⁵ См.: Толковая Библия... 2-е изд. Репр. Стокгольм, 1987. Толкование на 3 Цар. 16, 29–33; *Троицкий И.Г., проф.* Библейская археология. СПб., 1913. С. 55–56.
- ³²⁶ *Zohar M. Dolmens // The New encyclopedia of archaeological excavations... V. 1. Jerusalem, 1993. P. 352.*
- ³²⁷ *Олесницкий А.А.* Мегалитические памятники Святой Земли. СПб., 1895. С. 277.
- ³²⁸ Там же. С. 256.
- ³²⁹ Там же. С. 259.
- ³³⁰ *Олесницкий А.А.* Мегалитические памятники Святой Земли. СПб., 1895. С. 176.
- ³³¹ Там же. С. 320.
- ³³² Там же. С. 322–323.
- ³³³ *Олесницкий А.А.* Мегалитические памятники Святой Земли. СПб., 1895. С. 2, 12.
- ³³⁴ Там же. С. 3–12.
- ³³⁵ Там же. С. 12–13.
- ³³⁶ Там же. С. 12, 20.
- ³³⁷ Там же. С. 78.
- ³³⁸ Там же. С. 35–37.
- ³³⁹ Там же. С. 56.
- ³⁴⁰ Там же. С. 368–369.
- ³⁴¹ Там же. С. 183.
- ³⁴² Там же. С. 371.
- ³⁴³ *Монгайт А.Л.* Археология Западной Европы. Т. 1: Каменный век. М., 1973. С. 258–259.
- ³⁴⁴ *Пиотровский Ю.* Интервью журналу «Всемирный следопыт», 2007. Цит. по: *Махов А.* Мегалитическое противостояние. URL: <http://www.slavrus.narod.ru/osnown/mp1.htm> (дата обращения: 26.11.2008).
- ³⁴⁵ *Монгайт А.Л.* Указ. соч. С. 259; *Элиаде М.* История веры и религиозных идей. Т. 1: От каменного века до элевсинских мистерий. М., 2001. С. 110. Современный израильский исследователь М. Зохар вообще определяет дольмены как

погребальные камеры (burial chamber). *Zohar M. Dolmens // The New encyclopedia of archaeological excavations...* V. 1. Jerusalem, 1993. P. 352.

³⁴⁶ *Монгайт А.Л.* Археология Западной Европы. Т. 1. М., 1973. С. 258.

³⁴⁷ *Элиаде М.* История веры и религиозных идей. Т. 1. М., 2001. С. 112.

³⁴⁸ *Монгайт А.Л.* Археология Западной Европы. Т. 1. М., 1973. С. 259.

³⁴⁹ *Олесницкий А.А.* Мегалитические памятники Святой Земли. СПб., 1895. С. 359–360.

³⁵⁰ *Монгайт А.Л.* Археология Западной Европы. Т. 1. М., 1973. С. 259.

³⁵¹ *Олесницкий А.А.* Мегалитические памятники Святой Земли. СПб., 1895. С. 58–59.

³⁵² Там же. С. 124–156.

³⁵³ Там же. С. 191.

³⁵⁴ Там же. С. 192–194.

³⁵⁵ *Элиаде М.* История веры и религиозных идей. Т. 1. М., 2001. С. 115–116.

³⁵⁶ По расположению примерно соответствует группе «Телл-ел-Хаммам» у Олесницкого.

³⁵⁷ Соответствует группе «Телл-ед-Дамия» у Олесницкого.

³⁵⁸ *Zohar M. Dolmens // The New encyclopedia of archaeological excavations...* V. 1. Jerusalem, 1993. P. 354.

³⁵⁹ *Олесницкий А.А.* Мегалитические памятники Святой Земли. СПб., 1895. С. 148–149.

³⁶⁰ Там же. С. 22–23.

³⁶¹ Там же. С. 348. Вводя понятие «мегалитический стиль», Олесницкий тем самым предвзвешивает аналогичный современный термин «мегалитическая культура».

³⁶² Там же. С. 349.

³⁶³ Там же. С. 371–372.

³⁶⁴ *Зубов А.Б.* Эти огромные камни... URL: <http://www.prosvetlenie.org/razum/16/29.html> (дата обращения: 26.11.2008).

³⁶⁵ *Элиаде М.* История веры и религиозных идей. Т. 1. М., 2001. С. 115–116.

³⁶⁶ *Монгайт А.Л.* Археология Западной Европы. Т. 1. М., 1973. С. 260.

³⁶⁷ *Фадеева Т.М.* Образ и символ: Универсальный язык символики в истории культуры. М., 2004. С. 113.

³⁶⁸ *Элиаде М.* История веры и религиозных идей. Т. 1. М., 2001. С. 116. Применительно к ближневосточным мегалитическим памятникам такой же точки зрения придерживается М. Зохар. См.: *Zohar M. Dolmens // The New encyclopedia of archaeological excavations...* V. 1. Jerusalem, 1993. P. 356.

³⁶⁹ *Монгайт А.Л.* Археология Западной Европы. Т. 1. М., 1973. С. 263.

³⁷⁰ *Зубов А.Б.* Эти огромные камни...

³⁷¹ *Олесницкий А.А.* Святая Земля. Т. 2. Киев, 1878. Введение. С. III.

³⁷² Там же.

³⁷³ Там же. С. 295.

³⁷⁴ Там же. С. 378–379.

³⁷⁵ Там же. С. 446.

³⁷⁶ *Олесницкий А.А.* Ветхозаветный храм в Иерусалиме // ППС. Т. 5 (Вып. 13). СПб., 1889. С. 446–447.

³⁷⁷ *Войтков А.* Памяти проф. А.А.Олесницкого // ТКДА. 1907. №10. С. 344–345.

³⁷⁸ *Олесницкий А.А.* Святая Земля. Т. 2. Киев, 1878. С. 547.

³⁷⁹ *Олесницкий А.А.* Мегалитические памятники Святой Земли. СПб., 1895. С. 81–82.

³⁸⁰ Там же. С. 118–119.

³⁸¹ *Олесницкий А.А.* Святая Земля. Т. 2. Киев, 1878. С. 75–82.

³⁸² *Олесницкий А.А.* Святая Земля. Т. 1. Киев, 1875. С. 414–415.

³⁸³ *Олесницкий А.А.* Ветхозаветный храм в Иерусалиме // ППС. Т. 5 (Вып. 13). СПб., 1889. С. 191.

³⁸⁴ *Титов Федор, прот., проф.* Императорская Киевская Духовная академия 1615–1915. Киев, 2003. С. 385.

³⁸⁵ Там же. С. 386.

³⁸⁶ *Рыбинский В.* Профессор Аким Алексеевич Олесницкий // ТКДА. 1907. №10. С. 321.

³⁸⁷ *Маккавейский Н.* Речь у гроба почившего профессора КДА А.А. Олесницкого // ТКДА. 1907. №10. С. 336.

³⁸⁸ Извлечение из протоколов заседаний Совета КДА за 1885–86 уч. год. Протокол от 31 октября 1885 г. П. XVI.

³⁸⁹ *Бродович И.* Тридцатилетие Церковно-археологического музея при КДА // ТКДА. 1903. Февраль. С. 231–232; *Ф. Т.* Страничка из тридцатилетней истории ЦИАО при КДА // ТКДА. 1903. Январь. С. 153.

³⁹⁰ *Бродович И.* Тридцатилетие Церковно-археологического музея при КДА // ТКДА. 1903. Февраль. С. 232.

³⁹¹ *Ф. Т.* Страничка из тридцатилетней истории ЦИАО при КДА // ТКДА. 1903. Январь. С. 153.

³⁹² См.: ТКДА. 1879. Т. 1. С. 157.

³⁹³ *Герновский Ф.А.* Собrania церковных древностей на Афоне, в Дрездене и в Берлине // ТКДА. 1882. Декабрь. С. 419.

³⁹⁴ *Бродович И.* Тридцатилетие Церковно-археологического музея при КДА // ТКДА. 1903. Февраль. С. 245.

³⁹⁵ См., например: Известия ЦАО за ноябрь–декабрь 1875 г. // ТКДА. 1876. Т. 1. С. 200, 399.

³⁹⁶ *Бродович И.* Тридцатилетие Церковно-археологического музея при КДА // ТКДА. 1903. Февраль. С. 247.

³⁹⁷ *Петров Н.* Тридцатилетие Церковно-исторического и археологического Общества при КДА // ТКДА. 1903. Январь. С. 146.

³⁹⁸ Там же. С. 148.

³⁹⁹ См.: Отчет о состоянии КДА за 1901–1902 уч. год // ТКДА. 1903. Январь. С. 126.

⁴⁰⁰ См.: Указатель предметов Церковно-археологического музея при КДА. Киев, 1880. С. 6–9, 48–49.

⁴⁰¹ *Петров Н.* Тридцатилетие... // ТКДА. 1903. Январь. С. 134–151.

⁴⁰² См.: *Покровский Н.В.* Церковно-археологический музей Санкт-Петербургской Духовной академии. 1879–1909. СПб., 1909; *Голубцов А.* Церковно-

археологический музей при Московской Духовной академии. Сергиев Посад, 1895 (оттиск из журнала «Богословский вестник», 1895, апрель и май).

⁴⁰³ *Рыбинский В.* Профессор Аким Алексеевич Олесницкий // ТКДА. 1907. №10. С. 320.

⁴⁰⁴ Там же.

⁴⁰⁵ *Глаголев А., свящ.* Слово на заупокойной Литургии... // ТКДА. 1907. №10. С. 326.

⁴⁰⁶ *Маккавейский Н.* Речь у гроба почившего профессора КДА А.А.Олесницкого // ТКДА. 1907. №10. С. 337.

⁴⁰⁷ *Рыбинский В.* Профессор Аким Алексеевич Олесницкий // ТКДА. 1907. №10. С. 321.

⁴⁰⁸ *Глаголев А., свящ.* Слово на заупокойной Литургии... // ТКДА. 1907. №10. С. 327.

⁴⁰⁹ См.: Извлечение из протоколов Совета КДА за 1885–1886 уч. год. Протокол от 19 февраля 1886 г. П. I.

⁴¹⁰ См.: Извлечение из протоколов Совета КДА за 1890–1891 уч. год. Протокол от 23 мая 1891 г. П. X.

⁴¹¹ Здесь и далее биографические сведения даются по: *Мень А., свящ.* Библиологический словарь. В 3 т.

⁴¹² См.: *Рыбинский В.* Вавилон и Библия // ТКДА. 1903. Т. II. №5. С. 113–144; К вопросу об отношении Библии к Вавилону // ТКДА. 1904. Т. I. С. 46–58; По поводу новейших археологических раскопок в Палестине // ТКДА. 1908. Т. III. №11. С. 436–458.

⁴¹³ См.: *Песоцкий С.А.* Повествование ассиро–вавилонских клинообразных надписей о творении мира // ТКДА. 1901. № 10. С. 228–276; Начало Вавилона // ТКДА. 1902. Т. III. С. 3–77.

⁴¹⁴ См.: *Фоменко К., свящ.* Древняя монолитная колонна на погосте Русского храма в Иерусалиме // ТКДА. 1880. Т. III. С. 137–143; Иерусалим и его окрестности. Киев, 1883; Города и села в Святой Земле // ТКДА. 1884. Т. III. С. 3–43; Колодези и цистерны в Святой Земле // ТКДА. 1886. Т. III. С. 450–483; Новые раскопки в Иерусалиме // ТКДА. 1894. №9. С. 171–177; Заметки о гробе царя Давида // ТКДА. 1898. Т. III. С. 439–450.

⁴¹⁵ См.: *Иваницкий В.Ф.* Иудейско-арамейские папирусы с острова Элефантины и их значение для науки Ветхого Завета. Киев, 1914.

⁴¹⁶ См.: *Юнгеров П.А.* Внебиблейские свидетельства о событиях, описываемых в Книге пророка Даниила // ПрС. 1888. №1. С. 12–50; Книга Есфирь и внебиблейские памятники. Казань, 1891.

⁴¹⁷ *Лопухин А.П.* Библейская история при свете новейших исследований и открытий. Ветхий Завет. В 2 т. Т. 1–2. СПб., 1889–1890.

⁴¹⁸ См.: *Троицкий С.* Новейшие открытия в области библейской истории // Странник. 1910. №2. С. 244–248.

⁴¹⁹ *Терновский С.А.* Топография Иерусалима библейских времен // ПС. 1912. №12.

⁴²⁰ *Рыбинский В.* Профессор Аким Алексеевич Олесницкий // ТКДА. 1907. №10. С. 312.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

БТ — Богословские труды
ЖМП — Журнал Московской Патриархии
ИППО — Императорское Православное Палестинское Общество
ИРАО — Императорское Русское Археологическое Общество
КазДА — Казанская Духовная академия
КДА — Киевская Духовная академия
МДА — Московская Духовная академия
ППО — Православное Палестинское Общество
ППС — Православный Палестинский сборник
ПрС — Православный собеседник
ПС — Палестинский сборник
РАИК — Русский Археологический институт в Константинополе
СПБДА — Санкт-Петербургская Духовная академия
ТКДА — Труды Киевской Духовной академии
ЦАО — Церковно-археологическое общество
ЧОЛДП — Чтения в Обществе любителей духовного просвещения

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники:

- Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. — Брюссель: Жизнь с Богом, 1989. — 2535 с.
- Biblia Hebraica / Edidit Rudolf Kittel. — Württembergische Bibelanstalt Stuttgart, 1937. — 1434 s.
- Олесницкий А.А.* Ветхозаветный храм в Иерусалиме: Исследование // ППС. Т. 5 (Вып. 13). — СПб., 1889. — 858 с.
- Олесницкий А.А.* Вопрос о новейших открытиях моавитских древностей // ТКДА. 1877. Октябрь. С. 3–78.
- Олесницкий А.А.* Вставки в Книге Иисуса Навина 21, 42 и 24, 30 по переводу LXX // ЧОЛДП. 1878. №1. С. 166–168.
- Олесницкий А.А.* Гробница Аарона на горе Ор // ТКДА. 1879. Март. С. 356–371.
- Олесницкий А.А.* Мегалитические памятники Святой Земли. СПб., 1895. 372 с.
- Олесницкий А.А.* О том, как д-р Сепп открыл древний храм Ваала между Иерусалимом и Вифлеемом // ТКДА. 1878. Т. 1. С. 637–657.
- Олесницкий А.А.* По вопросу о раскопках 1883 г. на русском месте в Иерусалиме // Записки ИРАО. Т. II. СПб, 1887. С. 187–245.
- Олесницкий А.А.* Путешествие одного египтянина в Палестину, Сирию и Финикию в XIV в. пред Рождеством Христовым: Новый источник для библейской географии // ТКДА. 1876. Т. 1. С. 452–509.

Олесницкий А.А. Святая Земля: Отчет о командировке в Палестину и прилегающие к ней страны, 1873–1874: В 2 т. Киев. Т. 1: Иерусалим и его древние памятники. 1875. 555 с.; Т. 2: Замечательнейшие по древним памятникам места Иудеи, Самарии, Галилеи верхней и нижней, Финикии и Ливанской области. 1878. 654 с.

Олесницкий А.А. Судьбы древних памятников Святой Земли: Речь, произнесенная в торжественном собрании Киевской Духовной академии 28 сентября 1875 г. // ТКДА. 1875. Ноябрь. С. 1–21.

Литература:

Августин (Никитин), архим. Андреевский флаг у берегов Палестины (Русские паломники в Святой Земле) // Альфа и Омега. М. 2001. №2(28). С. 349–363.

Августин, архим. и др. Русская библейская археология: Введение в историю открытий русских ученых в Палестине // ЖМП. 1988. №1. С. 71–73; № 2. С. 72–73; №4. С. 69–71.

Августин (Никитин), архим. Русская библейская археология в Палестине // БТ. М.: Изд-во Московской Патриархии. 1999. Сб. №35. С. 64–91.

Августин (Никитин), архим. Русский Археологический Институт в Константинополе // БТ. М.: Изд-во Московской Патриархии. 1986. Сб. №27. С. 266–293.

Алфеева В. Гробница Авраама // Паломничество на Синай [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.geocities.com/soho/village/4988/alf/alva-4.htm>.

Антонины Б., свящ., проф. Экзегезис книг Ветхого Завета — М.: Колледж католической теологии им. св. Фомы Аквинского, 1998. 325 с.

Арсений (Соколов), иером. О религии хананеев [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.foru.ru/slovo.618.5.html>.

Беляев Л.А. Палестинская археология в конце XIX – начале XX в.: православная, католическая и реформатская версии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ippo.ru/vostokovedenie/palestinskaya-arheologiya-v-kontse-xix-nachale-xx-v.-pravoslavnaaya-katolicheskaya-i-reformatskaya-v.html>.

Беляев Л.А. Традиция русских археологических исследований в Святой Земле [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ippo.ru/vostokovedenie/traditsiya-russkih-arheologicheskikh-issledovaniy-v-svyatoy.html>.

Блаус С. Кто против? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.Portal-credo.ru/site/?act=monitor&id=7096>.

Богородский Я., проф. Отзыв о сочинении «Ветхозаветный храм в Иерусалиме» А.А. Олесницкого // Христианское чтение. 1894. Вып. III. С. 516–540; Вып. IV. С. 148–167.

Бродович И. Тридцатилетие Церковно-археологического музея при Киевской Духовной академии. // ТКДА. 1903. Февраль. С. 231–253.

Бультман Р. Раннее христианство // Избранное: Вера и понимание. Том I–II / Пер. с нем. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 752 с. (Серия «Книга света»).

Вельгаузен Ю. Введение в историю Израиля / Пер. с нем. Н.М.Никольского. СПб., 1909. 427 с.

Войтков А. Памяти проф. А.А.Олесницкого // ТКДА. 1907. №10. С. 340–346.

Войцеховский А. Кто построил каменные цепи // Знак вопроса. 1995. №2. С. 41–54.

Воронов Е., свящ. Лекции по библейской археологии за 1909–1910 гг. / МДА. Сергиев Посад, б.г. 129 с. Машинопись.

Глаголев А., свящ. Профессор Аким Алексеевич Олесницкий: Некролог. Киев, 1907. 15 с.

Глаголев А., свящ. Слово на заупокойной Литургии при погребении заслуженного проф. Киевской Духовной академии А.А.Олесницкого // ТКДА. 1907. №10. С. 323–329.

Глубоковский Н.Н. Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии. М.: Изд-во Свято-Владимирского братства, 2002. 190 с.

Голубцов А. Церковно-археологический музей при Московской Духовной академии. Сергиев Посад, 1895 (оттиск из журнала «Богословский вестник», 1895, апрель и май).

Гольцев Димитрий, прот. Реконструкция ветхозаветного храма Иерусалимского в современных археологических исследованиях: Дис. ... канд. богосл. наук. СПб.: СПбДА, 2008. 259 с.

Джеймс П., Торп Н. Стоунхендж [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.celtica.ru/content/view/53>.

Джексон У. Изучение Библии в свете археологии // Христианский справочник по апологетике: Учебно–методическое пособие / Пер. с англ. Л.Голубева. Киров, 2001. С. 599–662.

Диваков Н. Иерусалимский храм в свете современных археологических данных: Дис. ... канд. богосл. наук. Загорск: МДА, 1990. 152 с.

Дмитриевский А.А., проф. Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность за истекшую четверть века (1882–1907): Историческая записка. СПб., 1907. 332 с.

Дмитриевский Д.С. Протестанты в Святой Земле // Чтения о Святой Земле. СПб.: Изд-е ИППО, 1896. Вып. 32. 37 с.

Журнал Совета Императорского Русского Археологического Общества // Записки ИРАО. Т. II. СПб, 1887. С. 256–270.

Зоммер Б. Сотворение мира: Вавилоно-библейское сказание / Пер. с нем. Е.Ратнера. М.: Государственное изд-во, 1921. 88 с.

Зубов А.Б. Эти огромные камни... [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.prosvetlenie.org/razum/16/29.html>.

Иваницкий В.Ф. Иудейско-арамейские папирусы с острова Элефантины и их значение для науки Ветхого Завета. Киев, 1914, 95 с.

Иероним (Лаговский), архим. Библейская археология. Т. 1: Домашние древности. Вып. 1 и 2. СПб., 1883. XVI, 383 с.

Известия Церковно-археологического общества за ноябрь–декабрь 1875 г. // ТКДА. 1876. Т. 1.

Извлечение из протоколов Совета Киевской Духовной академии за 1885–86 уч. год. Киев, 1886. 272 с.

Извлечение из протоколов Совета Киевской Духовной академии за 1889–90 уч. год. Киев, 1891. 382 с.

Извлечение из протоколов Совета Киевской Духовной академии за 1890–1891 уч. год. Киев, 1892. 383 с.

Карташев А.В. Ветхозаветная библейская критика: Актовая речь, произнесенная 13 февраля 1944 года в Сергиевской Духовной академии в Париже. Париж: Имка–Пресс, 1947. 96 с.

Кейль К.Ф. Руководство к библейской археологии. Киев. Ч. I. 1871. 592 с.; Ч. II. 1874. 384 с.

Кондаков Н.П. Археологическое путешествие по Сирии и Палестине. СПб.: Изд. Имп. Акад. наук, 1904. 308 с., 72 табл.

Краткая еврейская энциклопедия / Под ред. И.Орена (Наделя) и др. В 11 т. Иерусалим: Общество по исследованию еврейских общин, 1976–2005.

Лопухин А.П. Библейская история при свете новейших исследований и открытий. Ветхий завет: В 2 т. СПб., 1889–1890.

Маккавейский Н. Речь у гроба почившего профессора Киевской Духовной академии Акима Алексеевича Олесницкого // ТКДА. 1907. №10. С. 334–339.

Мартынов А.И. Археология: Учебник. М.: Высш. шк., 1996. 415 с.: илл.

Махов А. Мегалитическое противостояние [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.slavruss.narod.ru/osnown/mp1.htm>.

Мень Александр, прот. Библиологический словарь: В 3 т. М.: Фонд им. Александра Меня, 2002.

Мень Александр, прот. Исагогика: Курс по изучению Священного Писания. Ветхий Завет. М.: Фонд им. Александра Меня, 2000. 631 с.

Мерперт Н.Я. Очерки археологии библейских стран. М.: Библейско–богословский институт св. апостола Андрея, 2000. 331 с.

Монгайт А.Л. Археология Западной Европы. Т. 1. Каменный век. М.: Наука, 1973. 354 с.

Муретов М.Д. Ветхозаветный храм. Ч. 1. М.: Унив. тип., 1890. Ч. 1. Внешний вид храма. 1890. 506 с.

Нюстрем Э. Библейский энциклопедический словарь. 1868 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.superbook.org/NUS.htm>.

Отчет о состоянии Киевской Духовной академии за 1901–1902 уч. год // ТКДА. 1903. Январь. С. 84–133.

Песоцкий С. Начало Вавилона // ТКДА. 1902. Т. III. С. 3–77.

Песоцкий С.А. Повествование ассиро–вавилонских клинообразных надписей о творении мира // ТКДА. 1901. №10. С. 228–276.

Петров Н. Тридцатилетие Церковно–исторического и археологического общества при Киевской Духовной академии // ТКДА. 1903. Январь. С. 134–151.

Покровский Н.В. Церковно–археологический музей Санкт–Петербургской Духовной академии. 1879–1909. СПб., 1909.

Покровский Ф., доц. Критический отзыв о сочинении проф. Акима Олесницкого «Ветхозаветный храм в Иерусалиме» // Извлечение из протоколов Совета КДА за 1889–1890 уч. год. Киев, 1891. С. 155–215.

Правдолюбов Сергей, диак. Вклад проф. Московской Духовной академии М.Д.Муретова в православную библеистику. В 2 частях. Загорск: Троице-Сергиева Лавра, 1977–1978. Курсовое сочинение.

Протоколы заседаний Совета Киевской Духовной академии за 1876–77 уч. год. Б. м.: б. и., б. г. 424 с.

Райт Дж.Э. Библейская археология / Пер. с англ. А.А. Чеха / Под ред. А.Б. Никитина. СПб.: ВІВЛІОПОЛІС, 2003. 455 с.

Ринекер Фритц, Майер Герхард. Библейская Энциклопедия Брокгауза. Paderborn: Christliche Verlagsbuchhandlung, 1999. 1088 с.

Ростовцев М. Русская археология в Палестине // Христианский Восток. Т. I. Вып. III. СПб.: Изд. Имп. Акад. наук. 1912. С. 247–266.

Рыбинский В. Вавилон и Библия (по поводу речи Ф. Делича на тему «Babel und Bibel») // ТКДА. 1903. Т. II. №5. С. 113–144.

Рыбинский В. К вопросу об отношении Библии к Вавилону: Раскопки храма Бэла в Ниппуре // ТКДА. 1904. Т. I. С. 46–58.

Рыбинский В. По поводу новейших археологических раскопок в Палестине: Речь, произнесенная в собрании Киевского отделения ИППО // ТКДА. 1908. Т. III. №11. С. 436–458.

Рыбинский В. Профессор Аким Алексеевич Олесницкий // ТКДА. 1907. №10. С. 308–322.

Снигирев Ростислав, прот. Библейская археология: Учебное пособие для духовных школ. — М.: Изд-во Московского Подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2007. 576 с.: ил.

Соколов А.Ф. Библейская география: Пособие к чтению Библии и изучению Священной истории. СПб., 1884.

Сорокина Н., Крылов А. Русская Палестина [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rusk.ru/st.php?idar=111051>.

Терновский С. Краткий очерк библейской археологии. Вып. 1 и 2. М., 1891, 1896. 224 с.

Терновский С.А. Топография Иерусалима библейских времен // Палестинский сборник. 1912. № 12.

Терновский Ф.А. Собрания церковных древностей на Афоне, в Дрездене и в Берлине. // ТКДА. 1882. Декабрь. С. 409–420.

Титов Федор, прот., проф. Императорская Киевская Духовная академия 1615–1915. Киев: Гопак, 2003. 688 с.

ТКДА. 1879. Т. 1.

Толковая Библия, или Комментарий на все книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета: В 12 т. / Изд. Преимников А.П.Лопухина. 2-е изд. Репр. воспр. изд. СПб., 1904–1913. Стокгольм: Институт перевода Библии, 1987.

Троицкий И.Г., проф. Библейская археология. СПб., 1913. 477 с.

Троицкий И.Г. Силоамская надпись // Христианское Чтение. СПбДА. 1887. Ч. II. С. 161–176.

Троицкий С. Новейшие открытия в области библейской истории // Страник. 1910. № 2. С. 244–248.

Тураев Б.А. Библейская археология // Христианство: Энциклопедический словарь: В 3 т. М.: Научное изд-во «Большая Российская энциклопедия», 1993. Т. 1. С. 206–212.

Указатель предметов Церковно-археологического музея при Киевской Духовной академии. Киев, 1880. 60 с.

Фадеева Т.М. Образ и символ: Универсальный язык символики в истории культуры. М.: Новалис, 2004. 254 с.

Флоровский Георгий, прот. Пути русского богословия. Минск: Изд-во Белорусского Экзархата, 2006. 608 с.

Фоменко К., свящ. Города и села в Святой Земле // ТКДА. 1884. Т. III. С. 3–43.

Фоменко К., свящ. Древняя монолитная колонна на погосте Русского храма в Иерусалиме // ТКДА. 1880. Т. III. С. 137–143.

Фоменко К., свящ. Заметки о гробе царя Давида // ТКДА. 1898. Т. III. С. 439–450.

Фоменко К., свящ. Иерусалим и его окрестности. Киев, 1883.

Фоменко К., свящ. Колодези и цистерны в Святой Земле // ТКДА. 1886. Т. III. С. 450–483.

Фоменко К., свящ. Новые раскопки в Иерусалиме // ТКДА. 1894. №9. С. 171–177.

Ф.Т. Страничка из тридцатилетней истории ЦИАО при КДА // ТКДА. 1903. Январь. С. 152–158.

Элиаде М. История веры и религиозных идей: В 3 т. М.: Критерион. Т. 1: От каменного века до элевсинских мистерий. 2001. 461 с.

Юнгеров П.А. Внебиблейские свидетельства о событиях, описываемых в Книге пророка Даниила // ПрС. 1888. №1. С. 12–50.

Юнгеров П.А. Книга Есфирь и внебиблейские памятники. Казань, 1891. 48 с.

Юревич Димитрий, свящ. Библейская критика или библейский анализ? Доклад на семинаре преподавателей библейских дисциплин духовных учебных заведений Московского Патриархата [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.bible-mds.ru/events/2005-03-31/m20050331-yurevich-message.html>.

Beecher W. J. Adullam // Bible Atlas [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://bibleatlas.org/adullam.htm>.

Ben-Arieh Y. The Rediscovery of the Holy Land in the Nineteenth Century. Jerusalem: Sefer Ve Sefel Publishing, 2007. 266 p.

Harper's Bible Commentary / General editor J. L. Mays. San Francisco: Harper & Row Publishers, 1988.

Mazar A. Archaeology of the land of the Bible, 10000 586 B.C.E. New York, London: Doubleday, 1992. 576 p. (The Anchor Bible reference library).

News & Excavations [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://archaeology.huji.ac.il/news/newfound.asp>.

Ritmeyer L. The Quest: Revealing the temple mount in Jerusalem. Jerusalem: Carta & The LAMB Foundation, 2006. 440 p.

The illustrated atlas of Jerusalem / Editor D. Bahat. Jerusalem: Carta, 1990. 152 p.

The illustrated dictionary & concordance of the Bible: Nev revised edition / General editor G. Wigoder. New York: Sterling Publishing, 2005. 1037 p.

The New encyclopedia of archaeological excavations in the Holy Land: In 4 v. / Editor E. Stern. Jerusalem: The Israel Exploration Society & Carta, 1993.

Wilson Ch., Warren Ch. The Recovery of Jerusalem: A Narrative of Exploration and Discovery in the City and the Holy Land / Edited by W. Morrison. London: Richard Bentley, 1871. 554 p.

К разделу IV.2. «Библейская география»

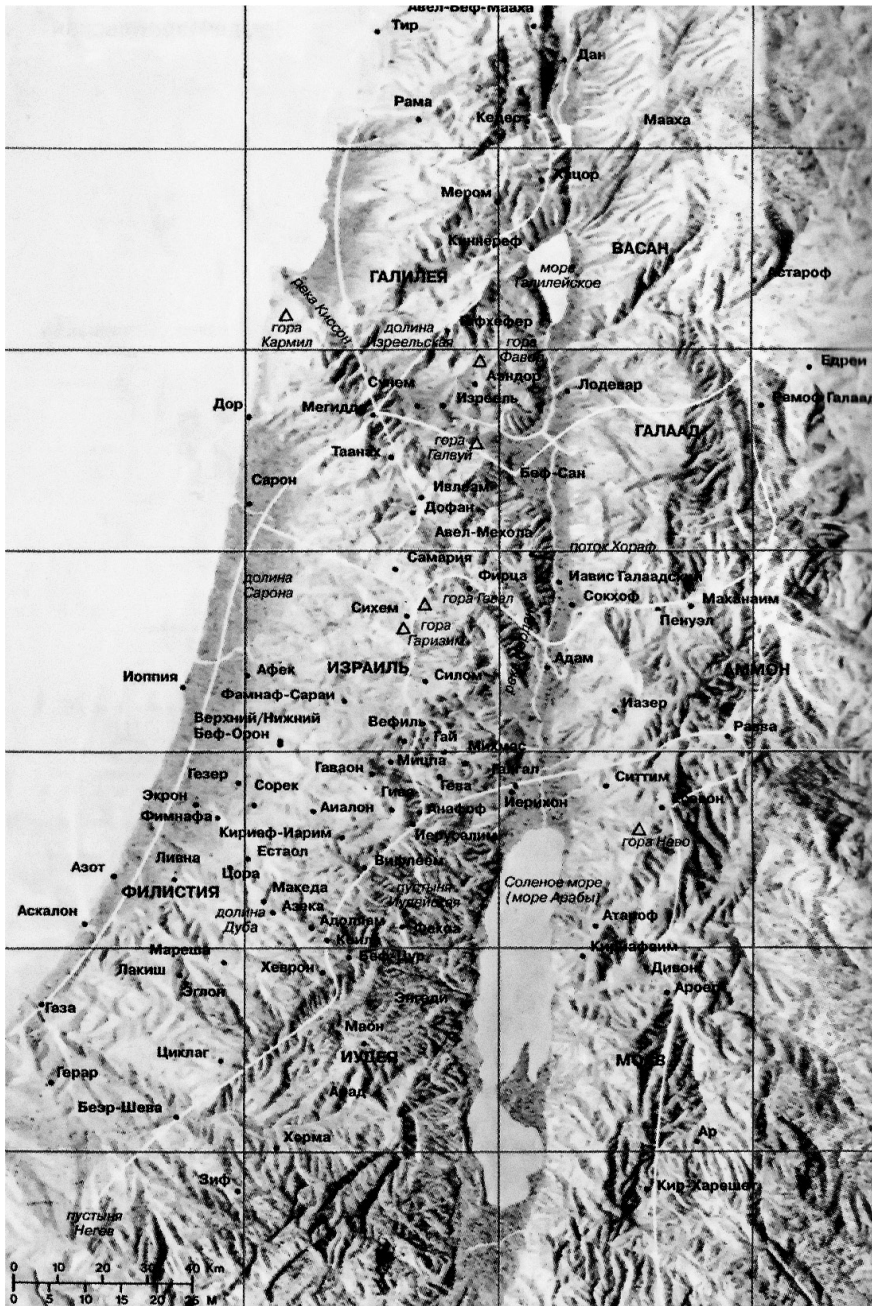

Рис. IV.2.1. Важнейшие библейские места Святой Земли

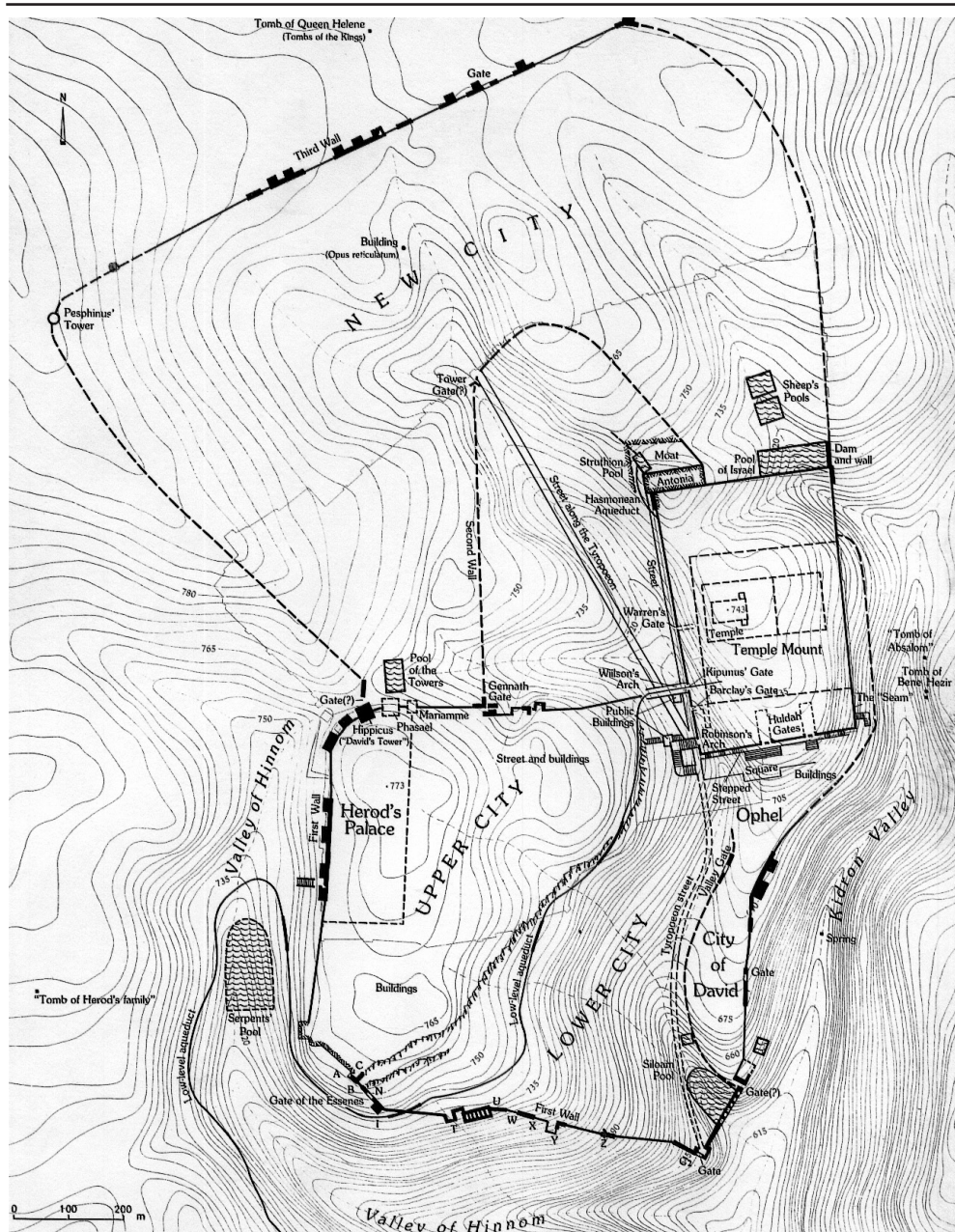

Рис. IV.2.2. План Иерусалима (середина I в. по Р. X.)

К разделу IV.3. «Монументальные памятники»

а

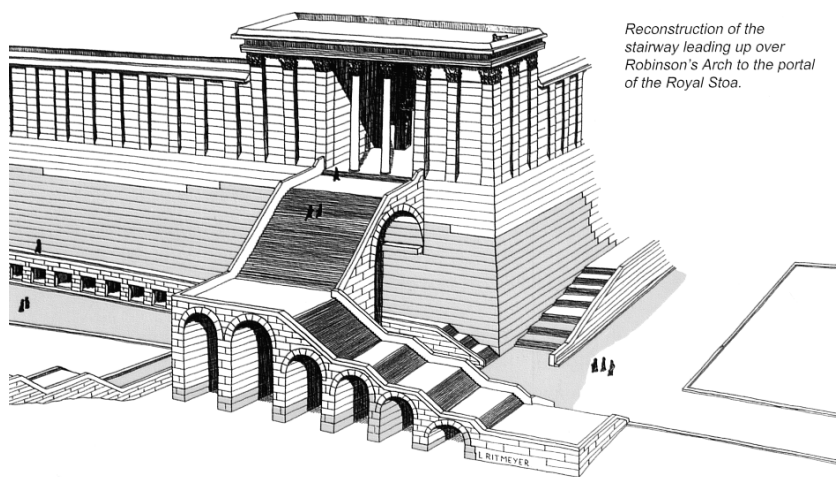

б

Рис. IV.3.1. Стена Плача (а – общий вид, б – фрагмент)

Рис. IV.3.2. Вид на юго-западный угол храма и арку Робинсона

*Reconstruction of the
stairway leading up over
Robinson's Arch to the portal
of the Royal Stoa.*

Рис. IV.3.3. Реконструкция арки Робинсона (по Ритмейеру)

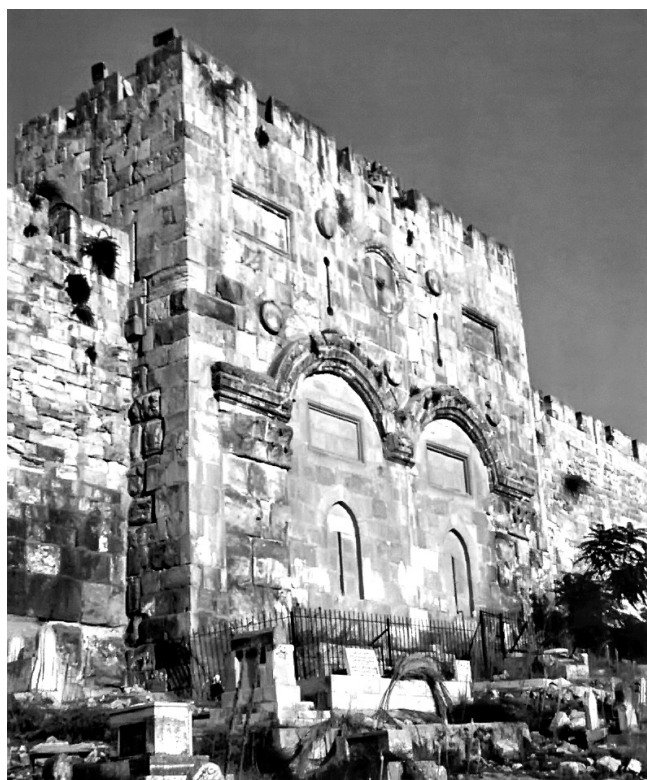

Рис. IV.3.4. Золотые ворота

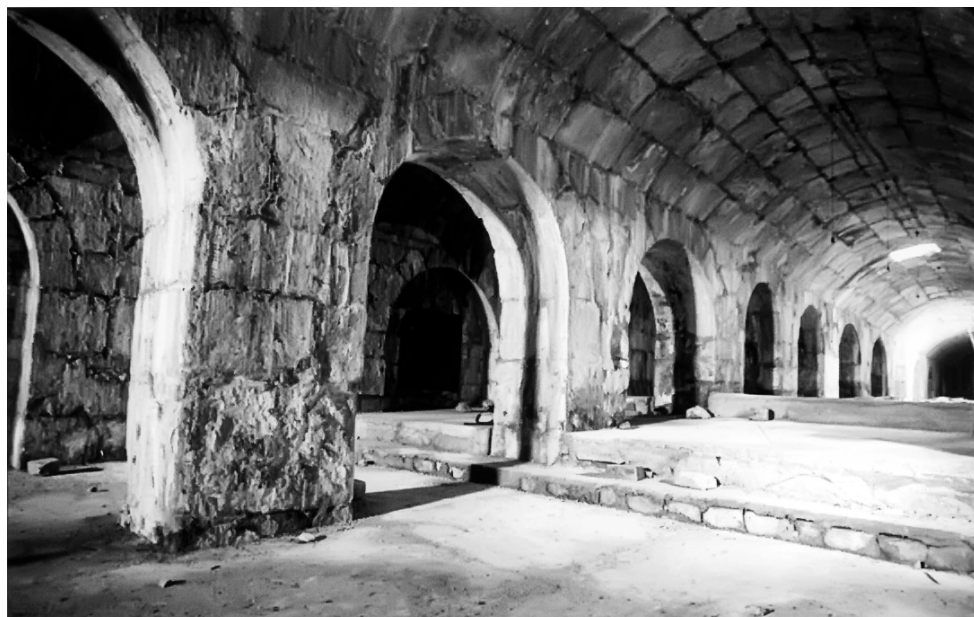

Рис. IV.3.5. Юго-восточное подземелье (Тройных ворот) иерусалимского храма

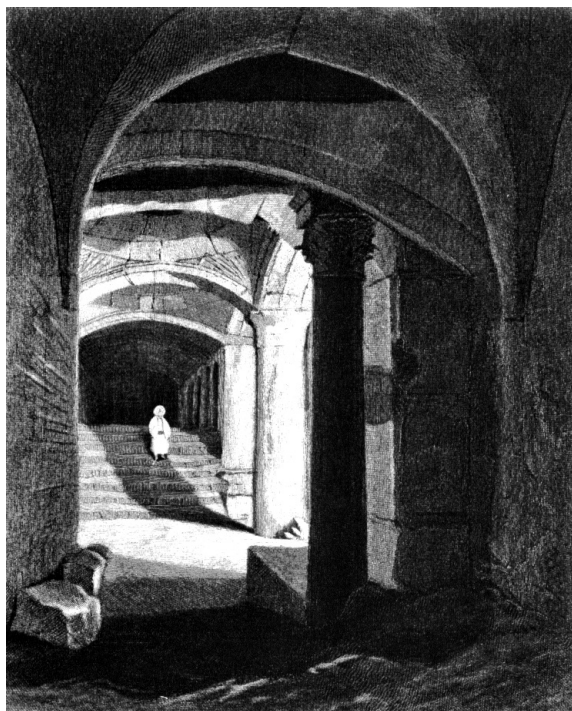

Рис. IV.3.6. Подземелье аль-Акса (Двойных ворот) иерусалимского храма (Гравюра XIX в.)

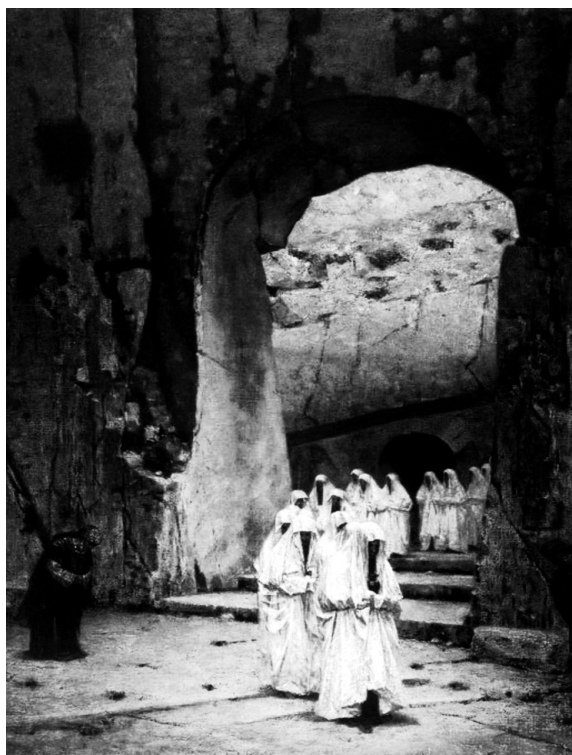

Рис. IV.3.7. Внутренний вид гробниц царей в Иерусалиме

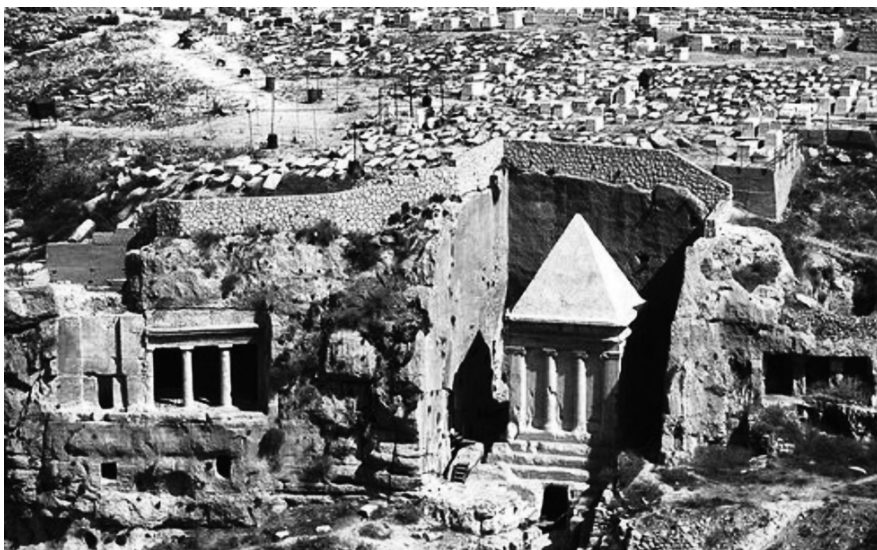

Рис. IV.3.8. Гробница Захарии в Иерусалиме

Рис. IV.3.9. Памятник Авессалома в Иерусалиме

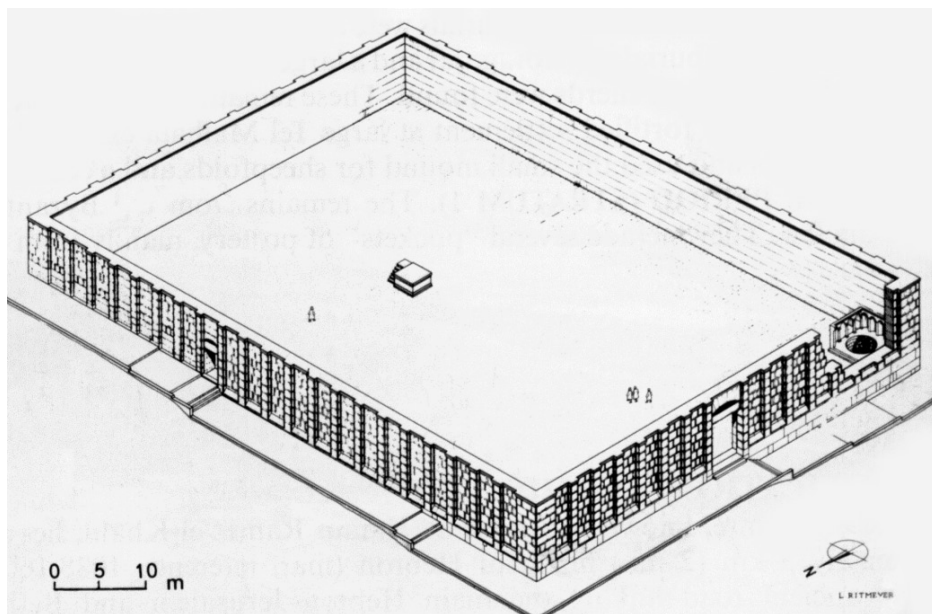
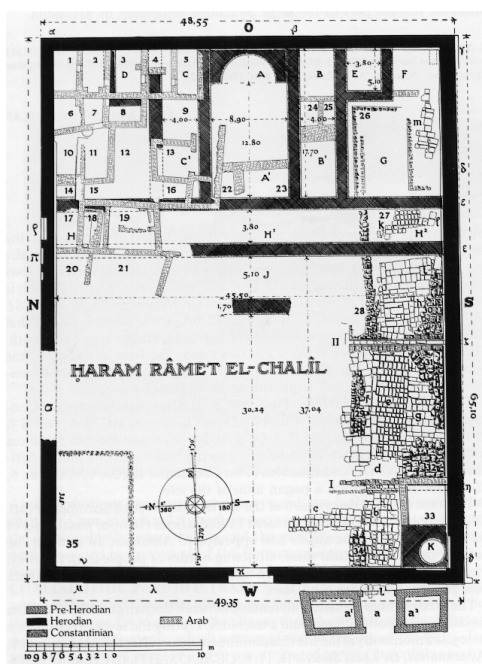

Рис. IV.3.10. Харам-Рамет-ель-Халил
(а – план, б – фрагмент стены, в – реконструкция)
(по Магену)

Рис. IV.3.11. Гробница Патриархов в Хевроне

Рис. IV.3.12. Руины храмового комплекса в Баальбеке

Рис. IV.3.13. Баальбек. Камень кладки

Рис. IV.3.14. Гробница Аарона на горе Ор

К разделу IV.4. «Отдельные археологические находки»

Рис. IV.4.1. Доска запрещения иерусалимского храма

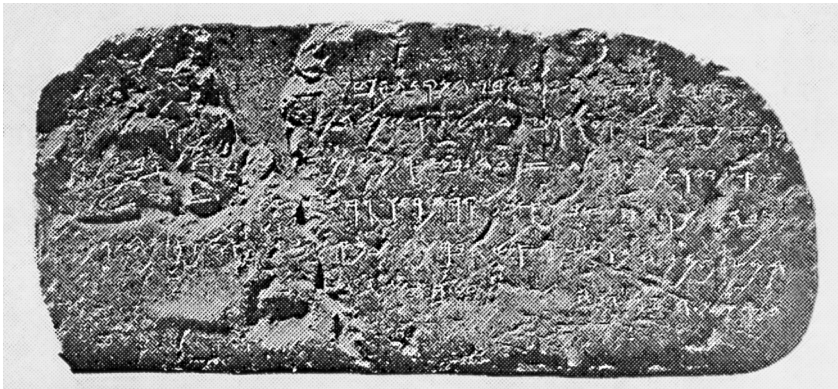

Рис. IV.4.2. Силоамская надпись (а – общий вид, б – прорисовка надписи)

К разделу IV.5. «Археологическое изучение и реконструкция ветхозаветного храма в Иерусалиме»

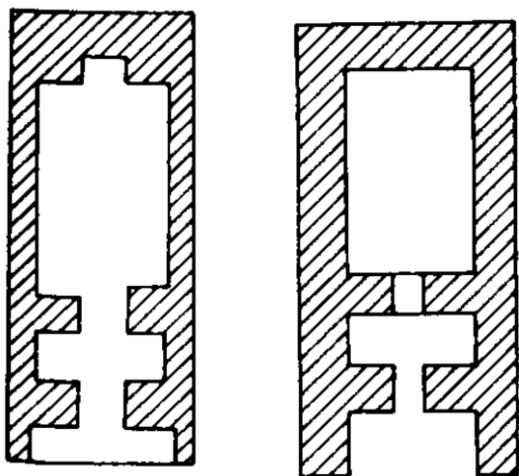

Рис. IV.5.1. Северосирийские аналоги иерусалимского храма (а – Эбла, б – Тель Мумбакат) (по Мазару)

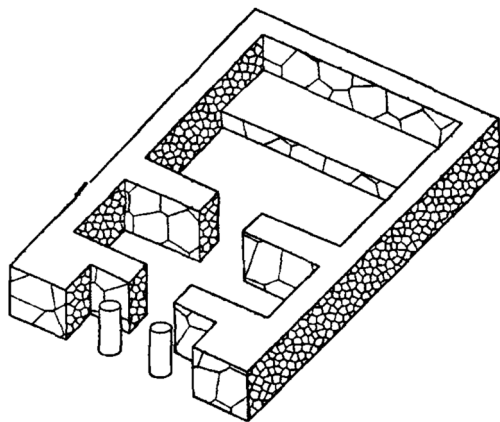
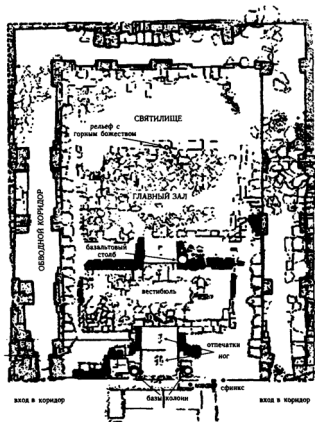

Рис. IV.5.2. План храма в Айн-Дара (а) и его реконструкция (б) (по Райту)

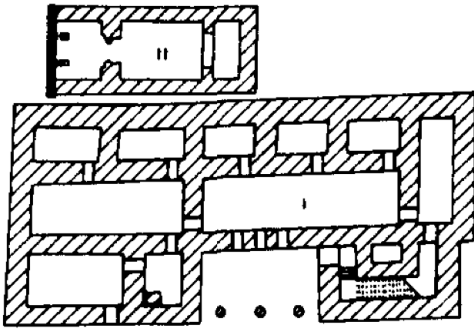

Рис. IV.5.3. Тель-Тайнат. План царского дворца и дворцового храма (по Мазару)

Рис. IV.5.4. Капитель монолитной колонны подземелья Двойных ворот (по Олесницкому)

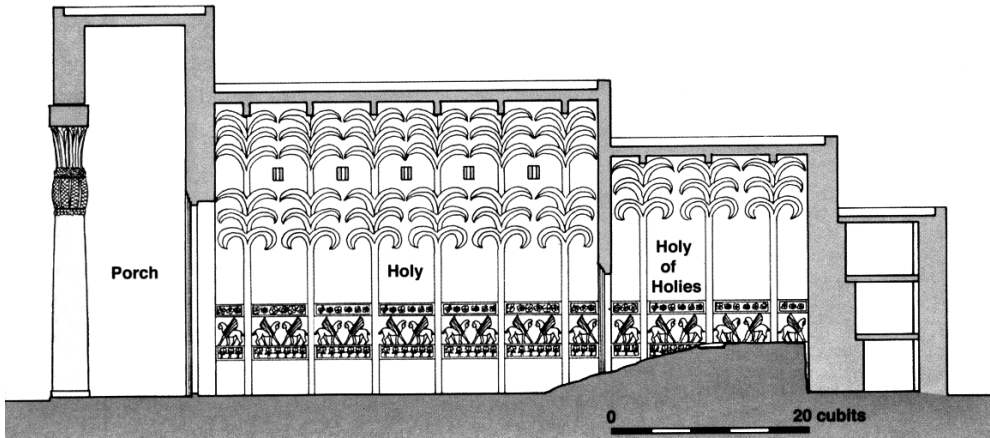

Рис. IV.5.5. Храм Соломона в разрезе (по Ритмейеру)

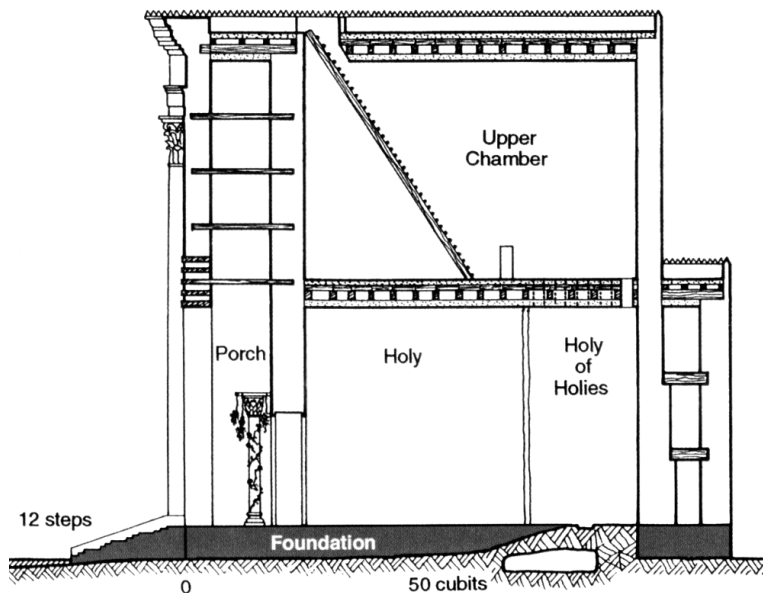

Рис. IV.5.6. Храм Ирода в разрезе
(по Ритмейеру)

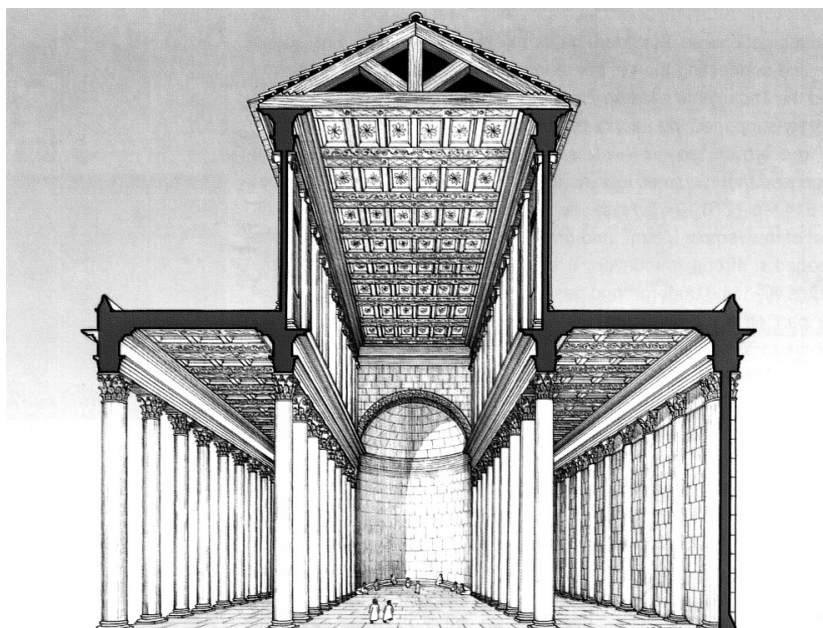

Рис. IV.5.7. Южный портик храма Ирода
(по Ритмейеру)

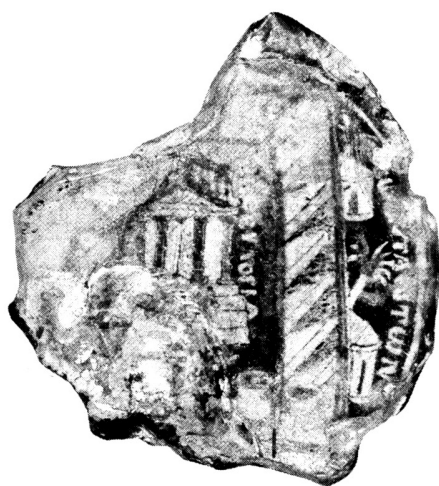

Рис. IV.5.8. Изображение храма Ирода на римском сосуде

Рис. IV.5.9. Изображение храма Ирода на монете Бар-Кохбы

Рис. IV.5.10. Фасад храма Ирода (по Ритмейеру)

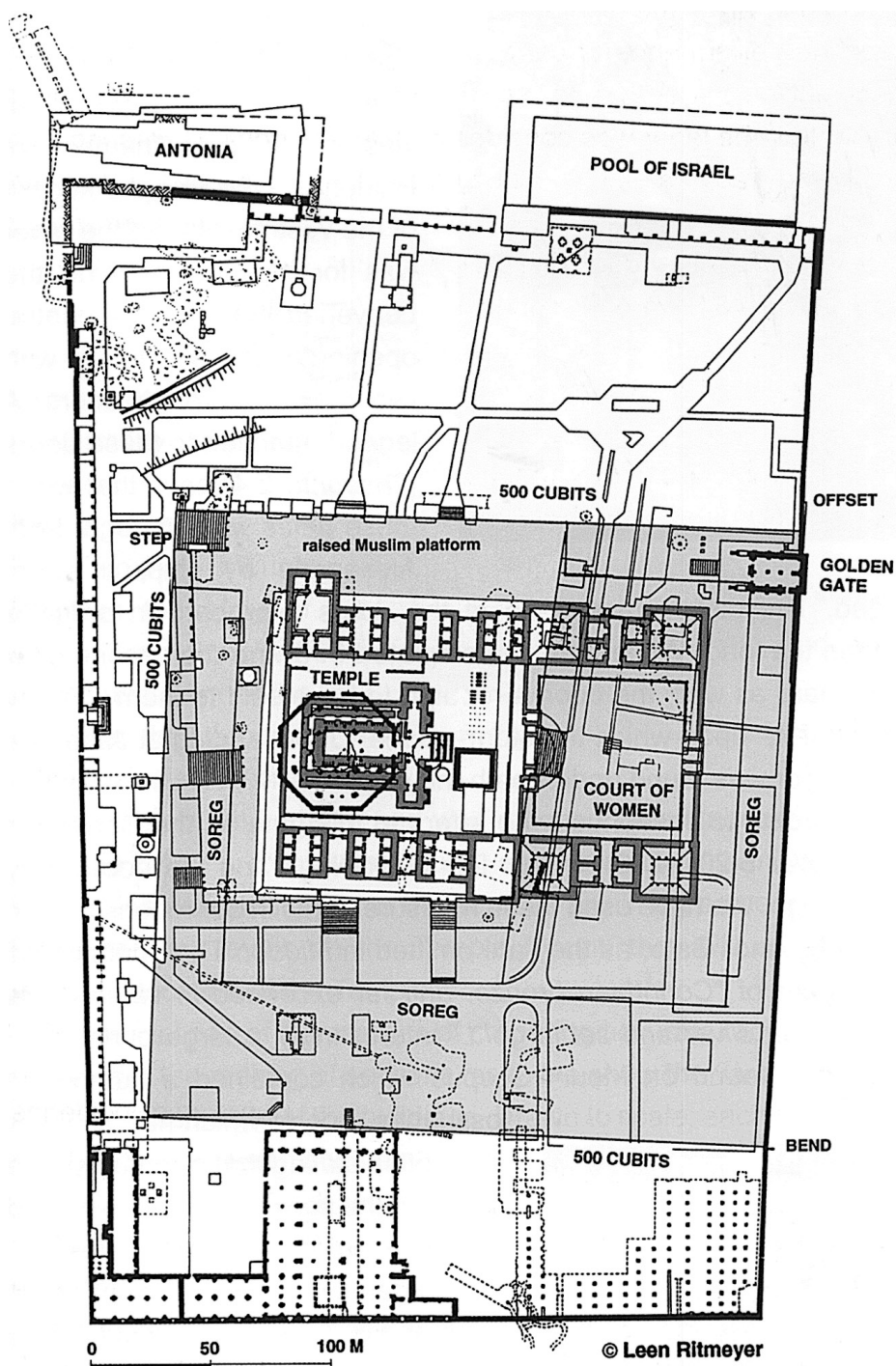

Рис. IV.5.11. План Храмовой горы во времена Ирода Великого (по Ритмейеру)

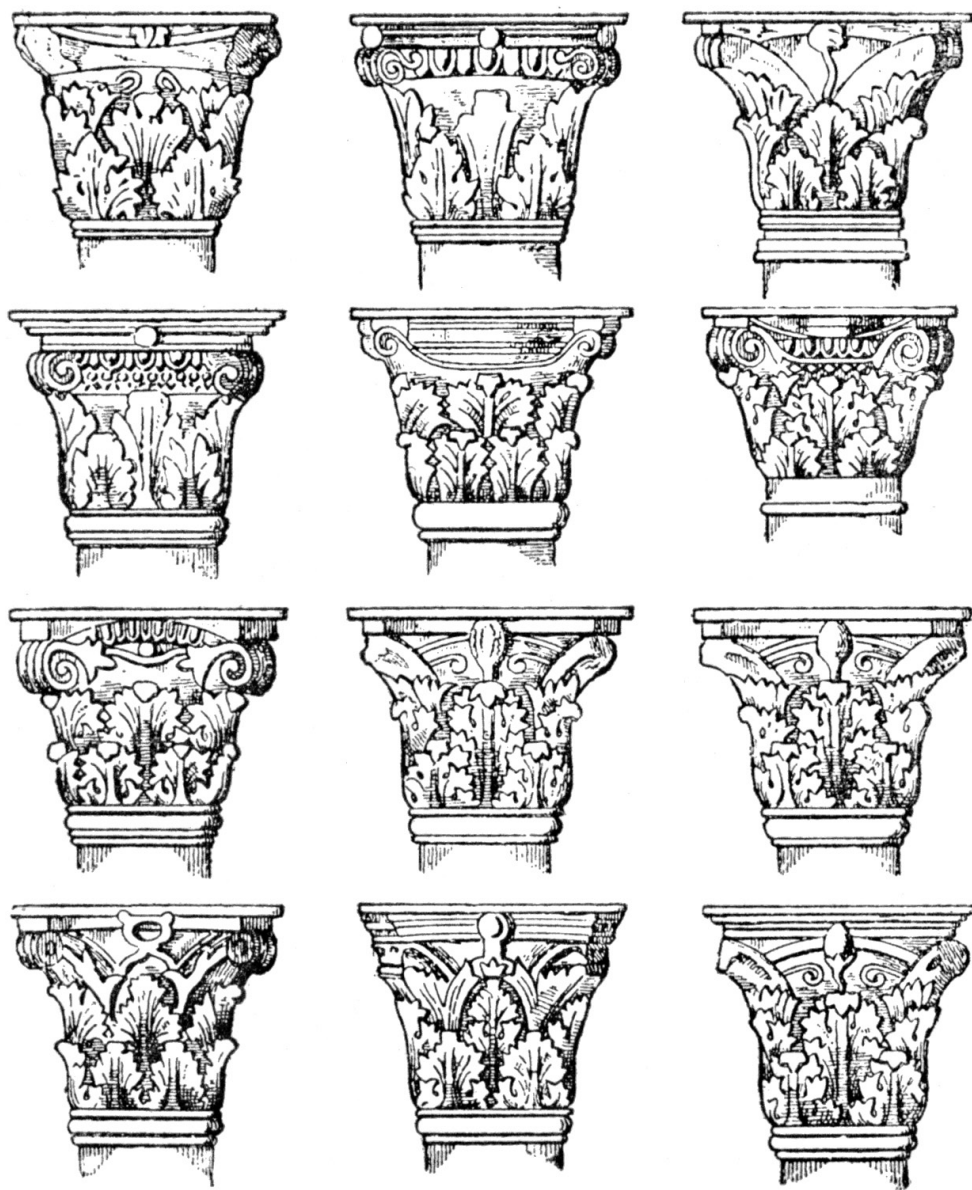

Рис. IV.5.12. Капители колонн мечети Омара
(по Олесницкому)

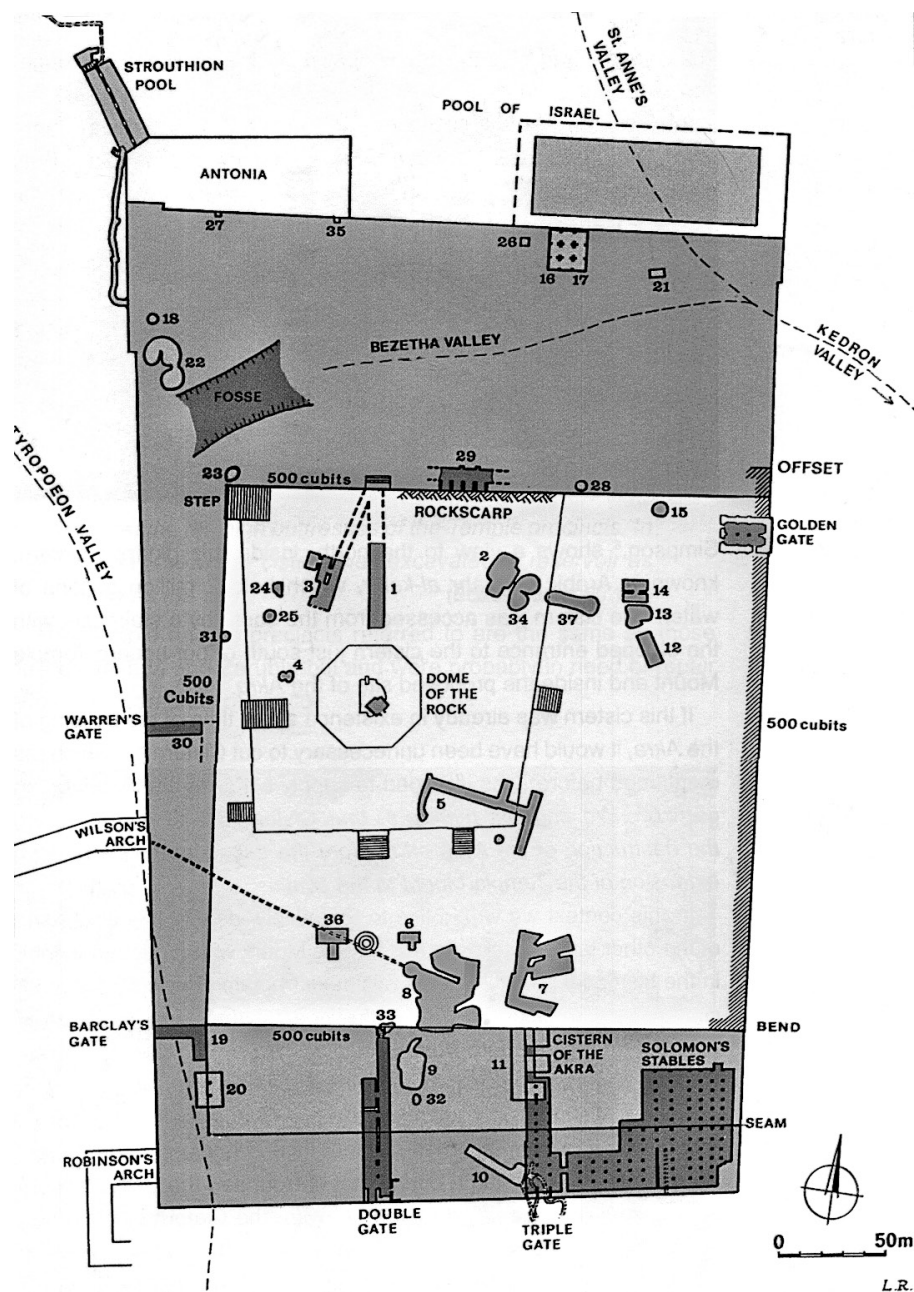

Рис. IV.5.13. Расположение подземных сооружений и цистерн Храмовой горы (по Ритмейеру)

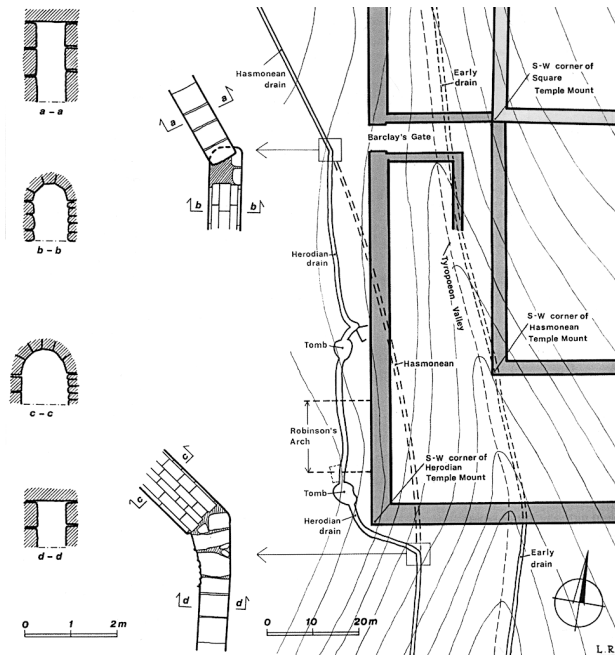

Рис. IV.5.14. Подземный водопровод в районе юго-западного угла храмовой платформы (по Ритмейеру)

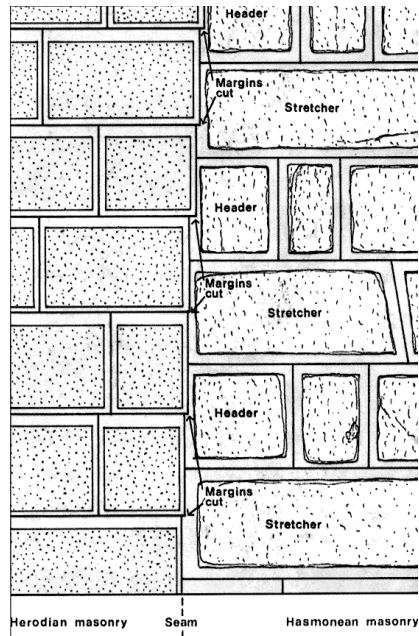

Рис. IV.5.15. Шов каменной кладки восточной стены храмовой платформы (а – общий вид, б – прорисовка) (по Ритмейеру)

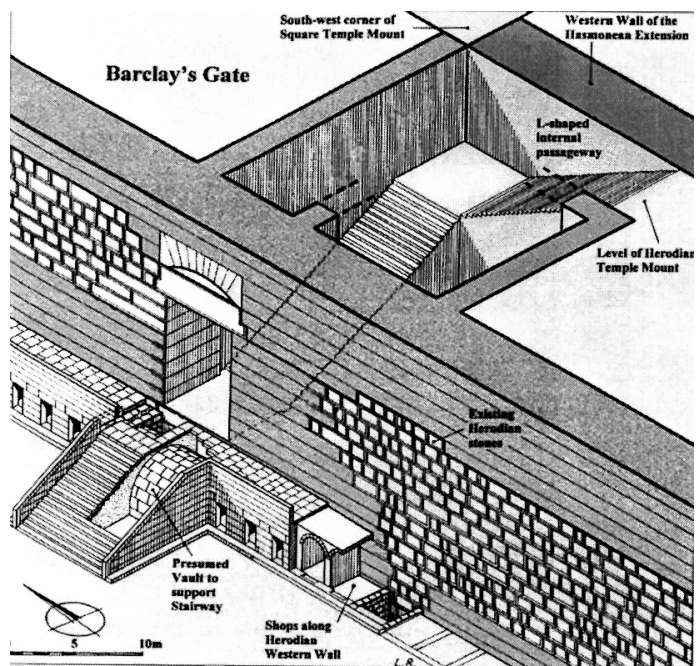

Рис. IV.5.16. L-образный лестничный пролет ворот Баркли (по Ритмейеру)

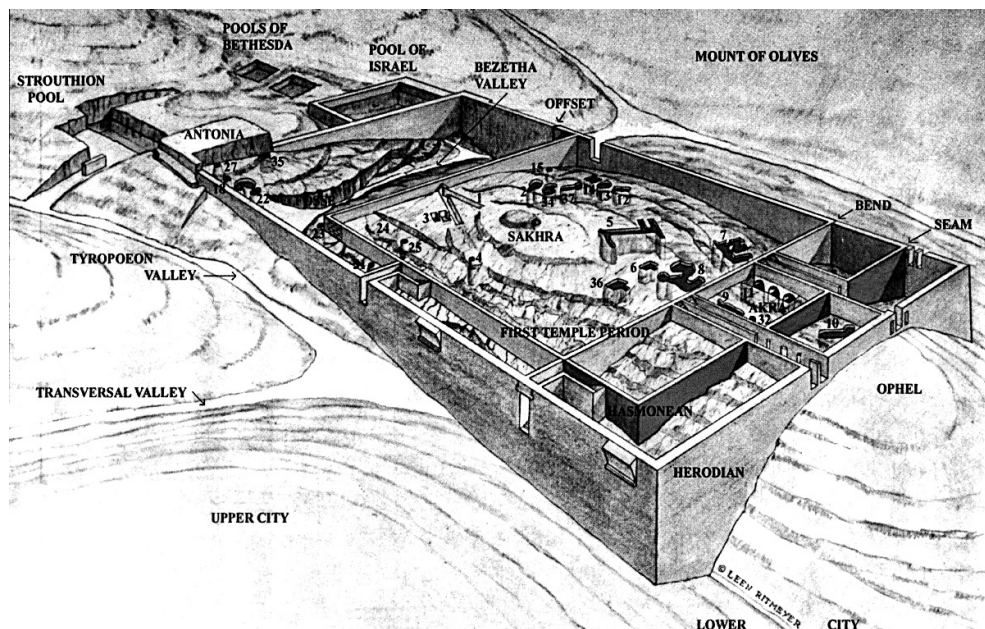

Рис. IV.5.17. Схема расширения Храмовой горы (по Ритмейеру)

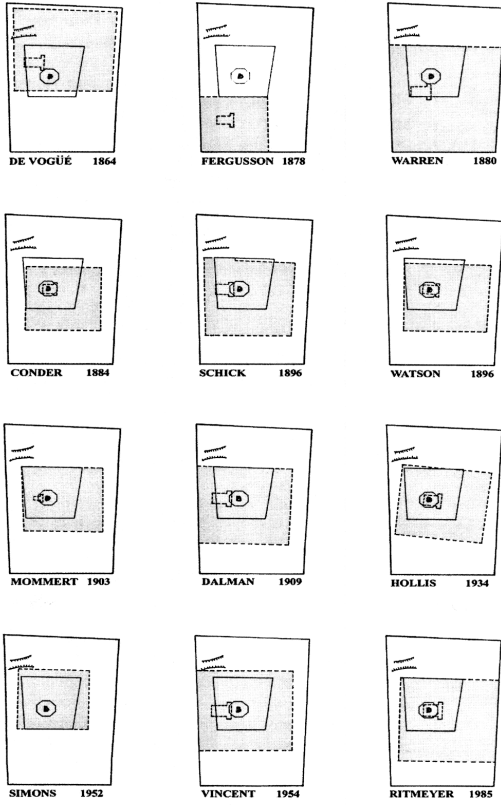

Рис. IV.5.18. Варианты расположения ветхозаветного храма на Храмовой горе (по Ритмейеру)

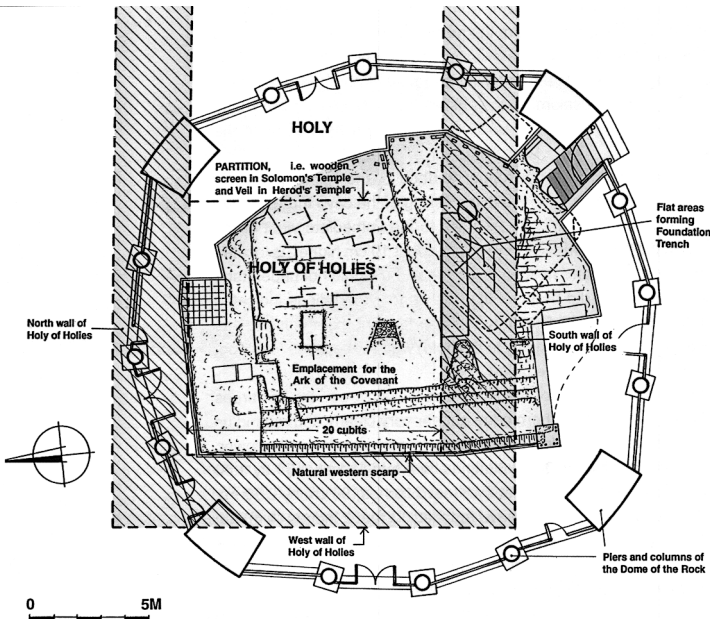

Рис. IV.5.19. Схема расположения Святого святых ветхозаветного храма относительно Купола Скалы (по Ритмейеру)

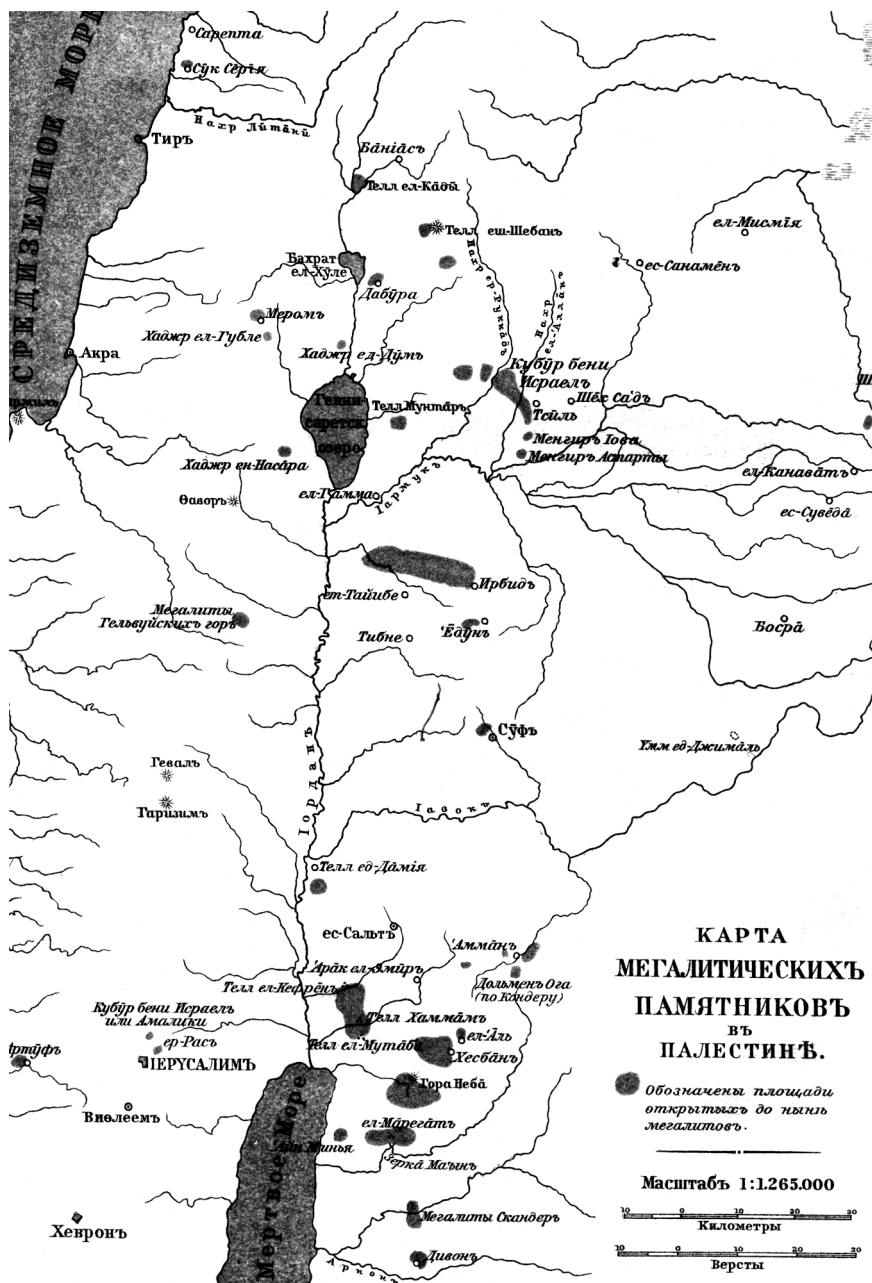

Рис. IV.6.1. Карта мегалитических памятников Палестины (по Олесницкому)

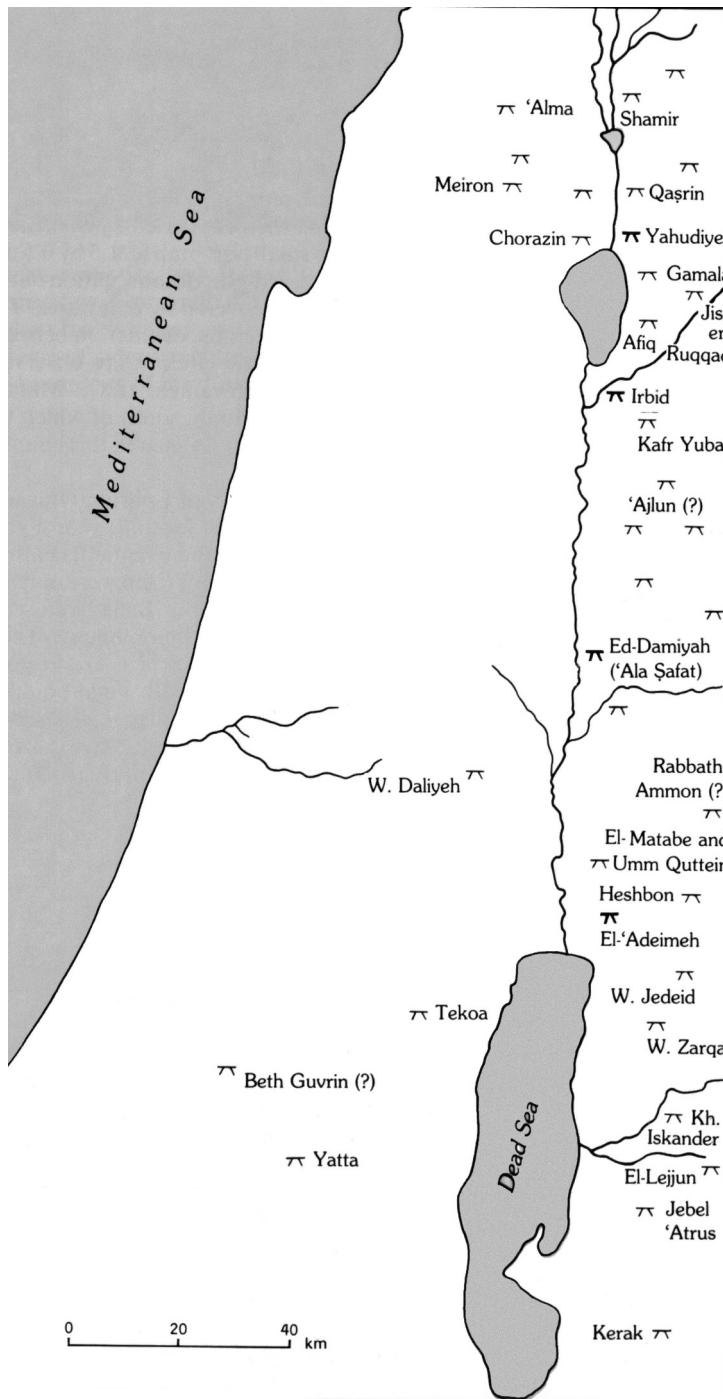

Рис. IV.6.2. Карта мегалитических памятников Палестины (по Зохару)

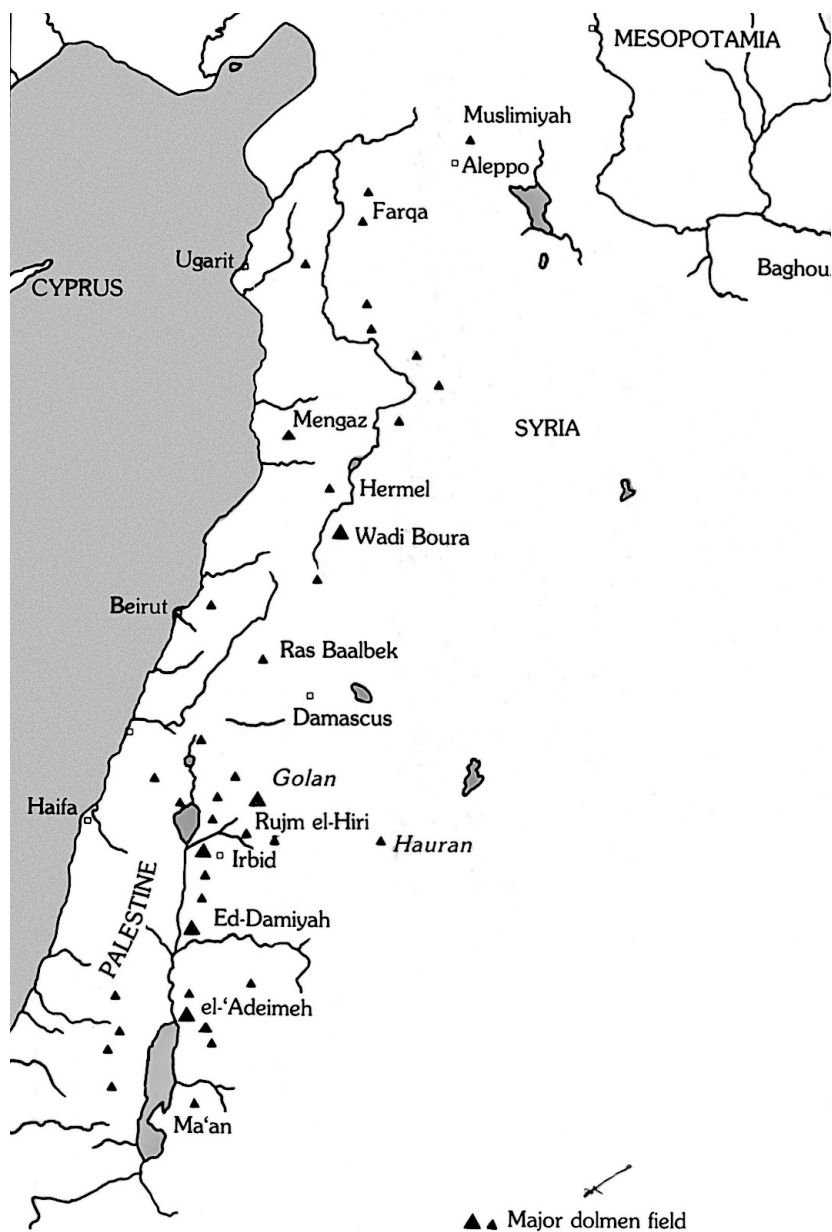

Рис. IV.6.3. Карта мегалитических памятников Ближнего Востока (по Зохару)

СОДЕРЖАНИЕ

В.М. Самохвалов

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ЦЕРКВИ

Успения Божией Матери села Гжель

с XVII века до наших дней

Иеромонах Серафим (Голованов)

УЧЕНИЕ СЯТИТЕЛЯ ИОАННА ЗЛАТОУСТА

о мученичестве и мучениках

Священник Алексей Рыженков

ЕВАНГЕЛЬСКАЯ ЭКЗЕГЕЗА

в работах древних толкователей и русских библеистов

конца XIX – начала XX в. на примере Ин. 2:4

Священник Дмитрий Огнев

ОПЫТ СРАВНЕНИЯ ОСТРОМИРОВА ЕВАНГЕЛИЯ

с Галичским Евангелием 1144 года

и с современным евангельским текстом

Р.В. Лужнов

ВКЛАД ПРОФЕССОРА

КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ А.А.ОЛЕСНИЦКОГО

в развитие библейской археологии и его значение

для современной библейской науки

ТРУДЫ
КОЛОМЕНСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ

Выпуск 6

Подписано в печать 01.06.11. Формат 70 x 90 1/16.
Печ. л. 14,5. Тираж 500 экз. Заказ № .

Издательско-производственный центр «Русский раритет».
119002 Москва, Денежный пер., 22.

Отпечатано в ОАО «Типография «Новости»».
105005 Москва, ул. Фр. Энгельса, 46